

ISBN 978-5-6048109-9-6

КОЛОМЕНСКИЙ

Двадцать восьмой
выпуск

2024 год

АЛЬМАНАХ

*Пушкину и Лермонтову
посвящается...*

Заслуженный художник РФ Геннадий Сорогин
Пушкин перед дуэлью

КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ

Литературный ежегодник

Орган творческого объединения писателей Коломны

ИЗДАЁТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ УПРАВЛЕНИЯ ПО КУЛЬТУРЕ И ТУРИЗМУ
АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДСКОГО ОКРУГА КОЛОМНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ВЫХОДИТ С 1997 ГОДА

2024

ВЫПУСК
ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАГЛАВНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН
(1799—1837)4

ЧИТАЙТЕ ПУШКИНА!

В ПОИСКАХ ПУШКИНА 13

ПРОЗА

ВИКТОР МЕЛЬНИКОВ
ХРИСТОФОРЫЧ25

СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ
ЗАРАЗА31

СЕРГЕЙ МУРАШЕВ
ЗА ШИШКАМИ.....47

ВЛАДИМИР ПРОНСКИЙ
СКОПЕЦ75

МАКСИМ ХАРЛОВ
В ТИХОМ ОМУТЕ83

МАРТА ЛОМАКО
ТРИ ЗАВЕТНЫЕ ИСТОРИИ87

ЕКАТЕРИНА РОЩИНА
РАЙСКИЕ СНЫ97

ПОЭЗИЯ

ЕВГЕНИЙ ЮШИН
РОССИЯ НАЧИНАЕТСЯ С ДОРОГИ..... 105

ОЛЕГ КОЧЕТКОВ
ПОДОШЛО МОЁ ВРЕМЯ И ВСТАЛО..... 119

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА
КАК МАЛО ДЛЯ РАДОСТИ НАДО..... 131

ГРИГОРИЙ ВИХРОВ
ОБЩЕЕ НЕБО 143

МИХАИЛ БОЛДЫРЕВ
МНЕ ВЕЧЕР ПЕСНЮ ПОДАРИЛ 151

НАДЕЖДА ЛИСОГОРСКАЯ
ЛЬЁТСЯ СВЕТ В МОЁ ОКНО 159

ЕВГЕНИЙ КИРСАНОВ
ЯБЛОКИ НА ЧЕРДАКЕ 167

ГАЛИНА САМУСЕНКО
ТРАВЫ ПАХЛИ ЛЕТОМ 175

АНАСТАСИЯ СОЛДАТКИНА
ТЫ ВЫШИВАЛА НА ПЯЛЬЦАХ УЗОР 185

АЛЕКСЕЙ КУСКОВ
И УВОДИТ КУДА-ТО МЕЛОДИИ
ТОНКАЯ НИТЬ 191

НАТАЛЬЯ КУРАКИНА
ЖИЗНЬ СОСТОИТ ИЗ МЕЛОЧЕЙ..... 197

БЕСЕДЫ О ЛИТЕРАТУРЕ

АНДРЕЙ РУМЯНЦЕВ
«ПОЛОЖИЛ ОСНОВАНИЕ
РУССКОЙ ПРОЗЕ» 203

АЛЕКСАНДР САХАРОВ
ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ЛЕРМОНТОВА-
ПРОЗАИКА 223

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЮРИЙ ГАЛИЧ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТЕНИ..... 243

РОДИМАЯ СТОРОНА

ВАЛЕРИЙ ЯРХО ЕГО БЫЛ ДЯДЯ.....	273
НИНА ЛОЗОВСКАЯ ОЖИВШАЯ РУКОПИСЬ	309
АНАТОЛИЙ КУЗОВКИН ПОИСКИ И НАХОДКИ КРАЕВЕДА	347
ТАТЬЯНА ЗАЛАТА ВЛАДИМИР ВОСТОКОВ В КОЛОМНЕ	383

*Владимир Потлов. «Встреча Лажечникова и Пушкина». 2023 год.
Эскиз памятника.*

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

(1799—1837)

ПОЭТ

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружён;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта востепенётся,
Как пробудившийся орёл.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

ЦВЕТОК

Цветок засохший, безуханный,
Забывтый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвёл? когда? какой весной?
И долго ль цвёл? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положён сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.

Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

БЕСЫ

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошёл, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.

Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собрались
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

К **

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.

ПТИЧКА

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

* * *

26 мая 1828

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами лёгкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои

Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассёк мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

* * *

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

* * *

Что в имени тебе моём?
Оно умрёт, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.
Оно на памятном листке
Оставит мёртвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.
Что в нём? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.
Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясённого Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

* * *

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

ЧИТАЙТЕ
ПУШКИНА!

В ПОИСКАХ ПУШКИНА

А что мы знаем о Пушкине? О Пушкине, о котором написано столько книг и статей. О Пушкине, чуть ли не каждое слово которого рассмотрено под литературоведческой лупой. Да, многое изучено, многое написано. И всё же...

Спроси каких-нибудь людей, причём весьма далёких от литературы: «Каких поэтов вы знаете?», и они почти машинально ответят: «Пушкина», хотя редко обращаются к его наследию, а если что-то и вспомнят из его произведений, то, особо не вдаваясь в глубинный их смысл. Действительно, Пушкина проходят в школе, разбирая по темам: «гражданская лирика», «любовная лирика». Его стихи задают учить. Но такое «прохождение», да не обидится школа, зачастую не приближает Поэта к нам. Бывает и так, что кто-то потом откровенно поведаёт, что, мол, было когда-то, изучали по школьной программе, и учить заставляли, а как не хотелось...

Сияющее пушкинское солнце, осветившее всю последующую русскую литературу, неоднократно вызывало споры, недоумения, порой отторжения. Даже такой преданный почитатель Пушкина, как Гоголь, в своё время напишет: «Пушкин дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт, и ничего больше...»

Шло время. В начале двадцатого столетия новое искусство выступило с лозунгом: «Выбросить Толстого, Достоевского, Пушкина... с Парохода современности». Но этого оказалось мало. Поэт и прозаик Борис Поплавский утверждал, что «Пушкин — последний из великолепных мажорных и грязных людей Возрождения». А Георгий Адамович как-то высказался следующим образом:

Художник П. П. Кончаловский.
Фрагмент картины «Пушкин
в Михайловском», 1932—1951 гг.

«Умный человек, хоть и поклонник Пушкина...» Думается, причина подобных, притом весьма разнородных, мнений о нашем национальном гении кроется в тайне, на которую указывал ещё Достоевский. А он-то понял Пушкина как нельзя лучше: «Пушкин умер в полном расцвете своих сил и, бесспорно, унёс с собой в гроб некую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

Тайна Пушкина... Разгадаем ли мы её когда-нибудь?

В Александре Сергеевиче изумляет многое. Например, удивляет его жизненный, творческий и духовный путь, что, по сути, единое целое.

Именно путь. Очевидно, но непостижимо, как быстро он взрослел, мужал и становился мудрее. Как много вместилось в отпущенный ему короткий жизненный срок. И на каждом но-

14 вом этапе своего пути он обретал абсолютно новое, широкое и глубинное понимание различных явлений бытия.

Поражает пушкинская способность одинаково по силе постигать как сияющие вершины радости, так и мрачную пропасть беды: вспомним, что из-под его пера вышли и «Вакхическая песня», и «Гимн чуме».

Очень многое поражает в нём. И писать о Пушкине трудно, ибо всегда понимаешь непосильность задачи. Это так же, как прикоснуться ладонью к морской глади, — вроде бы и ощутил, почувствовал море, но понимаешь, сколько вокруг безмерного простора, глубочайших бездн, недоступной тебе жизни. Но всё равно ведь касаемся, пытаемся постичь...

И в этом небольшом очерке мы постараемся внимательней взглянуть на пушкинское творчество и выделить в нём то, что волнует каждого.

Три темы... Любовь. Дружба. Вера.

Понятно, что за ними — глубины смыслов. А наш взгляд — всего лишь прикосновение к морю...

У Белинского есть такое определение пушкинской поэзии: «лелеющая душу гуманность». Великие слова. Они так часто употребляются, что порой произносятся почти машинально. Но как верно, как точно сказано! Вспомним гениальное любовное стихотворение «Под небом голубым страны своей родной...». Сколько тепла и благородной жалости к умершей возлюбленной в начальном раздумье лирического героя:

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла, наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;

Но лирическая мысль развивается, и мы становимся свидетелями того, что дальше происходит в некогда любившей душе, *что* в ней совершается:

Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.

Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжёлым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!

Лирический герой страдает оттого, что не испытывает сочувствия к ушедшей возлюбленной. И это страдание и есть та самая «лелеющая душу гуманность»:

Где муки, где любовь? Увы, в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слёз, ни пени.

Это же чувство светится и в других великих стихах о любви:

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

Да, любовь прошла не совсем, лирический герой ещё живёт ею, мучается ею, но не хочет тревожить возлюбленную. И почти в финале вдруг вспыхивает строка: «Я вас любил так искренно, так нежно» — будто попытка ещё что-то если не вернуть, то хотя бы удержать. Сам же финал, наконец, примирает лирического героя с жизнью и, по большому счёту, с самим бытием.

Любовь — великий дар Небес. Не менее великий дар — Дружба.

И эта тема для Пушкина — особая. Возникшая в его жизни ещё под сенью лицейского сада, она сопровождала его до конца земных дней. Наполняя радостью в счастливые дни и утешая в изгнании. Тема эта имеет множество оттенков.

Но... обратимся к великим стихам.

19 октября

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,

Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружающих гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвеньё горьких мук...

Да, вначале о Природе, о любимой осени. Сразу поражает грандиозный, эпический зачин. Мы понимаем, что дальше — о чём-то большом, великом. И вот, оказывается, к чему всё это:

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать весёлых много лет.
Я пью один; вотще воображеньё
Вокруг меня товарищей зовёт;
Знакомое не слышно приближеньё,
И милого душа моя не ждёт.

А далее — из взволнованной памяти возникают блаженные тени тех, «кого уж нет», и тех, «кто далече»:

16

Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Ещё кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлёл холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришёл? Кого меж вами нет?

Да, теней этих много, но любящая и благодарная память хранит всё и вся. Помнятся все имена и всё, что с каждым именем связано...

Пушкин вольно, упорно и смело ведёт «корабль» стихотворения, продолжая основную тему, но поэт не был бы самим собой, если бы в течении его поэтической мысли не возникали неожиданные повороты:

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.

Да, лирический герой предчувствует удивление, даже недоумение. И он сразу предупреждает их. Пушкинскому гению было присуще свойство двойного зрения. Здесь оно раскрывается в полную силу:

Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;

Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал лицей.

Да, царь — такой же человек, как и все, не лишённый страстей и пороков. Но ведь это же не главное. Важно *то другое*, в числе *которого* и основанный им лицей, ставший началом великой *их* Дружбы.

Пушкину, для которого это чувство священно, трудно даже представить:

Кому ж из нас под старость день лица
Торжествовать придется одному?

Переломным моментом не только в русской истории, но и в пушкинской жизни стало декабрьское восстание.

Нет, он не был на площади. Там, где были некоторые его друзья. При том мудрый Пушкин понимал всю нелепость этой сколь благородной, столь и безрассудной затеи. Но навсегда осталась боль за непомилованных. Как так — он здесь, в свете, вроде бы на воле, а они далеко, в Сибири. И одним из служений его жизни станет призывать «милость к падшим». Не напрямую, но прибегая к историческим образам. Екатерины Великой в «Капитанской дочке» или столь почитаемого императором Николаем Павловичем Петра Великого в «Пире Петра I».

«Пир Петра I». Картина яркого, пёстрого торжества предваряет основную мысль стихотворения:

Над Невою резво вьются
Флаги пёстрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир весёлый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжёлой
Далеко потрясена.

В чём же дело? По какому поводу пирует русский царь? Не случайно Пушкин долго перечисляет разные, притом очень важные, поводы, прежде чем перейти к подлинной причине царского пира:

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарён ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побеждён ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?
Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,

И пошёл навстречу деда
Всей семьёй наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь Науки
Песен хор и пушек гром?
Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

И — наконец! Вот по какому случаю, оказывается, устроен этот грандиозный праздник. Даже не годовщина Полтавы, а... примирение с подданным:

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Вот в чём истинное величие государя: отпустить вину, простить. Прощенье — как победа над врагом...

И в этом послые — надежда, благородство, мудрость и величие самого Пушкина...

Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба, и гром музыки,
И эскадра на реке;
Оттого-то в час весёлый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжёлой
Далеко потрясена.

Да, поэт так и не дождался возвращения осуждённых. Но главное, что его тайные призывы к монарху были. Они остались — и как гениальные стихи, и как свидетельства высоты его души. А если говорить о людях его окружения, объединённых чувством дружбы, то все они, в конце концов — и те, кто занимал высокие должности, и сибирские каторжане, и он сам, — навсегда едины. И на все века звучит великий вневременной призыв из всё того же «19 октября»:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен...

Призыв-символ святого чувства — Дружбы.

И, наконец, ещё один великий дар — Вера. Очень непростая, даже трудная тема в творчестве великого поэта.

Когда-то, в известную эпоху, из него делали атеиста, ныне некоторые исследователи и читатели видят его ультраправославным. Истина же, как всегда, посередине. Пушкинская вера — это Путь, на котором расставлены своего рода верстовые столбы — вехи. Вехи его взросления, умудрения, духовного роста.

Начальная веха — юношеская вольная шалость «Гавриилиада» (1821), написанная под влиянием столь любимого им француза Эвариста Парни. Другая веха — осознание своей поэтической и духовной зрелости — «Пророк» (1826). Великие стихи, наполненные вечными библейскими мотивами, даже в языковом плане соединившие новую литературу с древнерусской книжной традицией. Наконец, одна из знаковых вех — «Отцы пустынноики и жёны непорочны» (1836). Полное мудрого смирения переложение великопостной молитвы. К этой же вехе можно отнести и полный великой прозорливости и столь же великой простоты «Памятник». И написан-то он в том же году, что и «Отцы пустынноики».

Выбранный путь для Пушкина оказался нелёгким. Порой поэт спотыкался на нём. Так, в год создания «Отцов пустынноиков» и «Памятника» из его души вырвутся и такие трагические строки:

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

Но важно, что это движение, начавшееся ещё в земной жизни гения, продолжается в Вечности.

Пушкин развивался стремительно. Исследователи порой говорят, что у него год шёл за два...

Художник В.Е. Попков.
«Осенние дожди. Пушкин», 1974 год

*Художник П. Ф. Соколов.
Портрет А. С. Пушкина, 1836 год*

Можно только представить себе последний год его жизни. Он среди своих современников. Ходит по делам, занимается текущими заботами, танцует на балах, радуется озарениям. Но понимает больше, видит дальше. Как же тяжело жить с таким даром. Да, он знал об этой жизни почти всё, а может быть, уже всё. Перед ним открывалась перспектива уже иного знания, иного опыта. Оставалось только изжить некоторые страсти через очистительное страдание. И тогда была дуэль и два мучительных дня перед кончиной. И он ушёл, оставив нас радоваться тому, что он был, а также благоговеть и мучиться перед невероятностью и необъяснимостью его дара.

Проходило время. И те, кто шёл вслед за ним, рано или поздно обращались к нему — чтобы услышать ответ на мучающий вопрос, чтобы разобраться в самом себе, чтобы обрести поддержку, чтобы снова вступить на правильный путь. Да мало ли поводов... Умиравший Блок в смутное, переломное для России время взывал:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Первый поэт русской эмиграции Георгий Иванов в момент отчаяния, когда сгушалась бытийная мгла, не смог удержаться, воскликнул:

Александр Сергеич, я о вас скучаю.
С вами посидеть бы, с вами б выпить чаю.
Вы бы говорили, я б, развесив уши,
Слушал бы да слушал.
Вы мне всё роднее, вы мне всё дороже.
Александр Сергеич, вам пришлось ведь тоже
Захлебнуться горем, злиться, презирать,
Вам пришлось ведь тоже трудно умирать.

Борис Пастернак в творческом восторге показал ситуацию, когда создание великого стихотворения («Пророк») является событием мирового масштаба:

Мчались звёзды. В море мылись мысы.
Слепла соль. И слёзы высыхали.
Были тёмны спальни. Мчались мысли,
И прислушивался сфинкс к Сахаре.

Плыли свечи. И казалось, стынет
Кровь колосса. Заплывали губы
Голубой улыбкою пустыни.
В час отлива ночь пошла на убыль.
Море тронул ветерок с Марокко.
Шёл самум. Храпел в снегах Архангельск.
Плыли свечи. Черновик «Пророка»
Просыхал, и брезжил день на Ганге.

За окном уже двадцать первый век, всё дальше от нас земная жизнь Пушкина, но он по-прежнему остаётся для нас ориентиром, некой путеводной звездой. Известный современный поэт и бард Ольга Чикина написала почти молитву великому поэту:

Почини моё сердце, Пушкин!
Я могу без кино и хлеба.
Но без сердца мне очень скучно.
Без него не берут на небо.

В этой нашей земной клетушке
Мне уже ничего не нужно —
Почини моё сердце, Пушкин!
Почини моё сердце, Пушкин!..

И когда эта песня зазвучала на одном из концертов Ольги, многие голоса подхватили: «Почини моё сердце, Пушкин»...

Да, он жив и как всегда нужен нам, и многие с его помощью разбирались в себе, утешались, находили то, что искали.

Нам всем дано великое счастье — всю жизнь стремиться к нему, Первому Поэту, советоваться с ним, учиться у него и спрашивать ответы на свои вопросы. И, пробираясь сквозь пока ещё несовершенные школьные программы и «хрестоматийный глянец», искать Пушкина, своего Пушкина.

Найдём ли?.. А это уже зависит только от нас.

*Михаил Прохоров,
поэт, филолог,
сотрудник музея-заповедника
«Коломенский кремль»*

200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА

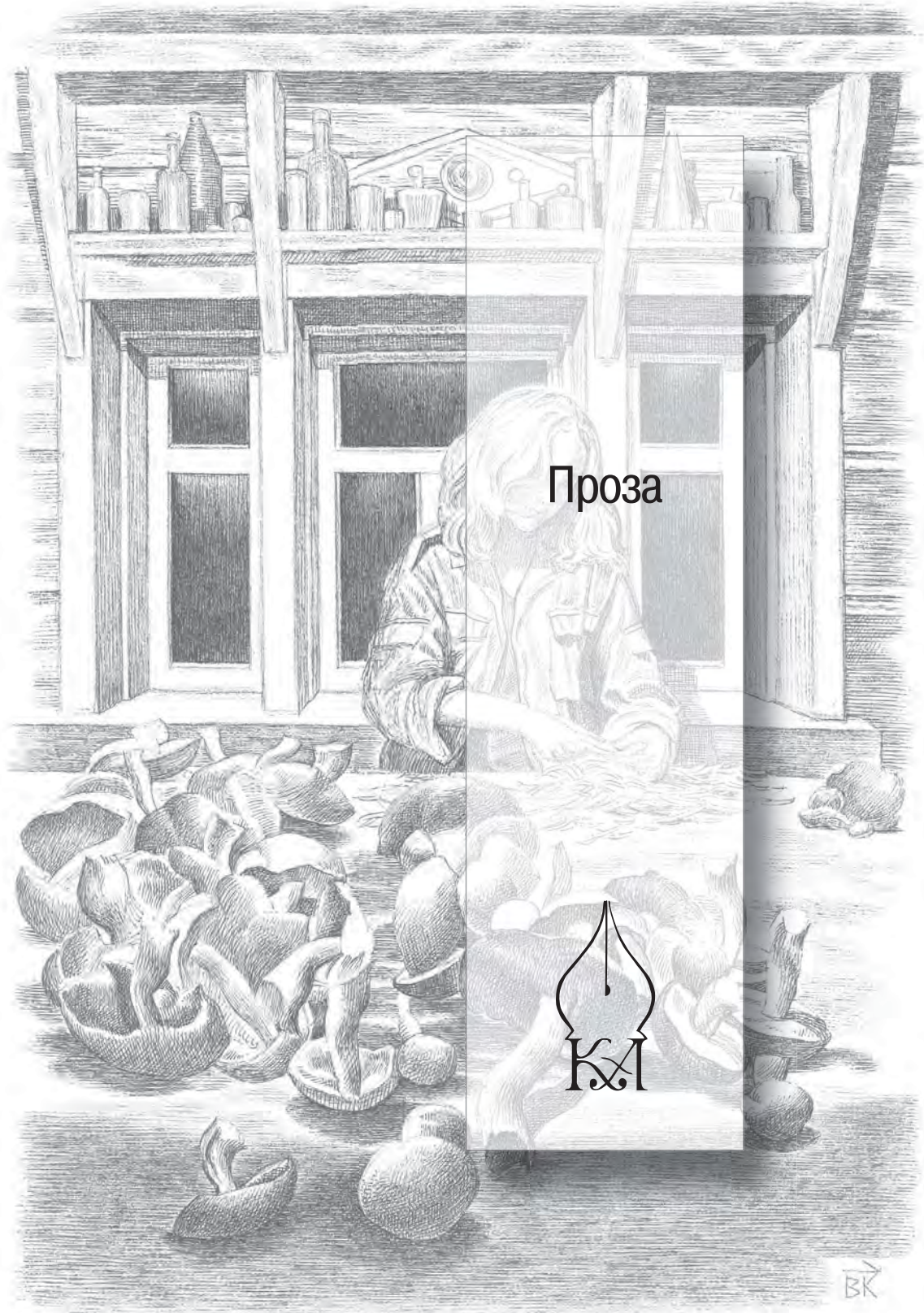
В 2024 году исполняется **200 лет со дня рождения** незаурядного мыслителя, общественного деятеля, русского философа, богослова, историка, преподавателя, публициста, литератора и издателя, продолжателя дела славянофилов, выпускника Московской духовной академии Никиты Петровича Гилярова-Платонова (**1824—1887**).

Его имя неразрывно связано с Коломной. Светлый город навсегда остался ярким впечатлением детства и юности Никиты Петровича. Здесь он родился в многодетной семье потомственного священника. Здесь учился в Коломенском духовном училище. Отсюда начал свой нелёгкий путь к вершинам философской мысли.

Н.П. Гиляров-Платонов обладал не только учёностью, но и душевным богатством, чистотой ума, глубокомыслием и умением проникать в сам дух русской жизни. Широта и беспристрастность воззрений, умение отстаивать свою точку зрения позволили ему стать одним из великих публицистов и издателей второй половины девятнадцатого столетия.

В его сочинениях излагаются главные идеи Святой Руси — Русской цивилизации, формируется жизненное кредо русского человека: «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение. Труд есть долг, а не средство своекорыстия. Верховный закон человеческих отношений есть всеотдающая любовь, а не зависть. Люби ближнего своего как самого себя: вот в двух словах всё начало должных общественных отношений, истинно христианских и истинных во всяком другом значении этого слова».

И сейчас в современном мире его жизненное кредо актуально, как никогда.

Проза

ВК

Графика Василины Королёвой

ХРИСТОФОРЫЧ

Виктор Семёнович Мельников родился 24 мая 1948 года в казахском селе Казанка. День рождения, совпавший с Днём славянской письменности и культуры, и определил его судьбу — стать литератором. Он много ездил по стране. Жил и трудился в Сибири, Башкирии, Таджикистане, Узбекистане, Латвии... Работал плотником, слесарем КИП, шахтёром, геологом, осмотрщиком вагонов, корреспондентом... В общем, жизнь его сложилась так, что возможностей для познания реальной, суровой, невыдуманной действительности у него было предостаточно.

Виктор Мельников — автор двенадцати книг прозы. Его произведения печатаются во многих российских журналах.

Член Союза писателей России.

Рассказ

Пивной подвальчик у Домского собора в день весёлого праздника Лиго был украшен узорчатыми листьями папоротника, дубовыми ветвями, букетами ромашек. Белели скатерти с национальным орнаментом, на столах высились пузатые глиняные кувшины с пивом.

Я прошёл в глубь зала, высмотрел свободное место за столиком. Там сидел мужчина лет сорока пяти, который мне чем-то сразу понравился.

— Можно? — спросил я.

— Садитесь, — кивнул он ухоженной бородою и глянул на меня. На смуглом загорелом лице глаза его, ярко-синие, странно светились из-под выгоревших на солнце волос, словно два кусочка холодного рижского неба с летучими отблесками облаков и сверкающими смешинками солнца.

Я заказал себе тёмного ильгуциемского пива.

— В командировке? — спросил мой сосед чуть насмешливо.

— Почти угадали. Приехал навестить друзей.

— Из Москвы?

— Угу, — я сделал жадный глоток. — Прожил в Риге много лет, и иногда, как ни странно, тянет.

— А почему «как ни странно»?

— Да ведь особенно тянуть нечему. Уж больно паскудная атмосфера тут сложилась. А жаль. Много хорошего у меня связано с этим городом. Здесь прожил лучшие свои годы, журналистикой занялся — не от случая к случаю, а профессионально.

— Вы журналист? — он поднял брови, и глубокие морщины резко обозначились на высоком красивом лбу.

— Ну да. А вы?

— Писатель... — отмахнулся бородач с какой-то унылой безнадежностью и назвал своё имя.

Что-то щёлкнуло у меня в голове, и я его вспомнил.

— Слушайте, я ведь читал ваши рассказы!

— Да?

— Конечно! Особенно один мне запомнился, о привидении... только не помню название... Таинственный такой... и печальный. Что-то немецкое в заголовке.

— «Фрау Маргарет», — сказал он и тревожно глянул по сторонам.

— Вот-вот! Здорово очень написано. Я тоже, знаете, пробую себя в художественной прозе, но мне до вас далеко.

— Спасибо.

— Да не за что. Это вам спасибо. Я был потрясён, до какой степени вам удаётся владеть мистикой слова. Вроде бы всё обычно, а прочтёшь — и прямо перед глазами встаёт этот призрак. Как вам удаётся придумывать такие вещи?

— Хотите откровенно? — он очень серьёзно посмотрел на меня. — Даю слово чести — я ничего не выдумываю.

Я вытаращился на него.

— Да-да, — кивнул писатель. — Фрау Маргарет действительно существует. Вот сейчас я сижу здесь и жду встречи с нею. Каждый год в Янову ночь я окапываюсь здесь, напиваюсь, потом шатаюсь по рижским мостовым и говорю с фрау Ритхен.

— Как Блок с Незнакомкой?

Он поставил локти на стол, сплёл загорелые пальцы и опустил на них бороду.

— Ну, если хотите, — как Блок. Я ведь не знаю, как там было у Александра Александровича. А для меня фрау Ритхен — реальность. Вы, конечно, можете назвать это алкогольным бредом. Пожалуйста, я не обижусь.

— Если вы не шутите...

— Какие шутки, коллега? Всё это весьма глубоко и не имеет отношения к алкогольному психозу. Уж я-то знаю признаки белой горячки. Нет-нет, тут дело гораздо серьёзнее.

— Но если это не шутка, то, наверное, это очень страшно.

Он обхватил руками голову и задумался.

— Как вам сказать... По первости, лет пятнадцать назад, может быть, и бывало как-то не по себе. С чем бы сравнить?.. Ну вот как в детстве на огромных качелях — сердце замирает и от страха, и от восторга. А потом привык. Даже к тайне можно привыкнуть...

Полумрак подвального ожил, затрепетал папоротником. Один кувшин пива сменялся другим, и вскоре стены обрели приятное плавное вращение. Под бархатистое кружение мой новый приятель изложил свою теорию. За буквальную точность не ручаюсь, ибо половины я не понял из-за научной терминологии, а вторая половина терялась во хмелю. И всё же кое-что, как ни удивительно, задержалось в моей памяти.

По его теории все городские объекты в ходе своего многовекового существования накапливают некую культурную оболочку. И эта оболочка обладает индивидуальностью — не в переносном, а в самом прямом

смысле этого слова. Духовные слои могут концентрироваться и воплощаться в конкретные человеческие образы.

Я не соглашался, пытался спорить, но писатель горячился, раздражённо говорил, что я ничего не понимаю в нематериальном, а уж он-то на этом собаку съел.

— Может быть, может быть... — говорил я заплетающимся языком. — А фрау Маргарет... Она, выходит, тоже что-то воплощает?

— О! Мы часто беседовали с ней, но она ускользает, не хочет быть откровенной, лукавствует. Впрочем, как все женщины. Но интуитивно я чувствую, что она является воплощением Риги — реки, что когда-то, сотни лет назад, текла здесь и дала название этому городу. Теперь этой реки нет, в прошлом столетии её засыпали, скрыли, загнали под землю. Но дух её рвётся наружу, пенится, клубится над гранитной мостовой и воплощается в странном призраке полурусалки, полубюргерши. Для русалки она слишком человечна. А бюргерша... Юная бюргерша знает всю историю подземной реки с того самого дня, когда весной 1201 года епископ Альберт сошёл на берег там, где сливались некогда Рига и полноводная Даугава. И она рассказывает свою историю, нашёптывает её странными Яновыми ночами в узких улочках над блестящей брусчаткой.

И мне уже казалось, что я вижу ту бесконечно далёкую даль, и непонятно было, кто её показывает: писатель из туманно плывущего кабачка или сама фрау Ритхен с малахитовыми глазами, со струящимися до пят водорослями-волосами.

Но видел я как наяву епископа Альберта, в белых архиерейских одеждах, в чудной высокой шапке, и отряд немецких рыцарей, облачённых в гибкие блестящие кольчуги. На больших хищных рыб были похожи они, на стаю серебряных рыб. А за ними вслед валила с палуб кораблей толпа народа: чернорясники, купцы, мастеровые. Гортанный немецкий говор мешался с латынью, и струя ладана текла во влажном речном воздухе.

Наконец мы вылезли из подвального. Нас штормило, мы ступали, твёрдо и широко расставляя ноги, как моряки. В чёрном небе высился огромный силуэт Домского собора. Мы поплыли мимо него, или нет — это Рига под бьющимися от северного ветра парусами поплыла, поплыла мимо нас.

И где-то здесь — между Домским собором и высоченным шпиленосным храмом Петра — я увидел её. Густая зелёная пена за клубилась перед глазами, точно тёмное рижское пиво в цветном стеклянном бокале, и из этой пены выткалось очаровательное юное существо с длиннющими волосами, в кокетливом чепчике, в нарядном бюргерском платье и с лукавыми, невообразимо большими очами. Какой пленительной была её улыбка, как блестяли её зубки, как маняще-таинственно шептала она что-то!..

— В-вот же она, ваша Ритхен... — бормотал я, хватая за рукав своего спутника.

И тут всё заплясало и полетело в вихре видений. Я увидел одновременно замок Ордена меченосцев и рижские башни, откуда меченосцы и рижские бюргеры лупили друг по другу из пушек. Закрутились, завертелись перед глазами пожары, праздничные шествия, штурмы и свадьбы. Меченосцев сменили протестанты — с поистине идиотским упорством

они громили священную и хрупкую красоту готических храмов. Потом прогарцевали поляки, а за ними тяжёлой пехотой протопали шведы. Загремели-заревели русские пушки, и в клубах порохового дыма явился сам Пётр Великий и вступил в измученный бомбардировкой, голодом и чумой город. Рижане с восторгом приветствовали его: кончались ужасы осады, и начинался золотой век прибалтийских немцев, призванных за одно столетие преобразить Россию.

Образы мелькнули и погасли. И прелестное видение тоже исчезло из глаз моих.

— Ритхен, Ритхен! — восклицал я, хватая пустоту.

— Немочка моя... — меланхолично вздохнул писатель и принялся с выражением декламировать что-то гортанно-певучее, похоже — Гейне.

— Это вы во всём виноваты! — вспыхнул я. — Это вы задурили мне голову своими немецкими рассказами! Почём вы знаете, что она немка? Может, она вообще неизвестно что?

— Потому что Рига — немецкий город! — вдохновенно воскликнул мой собеседник. — И тот, кто этого не понимает, — идиот и неуч! Рига — немецкий город! В этом, и только в этом весь аромат его обаяния и его филистерский уют с непостижимой для русского мелочной регламентацией. Немец, и только немец мог заранее просчитывать, сколько пар смогут танцевать на свадьбе одновременно. И только немец мог вытянуть к небесам эти фантастические шпили, только он мог измыслить извилины узких улочек. Извилины... Старая Рига — мозг. О, какие удивительные, размашистые идеи рождались в нём!

— Но позвольте... — пробормотал я. — А латыши?

— Ха-ха! Латыши! — Он демонически расхохотался. — Конечно, их роль в ганзейской Риге была необыкновенно важна. У них было целых два братства: носчиков соли и носчиков пива. Пивоносцы! Ха-ха! Ещё они славились льнотрепальным производством. Ха! Трепальщики! Таковыми они были — таковыми и остались!

Вдруг он замолчал. Мы прошли минуту-другую, и мой товарищ покаянно помотал головой:

— Эх, не то я тебе наговорил... Погорячился. Что там — есть, конечно же, есть латышское веяние в этой земле. Да взять хоть ту же фрау Ритхен. В ней явственно чувствуется ливский дух, древний, дремучий, донемецкий...

Неожиданно наша беседа была прервана.

— Христофорыч! — Взвизгнув тормозами, перед нами остановился «Запорожец». Оттуда высунулся взлохмаченный субъект крайне запущенного вида. — На работу подбросить?

— Давай! — радостно откликнулся мой спутник.

— На какую работу? — удивился я. — И почему Христофорыч? Вы же вроде Иван Фёдорович?

— Христофорычем меня зовут за человеколюбие. Помните святого Христофора?

— Это который Христа из реки спас?

— Да. А утром вместо Младенца нашёл груду золота. На эти деньги и была построена Рига. Ну, я иногда ссужаю своих коллег по работе, когда у них нутро горит, так меня в шутку и прозвали за сердобolie.

— А что за работа?

— Философская. Садитесь. Посмотрите — не пожалеете.

Мы поехали. По дороге остановились у магазина, и мой знакомый втиснул в машину ящик с пивом. Шумные, сверкающие светом кварталы города остались позади. Впереди была тьма.

— Дело в том, — печально говорил мой приятель, — что Рига — сложное явление. Кроме немецкой и литовской крови была ещё кровь польская и кровь шведская. Я имею в виду не только генетику народа, но и гены искусства тоже. А еврейская Рига с её ароматом пряного иудаизма? Это тоже своего рода корица или гвоздика, без которых печенье не получится. И наконец, русский элемент — колоссальная синтезирующая сила, она пересоздала Ригу. Была Ганза, прекрасная, уютная и мелочная Ганза. А стала — Империя. Именно тогда был завершён духовный памятник, которым была Рига.

— Была? — переспросил я.

— Конечно, была. В тридцатые годы драпанули немцы, в Отечественную — перебили евреев. Сейчас русских выдавливают. Глупо это всё. Раньше Рига была передним двором Империи, а нынче становится задворками Европы. Жалкими, затхлыми задворками.

— У нас были комплексы вины, — вступил в разговор водитель, — а у них — комплексы холопа.

— Да, Петя, тут ты прав. Печально, когда сиволапый лапотник начинает корчить аглицкого лорда. Однако мы приехали.

То, что я увидел, походило на преисподнюю. Тьма озарялась пламенем горящих мусорных куч. Тучи чаек взвились, когда мы остановились. Я взгляделся. Вокруг были горы спрессованного мусора. Мы приехали на свалку.

— Выходите и выносите его. Только, ради Бога, осторожнее.

Мы вышли и вытащили ящик с пивом. Вытащили и понесли. Шли недолго. Вскоре перед нами открылась полужемлянка-полушалаш. Войдя внутрь, мы увидели романтическую картину. Около уютно потрескивающей рубиновым огнём буржуйки сидели трое: бомж Вася, бывший учитель русского языка Александр Макарович и бывший квалифицированный рабочий Илья, на левой руке которого отсутствовали верхние фаланги пальцев. За исключением бомжа Васи, народ был довольно приличный, не опустившийся. Увидав ящик, все быстро принялись разбирать бутылки и уже через минуту сидели на некоем подобии нар, степенно рассуждая о смысле бытия.

— Как же вы здесь работаете? — спросил я писателя.

— Свалка — очень выгодное место, если с умом к ней подойти. Тут немало ценных вещей можно обнаружить, даже раритеты попадают, если хотите знать. А для нас это не просто бизнес. Это наша последняя надежда. Днём мы приезжаем сюда, как на службу, а ночью нашу базу сторожит Вася. Но сегодня все задержались. Праздник всё-таки. Единственная утеха для безработных.

— И вы безработный?

— Я стал безработным раньше всех присутствующих, — улыбнулся Христофорыч. — Русская литература нынче не в чести.

Меня возмутила какая-то рабская обречённость этих людей.

— Послушайте! Вы же все имеете образование, навыки работы! Почему вы не переберётесь в Россию?

— Мы там не нужны, — просто ответил Илья. — Экономика в развале. Наверху — воруют, внизу — спиваются. Я туда ездил недавно. Не лучше, чем здесь... Нет, не лучше.

— Но там хотя бы свои. Здешних можно понять: тоскуют о своём хорошем прошлом, вот и вымещают «обиды»...

— Да не было у них прошлого, — возразил мне учитель Александр Макарович, спокойно протирая очки. — Миф это, раздутый и больной. Перед самой войной немцы, которые здесь жили веками, уехали в «райх», чувствуя угрозу. Некому стало отправлять масло, сливки, бекон. Так и появилась иллюзия изобилия и воспоминание о прежней «райской» жизни. Потом Латвия воссоединилась с Россией, затем была война. И если бы не она — быстро открылось бы, что никакого экономического взлёта и не было. Но этого никто не хочет признавать. Мифами жить проще и приятней.

— Но вы-то, вы! — теребил я Христофорыча. — Вы-то с вашим талантом были бы востребованы!

— Вы ничего не понимаете... — тихо сказал он, и его яркие тёмно-синие глаза показались мне чёрными. — Я не могу оставить этот город. Я хранитель его традиции, той, подлинной, священной культурной традиции. В известном смысле я и есть Рига. Как же я могу уехать сам от себя?

Провожали меня утром. Шофёр Петя вызвался подкинуть до гостиницы.

— А может, всё-таки ещё увидимся? — говорил я заплетающимся языком, пихая Христофорычу визитную карточку. — Если надумаете приехать — звоните!

— Посмотрим, — ответил он. — Ну, счастливого пути. Прощайте. — И поднял руку.

Я взглянул на него в последний раз и поразился: он удивительно номинал статую святого Христофора с Младенцем на плече, стоящую когда-то на берегу Даугавы. Мне даже почудилось над плечом у писателя какое-то сияние. Но я тряхнул головой, видение пропало, и начался обратный путь. По дороге я заснул и очнулся лишь у гостиницы.

Если откровенно сказать, я до сих пор не могу понять, кто мне тогда встретился в подвальчике у Домского собора и встретился ли вообще; может, очаровательная бюргерша, закутанная в тонкие кружева, просто привиделась?

Хочется проверить, съездить в Ригу на Янов день. Да всё как-то не получается. Дела, дела...

ЗАРАЗА

Сергей Вацлавович Малицкий родился в 1962 году. Живёт в Коломне с 1983 года. В 2000-м опубликовал свой первый сборник рассказов. Неоднократно печатался на страницах «Коломенского альманаха» и в других сборниках и журналах, в том числе «Москва», «Молодая гвардия», «Полдень. XXI век». Автор более 20 книг. Работает преимущественно в жанре фантастики, фэнтези, магического реализма. Им написано нескольких циклов приключенческих романов, изданных большими тиражами.

Произведения писателя отличаются яркостью стиля, образительной мощью, увлекательностью и неожиданными поворотами сюжета.

Награждён медалью им. И.И. Лажечникова.

Рассказ

Тётке избранницы Иван не понравился. Или не в настроении оказалась, кто её знает. Зачем только тащились бог знает куда. Два дня по лесным буеракам с ночёвкой на дикой поляне, чтобы у крыльца постоять да в обратный путь тронуться? С другой стороны, родная кровь. Хорошо хоть такая есть, у Ивана и вовсе никого не осталось. Да и то сказать, мало кто без потерь обошёл в тёмную годину. Если бы супостат не сгинул, если бы не гудели уже третий десяток лет ветра в пустых глазницах его змеиной крепости, так бы и истреблял всё живое и в этих землях, и во всех прочих...

Иван поначалу дорогу пытался запомнить, а потом махнул рукой. Раньше надо было думать, а коли взял в жёны ворожею, чего уж роптать. Вроде в знакомый лес пожаловали, а как пару раз проехали под горелыми ветвями, такая чаща началась, что хоть голову отверти, всё равно ни одной опушки не запомнишь. Иван сначала дивился, откуда в окрестностях града такие буреломы, а потом поинтересовался, отчего тётка Ядвига в глушь забралась, не лучше ли поближе к людям поселиться? Марья только улыбнулась и сама спросила, а много ли её суженый добра от людей видел? Иван на улыбку улыбкой ответил, но расспросы прекратил. Когда без отца и без матери остался, выживал как только мог. С малолетства по чужим да по недобрым. Приходилось и голодать, и розог отведать, и зуботычинами закусить. А то, что выбился в люди — от мальчишки-полового, от прислуги дворовой, смерда неприкаянного добрался до дружинного, удалого стрельца да

старшины заставы, – это ведь везение, пусть и без упорства не обошлось. Всё легче, чем грамоте самому научиться, так ведь и та наука ему далась. Голод запомнил, за розги поклонился, зуботычины возвратил сторицей. А когда на ярмарке наткнулся на синий взгляд из-под льняного платка, так и вовсе уверился, что оседлал коня-удачу, да тут же и врос в седло — не выкинешь. И вот пожалуйста, лесная дорога, чаща дремучая, синий взгляд, словно луг васильковый в речной пойме, и ощущение, что крылья за спиной выросли: взлететь — не взлететь, а расправить, да взмахнуть хочется так, что сил никаких терпеть нет.

Тын появился за густым сосняком неожиданно. Сначала блеснул высушенными на солнце лошадиными черепами, насаженными на колья, но, когда Иван уже хотел подивиться, что тётка Ядвига конину жалует, открылся на обширной поляне и сам дом. Не избышка лесная, не заимка охотничья, а богатый пятистенник, которых и в граде-то по пальцам можно счесть. Мало того, гладкое стекло в окнах блеснуло, чудеса да и только.

Марья руку подняла, помрачнела, головой покачала, мол, сиди как сидишь, не трепыхайся, на землю спрыгнула, палец к губам прижала. Тут только Иван заметил, что на крыльце у двери стоит кто-то. То ли истукан из гнилой колоды вырезан, то ли чучело огородное. А как пригляделся, вихры на голове приглаживать стал — бабка к бревенчатой стене прижималась. Старее старого, только что мхом не покрытая, или покрытая, сквозь лохмотья не разберёшь, нос крючком, вместо глаз две щели, лицо – словно яблоко печёное. А как шеvelyнулась, подтянула, навесила на локоть то ли пряжу, которую теребила, то ли сетку речную, поволокла её с крылечного огорода да разворачиваться стала, чтобы за дверью скрыться, то и горб на спине показала. Видит бог, взмахнула бы хвостом, Иван бы не удивился.

— Жди! — не сказала, а почти прошипела Марья и зашагала к дому, к крыльцу, по ступеням и в дом.

Долго её не было. Иван уж подумывать стал, чтобы спрыгнуть, да за угол отойти облегчиться, как дверь открылась, и оттуда девка вышла незнакомая. Глаз чёрный, ресницы, что у лошади, коса толщиной в руку, можно в печной трубе шерудить, чернее не станет, в волосах лента красная, да и сарафан красный, а что там под сарафаном, не углядишь, но не потому, что волной неразборчивой от пышной груди по стати нисходит, а потому что от лица глаз не оторвать. Никогда Иван такой красоты не видел и, если бы не синий взгляд Марьи, что подобно мареву дневному перед ним стоял неотступно, точно бы головы лишился. А так только смотрел да посмеивался про себя. На то, как девица эта сбегала по ступеням тонкими босыми ногами на зелень дворовую невытопанную. На то, как отстранила в сторону кобылу Марьи, словно кадушку пустую в сенях носком отодвинула. На то, как пошлѣпала по губам лошадь Ивана и обошла её вокруг, ведя пальцем по груди животины, по боку, по крупу, снова по боку, всякий раз подрезая ногу Ивана точно над сапогом. Обошла и в дом вернулась, взлетела по ступеням, не оборачиваясь, за дверью скрылась. А через малое время, что и эхо от крика не успеет из чащи вернуться, из той же двери с побледневшим лицом вышла и Марья, запрыгнула на лошадь, в ответ на взгляд Ивана замотала головой и дала знак трогать.

Только уже на той самой дикой поляне, когда спешили да стали постой рядить, оглянулась и головой покачала:

— Нелюдимая она, не обижайся. Все одно, если от кого и ждать помощи, так только от неё. К тому же на ней... груз тяжкий.

— На которой из двух? — рассмеялся Иван. — На молодой или на старой?

— На обеих, — ответила Марья. — И ни на одной из них. А ведь угадала. Так и сказала, весёлый он у тебя. Хотя и горя принесёт столько, что не вывезешь.

— Зоркая очень или догадливая? — хмыкнул Иван. — Откуда же горе-то? Или я вроде смерда с дырявым мешком, семена разбрасываю, а сам о том не ведаю?

— Не знаю пока, — прошептала Марья и потянулась, повлеклась, подалась к нему. — А хоть бы и знала? Иди ко мне.

А потом долго смотрела ему в глаза, давила локтем под ключицу, подпирала ладонью щеку, пыльца цветочная к которой прилипла, и вышёптывала что-то вроде «не делай того, чего не делал прежде, не рвись туда, куда не рвался, не вспоминай того, чего не забывал, может, и минует беда, а не минует, так делай, рвись и вспоминай...» Вышёптывала или ворожила? А он смотрел на неё и не мог насмотреться...

Беда случилась через полгода. Иван и думать о словах тётки забыл, а Марья словно и ждать беды не переставала, то и дело застывала, как, случается, кошка застывает, когда что-то невидимое зрит или слышит шелест подпольный. Весь их домишко окраинный, собранный из осиновых брёвен, что и в чаще глухой не разыщешь, берегами завесила, всюду пучки бессмертника повтыкала. Уж сколько раз Иван предлагал из заречья на посад перебраться — стоит же дом, и к людям поближе, и по толки повыше, и в огороде не камни и корневища, а земля и деревья, но Марья только головой мотала, мол, подожди ещё немного, всё образуется. А к лету и о дитятке подумать придётся, как раз чтобы к следующей весне и родился. Тогда и передем.

Иван и тут веселился без меры. Что образоваться должно? Или не образовалось уже? И чего с дитятком годить? Сколько можно впустую любиться? Если бы не тянули, уже бы пора пришла пелёнки вышивать. Нет, мотала головой Марья, у всего должен быть свой срок. И не впустую то, что со сладостью и без оглядки.

С этими словами и в недолгий поход Ивана провожала, оберег на шею вешала, заклонила не снимать ни в жару, ни в холод, ни в брань, ни в сон, ни в баню, ни в нужду.

Сказано — сделано. Спрятал Иван на груди камешек долблённый, сел на коня, огляделся, потому как взгляд чужой ему чудился в последние дни, да с частью своей малой дружины отправился на восточный тракт. Повಾದились пришлые то ли из южных степей, то ли из северных лесов караваны грабить, мало того, уже и кровь успели пролить. Ехать пришлось недолго, за неделю добрались, ещё с неделю объезжали окраинные деревушки, что таились в тамошних лесах, а потом сговорились с местными и взяли разбойную ватагу на сухом мысу у топкого болота. Там-то и пришлось схватиться с разгульными молодцами сначала железо в железо, а то и с голыми руками сойтись. Там-то и потерял Иван оберег.

Рукастый противник с серым лицом, что был на полголовы его выше, ухватил Ивана за ворот, попытался столкнуть в трясины, да не тут-то было. Иван словно корни в болотный берег пустил — ноги расставил, живот накрепко, да через себя детинушку в топь и отправил. Может, и шею ему в полёте переломил. Вот только и сам не уберётся. Серый пытался за грудки ухватить Ивана, да вместо ворота зацепил верчѐную пеньку. Так и вырвал оберег и вместе с ним и утоп. На том битва и кончилась. Иван ещё жердину вырубил в ближайшем лесочке, стал болотину тревожить, но ничего не сыскал, только могильный дух из глубины пузырями добыл. Бездонная эта топь, сказали дружинные, что из местных. Гиблое дело...

А ночью сон Ивану приснился. Будто у Марьиной избышки он стоит, а самой Марьи нет. И двери открыты. Заходит Иван в дом, а в нём светло, словно на кособоге в солнечный полдень. И подпол открыт, а оттуда тоже свет льётся. Но странный какой-то свет, с прозеленью, как сквозь болотную ряску. Тут Иван сразу смекнул, что сон это. И изба показалась ему больше, чем он привык. И света никакого из подпола литься не могло. Что там — корзины с репой да кадушки со льдом? Однако подошёл он к проёму и увидел лестницу там, где наяву две жердины с перекладами были. Увидел и начал спускаться. Долго спускался, если бы считал ступени, сбился бы со счёта. Но в итоге оказался то ли в гроте, вырубленном в известняке, то ли в просторной норе, известковыми глыбами обложенной. Плесень зелёная эти глыбы покрывала, она-то как раз и светилась. «Знала бы ты, Марьюшка, какие мне сны снятся», — хмыкнул Иван и тут заметил старика. Тот был худ, сед и гол. Поначалу Иван подумал, что это мертвец. Однако на мертвцов дубовые колодки не ладят и в железо их не заковывают. А потом похолодело всё в груди у Ивана. Старик тот глаза открыл...

Глаза...

Мутные и злые, которые, как ни поднимай веки, всё одно, не смотреть, а сверлить да обжигать будут. И зрачки в тех глазах словно пламенем занимались, змеиными фитильками от нижнего к верхнему веку вытянулись. Или нет? Почудилось? Точно почудилось... В мутные точки обратились... Как бы вовсе не исчезли...

И в ту же секунду запылала у Ивана линия на ногах. Те самые, что Марьяна тётка или девка, кто их разберёт, пальцем отчерчивала. Иван даже взгляд скосил на ноги, ни пламени, ни порчи, ничего не заметил. Хотел было уже просыпаться, а старик тот вдруг рот беззубый открыл и одно слово выдохнул:

— Пить...

Так выдохнул, словно пласт снега с косою кровли съехал и об завалинку разбился. И сразу же горло Ивана такой жаждой стянуло, что впору камни плесневелые облизывать. Оглянулся он, а за ним стол стоит, а на столе кубок обливной, словно крынка в глазури, с водой холодной. Ухватился Иван за кубок, хотел поначалу сам приложиться, а потом подумал: что это я? Сон же!

Подумал и протянул кубок старику. Да не в руки ткнул, что всё одно в одну колодку вместе с убогой головёнкой были закованы, а к губам поднёс. Вытянул старик губы так, словно расстегай из теста лепил, а как дотянулся до воды, тут Иван и проснулся.

Проснулся и сразу же за ноги схватился. Вроде, и далеко от костра задремал, а порты пропалил сразу и справа, и слева, как раз по тем самым линиям. А потом руку к груди приложил и понял, что печёт. И не только в сердце, но и там, где оберег был. Ожог на том самом месте пузырем вздулся. Окликнул Иван своих дружинных, на коня сел да в город помчался.

В три дня добрался, едва коня не загнал. Ещё издали увидел, не то что-то в городе творится. Костры погребальные горят да саванные полотнища на проездных воротах полощутся. Похолодело в груди у Ивана, не стал он слушать дядьку дружинного, пришпорил коня и помчался в Заречье...

Дома его больше не было...

На том месте яма в земле темнела, а в той яме вода закручивалась...

А брёвна от его избушки рядом лежали...

— Карст... — услышал он хрип запыхавшегося дружинного за спиной. — Ты бы выслушал сначала, а потом уж коня гнал. Три дня назад. Твой же дом крайним был...

— Не мой то дом был, — не узнал собственного голоса Иван. — Марьин...

— А хоть бы и Марьин, — согласился дружинный. — Я слышал, что он тут стоял ещё с тех пор, когда городской детинец только ладить начинали. Под ноги посмотри. Это же известняк. Промыло его, вот он и обрушился. Река ж рядом. Брёвна мы ещё повывлаивали, а всё остальное... унесло.

— Марья? — оглянулся на старика Иван.

— Не видели, — потряс головой дружинный. — Если где-то в протоках подземных стинула, то и не сыщешь теперь. В реку уйти не могла, ниже по течению сетку поперёк русла ещё с неделю как выставили, ничего не прилетало. Она ж у тебя ворожея, неужто не почувствовала бы? У неё ж половина посада снадобья брала! У каждого второго оберег её работы!

— Тогда кого хороните? — взглянул в глаза старику Иван.

— Так лихие люди налетели... — пожал плечами дружинный. — Беда ж по одной не ходит. Той же ночью, что и промоина случилась. Гроза ещё гремела, не сразу и заметили. Их дюжины полторы было или две. Лёжку за рошей устроили, недели две там провели, непонятно чего ждали, может, той самой непогоды. Я там всё по горячим следам рассмотрел, хотя размыло, конечно. На Посад не осмелились посягнуть, а по Заречью той ночью прошлись. Шесть домов разорили да подожгли, уходя, стариков поубивали, детей и молодых увели. Уж не знаю, чем могли ещё поживиться, народ-то небогатый в Заречье... Ушли на север. Я дозорных посылал, но след гаснет в чаще. Решил тебя дожидаться...

— Семь домов, — пробормотал Иван и поднял наконец взгляд на излёт улицы, на которой чернели пепелища. — Семь... Кто у нас лучший следопыт?

— Так это... — принялся скрести пятернёй в бороде дружинный.

— Ты, — положил руку на плечо старику Иван. — Знаю, что уже не та силушка в твоём теле, но уведённых надо выручать. Собирайся. Отправлю, конечно, гонца к князю, но ждать нельзя. Возьму дюжину лучших воинов. С тобой дюжину.

— Так ты что... — покосился на яму дружинный. — Думаешь, что и Марью...

— Не знаю, — скрипнул зубами Иван. — Но будь она рядом со мной, всё одно в погоню бы бросился...

Два месяца Иван со своим дозором гнался по лесу за лихими людьми. Если бы не дядька дружинный, который временами с кряхтением слезал с лошади и припадал к земле то ухом, то носом, давно бы сбились со следа, и так то и дело теряли его, днями пытались лесную траву расплести да листья разворошить. Но и стоянки разбойников в глухих чащах находили, и кое-что пострашнее. Кости человеческие. Когда взрослые, а когда и детские. Вываренные и выскобленные. Дядька дружинный темнел лицом, а прочие стискивали рукояти мечей так, что пальцы белели и ногти ломались. А в начале третьего месяца дозор миновал дальнюю пустошь, откуда и прямой дорогой месяц до града добираться, и вышел на склон горы, с которой была видна змеиная крепость. Над ожившим укреплением развевался треугольный лоскут чёрного флага, из-за стены глухо доносился барабанный бой и как будто чьи-то жалобные вопли.

— Мать моя Берегиня, — потянул с головы шлем дядька. — Никак супостат костявый возвернулся?

— Самозванец, скорее всего, — пробормотал Иван. — Сколько лет прошло... Отдыхать всем. Дозор сменять как обычно. Завтра подберёмся поближе, посмотрим, что к чему...

Ночью Ивану вновь был сон. Старик из подполья, которому он воду подал, стоял посередине высокого зала и за руку держал Марью. Одетая она была в чёрное платье и смотрела на Ивана так, словно сказать ему что-то хотела, вот только рот у неё не открывался, губы не размыкались. А старик вроде и вовсе стариком теперь не выглядел. Груз лет с его плеч никуда не девался, только теперь он не давил на них, а вздымался за его спиной тёмным вихрем. Смотрел старик на Ивана змеиным взглядом, скалил провал рта и держал Марью так, словно в собственную суженую её назначил. А когда она наконец сумела разомкнуть рот и прокричала: «Просыпайся, Ваня!», развернулся и стал что-то делать кривыми пальцами у неё во рту.

Иван проснулся среди ночи. Всё его тело ломило, словно он захмелел и уснул посреди ездового пути и топтали его и старый, и малый, молотили по костям и упряжные лошади, и гружёные телеги. Костёр ещё тлел, но уже едва-едва. Зато пахло палёной плотью, поскольку на углях лежал посечённый клинками дружинный дядька. Его кровью и залито всё вокруг было. Больше никого. Ни дружинных, ни лошадей. Только след ночной, едва различимый в сторону змеиной крепости и привкус во рту, как от воды из медной кружки.

Не стал Иван ждать рассвета. Нашупал в густой траве меч свой, сдвинул дядьку с углей и стал спускаться в лесную ложбину. Отыскал там ручей, скинул доспех, омылся холодной водой, по запаху сыскал лечебную травку, той же Марьи наука, нажевал да приложил к синякам и ранам. Добро хоть костей сломанных не оказалось, ведь точно топтались по его телу, отчего ж не убили? И почему он раньше не проснулся? Оделся, а с первыми лучами солнца вернулся к стоянке.

Дядька дружинный лежал возле потухшего костра и смотрел мёртвыми глазами в сосновые кроны. Иван расстегнул ему ворот, нащупал бечеvu и выудил Марьин оберег. Чуть поменьше, чем тот, которого он сам лишился у болота, но точно её работы.

— Значит, не у каждого второго, — пробормотал Иван, надевая амулет.

Вырыл могилу, похоронил дядьку и двинулся по следу в сторону крепости, отмечая, что никого из его дружинных туда не тащили волоком, все шли своим ходом. Подобрался почти вплотную, сотни за три шагов до окраинных строений залёг в зарослях бузины и высмотрел всё. И то, что развалины, которые он с десятков лет назад вместе с дальним дозором обследовал с края и до края, уже не развалины. И то, что вокруг них поднялись избы, да и основание под вторую стену ладится. И что народу в ожившей крепости и вокруг неё пропасть: кто-то копает, кто-то камень вытёсывает, кто-то известковый раствор заводит, кто-то брёвна растаскивает, а кто-то в дозоре стоит. И среди этих последних разглядел и своих дозорных, а потом ещё сильнее вкус меди на языке почувствовал и отползать стал.

Почти два месяца Иван до града добирался. Покидал град весной, считай, в начале лета, а обратно шагал по жёлтой листве да осенней изморози. И дольше бы путь держал, да поймал возле одной из деревенок лошадь, брошенную без присмотра. Опять же и конскую сбрую сыскал в одном из сараев. Не украл ни того, ни другого. Пустыми деревеньки стояли чуть ли не до самого града. В одной только на старого деда наткнулся. Тот ковылял по кривой деревенской улице, что уже травой порастать стала, оглянулся на стук копыт, прищурился, да и молвил в ответ на вопрос Ивана:

— Не о том спрашиваешь, мил человек. И не туда скачешь. Там Кашей, там!

И за спину всадника стал тыкать пальцем.

Выбравшись на осеннюю луговину перед градом, Иван не сразу узнал родную сторону. Детьнец стоял, как стоял, а всё вокруг посада было заставлено шатрами, стяги княжеские на шестах реяли, дозоры роились, словно торговцы на летней ярмарке. Один из них сразу же Ивана в оборот и взял. С лошади его ссадили, меч отобрали, руки за спину завернули и под очи самого князя доставили. Тот сидел в своём шатре, кутаясь в меха соболи, да косился то на стражу, то на волхва, что горбился над чурбаном с раскинутыми на нём перьями и камнями.

Толкнули Ивана в спину, вдарили по ногам, заставили встать на колени да поведали князю, что тот самый пропавший старшина заставы из здешнего града сыскался, что на ведьме местной женат был. Приехал с севера на убогой лошадёнке без дозора, без провожатого, без ведьмы. Нахмурился князь, велел Ивану доклад молвить.

Почти всё рассказал ему Иван, разве что о собственных снах умолчал. Помолчал князь, брови сдвинул, на волхва посмотрел. Тот камни и перья на чурбане переверосшил, прошипел недовольно:

— Больше двадцати лет прошло, как супостат сгинул. Или обряды наши подействовали, или другое благо свершилось в те годы. Ни богатыря какого, чтобы против колдовства и силушки его мог пойти, ни чародея,

что обворожить его сумел бы, не появлялось в наших краях. Другая это пакость образовалась, новая. Надо было снести ту крепость до основания.

Посмотрел колдун на Ивана и спросил презрительно:

— Ты сам-то супостата видел?

— Нет, — мотнул головой Иван.

— Ну вот... — ухмыльнулся волхв. — Поди в штаны наложил от страха. Слушай такого, а сам дели всё надвое. А то и на десять.

— Как жив остался? — спросил князь у Ивана. — Почему на тебя морок не подействовал, если он был, конечно?

— Как жив остался, не знаю, — твёрдо сказал Иван. — Верно, и в самом деле в штаны наложил, запах лихо отпугнул. А морок на меня не действовал из-за оберега. На груди я его храню.

Тут же крепкие руки рванули ему ворот, извлекли с груди оберег, что Иван с дядьки снял, и с поклоном поднесли князю.

— Ладно, — поморщился тот. — Хотел наказать тебя, но не буду пока. Подождём прояснения с этой бедой. В рядовые копейщики тебя определяю. Да не вздумай бежать. Присмотр будет жёстким, если что, вдогонку не дозор помчится, а стрела полетит.

Даже в собственную избу на посаде не отпустили Ивана переодеться да обувь сменить. И меч ему не вернули, и оберег у князя остался, и лошадёнке другое применение нашли. Хорошо хоть кольчугу дружинную не содрали с плеч. Тем же полднем Иван уже шагал на север среди пришлых и набранных бедолаг, тащил тяжёлое копьё и деревянный щит, а вечером сушил среди прочих обувь у костра да прислушивался к байкам о неотвратимости древнего зла и выпавшей таким же, как он, тяжкой участи. К тому времени, как пешая дружина с обозом вышла на дальнюю пустошь, началась зима. Снега было по колено, а где и по грудь. Когда впереди показалась змеиная крепость, ударил мороз. Проламывая наст, пешую дружину обогнал конный отряд, а затем продудел рожок, что означало разбивать лагерь.

— Что скажешь? — подмигнул Ивану одноглазый сотник, который уже знал, что его молчаливый копейщик в кольчуге бывал в этих местах. — Выйдут биться в поле? Или осаду придётся ладить?

— Не знаю, — пробурчал Иван, глядя на то, как помощники волхва в вышитых бисером малицах тащат охранительные шесты, украшенные перьями. — Но я бы поостерёгся чего-то иного.

Ощущение грядущей беды стискивало кожу на затылке и на скулах, но куда сильнее болело сердце. Полгода уже минуло с того дня, как пропала Марья, и каждый прожитый без неё день словно накладывал на сердце ещё один шрам, обжигал его. И с этой болью в груди всё прочее ничего не значило: ни морозная стужа под вражеской крепостью, ни сбитые ноги, ни ужас, который полз над заснеженным полем, словно зимний туман. Когда выставленные волхвом шесты занялись пламенем, стояла глубокая ночь. Иван сидел у костра и смотрел на сотника, который поначалу прихлёбывал из кубка ягодный отвар, а потом вдруг понёс нечто несусветное, словно губами его шевелил кто-то другой:

— И станет светлое тёмным, и придёт во тьму, и сольётся с нею. И станет тьма больше и затопит всё. И станет тонуть в ней светлое, не становясь тёмным. И в темноте этой воссияет то, что должно сиять вечно!

Договорил и залепил кубком в нос помощнику, что сидел рядом и таращил в недоумении глаза на костёр. А затем вскочил на ноги и потянул из ножен меч. А потом началась сеча...

Иван не был так уж умен в обращении с копьём, но когда сотник разрубил ему древко пополам, стал малю помалу отбиваться и даже встал в круг с некоторыми из копеещиков, что никак не могли понять, с какого глуду вдруг их же собратья подняли оружие на них самих. А потом из-за пылающих обережных шестов накатили неразличимые тёмные тени, и круговерть развернулась с новой силой, пока удар по затылку не погрузил Ивана во тьму.

Он пришёл в себя уже днём. Морозец сковал окровавленный снег, и Ивану пришлось ломать лёд, чтобы выбраться из глубокого сугроба, в котором он как-то умудрился не обморозиться. Голова гудела, как чугунный котёл, рука стискивала обломок древка, кольчуга заледенела, и по груди пришлось бить кулаками, чтобы раздолбить смёрзшийся короб. Шатров вокруг не было, на их местах темнели пепелища. Не было почти и трупов, хотя кровь заливала всё. На горизонте по-прежнему высилась змеиная крепость, и, кажется, над нею тёмным штрихом трепетал чёрный треугольник.

В отдалении послышался стон, Иван поспешил в ту сторону и увидел князя. Тот лежал в снегу, возле прогоревшего княжеского костра, с грудью, пробитой мечом, рукоять которого подрагивала над окровавленной равниной. Услышав шаги Ивана, князь с трудом открыл глаза и прохрипел:

— А ведь я не верил... Не верил в колдовство... Они все туда уходили... И живые, и мёртвые. Те, которые могли идти. Которые не могли — ползли. Зачем?

— В пищу, — ответил Иван. — Они едят человечину.

— Вот как, — поморщился князь. — Это плохо. Этого не избудешь, даже если в себя придёшь. Вот ведь зараза. А ты, я смотрю, крепок. Или заговорён ведьмой своей, не знаю. Что делать-то собираешься?

— Думаю, — признался Иван.

— Возьми свой оберег, — скосил взгляд на собственную грудь князь. — Спасибо. Он помог мне в разуме остаться. И думай быстрее, иначе всё окрест эта погань поглотит. И меч вытащи...

— Умрёшь же... — предупредил Иван.

— Делай, что говорю! — зло процедил сквозь зубы князь.

— Как скажешь...

Иван наклонился над князем, снял с его шеи оберег дядьки дружинного, затем выпрямился, ухватился за рукоять меча и выдернул его из княжеской груди.

Кровь одновременно хлынула и из раны, и изо рта воина. Глаза остекленели, губы сомкнулись, нос заострился. Но не прошло и нескольких мгновений, как князь задёргался, перевернулся на живот, с трудом встал на ноги и зашагал к крепости так, словно чужая сила двигала его ногами.

— И станет светлое тёмным, и придёт во тьму, и сольётся с нею, — повторил Иван сказанное сотником прошедшей ночью. А потом вспомнил слова Марьи: «Всё одно, если от кого и ждать помощи, так только от неё». Вспомнил и пошёл в сторону ближайшего леса.

Почти всю зиму Иван бродил глухими чащами. На ночь находил приют в заброшенных зимниках, а когда и шалаш ладил из лапника. Бил дичь, разорял беличьи схроны, пару раз отбивался от волчьей стаи, один раз наткнулся на медведя-шатуна. Несколько раз гостил у добрых людей в глухих лесных хуторах, где пытался привести себя в порядок, словно от того, узнает ли его Марья при встрече, что-то зависело. Поистаскался и пообтрепался. Наслышался от лесных селян, что на равнинных трактах шныряют чёрные отряды, и что все окрестные городки или опустели, или заперлись и выжидают неведомо чего. И что по слухам скоро хлынет с севера неисчислимая рать и накроет собой всё от края земли и до края. Но никто не мог ему сказать, как найти дорогу к лесной бабке по имени Ядвига. Вспоминали страшные рассказы, но всем им было по сто лет в обед, да и то сказать, не проморозил ли ты себе голову в зимнем лесу, болезный витязь?

Уже под весну, когда вокруг лесных стволов снег начал кольцами оседать да почки набухли на вербе, Иван от отчаяния подпалил одну старую сосну, что была молнией помечена. Проехал под обугленной ветвью, а потом подпалил ещё одну похожую. И точно. Не прошло и пары дней, как вышел на кабанью тропу, а вскоре разглядел и лошадиные черепа над сосняком.

Когда он подошёл к крыльцу занесённого снегом дома, то хотел упасть на колени. Но не смог. Силы покинули его. Только и остались на то, чтобы покачиваться из стороны в сторону и думать о том, как бы слёзы не пустить из глаз. Не слёзы бессилия, а слёзы боли, что не смог выручить того, без кого жизни своей не мыслил. Впрочем, падать на колени не пришлось. Дверь заскрипела, и из-за неё вышла женщина. Ни молодая, ни старая. Статная, черноволосая, но с проседью. Похожая почему-то и на древнюю старуху, и на молодую девицу одновременно. Посмотрела на Ивана, покачала головой и молвила:

— Уж не знаю, как ты до меня добрался, но уж найди немного силёнок, чтобы дух у крыльца не испустить. Обогни дом справа, банька только растоплена. Заходи, сбрасывай с себя всё это и возвращайся к жизни...

Она вошла в парную, когда Иван уже почти спал, разморившись в непривычном тепле. Не обращая внимания на его наготу, в платье, облепившем её в мгновение, распластала Ивана на лавке, окатила водой, отхлестала вениками и начала натирать какими-то травами, приговаривая:

— Это что ж ты с собой уделал, добрый молодец? Никак окрестные чащи по дереву просеивал, чтобы меня найти?

Потом велела ему отвернуться, судя по звуку, стянула платье, окатила себя водой и вышла в предбанник, бросив напоследок:

— Спать не здесь будешь, а в доме. Чистое — на лавке. Будь молодцом, соберись с силами да поднимайся на крыльцо. В горнице ждать тебя буду. А грязное всё оставь здесь.

На следующее утро Иван проснулся со светлой головой в чистой постели. Попытался вспомнить, о чём разговор шёл за столом, когда он из бани дотопал до горницы, но не смог. Только и осталось в памяти, что тётка подходила к нему со спины, сжимала голову его ладонями да шептала

что-то вполголоса. Поднялся, удивился тому, что откуда-то сила вновь во всём теле образовалась, помахал руками и вышел в горницу. Тётка его уже ждала. На столе в чугушке парила каша, горкой лежали на блюде румяные пирожки, поблёскивал золотом в стеклянном сосуде горячий сбитень.

— Вчерашнее что помнишь? — прищурилась тётка. — Не жмурься, стыдиться нечего. Ничего ты себе лишнего не позволил ни внутри, ни снаружи. Странное дело, а ведь Марьюшка-то к тебе даже шелеста ворожейского не приложила. Такого, какой есть, такого и взяла. Только теперь мне всё понятно стало. Откуда же ты такой сыскался?

Хотел было Иван ответить что-то, да слов нужных не нашёл. Только и смог выдохнуть и спросить:

— Жива она?

— Жива пока, — кивнула тетка и выплеснула в глаза такую боль, что зажмурилась тут же да ещё отвернулась, чтобы Ивана в этой боли не утопить. — Но по-другому и быть не могло... Просто слишком рано всё вышло. Значит, ты ему воды поднёс?

— Ему? — переспросил Иван и опустил голову. — Поднёс. Не зная кому. Так ведь то во сне было?

— А никакой разницы, — пожала плечами тётка. — Что сон, что явь — и то и другое — жизнь. Вода ищет дырочку, а тьма червоточину. Во сне её найти легче. Оберег потерял?

— Сорвали, — вздохнул Иван. — В схватке. Бился с лихой братвой, один из них и сдёрнул.

— За тем и посланы были, — пробормотала тётка. — Говорила же Марья, оставайтесь здесь. А она всё о темнице беспокоилась. Да её бы век не сыскали... Это, парень, хорошо, что ты сам сначала не пригубил из того кубка, а то бы стоял сейчас в главных помощниках у самого Кашея...

— Сон же... — беспомощно повторил Иван.

— Ещё что снилось? — спросила тётка. Жёстко спросила, вглядываясь не в глаза Ивану, а словно внутрь его головы.

— Марья снилась, — прошептал он. — Рядом с этим. Кричала мне, чтобы просыпался я, а потом он полез пальцами к ней в рот...

— Стой, — помрачнела тётка. — Не говори ничего больше... Дважды она тебя спасла. Дважды уберегла от смерти. В двух схватках отвела от тебя погибель, закрыла глаза злодеям. Дорого это ей, правда, обошлось, но... Один раз у неё остался. Один выдох из тех, что даже Кашей не может остановить... Интересно, на что она его потратит?

— На то, чтобы убить его? — прошептал Иван.

— Нет, дорогой мой, — покачала головой тётка. — На это никакого выдоха не хватит. Ты разве не понял? Она его и заточила в то подземелье. Избавила весь этот край от страшной заразы. На двадцать с лишним лет избавила. Да, годков ей чуть побольше, чем ты думал. А убить не смогла. Тебе его придётся убивать.

— Я готов, — прошептал Иван. — Что нужно делать?

— Да уж, — нехорошо усмехнулась тётка, да так, что сразу Ивану почудилась и старуха, и молодая девица, и потянула с пола разложенную сеть, похожую на рыбацкую, ту самую, с которой она замшелой бабкой у дверей этого дома Ивану привиделась, — кое-что сделать придётся... Запоминай да зазубривай...

Через два дня Иван оседлал в тёткиной конюшне белого красавца-жеребца, раскланялся с хозяйкой у ворот её усадьбы и поехал туда, куда она велела. Добирался до нужного места ещё один месяц, что было вовсе не таким уж долгим сроком, поскольку и место то было куда дальше, чем та же змеиная крепость, да и дороги Иван не знал, почему и должен был довериться тому самому коню, которого так и звали — Белый. Так или иначе, добрались они до места, когда уже и снег только в чащах оставался, и первые листочки на самых торопливых кустах начали появляться. Как ни крути, через десять месяцев после того злополучного сна...

Утро только занималось, когда Белый остановился у подножья чёрной горы и стал бить копытом. Странно это выглядело. Вокруг всё молодой травой покрывалось, а зловещий пригорок, хотя и великоват он был для пригорка, оставался чёрным. И ведь не каменным, а земляным. Разве что синеватый мох, словно плесень, пятнами его покрывал. А на верхушке того пригорка высился дуб. Только и он выглядел мёртвым, как и земля, из которой он торчал.

— Ну, лошадка, не подведи, — прошептал Иван, сполз из седла на землю, стянул поклажу и погладил Белого по холке. — На тебя вся надежда.

Всхрапнул конь и медленно пошёл вверх по склону, опустив голову, словно травину хотел высмотреть среди комьев поганой земли. Дошёл до вершины, дважды обогнул дуб, остановился под его самой длинной ветвью и ударил копытом.

— Вот и славно, — воскликнул, подбегая, Иван. — А теперь отойди-ка в сторону, пришёл мой черед.

Распаковал он дорожные короба, вытащил из одного корытце, из другого узелок соли, из третьего бутылку с водой. Вылил воду в жестянку, высыпал соль туда же, размешал и поставил сосуд постирочный, утопив в землю, чтобы не опрокинуть ненароком. Затем сбросил кольчугу, разделся до белья, разулся, встал на землю босыми ногами, избавился от оберегов, которыми тётка увесила его чуть ли ни с головы до ног. Размотал и распустил ведьмину сетку и раскинул её как раз над тем местом, по которому ударил копытом Белый. Обнажил меч, сыскал в сетке срединный узел, где пробойна была оплетена серебряной ниткой, и вонзил через неё в землю клинок.

В тот же миг раздался то ли истошный рёв, то ли оглушительный визг. А потом начала вздыматься земля под мечом и сеткой, и повлекло бы ведьмину ловушку в синее небо, если бы не Иван. Подхватил он края снасти, затянул их узлом и потащил на себя, пытаясь рассмотреть, что там бьётся в колдовской сети — то ли рыба какая подземная, то ли зверь потусторонний. Вспыхнула тут и сетка в руках Ивана, и рубаха у него на плечах, но он только зубы стиснул и продолжал подтягивать к себе добычу, глядя, как из зверя она обращается в птицу, а из птицы — и вовсе во что-то мелкое и круглое. И когда сетка окончательно испепелилась, поймал он это круглое и сунул вместе с обожжённой рукой в солёную воду. Взвыл от боли, но руку не выдернул, а дождался, пока растворится туманное яйцо и не окажется в пальцах тонкая игла — то ли золотой ковки, то ли серебряной, то ли ещё какой неведомой. Опустил в корытце левую руку и загнал правой иглу себе под кожу на тыльной стороне ладони. Загнал и почувствовал, что тонет в крошечной тьме, что страшнее любой боли.

Пришёл в себя от того, что Белый лизал его лицо и за нос прикусывал. Открыл глаза и понял, что солнце уже перевалило середину неба, а спина его изрядно замёрзла от лежания на сырой земле. И то сказать, рубаха-то сгорела и пеплом обратилась. Тут бы об ожогах подумать, а он левую руку к глазам поднёс и, уверившись, что та не почернела, а лишь синевой по жилам подёрнулась, удовлетворённо кивнул:

— И тут ты, тётушка, угадала, а ты, Марьюшка, не прогадала. И за своего примут, и гниду костлявую раньше времени не насторожат. Глядишь, и смогу спасти ненаглядную.

Поднялся Иван на ноги, смазал раны тёткиной мазью, оделся в чистое, вернул на место все обереги, натянул кольчугу и прочий доспех, забрался на коня и тут только понял, что и весь холм быстрой зеленью оделся, и дуб словно ожил.

— Давай, приятель, — наклонился он и зарылся лицом в лошадиную гриву. — Вези меня к супостату.

Подъехал он к змеиной крепости не с юга, а с севера. Поразились высоте укреплений и обширности посада. Помрачнел, когда увидел груды человеческих костей у дороги, когда разглядел мёртвые глаза дозорных, что скользили по нему взглядом, словно по пустому месту. Никто не остановил его, пока он ехал по пыльному просёлку, пока Белый цокал копытами по мостовой внутри крепости. Только во внутреннем дворе, куда Иван проник через распахнутые ворота, ему пришлось спешиться. Во дворе стоял супостат в боевом облачении и холодно смотрел на Ивана змеиным взглядом.

— Отдай, — отчеканил он, и Ивана обдало холодом с головы до ног. Эхо от этого возгласа пронеслось над крепостными стенами, заставило взлететь, захлопав крыльями, чёрных воронов, показало блеском наложенных на тетиву стрел потаённых стрелков. — Где ты её прячешь? Я чувствую, что она в тепле!

— Найди, — ответил Иван, вытаскивая из ножен меч и укрываясь за круглым щитом. — Никак смерти испугался?

— Я бессмертен! — выволок из-за спины тяжёлую палицу супостат.

— Тогда тебе нечего волноваться, — шагнул вперёд Иван.

— Сломаешь её и станешь, таким как я! — прошипел супостат и тоже шагнул вперёд.

— Неужели бессмертие твоё заберу? — удивился Иван.

— Увидишь! — выдохнул супостат.

Удар его палицы был столь силён, что щит Ивана загудел, словно медный таз, а рука онемела. Ответным взмахом меча Иван рассёк супостату предплечье, но когда тот вновь занёс палицу для удара, его рука была здоровее прежнего. И снова щит загудел, как медный таз, но треснул при этом, а левая рука Ивана на мгновение повисла плетью. И снова ответный взмах меча не нанёс супостату никакого ущерба. Плоть на его животе вновь сомкнулась, словно и не размыкалась.

— Ты слишком слаб! — рассмеялся супостат и в третий раз поднял палицу.

— Как и все люди, — согласился Иван и в третий раз подставил щит под удар. Тот разлетелся вдребезги, следом оказалось раздроблено и запястье, а вместе с ним переломилась и игла.

— Дурак! — прохрипел супостат, оседая на камень двора кучей костей. — Тот, кто её ломает, будет проклят навеки!

— Так ты её сам и сломал, — согласился Иван, срубая голову распадающемуся в пепел противнику.

Он нашёл Марью в комнатухе на оголовке самой высокой башни. Она лежала на деревянном ложе, укрываясь грязным тряпьём и прикрывая обожжёнными, искалеченными, переломанными пальцами огромный живот. Посмотрела на него синими глазами и наполнила их слезами.

— Марьюшка, — упал на колени Иван, но она только покачала головой и открыла рот, в котором не было языка.

Он поднял её на руки и понёс по бесчисленным ступеням вниз, где разлетался пеплом уничтоженный супостат и словно белое изваяние стоял белый конь. И всё, что оставалось у него за спиной, обрушивалось и обращалось в прах. А те воины, что попадались ему, или осыпались пеплом, коли были мертвы, или удивлённо хлопали глазами, не понимая, где они и что с ними происходит.

— Прости меня, Марьюшка, — сказал Иван, сажая её на Белого и беря коня под уздцы. — Но теперь-то мы точно переберёмся на посад.

На первом же привале, который Иван устроил у звонкого ручья, Марья словно пришла в себя. Перестала обхватывать живот, прижалась к Ивану, взялась копаться в его суме, нашла кисет от тётки. Перебрала изуродованными пальцами тряпицы и снадобья и начала возиться с левой рукой Ивана, вправляя ему кости и чуть слышно шипя, когда он вскрикивал или скрипел зубами. В конце перемотала тряпицами каждый палец и соединила все их тугой повязкой. А потом вдруг вновь схватилась за живот и закричала протяжно и тяжело. Вскоре в руках у Ивана оказалось крохотное существо.

— Девочка! — обрадовался он и тут же поперхнулся. Кроха открыла глаза и обожгла его зелёным змеиным взглядом.

— Э-э-э-э-э! — заныла, застонала Марья, толкнула Ивана ногой и показала на свою грудь. — Э-э-э-э-э!

Она сцеживала молоко в тёткину крынку до самого утра, а утром оставила её в сторону, встала на ноги и закружилась, переступая босыми ногами на том самом месте, где ещё в середине ночи прогорел костёр. Закружилась, глядя в утреннее небо и напевая что-то без слов одним стоном, пока не изогнулась, не посмотрела на Ивана, держащего на руках кроху, страшным змеиным взглядом и не осыпалась пеплом, как прошлым днём осыпался им же поверженный супостат.

Тётка постучалась в дом Ивана в начале лета. Иван уже думал, что кормилица что-то забыла, но в дверях стояла Ядвига.

— Заходи, — поклонился ей Иван. — Гостьей будешь. Жаль, баньки у меня нет.

— Я не париться пришла, — отрезала тётка. — Где последыш Кашея?

— Дочка Марья? — спросил Иван.

— Ты же знаешь... — нахмурилась тётка.

— Знаю, — кивнул Иван. — А ты посмотри сама.

Тётка шагнула к колыбели и, наклонившись над спящим ребёнком, поцокала языком:

— Привет, зараза...

Девочка потянулась, зевнула, причмокнула и открыла глаза. Синие, как у Марьи. Словно луг васильковый в речной пойме.

— Баба... — прогукала как годовалая.

— Она уже и «папа» говорит, — похвалился Иван.

— Мать моя Берегиня, — обмерла тётка. — Так вот, Марьюшка, на что ты последнюю силушку потратила...

— На себя всё взяла, — прошептал Иван, а когда тётка уже билась в рыданиях у него на груди, добавил. — Ты бы перебиралась сюда. Всё-таки родные люди, да и тяжело мне одному с девкой. Тут и потолки высокие, почти как в твоих хоромах. И конюшня. Белому нравится. И опочивальня отдельная есть. Хочешь, я тебя мамой называть буду? Только имечко это — Зараза — мне что-то не нравится. Давай какое-нибудь другое подберём? Как раз тебя ждал. А пока что Солнышком обходился...

БИБЛИОТЕКА

КНИГА СЕРГЕЯ МУРАШЕВА «С ОТЦОМ»

В библиотечке «Коломенского альманаха» в книжной серии «Коломенский книгочей» вышла книга писателя Сергея Мурашева «С отцом». Эта книга, написанная с радостью и любовью, — сыновья благодарность родителям и родине. На её страницах автор рассказывает нам о северном крае, где он родился и провёл своё детство, о суровой северной природе, здешних обитателях леса и рек, о первой охоте и первой своей рыбалке, об охотничьих собаках — верных друзьях человека в трудных условиях Севера. И в каждом рассказе оживает отец, его советы и на-

ставления, которые с годами становятся понятнее, переосмысливаются и помогают находить верный путь.

Эта книга не только об отчем крае и отце писателя, но и об Отце Небесном, который оберегает человека по жизни, что особенно заметно на суровом Севере.

СЕРДЕЧНЫЙ ДРУГ

Зимним холодным днём 3 января 2024 года на 84-м году ушла из жизни **ЛЮБОВЬ АФАНАСЬЕВНА ЧЕРНОВА** — доктор филологических наук, профессор, верный друг «Коломенского альманаха».

Знакомство Любви Афанасьевны с нашим изданием произошло на заре становления ежегодника посредством её мужа Виталия Глебовича Чернова, который однажды принёс в редакцию свои стихи и стихотворные переводы. С 1998 года он стал одним из авторов «Коломенского альманаха». С тех пор наша общая четвертьвековая дружба только крепла и развивалась. После потери мужа, в его память Любовь Афанасьевна вызвалась оказывать альманаху

безвозмездную материальную помощь и, даже выйдя на пенсию, никогда не забывала этого делать.

Дом Любви Афанасьевны был построен на мире, любви и согласии и всегда славился гостеприимством и хлебосольством. Туда охотно приходили её верные друзья и соратники. Нередко навестить забегали студенты, которых она заботливо учила русскому языку в родном Коломенском педагогическом институте. Гостей всегда ждали, им были рады, их окружали уютом и материнским теплом. И разве забудется её добросердечность, приветливая улыбка и желание поддержать и подарить праздник!

Мы счастливы были знать, что Любовь Афанасьевна живёт с нами рядом, ценили её советы и радовались искреннему участию в делах «Коломенского альманаха», интерес и уважение к которому она проявляла до самых последних своих дней.

Нестерпимо больно терять настоящих друзей, с которыми долгие годы шли рядом по одной дороге жизни. И да не померкнет светлая память о нашем сердечном друге Любви Афанасьевне Черновой! Она жива и будет жить, как и её добрые дела, в наших сердцах и в сердцах её учеников.

Коллектив редакции

Сергей Анатольевич Мурашев родился в 1979 году в Архангельске. С младенчества жил в деревне Малая Липовка Архангельской области.

На родине выпустил сборник рассказов «Маленькая книжка». Окончил литературный институт им. А.М. Горького. Публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Двина» и других.

Победитель II Славянского литературного форума «Золотой витязь» в номинации «Дебют», проза. Награждён дипломом V Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» в 2014 году. Победитель областной литературной премии им. М.М. Пришвина в 2021 году в номинации «Художественное произведение» за книгу «Ленты Мёбиуса».

Член Союза писателей России. Живёт в Коломне.

Рассказ

Сергей Мурашев

ЗА ШИШКАМИ...

Посвящается моей семье

Полёт

Веретеном кинуло вперёд. Мне показалось, что я задел рукой потолок или что-то ещё. Стукнулся боком обо что-то. Оказался впереди, рядом с Алексеем. Витя сидел, держась за голову. Всё произошло так быстро, что, возможно, я во сне слышал и скрип, и лязг и ещё во сне полетел веретеном вперёд. И только в эту секунду открыл глаза и увидел, как всё крутится перед глазами.

Вот Витя сидит и держится руками за голову. Испуганные глаза Алексея. Он громко спросил:

— Что, брат, уснул?

— Уснул, брат, уснул, — ответил Костя.

Мне было страшно посмотреть в Костину сторону. Казалось, что лицо его всё разбито в кровь о руль или даже он ударился об стекло.

Алексей, видимо, тоже подумал об этом.

— Сам-то как, командир?

— Всё нормально, — ответил Костя, — только нос, стукнулся. — Он как раз приподнял голову от руля. Глаза его были наполнены каким-то ужасом и осознанием того, что произошло.

Алексей привстал:

— Ничего себе, куда мы чуть не улетели.

Впереди в ночной темноте перед изогнутым капотом что-то белело. Капот дымился.

В окна, прижав руки и лица к стеклу, со всех сторон заглядывали люди. Видно было только эти лица, словно из тумана.

— Все живы? — спросил кто-то снаружи.

— Всё нормально, — ответил Алексей и переспросил на всякий случай: — Все целы? Руки-ноги на месте?

На мне уже были надеты штаны на спортивные (для тепла). Оставалось найти только куртку и кроссовки. Куртка нашлась быстро, кроссовки тоже лежали на месте, под «ковром» теплоизоляции. В голову пришла мысль: «В кого мы врезались? Что с ними?» Вспомнились слова Алексея:

— Ничего себе, куда мы чуть не улетели.

И я представил, что машина на мосту висит передними колёсами над пропастью.

Дверка салона не открывалась. Я вылез в плохо открывающуюся дверь кабины и спрыгнул на землю. Машина стояла перед глубоким, метров десять в глубину, оврагом. Остановило нас бетонное ограждение белого цвета. Всё оно и земля вокруг были забрызганы тосолом. Радиатор измяло. Вообще, передок был раскурочен. Передние крылья загнуты.

На улице холодно. У меня не попадал зуб на зуб. Я долго не мог застегнуть молнию на куртке. Потихоньку все вылезли из машины. Около нас ходили два мужика, женщина и ребёнок.

— А мы услышали хлопок и пришли посмотреть, что такое. Ну, хоть все живы.

Впереди виднелась освещённая заправка, жёлтые фонари вдоль дороги. И в темноте казалось — в самом деле надо ехать прямо. Но трасса здесь делала крутой поворот, огибая большую яму, в которой велись работы по устройству моста. На противоположной стороне оврага мигали лампочки, предупреждающие об опасности. С нашей стороны такие лампочки, по-видимому, тоже были, но почему-то не горели. Метров за пятнадцать, за двадцать до ямы — столбики на бетонных подставках, затем красные пластмассовые имитации ограждений в виде запчастей из легоконструктора, а уже перед самой ямой огромные бетонные отбойники. Машина сбила столбики, смяла и раздавила муляжи, сдвинула с места и развернула отбойники и только после этого остановилась. Кто-то включил аварийную сигнализацию, и машина весело замигала, словно заигрывая с лампочками на той стороне.

Местные мужики, оказавшиеся около нас, советовали тащить «газель» в Кемерово. Да других вариантов и не было. Я залез в машину. Нашёл свою сумку с документами и половинку плитки шоколада. Откусил сам, дал кому-то. Попытались остановить проезжающие машины, но никто не соглашался тащить. Решили узнать, поворачиваются ли колёса. Но рулевое не работало.

— Ну, тогда только на эвакуаторе, — сказал один из мужиков.

По телефону с интернетом нашли эвакуатор через такси. Нашёл один из мужиков. И они уехали.

Я несколько раз предлагал прибраться внутри «газели», но меня словно не слышали. Наконец, Костя прореагировал, и мы с ним стали наводить порядок. Все задние кресла оказались свёрнутыми напрочь (спинки их были загнуты вперёд). Спинки двух сидений, что сразу за водителем, видимо, сломал при падении я. Мы переложили кедротряс в середину вещей и закрыли матрасами. Термос Алексея со стеклянной колбой разбился.

Пришлось выметать зеркальные стёкла. Нашли термос с кипятком и пакет сушек. Передавая друг другу кружку, напились кипятку.

Приехали полицейские. Ругались, что-то объясняли, потом составили протокол на Виктора и уехали.

Минут через пятнадцать мы решили узнать, как там заказ, но телефон разрядился. Оделись потеплее, и мы с Алексеем пошли на заправку заряжать телефон.

Алексей несколько раз со смехом рассказывал, как Виктор с задних сидений-лежанок как мячик, как плюшевый мишка полетел вперёд и упал у его ног.

— Как плюшевый мишка. А в нём ведь сто двадцать килограммов. Сначала вижу — летит, а потом уже сидит. Смотрит и ничего не понимает.

У Алексея болела спина, которой он стукнулся обо что-то. Я ударился правым боком, рёбрами. Да ещё поцарапал в нескольких местах указательный палец на левой руке. Пальцами этой руки больно брать мелкие предметы.

Заправка оказалась закрытой на приёмку бензина, и даже в магазин не пустили. Но охранник привёл нас к электрощиту и показал розетку. Подзарядив телефон, мы позвонили в такси, но ни о каком заказе они и не слышали. Пришлось повторить. Холод собачий, сбегали до машины и оделись ещё теплее. Лёха надел зимнюю куртку. Несколько раз звонили в такси, каждый раз нам отвечали, что ищут подходящую машину. Возможно, они ищут эвакуатор в других организациях, а у самих его нет.

Отменили заказ, вызвали частника через объявление. Он сказал, что сейчас приедет за шесть тысяч. Ориентиром для него мы указали посёлок Рассвет, заправочную станцию.

Наконец открыли магазин, и можно было погреться. Лёха купил нам по «Сникерсу», себе кофе, а мне бутылку воды.

Приехал эвакуатор. За рулём пожилой торопливый мужик. Когда я полез к нему в кабину, почувствовал, что больно опираться на левую руку. Видимо, и левой рукой тоже сильно стукнулся.

«Газель» затащили на эвакуатор задом. Это удалось не сразу. Сначала пришлось выравнивать колёса, пиная по ним ногами. Мы с Лёхой забрались в кабину эвакуатора, Костя с Витей в «газель». Мужик обещал отвезти нашу машину в знакомые ремонтные мастерские.

На рассвете въехали на территорию мастерских. Здесь же располагалась небольшая гостиница. Константин договорился о комнате, и мы заселились.

У Виктора болит голова — стукнулся затылком, а, может, устал от бессонных ночей.

Кто-то лёг спать. Я первым делом вымылся. Алексей заварил макароны. Мы с ним чем-то перекусили. Приятно принять душ и лечь на свежие простыни.

До этого

Я долго не мог найти работу. Мы переехали в Подмосковье с Севера. И я перебивался случайными заработками. А никакой стоящей работы никак не находилось. Очень часто нанимателей смущала северная прописка.

Со временем моё состояние безработного стало казаться нормальным, как будто так и надо. И вот тёща переслала мне сообщение во Вконтакте: «Нужны крепкие православные молодые парни для поездки в экспедицию в Сибирь на два месяца. Зарплата 30 тысяч в месяц. Подышим запахом тайги и, может быть, окунёмся в Енисее». И телефон. Я уже давно хотел дикой свободы и сбросить с себя весь этот быт. А самое главное, разорвать замкнутый круг безработного, как-то вырваться из сжимающегося этого круга. И хотя мне было уже за сорок, я позвонил. Оказалось, что надо ехать за кедровыми шишками, а при хорошем стечении обстоятельств зарплата будет в два раза больше. Через несколько дней позвонили и сказали, что меня отобрали.

18 сентября

Отправился к Енисею в таёжный Лесосибирск — собирать кедровые шишки. Весь день был на нервах. Выезд несколько раз откладывался. Дома все перенервничали из-за этого. Пока ездил за старшим в гимназию, жена сшила мне ножны — теперь у меня есть не только топор, но и нож. Вышел из дома в половине шестого. С младшим и мамой попрощался чуть раньше: они уехали в художественную школу на занятия. Когда прощались с остальными детьми, они выстроились в ряд. Я всех их поцеловал и благословил. Девочки помахали ручками: «До свидания, папа!» Жена заплакала, но ушла на кухню, чтоб не показать слёз. Она молодец. Автобус перед Голутвином попал в пробку и опоздал, поэтому, преодолев мост через пути, я вошёл в электричку за минуту до отправления.

В Москве с трудом нашёл место сбора. Это небольшой подвальный магазинчик, торгующий разной полезной едой. Вслед за мной появился Алексей — высокий крепкий парень. По его большому рюкзаку я понял, что он тоже за шишками. Пока ждали, когда приедет машина, хозяйка угощала красной рыбой и мочёными орехами (миндалём, грецким, фундуком). Оказывается, орехи надо вымачивать несколько часов в воде, так как у орехов есть свой собственный консервант, кислота, которая сохраняет их, а после замачивания уходит в воду.

На машине приехали Константин и Виктор. Костя, хозяин магазина, худой, высокий, говорит басом, что несколько удивительно при такой худобе. Виктор высокий, здоровый, немного полный, весь зарос бородой, и голова не стрижена. Ходит медленно.

На полмашины постелили тонкий серебристый утеплитель. По швам склеили его скотчем. А уж потом загрузили вещи.

Оказалось, что радиатор течёт. А машина взята напрокат. Именно за ней ездили мужики. Несмотря на поломку, решили ехать.

Машина тянула плохо, дёргалась, печка не работала. Ещё когда вырывались по улицам Москвы, Алексей вдруг сказал:

— Знаешь, что? Наверно, не стоит об этом говорить сейчас... Но... Наверно, не стоит...

— Говори.

— Если «газель», такая как наша, попадает в аварию на скорости больше восьмидесяти километров в час, то никто не выживает.

Проехали часа полтора. Машина совсем плохо пошла. Водители, Костя и Виктор, приняли решение вернуться. Сдать машину, взять другую,

менее удобную (меньше влезает), но по качеству, возможно, лучше. Около Сергиева Посада повернули обратно, даже проехали через его пригород. Но через какое-то время машина пошла лучше, печка стала греть. Неожиданно снова поехали в сторону Сибири.

Чтобы было удобнее ехать, на задние сидения сложили небьющиеся, неломающиеся вещи. Сверху матрасы. Получилось три спальных места. Одно — на полу, сразу за сиденьем водителя. Второе — на вторых пассажирских сидениях и третье — сзади на вещах.

19 сентября

Позавтракали яйцами, картошкой, огурцами, орехами и морковкой. В обед в какой-то деревне «газель» остановили гаишники. Командир ушёл в их машину и через какое-то время вернулся.

— Витя, дай свои права!

— А чего такое?

— Да у меня права просроченные оказались.

Отдали права. Полицейский посмотрел на нас через стекло. Виктор, лежавший сзади, помахал ручкой: «Вот, мол, я».

Стали судить-думать, что будет. Виктор нашёл по интернету, что за езду без прав штраф от пяти до пятнадцати тысяч.

Командира долго не отпускали. Наконец он вернулся, пятьсот рублей взял. Оказалось, дали пятьсот рублей штрафа за остановку около пешеходного перехода. Долго проверяли машину и самого командира по базе.

— А на сколько права просрочены? На несколько дней?

— Да с прошлого года.

Дальше поехали так: за рулём либо Виктор, либо командир (тогда Виктор рядом сидит, чтоб можно было поменяться).

Ночью едва не обсохли. На скорости до заправки добрались. За нами гналась машина. Оказалось, они тоже чуть не обсохли. Мужик страшно ругался на свою машину. А потом сказал: «Сейчас, оказывается, три часа ночи, а у нас всё час». Так мы переехали два часовых пояса и оказались в другом времени.

Ночью проехали Урал — небольшие холмы с частыми каменными горками, словно наросты.

20 сентября

Чай кипятили на маленькой портативной горелке с газовым баллоном. Баллон новый. Иногда огонь вспыхивает высоко. У нас четыре сорта чая: зелёный, улун, чёрный, красный. Заваривали по несколько раз в чайнике. Наливали в стеклянные чашки с двойным стеклом. Зелёный чай самый крепкий. Он бодрит. Пили с курагой. Курага особенная, самая полезная, ничем не обрабатывается, в Армении растёт. Засыхает прямо на деревьях. Потом её снимают и достают косточку. Есть деревни только в одном месте в Армении, которые занимаются этим. Половину сами съедают, половину продают. В одной кураге оказался живой червяк, тутовый шелкопряд.

В обед поели в столовой. Суп, второе. Виктор отказался от мясного борща, так как в пятницу он старается мяса не есть. Завтра Рождество Богородицы. Все об этом помнят. Проехали Тюмень, большой красивый город. Через час отъехали от трассы в сторону, в город Ялуторовск. Там

побывали на всю ночь в соборном храме в честь Сретенья Господня. Нас помазали, мы съели хлебушки, намоченные вином, потом попили святой воды. Я исповедался и взял благословение причаститься в праздник. Ночью навигатор с картой 2016 года несколько раз нас обманывал, показывал неправильное направление. Дорога поменялась. То же было чуть раньше в Тюмени. Навигатор показывает круговое движение. А дорога широкая, прямая. С 2016 года поменялась, стала прямая, в несколько полос. Хорошо, у Алексея есть навигатор на телефоне, и мы разобрались.

21 сентября

Ночью проехали Омск, я его не видел. На рассвете я заметил, что мы едем навстречу солнцу. В Сибири много лесостепей. И вот степь раскинулась далеко-далеко. На горизонте виднеется полоса леса. Над ней небо розовым украсилось. Словно солнце только чуть глаза приоткрыло и через прищур вот так светит. А на редких тучах розовый свет отражается фиолетовым. И кажется, что тучки эти будто из ваты приклеены. Потом розовая полоска стала не такой яркой (потускнела). Наверно, потому, что в центре её недвижимый костёр загорелся, только не жаркий, не обжигающий. На туче, что нависла почти над самым костром, к фиолетовому свету прибавился нежно-розовый. Но солнце всё никак не выходило, всё таилось. ...Вот машина стала подниматься в горку, мы словно вылетали на невысокий трамплин. Солнце показалось своим ярким краем. Видимо, из-за неровности дороги и поворотов, то появляется, то снова скрывается за далёкими деревьями, бежит за ними. И кажется, что солнце играет, пульсирует. ...Наконец совсем выкатилось золотой блестящей монетой. Смотреть на неё нельзя. Только глянешь — и сразу глаза зажмуриваешь. И бегут в глазах, катятся золотые монеты.

Вдруг Виктор говорит:

— Полседьмого. Надо храм искать.

Оказывается, что ночью проехали ещё два поста полиции. Вскоре заехали в посёлок Татарский. Здесь нашли храм Покрова Богородицы. Священник большой, высокий. Но ходит тяжело, видимо, чем-то болен. Мы с Витей причастились. После службы нас пригласили в трапезную, где мы вкусно пообедали. Так получилось, что на вечернюю мы попали в Ялutorовске, а причастились в Татарском, между которыми семьсот тридцать восемь километров.

Прихожане сказали, что у батюшки шесть детей и три высших образования (две семинарии). Ещё за трапезой рассказали, что в Красноярском крае горит лес, к дороге выходят медведи.

Мы снова поехали. В одном месте видели небольшой пожар. Горела трава и невысокие деревья. Ещё несколько раз нас останавливали полицейские. Проверяли документы и отпускали. Один раз за рулём был командир Костя, Витя спал. Пришлось быстро меняться. Полицейский не придирался, хотя у Вити — большая борода и футболка зелёная, а у Кости — серая.

Перед Новосибирском повернули на Юргу. Машина снова не пошла. Перестала тянуть в гору, а печка отказалась работать. В Юргу приехали около двенадцати ночи. Здесь нам надо было взять специальное оборудование. Человек, с которым мы договорились, подъехал на машине

в условленное место, мигнул фарами, и мы поехали за ним. Мимо каких-то построек, потом гаражей. Казалось, что мы едем за продавцом оружия. В одном из гаражей нас ждали, мы купили кедротряс. Его изготовитель Роман объяснил принцип действия. А когда загрузили в машину, сказал, что это не совсем законная штука, хотя не причиняет вреда, тогда как колот сшибает кору и намного опаснее для дерева.

(До этого, ещё темнело, проехали Обь. Красивая речка. Берега крутые, то ли скалистые, то ли глинистые. Наверно, скалистые. В одном месте реки — остров. Большой, тоже каменистый. На него въехала машина).

22 сентября

Взяли оборудование и поехали дальше. Константин за рулём. Они с Виктором долго о чём-то говорили. Понятно стало, что хозяин станка по переработке шишки не может встретиться и показать его ночью. До этого договаривались на двенадцать ночи. Да и мы сами к двенадцати ночи в Кемерово не успевали, так как барахлила машина. Переиграли встречу на семь утра. До Кемерово оставалось совсем недалеко, торопиться некуда.

...Я уснул. Проснулся оттого, что на мой матрас наступил Виктор. Матрас чуть съехал, и я едва не упал с сиденья. Дёрнулся, вскрикнул и выставил перед собой руки.

— Тихо, тихо, — успокоил меня Виктор. Оказывается, Костя отправил его спать.

Вообще, я часто чуть не падаю со своей лежанки. Машина притормозит резко — и меня скидывает. От этого я очень плохо высыпаюсь.

Выехали на хорошую дорогу. Я снова уснул. Проснулся, когда повернули куда-то в сторону.

— Брат, что такое? — спросил Алексей.

— Спи. Всё нормально, — ответил Костя.

По звукам я понял, что он решил долить в бак топливо из приготовленной на всякий случай десятилитровой канистры. Снова выехали на трассу. Машина притормозила. Я привстал, посмотрел в окно. На пролетавшем мимо указателе было то ли пятьдесят, то ли шестьдесят километров до Кемерово.

Я успокоился. Вспомнил, что в Кемерово погрузим станок, который займёт много места, и будет уже не полежать. Лёг и стал молиться, чтоб всё было хорошо. Машина ехала с большой скоростью.

...Проснулся я оттого, что послышался какой-то скрип, лязг. Тут же машина во что-то с сильным ударом врезалась. Меня кинуло вперёд вырвавшимся из рук веретеном. Страшно, что силе, которая влекла меня, я не мог сопротивляться.

После

22 сентября

В гостинице — своё отопление и вода из своей скважины. Но, правда, вода плохого качества. Все ходят с канистрами на колонку. Хозяин автосервиса и гостиницы, кроме того, занимается лесом, у него своя пилорама, строит столярку.

После обеда, когда мы вышли на улицу, хозяин, сам мастер по ремонту машин, сказал, что ремонт обойдётся не дешевле, чем покупка такой же подержанной «газели», потому что лопнула рама. Он сказал, что у него на ремонте стоит эвакуатор, который возвращается в Москву, и посоветовал переговорить с водителем. Но эвакуаторщик загнул цену в пятьдесят тысяч. Смысла перегонять разбитую машину на такое расстояние не было.

Костя постоянно ищет разные варианты проката или покупки машины. Проката практически нет. Он возможен только с водителем, да и то никто не соглашается.

Сварили суп из курицы. Поели.

Мы с Алексеем пошли до вокзала, деревянного храма Александра Невского и «Парка ангелов». На месте этого парка стоял торговый центр «Зимняя вишня», в котором при пожаре сгорел шестьдесят один человек. Совсем недавно там посадили шестьдесят один кедр, поставили шестьдесят один камень. Ещё есть «горы» из камней с землёй. В день нашего прихода состоялось открытие водно-светового спектакля. В одном месте на камень с разных сторон лились освещённые струи воды, словно это заливают «Зимнюю вишню». Собственно, спектакль проходил в другом месте. Около круглой башни. С её стен под музыку срывались струи воды, особо расцвеченные прожекторами. Потом из-под земли, прямо из тех мест, куда падала вода, вдруг били фонтаны, поднимающиеся ввысь до самого верха башни.

23 сентября

Решались вопросы с машиной. После обеда мы с Виктором пошли заказать благодарственный молебен. В храме Александра Невского в ближайшие дни служб не было. Мы спросили, где Знаменский собор, и пошли туда. Это огромный храм с двумя пределами (верхним и нижним). Рядом огромная лавка, размером как хороший магазин. За храмом есть музей, приходской дом.

Заказали благодарственный молебен и молебен о путешествующих. Взяли просфоры и святой воды. Побывали на вечерней службе. Охранник отдал нам свою большую просфору, которую ему после литургии дал священник. Вернулись вечером. В доме ничего не приготовлено. Сходили за пельменями, по-быстрому сварили их. Ещё съели творог.

Ночью Константину и Виктору предстояло ехать на попутной машине (по «БлаБлаКару») в Барнаул покупать старую «буханку».

24 сентября

Ребята уехали. Утром Лёха долго спал. Потом мы сварили кашу, перекусили и пошли в парк, который расположен на берегу реки Томи. Ходили по набережной. С неё открывается прекрасный вид на Томь и на противоположный берег (небольшие горы или холмы). На одной из возвышенностей надпись: «Кузбасс». Зашли в магазин, посмотрели, сколько стоят бензопила и лебёдка.

Вечером приехали ребята. Поужинали тем, что было. Константин, Виктор и Алексей часто обращаются друг к другу: «брат», «брат Алексей». А иногда: «дядя».

Легли пораньше. Завтра Косте и Виктору ехать за станком, а потом за печкой. Машина, которую они купили, так себе. Выскакивает третья скорость, проблемы с управлением и печкой.

25 сентября

Проснулись поздно. Командир с Виктором поехали за станком и печкой. Мы сварили на завтрак овсяную кашу и отправились покупать бензопилу и комплектующие к ней, лебёдку, топор, лопату, шприц для дозирования масла и эмалированное ведро с крышкой.

Пилу, топор, лопату и брусок нашли довольно быстро. В поисках ведра пришлось ехать на край города в большой магазин, но ведра там не оказалось. Зато купили лебёдку. Нашли сухие бруски 50×50 — три метра по двести рублей. Но это слишком дорого. Ведро, наверно, придётся купить какое-нибудь другое, но где взять крышку к нему? Сварили суп из морковки, картошки, лука. К овощам добавили банку скумбрии. Виктор, так как была среда, отказался, заварил себе «бич-пакет», съел что-то ещё.

Начали погрузку машины. Все сидения в машине, кроме водительского и пассажирского рядом с ним, сняты, валяются на полу. Выкинули ненужные. Оставили одно со спинкой, длинное, в виде лавочки. Поставили его вдоль стенки, что напротив боковой двери. Местный сварщик приварил его. «Буханка», видимо, сильно битая. Выправлены стойки, кое-где поставлены дополнительные железные рейки, прикреплённые на болты. Концы болтов торчат далеко в салон, а это очень опасно. По нашему настоянию Константин срезал эти болты болгаркой. Внутри в «буханке» — станок для размола шишек. Он стоит у задних дверей и прикручен прямо к полу на кровельные саморезы. Уложили трубу от печи, кое-что ещё. На крыше установили багажник от «газели». На пилораме купили бруски 50×50. Здесь они по двадцать пять рублей метр погонный. Это намного дешевле, чем в магазине. Правда, они сырые, что не очень хорошо. Брусья необходимы для установки шатра-палатки. На них будет натянут специальный материал. От тёплого воздуха печи брусья будут сохнуть, их начнёт изводить, крутить, может порвать тент. Несмотря на возможность таких неприятностей, Константин решил купить эти брусья. Видимо, ушло много денег на машину.

На багажник привязали пачками брусья, между ними прямо на крышу уложили два запасных колеса. Пока ребята доделывали это, я сварил гречневую кашу на сегодня и яйца на завтра. Заканчивали погрузку уже в темноте при уличном освещении.

Пока был на кухне, разговаривал с Александрой, женщиной пятидесяти семи лет. Она работает у хозяина гостиницы. Топит печь в кочегарке. Что-то готовит. Подметает и моет за постояльцами. За сто рублей стирает бельё в машинке. (Ребята пару раз воспользовались этим). Александра вместе с мужем живёт тут же при гостинице, заодно и присматривает за ней. У неё две комнаты без дверей. Одна с одной стороны кухни, а вторая — с другой. Потолки в комнатах под наклоном, косые, так как это чердачное помещение. В кухонке небольшой столик, раковина с помойным ведром под сливом, пара шкафиков. Один шкафик сделан из старого холодильника. Рабочий холодильник, в котором и мы оставляли продукты, стоит в комнате Александры. Особенно неудобно брать из него продукты

вечером, так как после восьми Александра ложиться спать. В холодильнике не работает свет, поэтому в тёмную комнату заходишь с фонариком на мобильном. Случайно освещаешь спящую женщину. Потом копаешься в холодильнике, как вор.

Кухонка, расположенная между двумя комнатами, является основным местом обитания Александры. Очень часто она делает заготовки. Иногда Александра выходит на открытую веранду второго этажа (чтобы попасть в гостиницу, надо подняться на эту веранду по крутой лестнице). И бывает, что, выйдя на веранду, она садится в кресло, укрывается тёплым одеялом и глядит на всё, что происходит вокруг: на автосервис, пилораму и даже на частные домики чуть в стороне, наверно, и на дальние многоэтажки, словно она повелительница всего этого и царица. Раскрасневшаяся от плиты, а, может, от солнца, лицо её чуть светится. Должно быть, вспоминает она в эти минуты свою родину.

Александра — беженка из Донецка. У них с мужем нет общих детей. Когда началась война, первым уехал её сын. Уехал далеко, в Кемерово. Нашёл работу, так как он хороший маляр по покраске автомобилей. Сын мужа ушёл воевать и до сих пор в армии. Александра ещё какое-то время пожила на родине. Очередным обстрелом у соседки убило корову. Мясо пришлось сбить по дешёвке. Глядя на это, Александра распродала всю свою скотину за копейки. Перебралась в Донецк, где устроилась на работу медсестрой в больницу. Она рассказала, что однажды из Горловки таксист привёз большую коробку, а в ней четверо малышей. Оказалось, что, когда обстреливали местную больницу, из её дверей выкатилась тележка, а на ней четыре ребёнка. Из горящей разрушенной больницы. Возможно, кто-то успел их таким образом спасти, а сам остался внутри. Таксист собрал малышей в коробку и поехал в Донецк. Он говорил, что пропускали на всех постах, как украинских, так и ДНР.

— Как откроют коробку, — говорит, — так и плачут, и плачут. Вот, простые-то люди лучше властей. Родители их тогда не нашлись. Хоть из больницы и запрашивали. Сейчас уж большие. По пять лет... Пять лет, как уж я уехала, — сказала она так, словно только сейчас про это вспомнила.

Уехала она в 2014 году. Сначала добирались до Ростова-на-Дону. Дороги в страшном состоянии, мосты раздолблены. Из Ростова прямым поездом до Новосибирска. (Тогда она не знала, что с пересадкой в Москве можно добраться прямо до Кемерово).

— В Новосибирске меня пацан встретил, — она так и сказала: «пацан». Так часто называет сына.

Сын отвёз её в небольшой посёлок, где жили их родственники. Но в посёлке оказалось жить очень сложно, пришлось перебраться в Кемерово. Работала то в одном месте, то в другом, снимала жильё. Наконец, в автосервисе, где работал сын, появилось место для жилья и работы. И Александра перебралась в две чердачные комнатки без окон.

— Нет, отсюда я никуда не уеду, — говорит Александра. — Работа есть, жильё есть. За свет, воду платить не надо. Муж зовёт на родину. Всё ему здесь не нравится. Но я не поеду. Здесь у меня сын рядышком, внучка. Куда я поеду? А сам пусть едет, я его не держу. Но чтоб ехать — деньги нужны. А он то работает, то нет. Не пьёт, не пьёт, а потом как начнёт. И у сына чего-то работы стало меньше. Ремонтировать ремонтируют,

а красить не хотят. Уж это не главное. Сначала думали — отпуска, не до этого людям, а теперь уж все отпуска кончились.

В Донецке у Александры остался отец, которому около девяноста лет.

— Да он ничё ещё. За собой смотрит, за здоровьем смотрит. Сам в магазин ходит. Вот только в пятиэтажке у них крайний подъезд, и живут только в трёх квартирах. Отец да два алкаша. Случись что, ни к кому не обратишься, никто не поможет.

Пужинали и легли пораньше.

26 сентября

Утром, помолвившись, позавтракали остатками гречневой каши, супа, чаем и хлебом с маслом. Догрузили вещи, в том числе те, что были в комнате, и выехали. Виктор за рулём, командир рядом. Мы с Лёхой в салоне. «Буханка» рычит, орёт, трясётся. Для переключения скоростей надо сильно газовать. Двигатель выходит одной частью в салон. Защитное железо с него срезано, видимо, для тепла. Поэтому в салоне жарко, но это не беда. Плохо, что от движка сильно пахнет гарью. Пока ехали без навигатора, чуть не повернули на встречу по улице с односторонним движением. Лёха случайно заметил знак, и мы с ним вместе заорали:

— Налево! Налево! Здесь одностороннее!

Сначала проехали по Кемерово. Надо было отдать лебёдку, которую мы вчера купили. Лебёдка не подходила, она была всего на восемьсот килограммов. Маленькая. Мы с Лёхой пошли сдавать, а ребята в автомобильном магазине купили другую. И два верёвочных троса к ней. Чтоб можно было вытаскивать машину издали.

У меня заболела спина около лопатки, словно что-то воткнули. Неожиданно боль перешла ещё и на грудь. Я связывал это с ушибом, ведь у меня побаливала рука и чуть с правой части груди. Возможно, какой-то рецидив. Хотя, может, это зажим и нервное.

Виктор так и говорит, только почему-то шёпотом:

— Может, нервное.

Долго ехали. Под горку Виктор разогнался до девяноста, чтоб легче выйти в подъём. Но всё равно машина сбавляла ход, приходилось переключаться на понижающую. Со свирепым рычанием, на предельной скорости, словно железные великаны, обгоняли нас одна за другой огромные фуры. Если не было параллельной полосы, обгоняли по встречке, несколько раз сигналили. Грузёным грузовикам с прицепом лучше не сбавлять скорость на подъёме, а то они могут и не выехать. Виктор, понимая это, часто сворачивал на широкую бровку и ехал по ней.

Двадцать шестого сентября — канун праздника Воздвиженья Креста Господня. Старались попасть в храм на вечерню, хотя бы на кусочек. Нашли храм впереди в селе Марьино. Но он оказался закрыт. Скорее всего, это часовня. Рядом с храмом — музей под открытым небом, напоминающий о страданиях сосланных в Сиблаг. Здесь кусок узкоколейки, барак, что-то наподобие землянки или входа на рудник. Есть расстрельная доска с силуэтами людей и отверстиями от пуль. Рядом висит кусок рельсы и приготовлен прут — это било. Каждый может ударит в него в память о замученных в лагерях.

Мы надеялись, что есть ещё один храм, но посередке Марьино остановились, и Костя куда-то ушёл. Оказывается, в магазин «Рыболов», чтобы что-то купить. Мы его долго ждали. Я расспросил одну женщину, есть ли храм и как добраться. Лёха нашёл его в интернете и поставил навигатор. Костя вернулся с плёнкой для теплицы и никелированным ведром (таким, как подойник для дойки коровы). Пока ждали, я видел старика без правой руки и без правой ноги. Невольно вспомнился поезд и железная дорога. Такое впечатление, что мужик упал на рельсы, и ему отрезало руку и ногу. Старик опирался левой рукой на палочку и прыгал сантиметром пять-семь, после чего мелкими прыжками ещё допрыгивал, как бы набирая расстояние и одновременно останавливаясь.

Нашли второй храм, большой, кирпичный, с высокой колокольней. Но он был закрыт, видимо, служба здесь проходит раньше. На выезде из Марьино попалась ещё часовенка.

Всех интересовал вопрос, когда будет обед, ведь уже шесть часов вечера, но командир всё медлил. Наконец поели в придорожной столовой. Слышали, как одна из поварих звонила по телефону:

— Что, за шишкой ездили? Как это не ездили? Все люди ездят. Очень много. Так поедете за шишкой?

Лёха нашёлся и громко ответил:

— Поедем!

На кухне захохотали.

Весь о большом количестве шишки и еда всех привели в благодушное состояние. На улице уже почти стемнело. Я думал, что мы никуда не поедем в темноте, но мы поехали.

Ночью, в темноте, ехать страшнее. На скорости машину начинает кидать то в одну, то в другую сторону. В такой ситуации фуры, как встречные, так и попутные, кажутся особенно страшными.

Надо было подумать о ночлеге: необходимо найти частный дом или небольшую гостиницу, чтоб можно было загнать машину во двор, так как она не закрывается. Нашли несколько вариантов. Наконец дозвонились до хозяйки подходящего дома в Ачинске. Виктор управлял уже из последних сил, когда подъехали к дому. Хозяйка открыла железные ворота и отогнала в сторону свою белую машину с правым рулём. «Буханка», урча и рыча, въехала на место стоянки. Нам отвели небольшой домик, который, видимо, постоянно сдаётся таким же бригадам, как наша. Кухонка с раковиной, кое-какой посудой. Совмещённый санузел. Правда, душ можно принять только холодный, так как не работает водонагреватель. Его провод питания висит без вилки. Вместо вилки два зачищенных проводка. Кто-то, видимо, пытался вставить провод в розетку прямо так. Мы не стали. В другом месте я нашёл оголённую розетку.

В единственной комнате — два раскладывающихся дивана: один узкий, другой намного шире. Пол давно не мыт и в буквальном смысле — липкий.

Окна пластиковые, радиаторы современные.

Из постельного белья хозяйка принесла нам одну простыню, один пододеяльник и три наволочки. Мы поделили их по-братски. Принесли из машины свои подушки и спальные, которыми укрылись. Мы их подписали на бирке. Чтоб не путать: «В» — Виктор, «Сергей», «командир» и «Алексей Александрович». Помыли уставшие ноги, немного перекусили.

Помолились. Читал Виктор. Перед чтением он каждый раз просит: «Научи молиться и Сам молись во мне». По диванам распределились так: мы с Виктором, как толстенные, — на большой диван, командир с Алексеем Александровичем — на узкий.

27 сентября

Проснулся я раньше всех. Полежал, сколько мог: важно, чтоб водитель выспался, да и ребята тоже. Потом я разбудил Виктора, напомнил о празднике. Пока собирались и ехали, служба уже закончилась. Но храм, конечно, открыт. Казанской иконы Божьей Матери. Нам тут бесплатно дали много просфорок, как путешествующим. Батюшка благословил, спросил, чем занимаемся. Мы сказали, что едем собирать кедровую шишку.

— Орехи есть будете? — спросил он весело.

Мы не поняли, про что он. Тогда батюшка повторил:

— Ну, орешки есть будете?

— Не знаю, — ответил кто-то.

— Ну ладно. Если будете есть — меня позовите!

В храме много икон ачинских святых. Когда вышли из храма, долго совещались, что делать дальше.

Пока решали, куда ехать, я разговорился с женщиной. Расспросил, где находятся столовые, какие есть храмы. Оказывается, в Ачинске есть католический и лютеранский храмы.

— Ничего удивительного, — сказала женщина. — В Ачинске очень много немцев. Многие, правда, уехали. Я сама немка.

Сюда ссылали немцев Поволжья. Многие из них уже уехали в Германию. Эта женщина осталась. Перешла в православие, так как вышла замуж за русского и сын у неё русский. Из разговора не совсем понятно, но, возможно, сын умер.

— Ну куда я поеду? Здесь у меня знакомые, здесь меня уважают. Спецпенсия от завода, да ещё обычная, поэтому денег хватает.

Все хотели пообедать или хотя бы позавтракать, но Константин сказал, что он уже созвонился с человеком, который нам продаст ещё одну печку-буржуйку. Печка необходима для просушки ореха. По пути остановились около рыбацкого магазина. Костя ушёл, я — за ним. Костя долго выбирал себе пенковые тёплые сапоги. В магазине нашлись даже на минус сто. Я подобрал и примерил два плаща-дождевика для меня и Виктора. Потом в другом магазине купил несколько кусков хозяйственного мыла, туалетную бумагу, губки.

На развилке, в одном из дачных хозяйств, нас ждала машина. Мы проехали за ней по узким улочкам. Печка оказалась огромной, к ней прилагалась длинная тяжёлая труба. Встал вопрос, как и куда засунуть эту махину. Пока суд да дело, каждый съел по горсти калины, которая росла при дороге. Я пошутил, что это наш обед.

Кое-как закатали ржавую, толстостенную печь. Пришлось положить её прямо у боковых дверей. Теперь нам с Лёхой придётся вылезать из машины и залезать в неё, сгибаясь в три погибели. Трубу решили поднять на багажник, для этого пришлось взять лесенку у хозяев. Константин привязал её верёвками и проволокой. Виктор был против, так как, если труба упадёт где-нибудь на дороге, может наделать много бед. Константин

сказал, что поедем медленно. Но как ехать медленно, если под горку надо разогнаться?

У хозяев мы спросили, как добраться до оптового магазина. Нам указали на «Светофор», сказали улицу, и мы поехали. Но навигатор почему-то завёл нас в частный сектор, узенькие улочки, а потом и вовсе в тупик. С одной стороны дороги — дома и заборы, с другой — обрыв. Сама дорога чуть под наклоном, так что машина стоит косо на один бок. Виктор долго выруливал задом до ближайшего перекрёстка.

В Ачинске есть трамваи. Это, конечно, удивляет. Вообще, небольшие города, в которых остались трамваи, всегда удивляют и радуют. Наконец добрались до оптового магазина. Мы с командиром пошли закупаться. Выбор товаров не очень большой. Гречка нашлась только в пакетиках, вода в пятилитровках закончилась. Несколько удивили и цены. Банка консервов из цыплёнка — 30 рублей, из говядины — 47. Что они туда кладут? Купили каких-то маленьких шоколадок, четыре пачки халвы, несколько пачек сухарей. Коробку консервов из цыплёнка и полкоробки консервов из сайры. Я думал взять фасоли в собственном соку. Но Константин сказал, что это на сто процентов ГМОшная фасоль, дрянь, и лучше покупать сухую и варить.

Когда мы с тележкой вышли на улицу, нас ждала неприятная новость: пробило патрубок системы охлаждения, и струёй вытек тосол. Поняв, что до обеда ещё далеко и, возможно, калина и была нашим обедом, мы с Лёхой съели по шоколадке. Витя взял халву. Вскрыли пакет с сухарями и попили чаю из термоса, вернее, кипятку. На другой стороне дороги, чуть в глубине, виднелась вывеска «Автосервис». Ребята пошли туда и привели мастера, пожилого мужика в синем комбинезоне. Он сразу нашёл причину — большую дырку посередине патрубка.

— Не знаю, почему пробило. Патрубок новый, может, какой дефект был.

В обрезанную пятилитровую канистру слили оставшийся тосол. Первый патрубок не подошёл по толщине, мастер сбегал за новым. Всё поменяли. Пока ремонтили, мы с Лёхой сходили в ближайший магазин за консервным ножом «Серп и молот».

Сразу поехать дальше не получилось. Лёхин телефон, который мы часто использовали как навигатор, разрядился, настоящий навигатор тоже. Машина долго стояла на месте, газовала, заряжая Лёхин смартфон. В салоне стало жарко. Я выпрыгнул на улицу, чтоб проветриться, и зачем-то глянул под машину. Снова капал тосол, а ещё масло. Решили ехать к мастеру в автосервис, чтоб он ещё посмотрел.

С системой охлаждения всё нормально — тосол капал из переполненного бачка. А вот нормального количества масла не оказалось ни в раздаточной коробке, ни в коробке передач, ни в мостах. Мастер везде долил.

В каморке за столом сидели другие мастера. Я спросил, много ли в Ачинске народу.

— Сто двадцать тысяч. А вы с Барнаула? У вас барнаульские номера. Или «буханка» по случаю?

— По случаю.

— Едете далеко?

— Далеко.

Через несколько километров после Ачинска машина снова сломалась. Хорошо, это произошло не на горке, а на ровном месте прямо перед крутым спуском. Виктор съехал на бровку. Я хотел выйти, но дверь заклинило. От этого стало неприятно. Вспомнилась дверь «газели», которую клинило. Но там можно было выйти через дверь водителя. Здесь же и этого нельзя сделать.

— А случись что? — сказал Виктор.

И я подумал: в самом деле, случись что — тяжёлая бочка навалится на нас, сзади засыплет вещами, а дверь нельзя будет открыть. С трудом, с помощью монтажки, удалось вырвать дверь из стоек. Костя сразу подколотил её сверху, подогнул кое-где, и она стала открываться и закрываться. С помощью звонков по телефону знакомому мастеру нашли причину поломки. Как я понял, потерялась гайка, удерживающая троеик газа, и он слетел. Такой гайки у нас не было. Можно сказать, гаек вообще не было.

Я решил побродить по дороге. Мы стояли перед крутым склоном, и впереди открывался прекрасный вид на тайгу, местами украшенную осенью в золото листья.

Я принёс ребятам кусок проволоки. Прогулялся ещё. Пройдя по тропинке в соседний лесок, нашёл там по-простому оборудованный бивак. Два сидения от машины, тумбочка-столик. Дверка у неё закрывается на крючок. Костровище небольшое, но часто используемое. К дереву прибита пластиковая бутылка, приспособленная под умывальник. Рядом с тумбочкой на земле стоит закопчённый чайник.

Когда я вернулся, ребята уже починились. Привязали газульку то ли на проволоку, то ли на верёвку. Поехали, когда уже начало темнеть. В салоне ещё сильнее запахло гарью. Надо было добраться до ближайшего сервиса или автомагазина, чтобы добыть пару гаек на газовый троеик.

Как обычно, проскочили шиномонтаж, но потом развернулись на ближайшем перекрёстке. А, может, встали где-нибудь на обочине, подождали, пока схлынет поток машин и, не задумываясь, пересекли сплошную линию и уже оказались на противоположной стороне, вот уже едем обратно. Мы столько раз проскакивали мимо чего-то, что не помню, как мы сделали в этот раз.

Факт тот, что машина подъехала к шиномонтажу и маленькому автомагазину. Ребята стали заниматься ремонтом, а меня отправили пробежаться вдоль линии выстроившихся торговцев, чтоб узнать, где можно купить картошки и морковки.

Овощами никто не торговал. Почти у всех были выставлены корзины из лозы или щепы, разные поделки. Торговали мёдом, спиртовыми настойками корня женьшеня, струёй кабарги, струёй бобра, маслом пихты. Я удивился, что часто рядом стоит два мешка с шишками по разной цене: двадцать и десять рублей за штуку. Оказалось, что в одном мешке шишки крепкие, красивые, а в другом — рыхлые, поеденные грызунами.

Я пришёл к командиру и отрапортовал, что здесь никто морковью и картошкой не торгует. Но чуть в стороне находится районный центр, посёлок городского типа Козулька, где есть рынок и овощи можно найти. Я надеялся, так как уже стемнело, заночевать в Козульке, а с утра

закупить всё, что надо. Но командир сказал, что завтра мы будем в селе куда больше, чем Козулька, и рынок там тоже есть.

Ребята напомнили, что пора пообедать. Костя дал тысячу и велел заказывать на всех.

Прикручивая гайку, командир поранил и обжёг палец. Завязал его какой-то тряпкой и, может, поэтому был не в духе.

Виктор опять отказался от мясного и рыбного. Мы начали есть без Кости. Когда он пришёл, Алексей Александрович завёл разговор о дальнейших планах. Всем нам не нравилось, что Костя решает всё один, не говорит, что будет дальше и совсем не слушает ни наших советов, ни советов других людей, словно не слышит их. Между тем, «буханка» совсем не готова, не проверен второй бензобак. Не закуплено достаточное количество продуктов.

— Пока машина едет, надо ехать, — ответил на всё это Костя. — Нам главное доехать до места, выгрузиться и начать бить орех. Как только мы доберёмся, я сдам «буханера» какому-нибудь мужику из деревни, чтоб он её посмотрел. Времени у него на это будет предостаточно.

— Как это, сдать «буханку»? — спросил Виктор. — А если что случится, если кто сломает ногу, как тогда?

— Нам главное — доехать до места!

— Ему говорят, а он не слышит, — развёл Виктор руками.

— Ну, а если «буханка» сломается раньше?

— Мы наймём ГАЗ66, перегрузим вещи, и нас забросят в тайгу. А «буханку» уташат в деревню.

— А на какое место едем?

— Будем пробовать, искать. В этом районе в этом году самый большой урожай шишки и небольшое количество населения, все русские. Но если не найдём шишки, поедem в местный монастырь, кинемся в ножки настоятелю, попросим, чтоб дал проводника и забросил в тайгу. Нам главное, начать работать. Первый орех сдать на месте. По звонку его заберут прямо из леса. Дешевле, конечно. Но у нас появятся деньги на продукты и на отправку ореха в Москву.

— А тебе не кажется, что это всё нереально, что на этой машине ничего не получится.

— Брат, это самость. Ты в прелести! — сказал Алексей.

Костя резко ответил ему:

— Что, Штырь, в дрейф попал?

— Я же просил не называть меня больше так. Хотя как хочешь, — и он больше не вступал в разговор.

— Я дальше не собираюсь ехать. Ну, что это? Машина не тянет, кедротряс незаконный, у тебя просрочены права. Я готов помочь тебе с тем, чтобы пристроить машину, продать оборудование... — размышлял Виктор. Ему не нравился тон командира, но он сдерживался.

— Стоп! Ты хочешь, чтоб я, когда уже всё готово, когда мы уже у цели, остановился?! — Костя поперхнулся и отставил суп. Второе он тоже потом не доел.

— Ты же видишь, что нас всё останавливает? Всё. Не езжайте, не езжайте...

— Да это разве трудности? Пацаны, это всё мелочи. Это только закаляет.

— Авария — мелочи?
— Авария? Да, авария — это серьёзно. Но остальное. Надо просто доехать до леса, и всё наладится.

— Как?

— Наши деды в войну вот так же ехали.

— Сейчас не война.

— Почему, брат, не война? Христианин — воин Христов и всегда на войне. Всё наладится.

— Ты упёрся рогом, лезешь на рожон и ничего больше не видишь.

— Витюша, надо просто доехать до леса. Я думал, ты будешь основным звеном, якорем, который всё удерживает, а ты, наоборот, всё расшатываешь. Я видел, как ты говоришь с ребятами.

— Я с ними обсуждаю, как быть дальше, советуюсь, если ты этого не делаешь. У тебя всё в твоей голове, и ты ничего не объясняешь.

— Витюша, машина едет. Надо просто ехать. Поехали, брат, бить шишку.

— Я больше не сяду за руль, я её боюсь.

— Как не сядешь? Витюша?

— Вот сам садись, и посмотрим, как она поедет.

— Короче, Костя, кроме того варианта, что ты сказал, других не рассматриваешь? Ты не будешь останавливаться? — спросил я, потому что был на стороне ребят, но молчал. И мне стало неприятно, что молчу.

— Мужики, вы что? Какие другие варианты? Если мы не поедем, то всё. У меня десять на кармане. Всё. Других денег нет. Нам надо доехать и начать работать. Продать первый орех. По звонку приедут прямо на место. Возьмут дешевле. Но что поделаешь? Тогда можно будет о чём-то говорить. Серёжа, если мы сейчас не поедем дальше, не начнём работать, то нам отсюда просто не выехать.

— Ты не пугай его. Вон, есть карточка. Позвоним, деньги перешлют — и поехали.

Виктор помолчал и добавил:

— За нас столько народа молится, а мы едем десятый день. Может, не надо?

— Всё, мужики, едем бить шишку.

— Я больше за руль не сяду, я её боюсь.

— Помолимся после еды?

Мы помолились и вышли из кафе. Кто-то напомнил, что здесь есть гостиница, но командир не прореагировал.

Виктор, и в самом деле, не сел за руль. Костя отвёл его в сторону, и они долго разговаривали о чём-то. Нам с Лёхой надоело стоять на холоде в темноте, и мы ушли в предбанник гостиницы. Нашли администратора. Она показала нам номер на четверых: три кровати и один топчан. Вполне приличный номер. Пятьсот рублей с человека, если снимаешь на двенадцать часов, и тысяча рублей — если на сутки.

— Только телевизор чего-то не могу наладить. Душ и туалет в коридоре.

Я улыбнулся на вест о телевизоре. Сказал, что нам сначала надо спросить остальных, и если все согласятся, то придём. Когда мы выходили, в соседний номер заселялась семья канадцев.

Наши водители всё ещё разговаривали, взмахивая иногда руками. Лёха остался в холле гостиницы, а я узнал у продавщицы шишек, есть ли в Козульке, которая всего в четырёх километрах, гостиницы и дома, сдающиеся на ночлег.

— Конечно, есть. И машину во двор, наверно, можно загнать.

Костя и Виктор наговорились. И командир спросил:

— А где Лёха? — словно это мы всех задерживаем и где-то шляемся.

Я сообщил ему о Козульке и предложил ехать туда, но Костя не обратил на мои слова внимания.

Когда же мы с Лёхой рассказали про гостиницу, Костя сказал, что это не годится:

— Машина наша не закрывается, и нам лучше проехать хотя бы километров восемьдесят, чтоб завтра уже доехать до тайги. — Он сел за руль и раза с третьего завёл машину. Выпрыгнул на улицу, обогнул «буханку» и открыл боковую дверку.

Буржуйка, загораживающая проход, темнела своим ржавым боком.

Я не хотел садиться в машину. Виктор залез в салон. А я медлил.

— Давай, давай, Сергей! — держал Костя дверь. — Едем!

— Куда едем? — я надеялся, что в гостиницу.

— Шишку бить.

— Надо в гостиницу, — и залез к устроившемуся Виктору.

Лёха сел на переднее сидение. Машина урчала, но мы не ехали.

— Что такое?

Костя с Лёхой вылезли. Костя стал ходить с поднятым телефоном.

— Интернет ищут, — догадался Виктор.

Мы посидели немного молча. В салоне стало невыносимо жарко и вонюче, и мы вылезли наружу, мараясь о ржавую печку.

Ребята куда-то ушли, их долго не было, а машина всё урчала. Наконец Витя догадался её заглушить.

Ребят долго не было. Как я узнал позже, они были в гостинице, где лучше интернет. Администратор узнала Лёху и спросила про номер, сказала, что машину можно поставить во двор, но Костя как раз вызванивал какой-то ночлег и отказался.

Мы должны были доехать до какого-то села. Это, я узнал позже, больше ста двадцати километров ночной дороги.

Сели и поехали. Я всё ещё надеялся, что ночлег где-то недалеко, но оказалось, не так всё просто.

Километров через десять на крутом подъёме машина вдруг заглохла, покатила назад. Сначала вывернула на встречную полосу, потом обратно к нашей бровке, и мы врезались во что-то.

— Чего такое? — испугался Виктор. Он молился, держа в руках чётки, и то ли заснул, то ли был глубоко в молитве.

— Машина заглохла — чего? — ответил я. — И почему-то назад покатилась. Аварийку включи, — обратился уже к Косте.

Мы вылезли через ржавую бочку прямо на отбойник и спрыгнули за него. Виктор чуть не улетел в глубокий кювет.

«Буханка» врезалась в отбойник. Замяли крыло и глушитель.

Мимо пронеслись машины, чуть объезжая нашу, занимавшую половину полосы.

Попробовали завести, но ничего не получилось.

Оказалось, что она не только заглохла, но ещё пропали тормоза, а ручной не работает.

Попробовали толкать «буханку» вперёд, чтоб небольшими толчками выровнять её вдоль дороги. Но даже с места не смогли сдвинуть. Костя стал тормозить проходящие машины. Мы думали, что это бесполезно на таком подъёме. Но вскоре остановилась фура с прицепом. Русские люди всё-таки выручают друг друга из беды.

Водитель фуры решил, что у нас сел аккумулятор, и поэтому мы не можем завестись.

— Как сел? — сказал Виктор, — мы минут пятнадцать стоим.

Дальнобойщик только развёл руками. Он хотел подцепить нас и дёрнуть, но оказалось, что к прицепу нельзя привязать трос.

Мимо проезжали машины. Иногда им было очень трудно объехать сразу нашу «буханку» и фуру с прицепом, потому что приходилось пропускать встречу.

— А, может, обсохли? — спросил вдруг Виктор.

Проверили, сунув в бак какую-то травину. В самом деле, бензина в баке не было. Налили литров пять из канистры. Но это, видимо, было слишком мало, да и аккумулятор с трудом проворачивал стартёр.

Остановили ещё одну машину. Водитель в синих штанах подошёл, посмотрел на нас и весело сказал:

— Цепляйте.

Я запомнил именно штаны, потому что на них были отражающие ленты снизу, на коленях и ещё по бокам лампасами.

Зацепили сразу два верёвочных троса с карабинами (они взяты для лебёдки).

Мы с Виктором решили, что дотащат только до ровного места и пешком пошли в гору. Костя свистнул нам:

— Вы куда?

Оказалось, что весёлый мужик дотащит нас до ближайшего кафе.

В салон «буханки» залезать совсем не хотелось. Мы попросились в кабину к нашему спасителю. Открывая дверку, я сказал:

— Не хочется лезть в ту душегубку.

Лёха до этого шепнул мне: «Не поверишь, перед тем, как поехали, я спросил: «Бензина хватит?» Он ответил: «Недавно заправлились, ещё трёхсот не проехали».

Вообще ситуация напоминала ту, что произошла с «газелью». Тоже все устали. Ночь. Костя рвётся обязательно куда-то доехать, добавляет бензин. Казалось, что нас всё больше затягивает в какую-то воронку, и наш «уазик» по кругу пытается выехать из неё, а всё затягивает. События повторяются.

Доехали до стоянки с кафе. Одно удовольствие ехать в кабине нормальной машины. Мы разговорились с водителем, познакомились. Его звали Сергей.

Подъезжая к кафе, Сергей вдруг сказал:

— Ладно, продам я вам бензин.

Он вылез из кабины вместе с нами и сказал Косте весело:

— Давай канистры! Есть канистры?

— Канистры? Есть.

— На заправку съездим. Давай.

Костя взял две десятилитровки, и они уехали.

Мы пошли пока до кафе в надежде на гостиницу, но гостиницы не было, зато имелась баня. Так было и написано:

«Баня — 200 рублей час».

— Давай арендуем баню и там заночуем, — предложил кто-то.

Не стали покупать чаю, экономя деньги, и пошли к машине. Начали обсуждать случившееся, каждый хотел выговорить стресс. Наконец приехали Костя и Сергей. При свете фонариков залили бензин в бак. Константин ходит с фонариком на лбу, как шахтёр: «и во лбу звезда горит».

Машина не заводилась с ключа.

— Цепляй! — махнул рукой Сергей.

Мы снова притащили убранные уже тросы. Сергей потащил «буханку» по кругу, огибая стоянку. Широкие красные ленты-тросы, протянутые от «буханки», чем-то походили на вытянутые языки какой-нибудь мухоловки. Машина завелась, но одновременно с этим, словно нитка, лопнул один трос.

— Слишком большой угол взял, — сказал выскочивший из «буханки» Костя.

— Это ничего, — ответил Сергей. — Свяжите. Давай, езжайте. А я вас провожу до Красноярска.

— Проводишь? — переспросил Костя. — Но я, наверно, буду ехать медленно.

— Ничего, и я медленно поеду. Ну что с вами сделаешь? Не бросать же вас, — и он широко улыбнулся.

Мы с Виктором обрадовались и поскорее полезли в кабину к нашему спасителю.

Сначала Костя поехал ходко, и Сергей даже усмехнулся:

— Мне быстрее и не поехать.

Но потом «буханка» пошла медленнее и на одном из подъёмов вовсе остановилась. Костя тщетно пытался её завести. Задние габариты словно чуть потускнели от этих усилий. Видимо, аккумулятор садился.

Сергей включил аварийную сигнализацию и терпеливо ждал. Наконец Костя вылез и подошёл к нам.

— Может, мне тебя взад дёрнуть? — уже грустно спросил Сергей.

— Боюсь, — признался наш командир. — Боюсь, что коробка не выдержит. Мне говорили, что «газель» назад дёргать нельзя. А тут тоже от «газика» двигатель.

Сергей только пожал плечами.

Костя сел в «буханку», и она вдруг поехала назад. Как только до этого стояла? Сначала вывернула на свою полосу. Вильнула несколько раз задом туда-сюда. Перекатилась на встречку, проехала по ней метров десять, ушла на бровку, но потом вдруг очень аккуратно остановилась перед самым кюветом.

— Печалька, — сказал Сергей.

— Ещё какая печалька, — вздохнул Виктор.

Мы с ним в открытую дверь наблюдали непонятные па нашей машины. Фары «буханки» горели тускло, и фонарик на лбу Кости выглядел настоящим прожектором.

Сергей переехал на противоположную бровку, сдал немного назад. Мы пошли цеплять. Я уже несколько раз делал это и заметил, что сначала трос неровный, а когда на нём потягают машину, становится ровный, словно отутюженный и даже как будто чуть тёплый.

Снова потащили «буханку», она снялась с места с трудом, словно ей не хотелось дальше ехать. В самый ответственный момент, когда перетаскивали через дорогу, один за другим лопнули тросы. Беспо мощная «буханка», чуть дёрнувшись на стыке асфальта и бровки, снова скатилась назад.

Мы привязали её теперь, скрутив два троса вместе. И они выдержали. Когда перетаскивали через дорогу, я подумал, что теперь трос перегораживает обе полосы, а вдруг кто-нибудь по встрече налетит на него? Сергей словно прочитал мои мысли, поднял рацию и предупредил в общий эфир:

— Ташу «буханку» через дорогу. По возможности притормозите.

Почти в это самое время по бровке, обгоняя нас, пробралась легковая машина.

Наконец мы пошли ровно. Мимо проносились машины. В видеореги стратор, расположенный сзади фургона, было видно, как наша «буханка» чуть вильнула и одна из легковых чуть не зацепила её.

— Это было близко, — сказал Сергей.

Помолчав, он добавил:

— Я вас до ближайшего кафе дотащу и восвояси. Мне на работу в пять утра. Если бы не на работу. Ночь в кафе перекантуетесь, а завтра по свету потихоньку поедете.

— Конечно, дотащи до кафе, — я боялся, что это далеко, и он оставит нас где-нибудь на ровном месте.

— Машину, конечно, вам надо посмотреть.

Кафе оказалось довольно большим.

— Может, и гостиница есть, — обрадовался Виктор.

Когда снимали трос, Сергей дал свой телефон и сказал:

— Ну, сходите в кафе, чайку попейте. А утром поедете. Если что, звоните, приеду дотащу.

— Не, мы сейчас поедем, — сказал Костя.

— Да? — Сергей добродушно рассмеялся. — Ну, езжайте. А я домой. Мне в пять утра на работу. Если бы не на работу.

— Спасибо, брат!

— Спасибо! — я пожал ему руку. Зачем-то спросил фамилию. А он принёс коробочку печёных орешков со сгущённым молоком.

Мы сходили в кафе. Там был душ, туалет, но гостиницы не было.

— И даже никакой комнатухи?

— Нету.

На счёт комнатухи, кладовочки мы узнавали ещё раз позже, словно она могла появиться.

— Ну, ребята, садитесь в машину, поедем! — сказал Костя.

Но я отказался наотрез.

— Ты что, там же чистое бельё, постель. Нас там ждут.

— Здесь как-нибудь перекантуемся, а по свету поедем.

— Перекантуемся? Перекантуваться могли бы и на дороге. Давай залезай!

— Не поеду. И Сергей сказал, чтоб завтра ехали.

— Сергей сказал? — на секунду он задумался. — Нет, поехали. Всего три часа.

— Не поеду. Куда? Она у тебя заглохнет, тормоза пропадут, назад поедет. Кто увидит? А днём нас видно.

Вдруг он словно опомнился:

— А, может, он и прав. Тогда надо готовить спальные места.

— Может, в кафе? — спросил я с надеждой.

— В кафе на стуле не выспаться, надо полежать, — он стал перебирать вещи, укладывать их поровнее. — Сейчас наладим постели.

— Ну чего, едем? — спросил Лёха из кабины.

— Нет.

— А чего такое?

— Мужики ехать не хотят.

Сначала Костя приготовил место в кабине для Алексея, потом стал готовить для нас.

Виктор сделался недоволен чем-то.

— Да зачем это всё? — говорил он. — Я вот просто посижу, и ладно.

— Нет, Витюша, надо, чтоб ты выспался.

— Затекёшь, — пробубнил из кабины улёгшийся уже Лёха.

— Давай, я просто в кабину? — попросил Виктор.

— Нет. Всё. — Лёха уже засыпал и не хотел подниматься.

Поверх вещей Костя уложил матрасы. Я первый забрался в машину. Прямо в куртке. Размотал спальный мешок и залез в него.

28 сентября

Удобно лежать мешала спинка сиденья, приходилось сгибать шею, а у меня и так болело плечо. Виктор и Костя о чём-то разговаривали в стороне. Я задремал. Вскоре рядом со мной лёг Виктор. Костя бережно укрыл его расстёгнутым спальником. Виктор ворчал на это, а командир укрыл ещё и меня, а уже потом улёгся сам.

От неудобного положения я часто просыпался. Плечо ныло особенно сильно, когда я его отлёживал. В спальнике стало невыносимо жарко, и пришлось расстегнуть его, а потом и вовсе скинуть на какое-то время. Рассветало. Все спали. Виктор громко храпел и иногда наваливался на меня своим богатырским плечом. Я ждал-не дождался, когда кто-нибудь проснётся. Огромным ботинком Виктор упирался прямо в стекло. Я предоставил, что кто-нибудь подойдёт к нашей машине и вдруг через запотевшее стекло увидит подошву, направленную на него.

Встали поздно, пошли в кафе.

— По супчику? — спросил Костя.

Никто не отказался. Кроме того, в подарок нам принесли ещё по чашке чая — та же женщина, что отказывала в несуществующей комнате. Наверно, ей было жалко нас.

За столом мы с Витей сказали, что поедem в Москву. Мне не нравилось настроение Кости, настроение в команде и состояние машины.

Я так и сказал:

— Перед лесом мы должны сплотиться, а мы, наоборот, разобщаемся.

Машина снова не заводилась, видимо, за ночь аккумулятор совсем разрядился.

Костя попросил одного дальнбойщика, чтоб он нас дёрнул. Вперёд он этого сделать не смог, так как не хватило бы места его длинной фуре, поэтому дёрнул назад. Но машина не завелась. Тогда толкнули её под горку. Затарахтела. Поездила немного туда-сюда. Костя хотел припарковаться, но машина неожиданно заглохла.

Пришлось снова просить дальнбойщика. В этот раз мы не стали на ней лишнее ездить: пусть стоит и тарахтит. Дальнбойщик, который дёрнул нас, сказал, чтоб мы ехали, но только до ближайшего сервиса. Костя стал уговаривать Виктора ехать, при этом за рулём, но он не соглашался. Они долго спорили. Мне это так надоело, что я ушёл. Узнал, что до Красноярска и до Ачинска одно расстояние. Узнал, что можно ехать в Ачинск и там сесть на поезд, там даже будет дешевле. Я сказал об этом Виктору. Но тот хотел сначала узнать, что с машиной, и хотя бы доехать до Красноярска. Я был с ним согласен. Просто хотелось прервать их бесконечный и бессмысленный разговор.

Они и в самом деле перестали спорить.

— Скажу одно, — сказал командир, — что тот, кто останется: Лёха или Серёга — будет работать уже на других условиях: не на условиях найма, а на условиях партнёрства.

Стало понятно, что никто не оплатит нам ни десяти дней, которые мы ехали, ни обратную дорогу.

Поехали. Километров через пятьдесят проскочили автосервис. Вернулись. Оказалось, что у нас вместо тормозной жидкости какая-то грязь. На въезде в Красноярск Костя остановил машину. Сначала они долго разговаривали с Виктором, куда-то звонили, ходя по бровке. Потом Костя стал разговаривать со мной. Он уговаривал остаться. Сказал, что звонили батюшке (оказывается, что у них с Виктором один духовный отец). Батюшка благословил отпустить Виктора, а то он будет только мешать.

— На самом деле, — признался Костя, — он сказал, что «отпусти его, а то он будет ныть». «Ныть», понимаешь, Сергей?

— И вообще, он мне тридцать тысяч должен. Я ему вперёд за месяц дал. Погоди-ка.

Он снова подошёл к Виктору, что-то сказал ему. Тот стал звонить по телефону. Потом медленно подступил к нам:

— Жена сказала, что денег уже нет. Оплатить билет Сергею я не смогу, мне на билет она пришлёт. — Виктор помолчал и добавил, не глядя на Костю: — Ты же сказал: «Может, две недели побудем, ничего не получится, и эти деньги твои».

— Две недели ещё не начались, Витюша! Мы ещё не начали работать!

Зачем Костя всё это сказал и сделал? После этого я уже не мог остаться ни за какие деньги и не мог оставить Виктора. Они ещё о чём-то говорили, а я, уже почему-то не боясь замараться о ржавую печку, влез в машину.

Спас ситуацию Алексей:

— Братя, братя! Поехали в монастырь!

— Чего? В какой?

— Я знаю, в какой. Поехали?

И все почему-то сразу согласились. В самом деле, надо было либо ехать покупать билеты, либо уж в монастырь.

Наш навигатор совсем сломался, и теперь мы ориентировались по смартфону Алексея. Алексей показывал, куда ехать, и стал штурманом. Костя снова сел за руль.

Я в шутку сказал Виктору, что Алексей — штурман, но он даже не улыбнулся. Он даже словно как-то отсел от меня. Я прилёг боком на кое-как сложенную кучу вещей. Вскоре меня укачало. И то ли я спал, то ли не спал, то ли дрема, то ли нет. Помню, что сцепил руки узлом, а это бывает, когда я совсем устал и боюсь, как бы ни развалиться. Снился мне фильм по рассказам Виктора про монастырь. Виктор долгое время жил в монастыре и знает много историй. Фильм был тяжёлым. Снился как-то странно и повторялся кусками. Историй было три. В одной из них богатый парень поехал отдыхать. Денег много. В поезде познакомился с девчонкой, у той денег ещё больше.

Поезд шёл через Орёл, где монастырь. Настоятель этого монастыря заказал мастеру из Москвы резной крест. Тот сделал. Отправил с этим парнем:

— К поезду подойдут.

В Орле парень выходит с крестом. Никто не встречает. Звонит:

— Что такое?

— Опаздываем, извините, пожалуйста. Сейчас приедем.

Схватил свою сумочку и сошёл с поезда. Ругается. Вот приезжают монахи. Но крест не берут:

— Сказали, что только вместе с вами. Чтоб вы привезли.

Поехали. И вот глаза настоятеля увидел и остался.

Много потом было искушений.

Как-то отправили в Орёл что-то закупать для монастыря. А к нему сразу знакомый, который случайно там оказался. Девушка стала клеиться. Звонит по телефону монахам:

— Если сейчас за мной не приедете, то потеряете.

Они приехали, успели и уж больше ни за чем не отправляли.

В другой истории послушник монастыря не справился с искушением. Он уже жил в монастыре больше года, но вот захотелось домой на родину, в маленький город. Поехал. Через пару часов после того, как он осмотрел свой пустой дом, к нему является приятель, с которым не виделись лет десять, и с ходу открывает спичечный коробок. А в коробке — наркотик. И парень не выдержал. Он был наркоманом. За ним потом приезжали из монастыря, но увезти не могли. Парень несколько раз обещал приехать сам, но так и не приехал.

Свидетелем третьей истории был сам Виктор. В храме во время службы парень из их компании вдруг упал на колени и стал рыдать о своих грехах. Он долго трясся в плаче. Наконец, обессилившего, его унесли в алтарь. А настоятель сказал:

— Это монах готовый.

И в самом деле, вскоре он стал монахом.

Все эти истории переплелись во сне в какой-то немислимый клубок, который медленно крутился в моей голове, пока я трясся на ухабах дороги, скрестив руки на груди, то опираясь спиной о неровную кучу вещей, то прижимаясь лбом к стенке машины, то падая головой на колени.

Проснулся я от лая собаки. Было уже темно. Мы остановились перед высоким забором. Чуть дальше за деревьями светилось зарево какого-то селения. Костя просигналил.

— Ты что, побудишь всех, — сказал Виктор в маленькое окошко в кабину из салона.

Но уже проснулись, за забором вспыхнул свет, и кто-то сказал громко: — Сейчас, сейчас.

Ворота медленно открыл хромой монах-привратник.

Костя въехал внутрь и припарковал машину кое-как прямо посередине двора.

Мы вылезли и пошли за монахом.

— Странники. Странников Бог послал.

Нам выделили длинную, как пенал, комнату, всю обитую светлой доской. В комнате стояли две двухъярусные кровати. Табуретки и стол у дальней стенки.

— Отец, нам нужна помощь. Поможете? — сразу спросил Костя.

— Ну что с вами сделаешь? Не бросать же вас? — улыбнулся монах.

Нам принесли жёлтой каши и чаю с самодельными сухарями.

Мы прочли вечернее правило и поскорее легли спать.

29 сентября

Проснулись от звона колокола. Оделись и сразу пошли на службу, так как было воскресенье.

В храме оказалось человек двадцать местных жителей из соседней деревни. Монахов только пять, они стояли у дальней стенки. Всего удивительнее оказалось то, что служил литургию вчерашний привратник, он же настоятель монастыря. Настоятель всем нам разрешил причаститься.

После службы он позвал в свой кабинет. Так и сказал:

— Прошу в кабинет! — и, прихрамывая, быстро-быстро зашагал.

Кабинет располагался в том же здании, что и наша светлая келья в виде пенала. Кабинет и в самом деле очень походил на обычный кабинет какого-нибудь служащего среднего уровня. Стол, офисное кресло, компьютер, принтер. Правда, по двум стенкам высокие стеллажи с книгами. Кабинет от обычного кабинета отличало большое количество икон.

Приглашали нас на беседу по одному. Костя, наверняка, рассказал нашу историю и приключения и просил помощи. Не знаю, о чём говорил Виктор. Я... Батюшка мне сказал, чтоб я искал постоянную работу, любую.

— Сначала шишки, потом ягоды, грибки...

В разговоре он несколько раз повторял эту фразу, но так и не договаривал. Я решил, что ягоды и грибки, а дальше совсем к собирательству. На рынке торговать вместе с бабушками здоровому мужику тем, что наскыр-кал? А если не нашёл ничего? Или собирать банки из-под пива по урнам?

Мы точно узнали, о чём говорил Алексей. Он вошёл в кабинет последним, но больше не вышел. Вместо него вышел батюшка, и объяснил нам, что в монастыре спасается дядька Алёши, и он тоже решил остаться здесь.

— А вам Штырь просил передать, — обратился батюшка к Косте, — что отдавать ничего не надо.

Мы с Витей ещё раз благословились у батюшки на дорогу. Он пообещал подвезти до автобусной остановки. Но сначала — обедать.

Наш «бухандер» так и стоял посере́дке двора чуть наискосок. Открыв водительскую дверь, на подножке сидел Костя. Видимо, машина не заводилась. Его не было на трапезе, и мы сказали, что ещё можно успеть поесть, пока не убрали. Но Костя промолчал.

Мы объяснили, что через полчаса едем в Красноярск, а потом на поезде в Москву, и пришли за нашими вещами.

— Езжайте, конечно.

— А ты с нами поедешь?

— Нет. Пойду шишку бить, собирать. Наберу на билет — и на самолёте. На поезде не хочу.

— У тебя же есть десятка, — вспомнил Виктор.

— Потратил уже, — неохотно ответил Костя. — Вы не волнуйтесь. Всё будет хорошо.

Он помолчал немного.

— Вам, наверно, хочется знать?.. Алёша Штырь продал сестре свою часть квартиры. Продал? Подписал все бумаги, а она ему дала денег, сколько могла. Вот на какие деньги состоялась наша поездка, на деньги простой женщины.

В это время из-за построек выкатила «буханка», один в один как наша, такого же зелёного военного цвета. За рулём сидел сам батюшка:

— Давай скорее, родные! У нас автобус до Красноярска только два раза в день ходит.

Мы достали свои вещи и перекинули их в монастырский «уазик».

В салоне намного уютнее и светлее, чем в нашем. Вдоль стен лавочки.

Мы обнялись с Костей и поехали. Повёз нас не батюшка, а какой-то заспанный мужик, медленно приковылявший из деревни.

На автобус из Красноярска едва хватило денег. Уже на вокзале позвонили жёнам, чтоб они перечислили на билет домой. Я думал, какова будет реакция. Виктору сразу перевели. Правда, он уже говорил, что даже тёща плачет и просит вернуться.

У меня тоже не спросили, что случилось, почему мне нужны деньги на дорогу. Жена только сказала:

— Сколько, родной?

— Билет стоит около шести.

— Хорошо.

Она прислала восемь тысяч. Видимо, две тысячи на еду и непредвиденные расходы.

Билеты взяли на первый попавшийся поезд. Конечно, верхние места. Виктору — боковушка, а мне — в купе.

Вагон оказался полон. В вагоне много казахов (женщин и мужчин). Два китайца. У них на столике пакет с шоколадными конфетами. Виктор сказал тихо:

— Молимся келейно.

Снова разболелся бок, и я не мог спать на нём. Дремал кое-как. К тому же, когда поезд резко тормозил, меня сильно дёргало, чуть не перекатывало на полке, и мне со сна казалось, что я снова лечу веретеном в неизвестность.

О ребятах

Алексею двадцать девять лет, у него среднее образование. Занимался ремонтом и установкой видеонаблюдения. Раньше устанавливал домофоны. Это — ИП. Когда не было объектов, подрабатывал на разных работах. Обычно человеком, который помогает в организации конкурсов, мероприятий. В детстве скидывал с платформы поезда, когда тот медленно идёт с завода, чугунные чушки. Потом сдавал их в металлоприём. И много чего ещё делал похожего. Из Тулы переехал в Москву. Часто цитировал что-то из православных книг, размышлял о том, что надо делать, хотел свой дом в тихом городе. Занимался самбо и дзюдо.

Виктор крещён с самого рождения. В храм ходил непостоянно. Но большие праздники, Пасху обязательно отмечали всей семьёй.

Один мальчик из их компании стал ходить в воскресную школу. Стал рассказывать много интересного. Они стали играть в службы. Виктор умел хорошо перерисовывать. На стройке на стене нарисовал лик Христа. И очень расстраивался, что один угол рта скошен. Словно ухмылка. Долго вспоминал об этом. Пугался.

Потом началось подростковое время. Как-то отошёл от церкви. Но не совсем. Где бы ни был, вдруг накатывало, невыносимо хотелось на службу. Разыскивал ближайший храм и шёл туда.

Потом работа по командировкам. Протягивали оптоволоконно на высоких металлических опорах. Объездил всю страну. Платили хорошо. Деньги тратил, и не кончались. Ходили в рестораны, бары, кафе. Можно было бы квартиру легко купить.

Подрался. Попал в тюрьму. В общей сложности отсидел шесть лет. Вернулся. Дружил с четырнадцатилетней девчонкой. Попал в монастырь. Настоятель велел жить год в монастыре. Девчонка, которой уже исполнилось шестнадцать лет, тоже поехала в монастырь. Был выбор: или жениться или стать монахом.

Девчонка отпросилась домой. Осталась на праздник города. Потом поехала не к себе в монастырь, а к Виктору. И тот тоже сорвался. Не дожидаясь года. Жениться в мае, ровно через год, как и говорил батюшка, только скорбей претерпели больше.

«Где сатана ничего не может добиться, он подсылает женщину, которая всё делает сама», — как-то сказал Виктор.

Мать девчонки тоже вышла замуж в семнадцать лет, поэтому к свадьбе отнеслась нормально. Родилось двое детей.

Константин. Сорок лет. Худой, сутулился. Но руки крепкие. Бывший геолог. Женат вторым браком. Возможно, первый был гражданским. Детей нет. Держал магазинчик, где торговал орехами, чаем, мёдом... Родом Костя из Черноголовки, города учёных. Там с приятелем открыл бар, где торговали и спиртным. Потом вышел из этого бизнеса. Увлекался индийской философией. В храм ездил в монастырь. То читал большое правило, то маленькое.

Костя очень удивился, когда прочёл одно стихотворение Пушкина:

— А вы знаете, что у Пушкина есть стихотворение по молитве Ефрема Сирина? Я его прочитал и поразился. Нет, читал в школе, и как-то оно

прошло мимо. А тут Великий пост, надо читать молитву Ефрема Сирина. А у меня нету. Гуглю. И вот выскакивает стихотворение Пушкина. Оно поражает меня.

*Отцы пустынники и жёны непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольных бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Все чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья.
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

Нахожу молитву. Она невероятна. И тут я понимаю, что в своё время Пушкина тоже поразила эта молитва (как и меня). И вот он написал это стихотворение.

74

Господи и Владыка живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми.

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему.

Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

СКОПЕЦ

Владимир Дмитриевич Пронский родился в 1949 году в городе Пронске Рязанской области. Работал токарем, водителем, корреспондентом, редактором. Автор романа-трилогии «Провинция слёз», романов «Племя сирот», «Три круга любви», «Казачья Засека», «Стяжатели», «Герань в распахнутом окне», «Апельсиновая девочка», сборников рассказов и повестей «Лёгкая дорога» и «Калиновый берег» и других книг. Постоянный автор «Коломенского альманаха», публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Подъём», «Север» «Наш современник», «Москва» и во многих других изданиях. Лауреат премии им. А. С. Пушкина, Международной литературной премии им. А. Платонова «Умное сердце», премии Союза писателей России «Слово-2018», премии журналов «Молодая гвардия» и «Московский вестник». Секретарь Союза писателей России.

Рассказ

Миша Букреев женился поздно. У некоторых сверстников уж бегали детишки по посёлку, а он в тайне от всех дожидался, когда окончит школу Светка-соседка. Влюбился он в неё после демобилизации, когда она заканчивала седьмой класс, но никогда не оказывал внимания, зная, что она дружит с одноклассником Родионовым — коренастым и губастым здоровяком. И что Миша мог поделаться, если Светлана после школы собиралась выйти за него замуж. Будучи мягким и неконфликтным, Букреев не отваживался мешать ей, хоть как-то намекнуть, что равнодушен. Ему оставалось ждать, когда она подрастёт и обратит внимание на соседа — тонкого и хрупкого в кости, и от того не поместному изящному. Он был подвижен, умным взглядом радовал собеседника, много читал и совсем не походил на грубого водопроводчика птицефабрики; ему бы работать учителем или в библиотеке книги перебирать.

Светка после окончания школы устроилась секретарём в поселковую администрацию, всегда хорошо одевалась, в любое время года благоухала цветущей белой акацией и казалась приехавшей из волшебного места, где нет иных людей, хотя все знали, что духами снабжает отец — вахтовик на газовом промысле. Когда Миша видел её с матерью, то не понимал, почему они так отличаются внешне: Полина — крестьянка крестьянкой, а Светка первая модница в посёлке: слегка полноватая, фигуристая блондинка — глаз не отвести от её алых и сочных губ. Что и говорить, с такой приятно хотя бы поздороваться, но она будто не замечала никого, а Букреева воспринимала как отсталого

перестарка. Обидно, конечно, делалось от такого отношения, но вскоре удивила смена её настроения, когда она погрузилась и сникла, словно увядший цветок. Говорили, что она и на проводах Родионова в армию не появилась, и провожала его другая девчонка.

Очарованный этими слухами, Миша легко отозвался на Светкину просьбу, охотно согласившись починить электрическую розетку, хотя сперва удивился:

— А отец-то чего же?

— Хватился! Уж вторая неделя, как уехал на вахту. Мама вчера пришла с фермы, попробовала включить утюг, а её током шибануло, с испуга ударилась о шкаф — всё плечо синее.

Букреев взял из дома отвёртки, пассатижи, изоленду. Розетка действительно искрила, и он легко устранил неисправность, а когда разогнулся, чтобы уйти, Светка пригласила к накрытому столу. Букреев не понял, что всё это ради него, спросил:

— Гостей, что ли, ждёшь?

— А ты разве не гость?

После ничего не значащих реплик всё остальное происходило будто во сне. Он сел за стол, откупорил бутылку вина, они выпили, попробовали клубники. От такого внимания Букрееву голову будто снесло. Он ничего не помнил, что происходило далее, как оказался рядом с соседкой, а она целовала и твердила, чуть ли не задыхаясь:

— Люблю, люблю, люблю...

Он тоже что-то говорил, а после не мог поверить, что свершилась давнишняя мечта.

Вроде бы никто в посёлке ничего не узнал, но и никто не удивился, когда они через месяц поженились. После свадьбы Миша оставил Светлану у себя, и это не понравилось его матери, хотя она никогда по-настоящему не укоряла. Скажет: «Отца на тебя нет!» — и отвернётся, заплачет: мол, а дальше сам догадайся. Миша стал сиротой в середине 90-х после гибели отца — шофёра-дальнобойщика, возившего трикотаж с поселковой ткацкой фабрики. При каких обстоятельствах погиб, так и не узнали, а нашли его недалеко от трассы с пробитой головой и изуродованным лицом, опознали по наколке на плече: «Не забуду мать родную и отца духарика». А фура с тканями пропала бесследно. Миша знал: будь отец живым, он одобрил бы его мужское решение, а Светка не заслуживает холодного к себе отношения.

Мало-помалу обвыклись, особенно, когда она забеременела и стал замен животик. Сноху мать стала считать за свою, хотя она особенно не переживала: чуть чего не по ней — домой убегала. Да и чего стесняться-то, когда родители рядом живут. И всё-таки жизнь стелилась не самая плохая: Светка вскоре в декрет ушла, Миша продолжал работать слесарем.

Вот только когда она родила мальчика, и вскоре вернулся из армии её бывший парень, то до Букреева дошли слухи, что Родионов грозился по пьянке отомстить и забрать к себе Светку, пусть и с чужим ребёнком. В чём-то Миша мягкий, даже робкий, а тут, как-то встретив Родионова у магазина, схватил за ворот:

— Если к ней прикоснёшься — убью!

Припугнул Букреев соперника, но не знал, что у того на уме. Когда узнал, было поздно. Встретил его пьяный Родионов с дружкой через неделю

после стычки, загородили тропинку на птицефабрику... Букреев отступил в сторону, пропуская парней, внутренне напрягся, ожидая самого худшего. После первого удара он удержался на ногах, а после второго оступился, упал навзничь, попытался вскочить, но потерял равновесие и сознание... В памяти отложился лишь удар Родионова ногой в пах. Второй удар он уже не чувствовал, а третий тем более.

Нашли его шедшие с работы птичницы. Вызвали «скорую», отвезли в районную больницу, где ему, полуживому, сделали операцию, и Букреев стал скопцом. Узнал он об этом лишь через три дня, на перевязке. Ещё после операции он почувствовал, что с ним что-то не то, а когда спросил у полной, но подвижной медсестры подробности, она не сразу, но, как могла, всё рассказала. У Букреева полились слёзы, она же прижала его к своему тугому халату и ничего более не говорила — не мешала выплакаться. Потом промокнула тампоном ему слёзы, вздохнула, сама готовая заплакать:

— Держись, парень! Всякое в жизни бывает. У тебя есть сынишка, так что думай о нём. А те, кто сделал это, — не мужчины, а выродки. Их Бог накажет!

Михаила навещала в больнице мать, несколько раз появлялась Светлана: жалела мужа, сюсюкалась с ним. Она пока ничего конкретного не знала о его ранении, а он понимал, что рано или поздно рассказать ей придётся.

Через две недели Букреева выписали, отвезли домой. Мама взяла отпуск, помогала ему всячески, а Светка перестала показываться, поверив слухам о ранении мужа. Появилась она, лишь когда стало известно, что Родионова и его дружка осудили, будто до последнего дня надеялась, что они отделаются условным наказанием. Её предательство разрушило Михаила. «Родионова она, что ли, боялась? Было бы кого?! — думал он и кривился, словно от настоящей боли. — Хороша жена, ничего не скажешь!» Поэтому, как-то увидев около дома, сказал прямо и откровенно:

— Понимаю, что такой я не нужен тебе, поэтому лети на все четыре стороны. Не держу и держаться не думаю.

Она вспыхнула румянцем от обиды и фыркнула:

— Тогда нам говорить не о чем! Когда подам на развод, думаю, возражать не будешь?!

От её откровения стало неожиданно свободнее. Он легко победил в себе гнетущее состояние. «Ничего, всё наладится, — думал Букреев, — и не с такими ранениями живут!»

Выздоровливал Михаил долго и болезненно. Мать пылинки сдувала с единственного сына. Когда он немного оклемался и собирался выйти на работу, она, излишне восприимчивая и окончательно расщатавшая нервы, неожиданно сама слегла от переживаний. В больнице её восстановили от лёгкого инсульта, а когда сын доставил домой — её разбило по-настоящему. И теперь болезнь требовала постоянного ухода. Миша уволился, оформил маме инвалидность, и стали они жить на её небольшие деньги. И всё бы ничего, но как-то Светлана заявила Букрееву:

— Ты думаешь сыну алименты платить?!

— Рад бы, да не работаю — нет возможности. Сама же знаешь. Могу помогать с маминых пенсионных денег...

— Себе их оставить!

Чувствуя правоту, Светлана разговаривала грубо, издевательски, зная, что денег сейчас не добьётся, а напомнить бывшему мужу, ткнуть носом

в нерадостные обстоятельства очень хотелось. Миша переживал из-за этого, но грубого слова сказать не мог. А уж чтобы попросить на денёк сына Шурика — у него и язык не поворачивался. Он лишь наблюдал за ним издали: как вырос из коляски, как начал на следующий год бегать по травке около дома. Даже пытался заманить его к себе, когда Света была на работе, но её мать не разрешила, правда, около крыльца поиграть с сыном позволяла.

— Миша, я всё понимаю, но ничего не могу поделать с дочерью. Если узнает, что Сашенька был у вас, то разнесёт меня по кочкам. Рьяная она стала, запуталась в жизни. Мне бы её пожалеть, поговорить по-хорошему, дочь всё-таки, но она всё равно ведь по-своему сделает. Жалко её, и внучка жалко, да и вас с матерью. Как она?

— Лежит, а встаёт лишь по необходимости.

— Хотя бы так, а то вообще беда.

Букреев на бывшую тёщу не обижался, понимая, что её душа разрывается от жалости ко всем. Ведь всегда были добрыми соседями, не было ни склок, ни вражды, это лишь в последние годы что-то случилось. И всё, как виделось Букрееву, из-за Светкиного вздорного характера. Ведь она же, она всё перевернула, сама же заманила в постель, желая насолить Родионову — это он только позже понял. А чего добилась? Или отомстила так? И ещё неизвестно, кому именно, если более всех сама страдала — оттого и бесилась, и по-мужицки рычала на всех. И всё-таки мало-помалу сынок его подрос, начал при встрече улыбаться и называть папой, да по-другому и быть не могло.

Мама Букреева умерла неожиданно, когда уж ему казалось, что начала поправляться — по комнате ходила самостоятельно, пусть и с ходунками. Как-то утром обнаружил её холодной. И душа оборвалась, сразу рой мыслей и забот. Соседи собрали денег, и похороны состоялись, как и положено, на третий день. После кладбища скромно помянули, и стал Миша жить один.

Первым делом решил вернуться на работу, но его не приняли, сказали, что фабрика банкротится, и что дальше будет — неизвестно. Ткацкая фабрика в посёлке закрылась давным-давно, и поэтому работы теперь не сыскать. Надо куда-то уезжать на заработки, а кто где ждёт?

Без денег он совсем отощал, хорошо, что стояло лето и появилась молодая картошка — ею он и питался, понимая, что так жить бесконечно невозможно. А тут неожиданно досрочно вернулся из заключения Родионов. Как-то Миша увидел его и сердце ёкнуло, заколотилось. Он по-настоящему растерялся. Прошёл мимо него, хозяином развалившемся на Светкином крыльце, сделав вид, что не заметил. Хотя это так и было, и он теперь не существовал для него. Букреев думал, что Родионов повертится-повертится у Светки и заберёт к себе, но он неожиданно прижился, начал работать водителем в администрации. И тогда Миша понял, что надо уезжать — всё равно куда, лишь бы подальше от этого отморозка, потому что рано или поздно им не миновать стычки, и тогда уж — Букреев это знал твёрдо — ему терять будет нечего. Остужая себя, вспомнив о сыне, он поддался благоразумию и вскоре собрался на заработки. Но нужны деньги хотя бы на дорогу и на первое время, а где их взять? И тогда вспомнил о Михееве — армейском дружке, жившем в райцентре.

На следующий воскресный день, отключив свет, радио, раскрыв пустой холодильник и выставив горшок с геранью во двор под водосток, он отправился к Михееву, зная, что только от него можно ожидать поддержки. Друга застал дома, коротко рассказал в саду свою историю, а когда всё изложил, вздохнул:

— Вот такая у меня жизнь-жестянка, Вадим! Если ты не поможешь, то помочь некому!

Сразу тот ничего не ответил, сидел на скамейке и что-то чертил прутиком на земле. Потом словно очнулся, взглянул на армейского товарища, когда-то спасшему ему жизнь на учениях, выгтащив из-под опрокинувшегося и загоревшегося грузовика, вздохнул:

— Тебе не позавидуешь! Но делать нечего — надо менять жизнь. По-могу — вопросов нет, только в твоей ситуации надо переселиться в другое место. Так спокойнее, если уж у вас такая вражда пошла. И ты прав, по-хорошему она не закончится. У меня дядька живёт в Подкопаеве, он — фермер: пашет, сеет, молотит. Сейчас развивает хозяйство, ему нужны рабочие руки. Может тебя взять. А дом свой продашь, там другой купишь, ещё и в наваре останешься.

— Так-то было бы неплохо, но уж больно не хочется ехать в незнакомую местность. А в посёлке у меня мать с отцом похоронены. Да и сын есть.

— А как же на заработки собрался?

— Это другой почин. Съездил, например, в Москву, а вернулся — под ногами родная земля. Вот в чём дело-то! — Миша вздохнул.

— Тогда езжай. Могу и телефончик дать своего кореша, с которым учился, теперь он в коммунальной конторе сантехником работает. Как раз по твоему профилю. Зовут Алексеем. Приедешь — позвони ему, скажи, что от меня и всё такое.

— Может, сразу сам позвонишь? — робко предложил Миша.

— А ты молодец, куёшь железо, пока оно горячо!

Вадим дозвонился, коротко объяснил ситуацию, и, видимо, услышав положительный ответ, улыбнулся:

— Вот видишь — везёт тебе!

— Теперь и ехать не страшно, — вздохнул Миша.

Букреев на радостях хотел в тот же день отправиться, но Вадим удержал:

— Ну и кому ты нужен в воскресенье, да к вечеру? А завтра с утра пораньше рванёшь, к обеду будешь в Москве, а там Лёха всё объяснит. А пока у меня заночуешь. Жена сейчас соберёт обед, хряпнем по рюмашке.

Хотя и приветлив Вадим, гостеприимен, а всё равно ночевать в чужом месте не очень-то комфортно. Всё равно, что в больнице. Но деваться некуда, и Миша готов был на всё, лишь бы уехать, заработать денег, уж сколько — неважно, главное, не чувствовать себя должником.

На следующий день он добрался до столицы, встретился с Алексеем — примерно ровесником, крепким и уверенным в себе, и, неожиданно быстро устроившись на работу, заняв угол в снимаемой артельно двухкомнатной квартире, отправился с земляком по вызовам. За неделю освоился и стал работать самостоятельно. Вызовов много, люди все разные, но он ни с кем не конфликтовал. И не отлынивал от работы, а сказал диспетчерам, чтобы не стеснялись и вызывали в любое время суток, тем более что стал хорошо зарабатывать — никакого сравнения с птицефабрикой. И хотелось

поскорее рассчитаться с Вадимом и помочь сыну. Теперь всё изменится. И плевать ему на всяких Родионовых. У него есть сын, и он его отец.

Полтора месяца он отработал в столице, скопил приличную сумму, экономия на всём, и ехал на две недели в свой посёлок героем. Ему очень хотелось всем рассказать, чего добился, и теперь ни перед кем не будет прятать глаз. В райцентре, он сразу зашёл к Вадиму, но его не оказалось дома, тогда отдал деньги жене, позвонил товарищу и поблагодарил, как мог. Букреев спешил в посёлок, спешил увидеть сына, обнять, поцеловать и подарить плюшевого медведя. Когда добрался, проветрил дом, включил холодильник, подключил газ, со двора принёс зеленевшую герань, на вольном воздухе полыхавшую альпами цветами; цветок под дождями и солнцем распустился на удивление буйно и празднично. Миша подумал: «Вот и иной человек, как цветок: сменит жительство и настроение становится не похожим на прежде!»

Заметив соседа, к нему заглянула тёща. Её измождённый вид, чёрный платок будто обожгли, а немного непонятные слова добавили неясности:

— Вот и Миша вернулся... Мы тебя ждали. Сашенька все глаза проглядел.

Букреев замялся, растерявшись от её слов, а более от вида бывшей тёщи.

— У нас горе-то какое — Светлана разбилась на машине. Вместе с шофёром, — залилась она слезами.

— С Родионовым что ли? — всколыхнулся Букреев и часто задышал.

— С ним, с ним, окаянным... Прости, Господи! Они поехали в райцентр и с грузовой машиной столкнулись. Вчера сороковины были.

— Саша где?

— Спит... Каждый день Свету вспоминает и тебя зовёт... Ох, горе-то какое. Пойдём к нам. Он вот-вот проснётся, тебя увидит — обрадуется... А я уволилась, с Сашенькой сию, — тёща мелко задрожала, уткнулась в ладони, а он не знал, что сказать ей.

— Перестань, Полина! Пошли к сыну, я подарки привёз!

Сынишка, проснувшись, сперва посмотрел на бабушку, потом на Букреева и, узнав, подбежал к нему и обнял.

— Ну вот, сын, ты и дождался папку! — он чмокнул светленького, со спутанными после сна волосами Сашку в щёку, поднялся с колена и отдал ему пакет с подарками, но сын даже не заглянул в него.

— Ты не уедешь? — спросил он и, только услышав от отца «нет», начал изучать подарки.

В этот вечер Букреев долго занимался сыном, ползал с ним на коленях, катая машинки, а потом сели ужинать. И столько была радости в Сашкиных глазах, так неотрывно он смотрел на отца, что, вспоминая события последних лет, Букреев едва сдерживался, чтобы не прослезиться. Он хотел забрать его к себе, но Полина засомневалась:

— Погоди, Михаил, пусть денёк-другой освоится и тогда с тобой проживёт. Я разве против.

Со следующего дня Сашка, окончательно привыкнув к отцу, почти две недели жил с ним, только кормиться они отправлялись к Полине. Стоял тихий и тёплый сентябрь. Миша выкопал остатки картошки, отдал её Полине и начал подолгу гулять с сыном по посёлку, ходил в лес за опятами, на фабричный пруд кормить уток, и ему очень хотелось, чтобы люди видели их и радовались вместе с ним. В последние годы соседи мало разговаривали с Букреевым, будто были виноваты перед ним, зная

его историю и остерегались сболтнуть лишнего. Теперь же, замечая его улыбающимся, улыбались в ответ, спрашивали о работе в Москве, интересовались ценами, столичными порядками. И если прежде Миша считал, что земляки чёрствы и равнодушны, то теперь изменил мнение о них. В чём-то сдержанные, в чём-то даже стеснительные, они не будут ни с того ни с сего в душу лезть. Сам поделишься чем-нибудь, тогда и они расскажут о своих радостях и заботах.

Букреев всё-таки уехал через две недели, но за это время он окончательно сдружился с сынишкой, жил вместе с ним, а когда собрался уезжать, то объяснил как мог:

— Вот съезжу, денежек заработаю, и опять мы будем вместе. А пока ты поживёшь с бабушкой и дедом. Ведь правда же они хорошие?

— Бабушка лучше... — признался сын и рассмешил признанием.

— Редко он видит деда. Тот не хуже тебя по вахтам мотается. Сам же знаешь.

Уезжая, Букреев оставил денег, впервые обнял Полину, поблагодарил за сына и пообещал, что всё сделает, чтобы облегчить его сиротскую теперь судьбу.

Она вздохнула:

— Не переживай, Миша. Мы теперь одна семья — нам надо вместе держаться! — и посмотрела на Букреева словно на собственного сына.

У него замлела душа от таких приятных и запоминающихся слов. Полина и Сашка вышли проводить его. Поцеловав сына, он ходко отправился к автобусной остановке, оглянулся, помахал им, даже остановился. Потом, поудобнее закинув рюкзак на плечо, шагал и шагал, зная, что они будут ждать его возвращения, а ему теперь есть к кому возвращаться.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Редакция «Коломенского альманаха» **поздравляет Владимира Дмитриевича Пронского с 75-летним юбилеем**, желает ему дальнейших творческих достижений и доброго здоровья!

Уроженец Рязанской земли, Владимир Пронский всегда интересовался жизнью Коломны, её сегодняшними достижениями, и, прежде всего, в культурной сфере. Наше сотрудничество с прозаиком-юбиляром во многом сложилось из общих бесед в Коломне и Москве. Всякий раз встречи были плодотворными, полезными для обеих сторон. Нашему сближению во многом способствовала общая история Коломны и Рязани. И мы рады, что это сотрудничество сохраняется и приводит нас к взаимному духовному обогащению. Благодаря этому коломенские читатели имеют возможность через наш альманах знакомиться с новыми произведениями автора, наполненными жизненной правдой и знанием человеческой психологии.

Ещё раз поздравляем Владимира Пронского с большим юбилеем и желаем ему творческого долголетия, бодрости, новых сил, успехов и радостных дней!

Коллектив редакции

МАСТЕР И УЧИТЕЛЬ

В этом году наш друг, коломенский художник **Владислав Татаринов** празднует свой первый значительный — **50-летний — юбилей.**

Более четверти века Владислав Татаринов профессионально занимается живописью. Его преподавателями были художники Иван Комаровский и Павел Блуднов, а народный художник России Михаил Абакумов оказал неоценимое влияние на его становление как живописца.

Любимые сюжеты картин Владислава Татаринова — пейзажи. Родной Коломне и её окрестностям посвящены многие его замечательные работы. Путешествия по стране дают новый импульс вдохновению художника. Творчество для него — окно в мир, где он создаёт свою, такую до боли родную, узнаваемую всеми нами реальность. И мы ощущаем радость прикосновения к его живым полотнам.

К сегодняшнему дню Владислав Татаринов — автор более двадцати персональных выставок в России и за рубежом, участник Всероссийских пленэров, победитель и призёр международных выставок пастели. Он по праву избран президентом Национального союза пастелистов.

Своими знаниями и умением Владислав Татаринов вот уже четверть века щедро делится с молодым поколением. Начиная работать учителем рисования и сейчас продолжает давать уроки изобразительного искусства всем желающим приобщиться к мастерству живописи. Пройден путь, которым можно гордиться, а впереди ждёт ещё много интересных дел.

Мы рады, что «Коломенский альманах» украшают работы Владислава Татаринова, в Коломне он особенно любим и почитаем. Сердечно поздравляем нашего друга с юбилеем и желаем крепкого здоровья, счастья, любви, новых увлекательных путешествий, интересных сюжетов, изумительных пейзажей, новых творческих выставок, встреч и открытий!

Коллектив редакции

В ТИХОМ ОМУТЕ

Максим Викторович Харлов родился в 1974 году в Вятке в семье художников Виктора Харлова и Веры Ушаковой. Окончил Вятское художественное училище, МГАХИ им. В.И. Сурикова, Творческие мастерские Российской академии художеств по специальности «Монументальная живопись». Член Союза художников России, Московского союза художников. Член-корреспондент Российской академии художеств. С 2005 года связал свою жизнь с подмосковной Коломной, женившись на Василине Королёвой. В 2021 году в Московском издательстве «Виртуальная галерея» вышла его первая книга прозы.

Рассказ

Солнце клонилось к закату, а по дороге среди нескошенной ржи шагали рыбаковы. Митрич тащил на себе скрученную в огромный тюк надувную лодку, Вася-Святой ковылял, опоясавшись сетями, Коля-Голова нёс на плече вёсла, шесты и ещё всякую другую полезную ерунду. Пёс Тишка угрюмо плёлся в хвосте, он любил охоту, а не рыбалку, к тому же, между прочим, он был совсем не ездовой пёс. Друзья на ходу выясняли, у кого возникла эта идея, взять кота на рыбалку. Митрич точно был против. Нет, своих восьмерых лежбоек он любил, но не до такой же степени, чтобы сажать их в лодку. Лодка всё-таки резиновая, а у них когти во все стороны торчат! Коля всего лишь предложил, Вася был не против, но кандидатуру с ним не обсуждали. Тишку никто даже спрашивать не стал, а зря, вообще-то, потому что теперь ему приходилось везти на загровке своего «коллегу».

Время от времени среди прозрачных берёзовых перелесков украдкой поблёскивала вода. Хитрая река возникала то слева, то справа, сзади, спереди, и каждый раз она текла в противоположных направлениях. Можно было подумать, что это были разные речки: стремительные ручьи и заросшие старицы. Но нет, все прекрасно знали, речка здесь одна на всю округу, просто очень непредсказуемая, всё время петляет. Для рыбаков она не представляла интереса. Нет, рыба там, конечно, водилась: окунь, плотва, на перекатах даже попадался редкий хариус. Но уж больно капризной была эта рыба, под стать самой реке — бесится, на хвостах по волнам ходит, но на

крючок — никогда! Вся надежда была на озерину — большой и глубокий котёл, оставшийся на месте «древней» электростанции. Да, были времена, когда люди умели сами себе добывать электричество и ковать лопаты, которыми, скорее всего, и выкопали этот огромный водоём. Никто не знает, как строили это техническое чудо. Но старики ещё помнят, как однажды весной за два дня растаяли все снега долины, а они тогда, в давние времена, лежали полутораметровым слоем даже в лесах. Вода в реке, едва сломав лёд, прибывала по метру в час. Наводнение снесло деревянную плотину на десять километров вниз по течению, разрушило машинный зал. Огромное чугунное колесо с обрывками приводных цепей, заросшее мхом и водорослями, можно и сейчас увидеть на нижнем каменном перекате.

Друзья разбили лагерь и разожгли костёр, пора было ставить сети, качали насосом лодку. Неожиданно выяснилось, что в запутанных сетях оказался перепуганный кот. Как такое произошло, кот не понимал, он вообще был как будто ни при чём. Рыбаки демонстративно обиделись, кот — тоже, однако, когда люди отчалили от берега, кот Обормот смекнул, что его бессовестно кинули, одного, на произвол судьбы! Тишка был не в счёт, он же обыкновенный пёс. Обормотик разбежался и прыгнул в воду вслед за уплывающей лодкой. Кот орал и тонул. Вытаскивать его кинулся Тишка, но это ещё больше напугало кота, пришлось рыбакам бросить сети и грести спасать домашнего любимца. Потом, желая загладить вину, любимец пытался помогать выцарапывать рыбу из сети, но это почему-то никого не радовало, сети на глазах запутывались в сплошной комок. В конце концов глупый кот сцепился в неравном бою со щукой, точнее, та схватила его за брюхо.

— Да он своим рёвом нам всю рыбу распугает! — негодовал Митрич, разжимая щучьи челюсти. Тишка тоже бросился выручать друга, но промазал, куснул кота за хвост, тот поцарапал Митрича, он выронил рыбу, щука, изогнувшись колесом, укатилась в воду. Друзья были готовы отправить туда же обоих домашних животных, но Коля сказал:

— А помнишь, Митрич, как выдра тебе сети поела?

— Да от неё и то меньше ущерба было!

Провинившийся Обормотик виновато улыбался. Ну разве можно такого обидеть? Однако его снова оставили на берегу. Он посидел-посидел и отправился на поиски приключений. Очень быстро нашёл пашню у самого берега, там гнездились чайки. Да, чем больше птица, тем хуже из неё выходит строитель. Мелкие птахи искусно шьют из травинки целые дома, ласточки клеят из глины балконы, стрижи роют многометровые тоннели. Вот только огромные чайки ленятся: бросят на землю пару соломин и всё, новоселье! Кот издали разглядел яйца, он любил яйца, даже воровал их из холодильника, правда пил их только вместе с Тишкой, в его конуре, но это неспроста — он прятал улики!

Мелкий хищник, прижав уши, крался за добычей, наглые чайки сначала не придавали этому значения, но быстро опомнились, началось побоище. Тишка снова бросился выручать друга, плюхнулся с лодки в воду, распугал всю рыбу и вконец запутал всю сеть.

— Нет, ну правда, плохая это была идея — взять кота на рыбалку!

— Да и пса тоже!

Взбешённый Митрич за шкуру выбросил Тишку на берег, тот бросился на чаек. Кот тем временем спокойно улепётывал восвояси, находя проход под густыми ветками прибрежных кустов. Тишка дрался как зверь, прыгал, лязгал зубами, чайки били его крыльями, щипали клювами. Рыбакам уже было не до рыбалки, они взяли вёсла и пошли пса спасать. Вскоре друзья, побитые, но не побеждённые, однако сильно обгаженные, вернулись к костру, там сидел, как ни в чём не бывало, прилизанный Обормотик и приветливо улыбался. Ну разве поднимется рука на такого?

Рыбаки пили чай из шиповника с листьями смородины и любовались последними лучами заката над заброшенной электростанцией. Будто башни древнерусской деревянной крепости, возвышались над водой рубленые из толстых брёвен ряжи, скреплённые железом и забитые камнем. От многоугольных «цитаделей» береговых устоев плотины тянулся щербатый частокол шпунтовых свай, прерываемый воротами заболотившегося обводного канала. Поверх стен этой сказочной крепости разросся лес, шатры елей заменили остроконечные кровли, на дороге выросли грибы, и бобры построили хатку в клетях главного турбинного хода. Стемнело, пришла пора закидывать сети.

Рыбаки тихо отталкивались вёслами от толстых, упругих, будто резиновых, стеблей кувшинок. Коля светил карманным фонариком, выискивая сеть в глубине. Вокруг стояла оглушительная тишина. И только кузнечики в полях звенели и скрежетали так, что ушам было больно. Зато все остальные нарушители спокойствия крепко спали. Спали наглые чайки, спали скрипучие коростели, спали шумные комбайны — огромные красные машины, струдившиеся стадом прямо посреди нескошенного поля. Зажмурившись от вечного страха, спали мелкие птицы на тонких ветках. Лениво дремали сытые рыбы в глубине омута. Луч Колиного фонарика находил их причудливые тени на разных глубинах. Медленно шевелились затонувшие жёлтые кувшинки и развевающиеся гривы водорослей. Их ожившие тени жутко гримасничали в зелёной воде. Было видно, как по песчаному дну, пыхтя илом, куда-то двигались одноногие моллюски, за ними крались иглокожие ерши-разбойники. Замерли хищные щуки, целясь мерцающими глазами в стайку бледной плотвы. Ночью нет водяной ряби и бликов, поверхность воды неосвязаема, и надувная лодка лениво плыла, как воздушный шар, над призрачным донным миром.

Пёс Тишка спал, положив голову на мягкий баллон. Кот с достоинством восседал впереди, изображал собой носовое украшение, светил глазами, как фарами. Он чувствовал себя вершиной эволюции, по крайней мере — пищевой цепочки. Его окружала только еда: птицы, рыбы, бутерброды, стоило только протянуть лапу...

Рыболовы тянули сеть, наполненную отборной рыбой — в лунном свете мерцали серебром толстые бока лещей, щуки беззвучно двигали челюстями, прыгали ерши. Тишка и Обормот аккуратно сгребали их мягкими лапами в кучку, ничто не нарушало величественного спокойствия летней ночи.

Но вдруг вместе с надкушенным налимом всплыла змеиная морда выдры, хрюкнула розовым пятакон и гадко зашипела. Пёс Тишка взвизгнул и прыгнул за борт, кот храбро ударил лапой по мерзкой морде, морда оскалила острые, как иглы, зубы и полезла в лодку. Кот поднял шерсть

дыбом и выпустил когти. Проколота в двадцати местах лодка лопнула, выдру сдуло в воду.

Со свистом вырывался воздух из обмякшей лодки, с кашлем сыпались проклятия из Митричевой глотки, с бульканьем расплывался в стороны улов, медленно угасая, погружался на дно Колин электрический фонарик. В одно мгновение торжественная красота летней ночи превратилась в кошмар, такие ужастики иногда показывают по ночам в сельском клубе. Вася, в неразберихе потерявший очки, схватил кого-то из утопающих и побежал пешком по воде (он же Святой!). На берегу оказалось, что это выдра, она зашипела и дала ему «леща» по обеим щекам скользким, чешуйчатым хвостом. Кое-как остальные рыболовы выбрались на берег и упали без сил рядом с догорающим костром и котелком, в котором выкипала вода. Об ухе и думать даже не хотелось. Переполненные острыми впечатлениями, люди и звери быстро заснули. Выдра, наконец, освободилась из крепких объятий захрапавшего Васи-Святого и шмыгнула в воду.

Восходящее солнце уже играло на небосводе всеми цветами радуги, а у реки с озадаченным видом стоял Иван-Чёрный. Он приехал чинить комбайн, но что-то показалось ему странным. В воде плавали рваные сети, ломаные вёсла и сдвущаяся лодка. На берегу без чувств лежали люди, и пёс в обморочном состоянии висел на дереве, вцепившись зубами в тонкую ветку. Посередине этого безобразия, рядом с расплавившимся котелком, сидел прилизанный кот Оборот и приветливо улыбался.

БИБЛИОТЕКА

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Событием для литературной Коломны явился выход книги кандидата филологических наук, доцента Московского городского педагогического университета Т. И. Кондратовой «Литературное краеведение: Коломна и окрестности».

Эта книга является результатом многолетнего интереса автора к литературе подмосковной Коломны. В объектив авторского зрения попадает не только современная литературная ситуация, но и прошлое коломенской литературы. Именно поэтому имена классиков Серебряного века на страницах книги соседствуют с именами наших современников — коломенских поэтов и прозаиков конца XX — начала XXI вв.

Имена классиков Серебряного века на страницах книги соседствуют с именами наших современников — коломенских поэтов и прозаиков конца XX — начала XXI вв.

Марта Сергеевна Ломако родилась в Москве в 1999 году, детские годы провела в Воскресенске. Живёт в Коломне. Филолог, поэт, прозаик.

Пишет стихи и прозу с семи лет. Её произведения печатались в различных литературных сборниках. Источником вдохновения для автора являются размышления в духе романов Ф.М. Достоевского или стихов в прозе И.С. Тургенева, натурфилософская лирика Ф.И. Тютчева, Н.А. Заболоцкого, сказки, путешествия, сны. Постоянный автор «Коломенского альманаха»; пишет в стиле неосимволизма. В серии «Коломенский книгочей» опубликована её книга стихов «Дневник чудака».

Лауреат премии губернатора Московской области «Наше Подмосковье» по итогам 2017 года. Победительница V Межрегиональной творческой мастерской для молодых писателей (Смоленск, 2022 г.).

Член Союза писателей России.

Рассказ

ТРИ ЗАВЕТНЫЕ ИСТОРИИ

Следы на человеческой шее схожи с кругами на срубе дерева — и те, и другие свидетельствуют о количестве прожитых лет. На её шее следы были глубокими, а кожа вокруг них напоминала кору столетнего дуба. Старуха сидела в своей постели, а напротив — ещё совсем юное личико, аккуратная головка, словно инстинктивно пытающаяся приблизиться к говорящей, едва держащаяся на тонкой цветочной шейке. Старуха, казалось, прожившая не одну жизнь, знающая Землю словно от самого сотворения мира, теперь вела долгий рассказ, и внучка внимала каждому её слову.

— Когда я была такой же молодой, как ты, мои волосы спускались водопадом до самой земли. Они вдыхали нити моих мыслей, ловили порывы полевого ветра, когда я летела домой по бесконечным тропинкам, впитывали мои маленькие радости и горести... Я верила, что эти густые пряди сохранят все мои сокровенные воспоминания, лесные и ягодные запахи, цветочные благовония для юноши, который полюбит меня как самого себя. Как все молодые девушки, я мечтала встретить большую любовь — огонь Прометея, украденный у неба и переданный миру людей; не думала я только о том, что смогу дать юноше взамен...

Старуха опустила глаза, окуная лицо в сумеречную тень комнаты. За окном синее блюдце неба постепенно погружалось во мрак, роняя огненное яблоко за лесную чащу — там, на этих хвойных дорогах, когда-то сплеталось кружево её судьбы.

— Но разве ты не могла дать ему любви? — нарушил тишину робкий и любопытствующий голос внучки. Вечерний сумрак и откровение бабушки сделали её речь тихой, словно без этого какая-то жизненно важная тайна могла ускользнуть из этой замершей комнаты.

Бабушка едва заметно усмехнулась.

— Не всякий из нас в юные годы заглядывает в закрома сердца, туда, где, быть может, лежит совсем не то, чего ты ждёшь от самого себя. Своё чувство следует проверять на прочность, как лёд. И если оно ломается, подобно льду, — нет ему места в твоей жизни...

Старуха подняла голову и, взглянув в сторону леса, где через считанные минуты должно было начаться огненное закатное представление, проговорила:

— Вон в том лесу, который век от века слушает и запоминает истории людей, который укрывал густыми кронами ещё моих бабушку с дедушкой, я раз за разом обретала и теряла тех, кого искренне считала своими сужеными.

Первого из них, гордого, с соколиной осанкой, много лет назад нашла я на Птичьей Горе. В этих местах издревле росли сосновые племена, покрывая и подол, и грудь, и плечи каменного изваяния. И вот на самой его голове под исполинским хвойным строем, напоминавшим церковный орган, однажды я заметила юношу, чьи распостёртые руки издали напомнили мне птичьи крылья, ибо были укрыты полами плаща. Вокруг него то тут, то там пролетали разговорчивые птицы, словно он, крылатый, был хозяин леса. Мне казалось, что, поднимаясь наверх, я поднимаюсь в его владения. Заметив меня, величественный человек не испугался, но и не тронулся с места навстречу мне, чтобы поприветствовать нежданную гостью. Он застыл, глядя на меня, словно ожидая, пока я приближусь к нему. Чуть позже, уже беседуя со случайным незнакомцем, я разглядела его причудливый плащ: оказалось, он был соткан из зелёных листьев, и листья эти, подобно перьям, колыхались, нетерпеливо ожидая несбыточного полёта...

Казалось, этот необычный юноша знал о нашем мире всё: ему были известны имена всех птиц в округе, знал он, чем они живут, чем питаются и в каких иных краях их можно встретить; ему были ведомы языки десятков стран и народов, даже тех из них, что давно уже были мертвы; умел он лечить болезни, определять погоду на дни вперёд, разговаривал с духами. Но по своей натуре был он так горд, что ни единая душа не говорила с ним подолгу. Многие хотели раздобыть у него хоть крупицу той великой мудрости, что таилась в нём, но вместе с ней находили холод и неприязнь возвышенного незнакомца. Он словно снисходил до каждого, кто осмеливался подняться на вершину горы. Сколько я ни выпытывала у своего Сокола, любил ли он кого-то за свою жизнь, он не отвечал; мне же казалось, что я обрела на Птичьей Горе настоящую любовь. Порой я проводила с Соколом часы, желая, чтобы он слушал меня с тем же упоением и восторгом, с каким я вслушивалась в его речи, желая заечь в нём такой интерес, какого не разжигала прежде ни одна девушка. Однажды в попытке поразить его собственным величием я попыталась соткать себе плащ из листьев, плащ ещё больше, чем у самого Сокола. Но мое одеяние вышло неказистым и жалким, и гордый юноша

осмеял меня, довольный собой. С тех пор мои попытки поразить его стали яростнее и злее, и между нами словно прополз ядовитый змей: мы перебрасывались острыми, ранящими словами, норовили задеть друг друга посильнее. Кто бы осмелился сказать теперь, что я любила его, этого птичьего царя, по-настоящему? Временами мне казалось, что лишь затмив Сокола, я завоюю его любовь. И он сам, чувствуя, как неприглядная истина разъедает эту странную связь, отдалялся от меня всё больше, пока, наконец, не влюбился...

...Она приходила в лес из соседней деревни и покидала его с корзиной, полной грибов и ягод. Это была девушка с необыкновенно ясными голубыми глазами. Её кожа в лёгком солнечном блеске казалась жемчужной, а верхняя губа едва заметно выдавалась вперёд и вниз — маленьким бугорком, как обычно бывает не у юных девушек, а у маленьких детей. Её взгляд, пронизывающий насквозь, однажды смутил Сокола, и с тех самых пор крылья его стали желтеть. В те дни мы вновь стали видеться с ним после разлуки: осознав свою неправоту, я пришла просить прощения, только от прежней моей любви уже не осталось и следа. Тогда-то я и увидела впервые, как Сокол, печально поникший, сидит на придорожном камне, свесив жёлто-красные осеннего цвета крылья. Они были так же прекрасны, как прекрасно октябрьское золото на лесных ветвях, но только вокруг нас всё ещё цвело зелёное лето, и потому два соколиных крыла выглядели теперь величественно и печально, как выглядит благородная старость... В этот день я узнала, что та девушка поразила юношу своим появлением, одним взглядом, который срубил с его души, как с огромного соснового ствола, все до единого сучья, делающие его гордым и величавым, оставив лишь один жалкий стан. Сокол больше не кичился собой. Теперь он усердно перекапывал внутри себя все горы сокровищ, перекладывал их с места на место, пытался понять, кто же он на самом деле — без этих крыльев... А ещё больше он желал теперь встретиться с той, которая лишила его листовых перьев и тем самым освободила, но боялся. Я внимательно слушала речь печального Сокола, а после решила помочь своему другу обрести настоящую любовь:

— Сними свои увядающие крылья и ступай к ней. Говорят, что эта девушка умеет разглядеть сердцевину в каждом человеке, кем бы он ни был и откуда бы ни пожаловал, хоть с того света. Будь с ней искренним и не вздумай возгордиться, иначе можешь отпугнуть её, как и всех, кто когда-то ходил к тебе. Пусть твои сокровища сами откроются ей.

Сокол послушал меня и уже на следующий день, увидав девушку со своей горы, снял рассыпающиеся крылья, на которых уже почти не осталось листьев, и отправился в лес. Дойдя до сосновой полянки, где стояла недвижимая фигура, заметил он, как девичьи руки собирают что-то с одного из стволов. Это оказались янтарные камушки застывшей смолы. Поначалу девушка испугалась Сокола, незаметно появившегося рядом с ней. Было видно, что, беседуя с ним, она доверяется ему не до конца, но всё же не спешит и покинуть его, словно ожидая, когда он скажет что-то такое, что рассеет её сомнения, как учитель ожидает от ученика нужного слова. В этой девушке не было и следа гордости; была в ней лишь детская прямолинейность и та особая мудрость, которой может обладать

ребёнок, восхищая взрослых и заставляя их изредка шептать друг другу: «Всё-таки дети куда ближе к Богу, чем мы...»

Чем больше говорил Сокол, тем меньше чувствовал за спиной свинцовый след нелетающих крыльев; чем больше смотрел в глаза девушки, тем сильнее отвращала его собственная гордость и нелюдимость. Его тело словно отторгало прежний яд рядом с возлюбленной. Наконец, заметив на дереве камушек смолы, в котором застыл мотылёк, девушка проговорила:

— Взгляни на этого несчастного мотылька. Его и без того недолгая жизнь прервалась вязким потоком смолы, которая лишь напоминает настоящий, драгоценный янтарь, а на деле лишь душил саму жизнь... Вот и ты точно так же окружил себя сияющими застывшими стенами, чтобы навсегда задохнуться в них. Только этой оболочке никогда не заменить тебя настоящего. Я вижу, как ты оттаиваешь и становишься собой, а вместе с душой оттаивают и твои настоящие крылья...

С тех пор Сокол и девушка стали видеться каждый день. Друг мой действительно изменился: я впервые увидела на его лице улыбку, речь его стала лёгкой и тихой, как птичье перо, а мудрость, что годами копил он только для самого себя, стала передаваться притчами и сказками деревенским детям. Он охотно беседовал с каждым, кто являлся к нему за советом, а порой уставал и уединялся, как и прежде, на своей горе, чтобы поразмыслить и набраться сил. Он и его спасительница крепко любили друг друга и хотели рано или поздно поселиться семьёй, хотя следы прежней гордости временами проступали в душе Сокола, и тогда нелегко приходилось его юной избраннице. И всё же сколько бы они ни подвергали друг друга разлуке, только сильнее тянулись друг к другу их сильные сердца.

Старуха долго смотрела вдаль, словно выглядывала что-то сквозь тёмную стену леса, и видела, наверное, как её прежний возлюбленный тенью следует за своей суженой. Но головы их уже седые, а впереди, преодолевая ветер, разбегаются и взлетают их дети, уже с настоящими крыльями...

Словно почувствовав, как еле слышно дребезжит в бабушкином сердце невидимая печальная струна, девочка откликнулась на её звон:

— Разве тебе не было грустно расставаться с Соколом?

Старуха отвела глаза от окна.

— Любовь моя исчезла так же быстро, как появилась, ибо на самом деле это была лишь страсть — одна из ложных её подражательниц... Но поздно я научилась отличать их друг от друга, тогда, когда уж вовсе перестала цвести. А пока я всё ещё жила в уверенности, что однажды отыщу свое счастье. Зацепил меня тогда за живое другой юноша, которого в нашей деревне прозвали Нелюдимом за скрытный нрав. Ни родительская ласка, ни робкие попытки сблизиться с ним не растапливали его сердце, и был он одинаково закрыт как для матери и отца, так и для всех вокруг. Девушки за глаза посмеивались над ним; ещё в школе учителя отмечали его усердие, но сетовали, что, загнавший себя в клетку постоянного труда, он совсем не стремился познать мир. Он не был горд и не любил себя, избегая порой даже взглянуть на своё отражение в придорожной лужице. Единственным во всём мире, что успокаивало его, был лес. В густой его хвое привык он прятать ото всех свои горести и радости. Не имея друзей, с кем мог бы разделить свои думы, он подолгу уходил

плутать по замшелому бездорожью, пока однажды не исчез для жителей деревни вовсе.

Первой обнаружила его я: юноша сидел недалеко от тропинки, маленький и хрупкий, покрывшийся мхом и клейкими весенними листьями. Таким он напоминал мне не то лешего, не то причудливого лесного духа. Было странно осознавать теперь, что это существо когда-то обитало среди людей, таким оно было диким и неприступным. Струи мелкой листвы и моховая поросль прочно вросли в складки его одежды, в его кожу, запутались в волосах. И, наверное, проще всего было теперь оставить Нелюдима в покое, как безнадежно канувшего в мир иной, как без вести пропавшего, вот только его глаза, в которые я заглянула впервые, застали меня врасплох. Изумрудные, они напоминали омуты или маленькие болотца, до того глубокие и таинственные, что мне захотелось утонуть в них, захлебнуться этой вязкой тиной, не сулившей мне ничего доброго. Бог знает, как сильно мрак проник в душу этого юноши с тех пор, как он покинул мир людей, но в тот день я решила, что смогу спасти его.

С тех пор каждый день, отправляясь в лес, я старалась найти его. Мне не всегда удавалось обнаружить Нелюдима: его зелень сливалась с травяным одеялом леса, и если он лежал на земле, то почти невозможно было отличить его от обыкновенного заросшего холмика. А когда я всё-таки встречала своего лесного духа, он смотрел на меня с опаской, а порой даже с затаённой злобой. Не понимала я тогда, что нарушаю границы, которых мне нарушать не следует. Приходя к нему, я садилась рядом и говорила, то рассказами о собственной жизни, то своими мыслями, то новостями из деревни занимая его день. И всякий раз в ответ я слышала лишь стрекотание кузнечиков, шум ветра да шорох ладошек-листьев, которые словно прогоняли меня своими взмахами: так взмахивает ладонью человек, пренебрежительно отгоняя нежданного гостя.

Мне уже было подумалось, что затея моя и вправду гиблая, как вдруг он стал понемногу отвечать на мои слова. Ответы его были скупы, будто, пребывая здесь долгие месяцы, он потерял способность говорить, как говорят все люди. Но всё же нежданная перемена обрадовала меня. Капля за каплей растекался передо мной слабый родник потаённых мыслей Нелюдима; но далеко ему было до быстрого ручья, питающего всё вокруг живительной влагой, как питает чужой ум обычная человеческая речь. Порой мне казалось, что я выпытываю у юноши каждое слово и всё, что мне удалось разузнать о нём, складываю в большую мозаичную картинку. Но эта картинка, эта необычная игра увлекала меня всё больше, и я тайно испытывала гордость за то, что мне одной доверяет Нелюдим свою жизнь, скрытую для всех остальных.

Видясь со своим лесным духом каждый день, я надеялась стать той, кто однажды выведет его из леса. Всё больше и больше места в моих мыслях занимал зеленоглазый отшельник, и в один прекрасный день мне суждено было увидеть, как он сам потянулся ко мне. Несмело, неловко потянулись ко мне его тонкие руки, а когда он обнял меня, словно всё его годами не находившее выхода тепло хлынуло и обволокло меня. В тот день он много говорил: о том, что среди людей долгие годы чувствовал себя чужим, о том, как боялся показаться слабым любому встречному, о том, что помнит каждого, кто ранил его когда-то, и даже раны родом из

детства до сих пор не стянулись внутри. Слушая, но не слыша его спутанную речь, я питалась запахом его пропахших мхом тёмных волос, и мне всё было мало... Нет. Хватит вранья. Всё это — сладкая ложь, а чтобы признать правду, нужно больше силы.

Старуха замолчала. Её губы на мгновение сжались, а взгляд потух, опустившись на дно комнаты. Внучка, не понимая произошедшей с ней перемены, первые несколько секунд молчания ждала от неё нового слова, но затем, видя, что та не прерывает тишины, неловко попыталась нащупать оборвавшуюся нить разговора.

— Разве всё это время ты рассказывала мне сказку? Если всё это ложь — значит, ты не видела лесного отшельника на самом деле?

В ответ девочка услышала из темноты тяжелый вздох.

— Нет, милая. Всё это было на самом деле. Вот только любовь моя, о которой я теперь говорю с таким жаром, на самом деле была очередным призраком. И однажды он, мой Нелюдим, заметил то, о чём тогда ещё я не подозревала. Через несколько дней после его откровения, которого я так ждала, всё вдруг исчезло: он перестал тянуть ко мне свои белые руки, перестал смотреть мне в глаза, и лишь покрытая зеленью и мхом спина встречала меня в лесной чаще. Сколько я не вилась вокруг него, сколько ни обращалась к нему, ни единого слова из этого вновь окаменелого отшельника не удавалось мне вытянуть. Лишь после того, как я, совсем отчаявшись, собралась уходить, он произнёс: «Однажды угаснет твоё чувство, угаснет так же внезапно, как и появилось. Ты непостоянна, как и все остальные, кого я знал. Я почти было пошёл за тобой, но вовремя опомнился, ибо глаза человека всегда выдают его намерения». Напрасно пыталась я убедить его, что ни в каком ином случае не хотела покидать его, напрасно искала в его словах прежнюю тягу и теплоту, напрасно изо дня в день продолжала ходить к нему и носить маленькие подарки, вышитые своими руками: он закрылся для меня навсегда.

Прошло немало месяцев, прежде чем я, в очередной раз явившись на место обитания Нелюдима, вновь заметила в его глазах искру. Но каково было моё изумление, когда я узнала, что этот дикий и чужающийся всякого чувства человек полюбил другую! Она являлась в его места последние полгода, но не затем, чтобы завоевать его сердце. Он рассказывал мне, как она приносила в его зелёный храм корзинки с едой и оставляла их там, не желая тревожить покой отшельника; с каким искренним сочувствием, замечая моего лесного духа, она спрашивала его о здоровье и о том, не нужно ли ему что-нибудь из деревни; как пересказывала разговоры цветов и раскрывала ему секреты их душ. И он привык к своей посетительнице так же, как привык когда-то ко мне. Теперь ему хотелось выйти к ней навстречу, но ужасно пугала его мысль оказаться незащищённым, без густых ветвей, без спасительной тени еловых крон, под палящим и явственно обозначающим все изъяны человека летним солнцем, и что самое главное — страшно было предстать перед девушкой бессловесным, ибо ещё не было в нём решимости заговорить с ней. Слушая речь юноши, я вертела в руках принесённый для него букет полевых цветов, и мне ничего не оставалось делать, как передать этот подарок ему. «Эти колосья поведают твоей избраннице о твоей неприступной душе, окружённой зарослями тайны, васильки станут знаком твоего робкого, но скрытого

от посторонних глаз чувства, а цветки клевера расскажут о том, что ты готов ждать её всю жизнь. Если она и впрямь слышит голоса цветов, она поймет твоё послание без всяких слов», — такое напутствие дала я Нелюдиму перед тем, как навек отпустить на свободу.

За свиданиями этих двоих я наблюдала издали. Трогательный подарок изумил и расположил юную девушку, без труда сумевшую разгадать его тайный смысл. Заведя разговор первой, она повела его легко и непринуждённо, и чем дольше беседовали они в дни следующих встреч, тем чаще с осторожностью лесного зверька она касалась всего того, что долгие годы скрывалось юношей от посторонних глаз. Постепенно Нелюдим преобразался, и вот уже спина его разогнулась, а глаза наполнились человеческим оживлением, и когда однажды после долгого отсутствия я вновь появилась в лесу, я не узнала его вовсе: от мха на его спине, руках и ногах не осталось и следа. Но в деревне поговаривали, что ещё остались в его сердце тёмные закоулки, и что спутница его всё ещё продолжала бороться с вязким омутом его памяти и старых обид.

— А как же ты? Разве тебе не было больно от того, что твой новый избранник опять не принял тебя?

Девочка с неподдельным сочувствием смотрела на бабушку, закончившую очередную повесть о ещё одной потерянной связи. Но старуха в ответ только отрицательно покачала головой.

— Я погоревала лишь несколько дней, а затем его образ улетучился из моей головы так же быстро, как появился. Без своего мохового плаща Нелюдим стал мне неинтересен, как и все обычные люди. Тогда мысль о том, что во всём случившемся, несомненно, виновата лишь я одна, маячила только на задворках моего сознания. Идти дальше мне вновь предстояло одной, и на сей раз чуть более отзвучал во мне ожог утраты.

Но и в третий раз случилось мне испытать своё сердце на прочность. В то время деревенская компания молодых и девушек высыпала на улицу всякий раз перед большим праздником, и со двора в такие дни то и дело доносился весёлый шум и возня молодых игр. И вот на многоголосой гулянке под Рождество запал мне в душу один ряженный паренёк, что изображал удалого кузнеца-волшебника. Был он известен всей деревне и славился крутым нравом, не всякому было по силам обуздать его ретивую душу. В праздничном кругу, весь вымазанный сажей и держащий в больших красных руках молот, он обещал девушкам выковать искусные подарки, что придутся по сердцу любой из них. Чтобы получить обещанный подарок, девушке предстояло лишь поцеловать кузнеца. Мне помнится, что многие деревенские красавицы зарделись тогда не столько от мороза, сколько от смущения перед желанным поцелуем. Со всех сторон молодца встречали приветливые улыбки, но ни одна из девиц не решалась подойти к нему. В тот момент я гордо вышла в центр круга и, поцеловав кузнеца, одарила его горячей улыбкой, а со всех сторон на меня устремились весёлый гогот, смех, колкие взгляды завистниц и восхищённые — подруг. С этих самых пор установилась между нами едва заметная связь: впечатлив моего Кузнеца, я надеялась привязать к себе того, кто пришёлся мне по сердцу.

Но мало было только лишь впечатлить его. Не напрасно он славился среди нас своим неукротимым характером. «Какая девушка захочет владеть

мною, пускай пройдёт сквозь огонь и останется невредимой», — говорил Кузнец. Мало смелых девиц находилось среди деревенских, и смущённые девушки обходили статного красавца стороной, за глаза называя его бессердечным, но тайно стремясь к нему. Лишь здешние парни, его друзья, знали, что прошедшая тяжёлая фронтовая жизнь сделала из него хладнокровного ухаря-шутника.

В погоне за уважением Кузнец я решилась на безумный поступок и однажды на виду у собравшейся толпы попыталась пройти сквозь пелену высокого костра. Но огонь обжёг мою гордыню, и, не желая, чтобы все увидели мою боль, я сбежала прочь. Жестокий юноша нашёл меня. Поражённый моей смелостью, он заговорил со мной и поведал свою печальную историю:

— Когда я был на войне, немало деревень приходилось мне жечь дотла. Моё сердце грубело с каждым прожитым днём, и, наконец, не только вид окровавленных безжизненных тел, но даже гибель соратников перестала трогать меня. Именно таким я повстречал однажды свою Анастасию. Она работала в полевом госпитале, и посреди бушующей то и дело взрывающейся земли ни одна пуля не трогала её. Моя рана свела нас двоих, и с тех пор одной Анастасии удавалось пробудить во мне прежние, человеческие чувства. Много раз я видал её из окопов, много раз попадал к ней на перевязку. Мы успевали перекинуться парой слов, так и узнал я, что в одной из деревень, сгоревших в ту пору от снарядов, погибли её родители. Так стал огонь вызывать в ней тревогу и слёзы, и только мирные костры, где собирались по вечерам в довоенное время деревенские парни и девушки, вызывали в ней тёплые воспоминания. «Если бы только я увидела такой костёр теперь, если бы только услышала весёлые голоса своих сверстников, как и прежде, с каким упоением я бы пошла к ним навстречу, чтобы забиться в этих не знающих горя играх», — так говорила она мне, печально глядя в пустоту зияющих рытвин. Но шло время, и наш полк перебросили на другое место. Я оказался так далеко от Анастасии, что уже не мог видеть её мимоходом каждый день. Мы не успели обменяться адресами, и письма было передать некуда. Я потерял её, а вернувшись после войны, первым делом обошёл все окрестные деревушки в её поисках. Я помнил, что место моего первого назначения находилось на холмах, там, откуда было едва-едва видно нашу площадь, где мы теперь разводим костры. Но мои поиски Анастасии в тех местах не увенчались успехом. Теперь же молва о моем вызове деревенским девушкам разнеслась за версту, и я всё ещё надеюсь, что однажды и она заглянет к нам, ведомая светом костра. Из вечера в вечер я жду её недалеко от площади, но к моему огоньку неизменно подтягиваются все, кроме неё.

Когда Кузнец закончил свой рассказ, я увидела, как его вечно горящие звериным светом глаза потускнели. Он отвернулся и замолчал. В ту минуту меня осенило, и я произнесла: «Всего через пару дней Анастасия будет справлять именины. Почему бы не созвать всех девушек на праздник? Быть может, среди новопришедших отыщется твоя суженая».

Новость о большом гулянии быстро разлетелась по округе. Вся местная молодежь стянулась на праздник; многие принесли угощения и подарки для именинниц. Немало молодых в этот день пришли со своими

избранницами, и кое-кто впервые открыл своё сердце подруге. Лишь Кузнец сидел понурый и смурый: не отыскивалась в толпе его Настенька. Наконец, к вечеру я подтолкнула его попытать счастья в последний раз.

— Слушайте, девицы! — возвестил юноша, обратив к себе внимание толпы. — Та из вас, что пройдет через огонь и останется невредимой, станет моей невестой. Кто из вас осмелится испытать судьбу?

Народ молчал. Иные глядели на Кузнеца с непониманием или усмешкой, иные смущались и прятали лица. Но из сумрачной тишины вечера вдруг выступила одинокая фигура:

— Я проходила невредимой сквозь огонь не один раз. Пройду и теперь.

Пораженный Кузнец не мог разглядеть в потёмках говорившую. Лишь когда девушка без тени страха перешла через огненную стену, и пламя осветило её лицо, он узнал свою Анастасию. Её волосы теперь были абсолютно седыми, будто не молодая девица, а старуха оказалась перед ним. Огонь не тронул ни волоска на её голове — коснулось их лишь пережитое ею страшное фронтовое время. Кузнец смотрел на неё так, как смотрит заплутавший странник на замерцавшее вдали оконце спасительной избушки. Тогда мне стало ясно, что и в этой истории больше не осталось для меня места.

Кончив рассказ, старуха распустила тугую серебряную косу и прилегла, словно уставшая от напряжения памяти, от заново пройденных рубежей. Её волосы, всё такие же длинные, растеклись белеющим морем по подушкам, и трудно было представить, сколько ещё воспоминаний и молодых запахов сохранили они за её непростую жизнь.

— А как же дедушка? — раздался голос девочки откуда-то из комнатной темноты. — Ведь не могла не остаться с тобой ваша с ним история.

— Дедушка... — старуха слабо усмехнулась вновь наплывшим мыслям. — Мы с ним были хорошими друзьями долгие годы, а потом поженились. Никто и никогда не смотрел на меня так, как он, с такой лаской и нежностью, искренней от начала и до конца... Столько лет я говорила ему, что не люблю и не умею любить — ибо лишь после трёх стувивших меня попыток обрести возлюбленного я поняла, что дело во мне, — а он только молчал на это да по временам утешал меня, не требуя ничего взамен. Так и прожили мы вместе долгую жизнь. Наши сверстники расходились и вновь сходились, создавали семьи на стороне и вновь сплетались друг с другом, а мне всё это было неведомо, и я всегда сожалела, что не к кому мне возвращаться мыслями через километры памяти.

— Отчего же ты не ушла, когда ещё было не поздно? — чуть слышно, не глядя на бабушку, проговорила внучка.

— Зачем? — ответила та. — Быть может, твой дедушка — единственный человек, кому я, нелюбящая, неполноценная, смогла бы дать счастье.

Девочка задумалась. Удивительным казалось ей то, что на вопрос, который задавала она всем неустроенным в отношениях сверстникам, все они отвечали совсем другим словом — куда. Лишь то, что им было некуда идти, останавливало их от очередного разрыва. Что же в этой маленькой жизни ожидает их потом? Бесконечные размышления о неисправимом прошлом; холод Ларры в душе и растоптанные сердца юных и наивных Данко; семьи на стороне и новые поцелуи в старых объятиях. А в это время бабушка, как ни в чём не бывало, будет читать книжки

своим уже взрослым детям и подрастающим внукам; будет ходить в лес за новым глотком опьяняющего, пропитанного смолой воздуха; будет слушать голоса птиц, о которых ещё не раз скажет, что они заставляют её любить жизнь.

Со всеми этими мыслями уже поздно вечером девочка отправилась к себе домой, захватив украдкой с бабушкиного столика крохотный жёлудь, случайно принесённый ею из леса. Через десятки лет этот жёлудь вырастет в дуб-исполин, одинокий среди тонкоствольных деревьев, давно разделившихся по парам, но обнимающий своими ветвями всё живое и питающий своими падающими листьями новые семена и всходы — плоды чьей-то мимолетной любви.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ПЫТЛИВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Сложным был у **Евгения Львовича ЛОМАКО** путь к делу, которым занимается сейчас вдохновенно и с любовью. Он познаёт историю родного края, те её страницы, которые по разным причинам были мало изучены или вообще к ним не прикасались исследователи.

История Коломны, где он родился, вырос, окончил школу, его интересовала с детства. Но в силу сложившихся обстоятельств поступил учиться в Коломенский государственный педагогический институт на общетехнический факультет. Успешно его окончил. 14 лет работал учителем технологии в Коломенской средней школе № 18 с полной выкладкой и отдачей. Об этом свидетельствует его уверенное выступление в городском конкурсе «Педагог года Коломны-2004», где стал победителем в номинации «За преданность педагогической профессии».

С не меньшим увлечением часть свободного времени Е. Л. Ломако посвящал проникновению в мир краеведения, истории. Заочно окончил аспирантуру, успешно защитил диссертацию, и ему была присуждена учёная степень кандидата исторических наук. В 2009 году сделал решительный шаг: перешёл работать в Коломенский краеведческий музей. С той поры коломенцы познакомились с его многими интереснейшими публикациями, в том числе и на страницах нашего литературного ежегодника.

К своему золотому юбилею Евгений Львович подошёл зрелым историком, краеведом, публицистом. Коллектив редакции «Коломенского альманаха» сердечно поздравляет коллегу с 50-летием, желает в добром здравии продолжить дело изучения и популяризации истории Коломенского края, его славных боевых и трудовых традиций.

Редколлегия альманаха.

XIII ВСЕРОССИЙСКИЙ
КОЛОМЕНСКИЙ ПЛЕНЭР
им. народного художника России
МИХАИЛА АБАКУМОВА

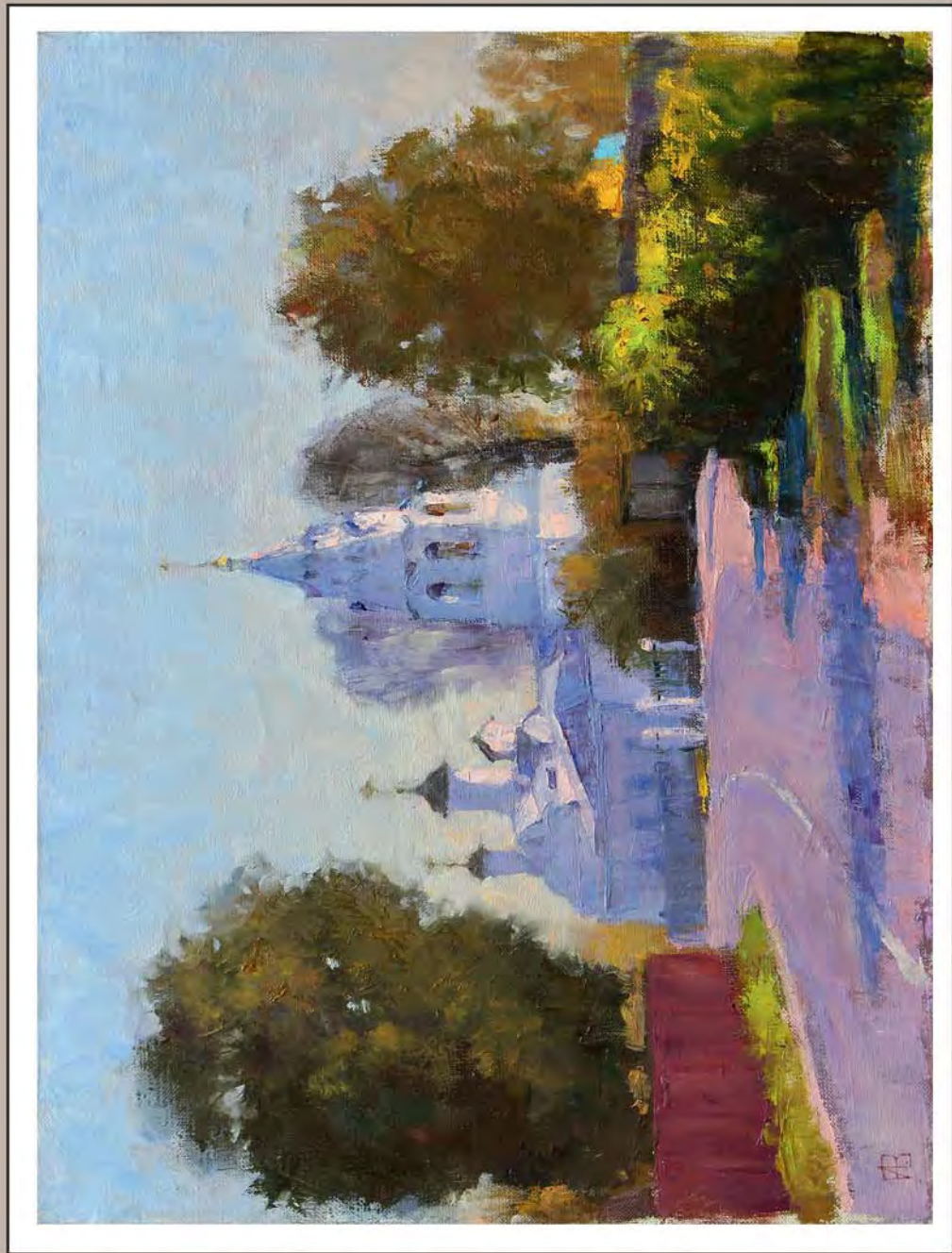

ДЕНИС ГУБАРЕВ (г. Симферополь)
Встреча

**МАСТЕРА РУССКОГО
ИМПРЕССИОНИЗМА
В КОЛОМНЕ**

ЕЛИЗАВЕТА ЧЕРВЯКОВА (г. Коломна)
Соня

АЛЕКСАНДР ЗОТОВ (г. Коломна)
Церковь Иоанна Предтечи на Городище

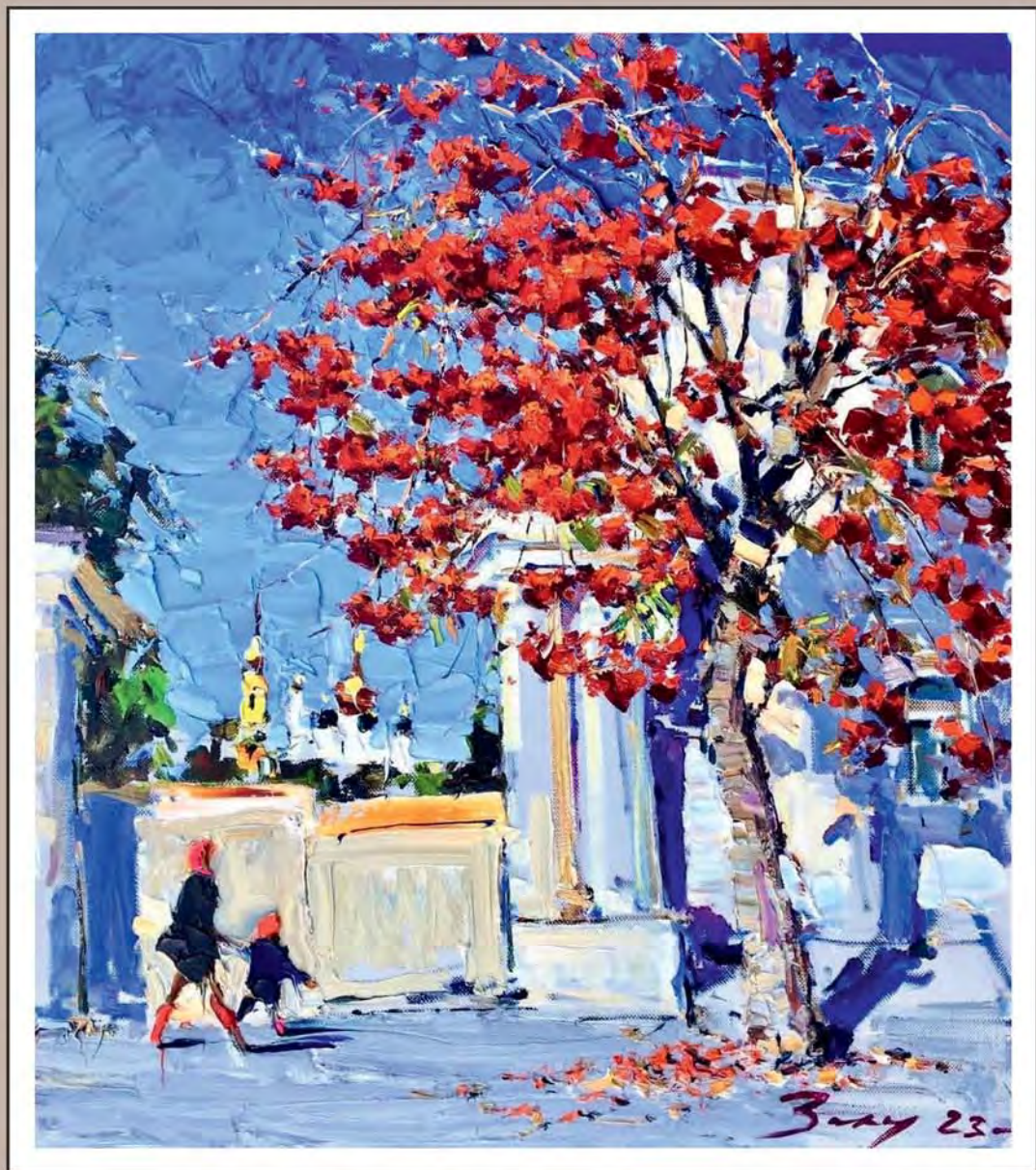
ГЕННАДИЙ САВИНОВ (г. Коломна)
Святыні Коломны

ПЁТР БЕЗРУКОВ (г. Москва)
Бабые лето

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ (г. Кострома)
Осенняя пора

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ (г. Кострома)
В школу

ВЛАДИСЛАВ ТАТАРИНОВ (г. Коломна)
Осенний дождь

Екатерина Борисовна Рощина родилась в Москве. Окончила Московскую академию печати. Работала в сфере медиабизнеса, а точнее, в рекламном бизнесе, в издательстве «Художественная литература». В настоящее время является ответственным редактором литературно-художественного журнала «Роман-газета» и шеф-редактором журнала «Детская «Роман-газета»»; в газете «Вечерняя Москва» выступает в качестве обозревателя.

Автор повестей и рассказов, которые печатались во многих периодических изданиях. Её творчество интересно читателям, ценящим литературу классического образца, реалистичную и высокохудожественную, в то же время очень современную и созвучную сегодняшним проблемам практически каждого человека.

Рассказ

РАЙСКИЕ СНЫ

Лара вышла на застеклённую террасу, там стояли маленький столик и два плетёных кресла. Летом Лара любила сидеть здесь в сгущающихся сумерках и смотреть на вечереющий сад. Сейчас из летнего многоцветья остались одни лишь астры, восхитительные, печальные, так и просящиеся в букет. Бледно-сиреневые, белые, розовые...

Точно — как в детстве. Именно такие астры выращивала Лидия, бабушка Лары, самая любимая и самая добрая из всех бабушек. Астры да ещё золотые шары — удивительные цветы, растущие огромным нелепым кустом, всегда прислонённые или к забору, или вот, как здесь, к застеклённой стене террасы. Дружные и какие-то безалаберные, простецкие провинциальные цветы, они напоминали маленькие солнца и держались до морозов.

Лара любила эти золотые шары. У них была своя стойкость, выдержка, своеобразный минимализм — ведь никто не видел этих цветов другого цвета, кроме как ярко-жёлтого... А сейчас вот они были покрыты снегом. Снегом, который выпал ночью, неожиданно, такой непорочно-белый, такой пушистый и немножко сказочный. Снег лежал небольшими сугробами на крыльце и на газоне, снежные шапки украшали золотые шары. Цветы приникли к стеклу, будто заглядывая внутрь, туда, где стояла в восторженном оцепенении Лара.

Она вернулась в дом и взяла большой клетчатый плед. Завернулась в него, вновь вышла на террасу и опустила в кресло. Смотрела на жёлтые личики цветов, ошарашенные и удивлённые этим неожиданным снежным вторжением. Смотрела на то, как падают,

медленно-медленно, большие и тихие хлопья снега. Ларе хотелось протянуть руку к беззащитным золотым шарам и стряхнуть с них белые шапки, так похожие на взбитые сливки. Но это было невозможно: ведь это был всего-навсего сон.

* * *

Лара проснулась и лежала в тёмной и тихой своей одинокой спальне. И непонятно было, сколько сейчас времени: проснулась ночью или заспала до обеда? Занавески у Лары в комнате были тёмные, цвет — баклажан, и ткань удивительная, не пропускающая ни одного солнечного луча. Она любила, чтобы ничего не нарушало её такого хрупкого в последние годы сна. Ни тиканье часов, ни световой луч, ни даже осторожные кошачьи шаги. Кошка Фрося, впрочем, досталась Ларе идеальная. Всю ночь спала и просыпалась только тогда, когда хозяйка шла на кухню...

Нашупала в темноте телефон, посмотрела время. Шесть часов двадцать семь минут. Ну, почти ещё ночь. Можно спокойно спать дальше. Но — не спится. Собственно, как и всегда, когда Лара попадала во сне в тот свой дом, ни разу не виденный в реальной жизни. Он существовал в каком-то параллельном измерении, и впервые Лара очутилась в нём почти сорок лет назад. Потеряв детей-близняшек — беременность была сложная, а медицина плохая, — на шестом месяце, безутешная Лара плакала целыми сутками. Домой всё никак не выписывали; в соседней палате счастливые мамочки тетёшкали своих ненаглядных крох, под окнами стоял придавленный горем и страхом за Лару юный её муж Колька. Медсестра, приходившая поставить укол, укоризненно качала головой и говорила философско-ободряющее: «Такое наше бабье дело! Заголяй!» Лара послушно поворачивалась и поднимала край казённой сорочки под укол. От слёз пульсировало в голове, реальность была размыта, а сна не было.

Через пару дней медсестра вколола Ларе снотворное, и вместо очередного открывшегося слезового шлюза пришёл покой. Лишь опустив голову на серую и влажную наволочку, Лара отключилась долгим и целительным сном. Тогда она впервые попала в этот чудный дом, находящийся, безусловно, где-то в средней полосе России, но где именно? Неизвестно. Дом утопал в кустах сирени, где-то в отдалении угадывался вишневый сад, прямо напротив застеклённой террасы рос красавец клён. Ступени были деревянными, скрипучими, как в том давнем доме бабушки Лиды, куда Лару отправляли в детстве.

Прямо на траве, в двух шагах от дома, росла спелая земляника, а желтогрудые птицы прилетали клевать вишню прямо с веток. Пышно цвели самые разные цветы: розы, лилии, георгины. Иногда была пора орхидей, они обвивали клён и даже заползали на деревянные ступеньки, и Лара совсем не удивлялась этому, ведь в том параллельном мире пересекались и жили, не мешая друг другу, самые разные сущности...

В медикаментозном сне Лара как-то сразу поняла, что этот дом её, что он полон гармонии и покоя. И страшно обрадовалась, когда навстречу ей, прямо по орхидеям, вьющимся по ступенькам, выбежали два белобрысых и ушастых мальчишки. Дениска и Витька, её сыновья-близнецы,

по какой-то дикой случайности не сумевшие появиться в весенней спякотной Москве, но прекрасно обосновавшиеся здесь, в этом доме. Они взяли Лару за руки и потащили в дом, показывать свою комнату. Комнат в доме было много, как в коммунальной квартире. В комнате мальчишек царил страшный беспорядок, как и положено тому быть. Недоклеенные модели самолетиков валялись на полу рядом с игрушечной железной дорогой, раскрытые книжки, носки и пластилиновые поделки лежали на столе. Двухъярусная незастеленная кровать, плакаты лохматых музыкантов на стенках, конфетные фантики, грязный кроссовок, почему-то один... В этом была гармония хаоса, особый мир, который Лара полюбила с первой минуты.

Она уложила спать своих мальчиков: Дениска лёг на нижнюю кровать, Витька — на верхнюю. Лара подняла с пола какую-то, первую попавшуюся, книжку. Это оказался «Робинзон Крузо», ну конечно же. Она начала читать и почувствовала, как сладко закружилась голова.

— Пятнадцать часов проспала, ласточка! Просыпайся! Твой-то за тобой приехал, волнуется. Ты теперь на поправку пойдёшь, вот и румянец появился. Попомни моё слово, ещё приедешь за новой лялькой. У меня глаз опытный, — трясла её за плечо медсестра, та самая, с громким голосом и маленьким пучком жидких волос.

Лара улыбнулась — впервые за много дней. Она знала, что её мальчики, Дениска и Витька, живы. Что с ними всё в порядке. А медсестра эта — очень добрая и хорошая, просто так говорит всё время, будто кричит.

Внизу, в фойе, её встречал муж Колька, исхудавший, несчастный, небритый. В руке он сжимал букет жалких красных гвоздик, и со стороны казалось, что это не он держит цветы, а они, пять алых цветков, поддерживают его, чтобы не упал на кафельный пол. Ей было двадцать три, Колька на год старше. По нынешним меркам сами дети. Медсестра незаметно перекрестила их удаляющиеся спины...

* * *

А прогнозистом она, медсестра, оказалась плохим. За «новой лялькой» к ней Лара с Колькой не пришли, но по причине обыденной, пошлой и прозаической. Колька загулял с Лариной лучшей подругой Викой.

Вика была высокой, сумрачной и молчаливой, рядом с маленькой бойкой Ларой она всегда считалась той самой подругой, которую вечно безуспешно знакомят со всеми более-менее пригодными «женихами». Вика восхищённо смотрела на Лару, слушала её болтовню и наматывала, как выяснилось, на ус.

Колька был парень простой и понятный, к Вике привык, та считалась дома своей. Поэтому, конечно, легко и незатейливо позволил ей, лучшей Ларкиной подруге, остаться на ночь, пока жена лежала в больнице на обследовании. Обследование показало, что всё отлично, можно беременеть, организм готов. С этим радостным известием Лара принеслась домой и застала там растерянного и потного от волнения Кольку и уверенную, неожиданно вдруг обретшую голос Вику, облачённую в Ларин халат. Халат на высокой Вике смотрелся как смелое мини... Ларе было смешно и противно одновременно, и чего-то она там

такого наговорила в сердцах, что Колька собрал свои немногочисленные вещички в маленький облезлый чемодан и ушёл, даже не узнав, что там у Лары с обследованием...

Потом, через несколько недель, Колька приходил, чтобы Лара «дала развод» — он собрался жениться на Вике, «у нас все по-настоящему, и зря ты ржёшь».

Лара с разводом, конечно, не препятствовала — да и как бы могла, хотя, вполне вероятно, Колька бы хотел, чтобы препятствовала... Мужчины ой как любят, когда за них дерутся женщины. Лара в боях участвовать не стала, пожелала счастья и богатства. Обиженный таким равнодушием Колька в запальчивости пообещал стать очень счастливым и очень богатым. И купить машину... Самым обидным и несправедливым Ларе показалось, что ровно через девять месяцев Вика легко родила Кольке сына Славика. Славик был вылитый Колька, и ужасно похож на тех мальчишек-близнецов из Лариного сна; такой же длинношей, ушастый, белобрысый.

Лара почувствовала себя дважды обворованной. Жили в одном дворе — Колькина мать, Ларина бывшая свекровь, гуляла с малышом на детской площадке перед домом, приветливо здоровалась с Ларой. Как ни в чём не бывало... Лара чуть кивала в ответ, убыстряла шаг.

«Восьмерку» — тогда это была модная машина — Колька тоже купил и встречал на ней Вику после работы. Вика восседала в «восьмерке», как королева в карете... Лара задыхалась от ненависти. Потом, через несколько лет, на этой-то восьмерке цвета «мокрый асфальт» и выскочил на встречу, прямо под колёса КамАЗа. Оцепеневшая от ужаса Лара смотрела в новостном сюжете по телевизору на расплавленный металл, похоронивший её глупого бывшего мужа и бывшую подружку Вику.

* * *

Лара не могла заснуть, накапала пахучих капель, завернулась с головой в одеяло... Сон пришёл незаметно, вроде бы, на кровать её присела Вика и шёпотом сказала: «Прости меня, просто я всегда тебе завидовала». А потом уже весёлая и невредимая Вика показывала Ларе свою с Колькой комнату в том её, Ларином, доме. В Колькиной комнате был зеркальный потолок, и огромная кровать-сексодром, и шторы с рюшечками, и в маленьком аквариуме тарасила глаза дымчатая рыба-телескоп. Стояло большое зеркальное трюмо, и на нём всякое женское — помада, тушь, флаконы с духами... Лара смотрела в это большое и мутноватое зеркало — в нём отражался так и не повзрослевший Колька, с худой, будто мальчишеской, шеей, и высокая Вика, всё равно какая-то нескладная. И она сама, Лара. Они смотрели на свои отражения — не улыбаясь, ничего не говоря. Рыбка в аквариуме тоже молчала, тоже смотрела.

— Ну что, как тебе здесь? — спросила рыбку Лара, просто чтобы разрядить неловкую паузу.

— Нормально, — ответила рыбка. — Здесь спокойно.

Лара хотела удивиться, но потом вдруг вспомнила, что находится в другой реальности. А там и рыбы разговаривают. У них всё нормально, у рыб.

— Ларчик, ты присмотри за нашим Славиком, — сказал вдруг Колька. Когда-то, очень давно, он придумал ей такое имя: Ларчик.

Лара заплакала и проснулась. Через месяц, встретив во дворе бывшую свекровь, всю в чёрном, резко постаревшую, она подошла к ней.

— Вот так получилось всё неправильно, доченька, — сказала Колькина мама. — Ты заходи к нам со Славиком. Никого у нас больше не осталось.

Лара и заходила, и дарила подарки, и даже на родительские собрания ходила, когда Славик подрос.

— А ты мне кто? — спросил он как-то Лару.

— Я тебе как запасная мама, — чуть подумав, ответила Лара.

Как давно это было! И — как недавно...

* * *

Так, постепенно, Ларин дом из сна заполнялся жильцами. Обрела свой угол любимая бабушка Лида, и, пожалуй, её комнатка, украшенная вязанными салфеточками, карминно-красными геранями, стареньким ламповым телевизором на ножках и кучей фотографий в рамочках была самой уютной и славной в доме. Другая бабушка, Кира, на которую Лара была до удивительного похожа внешне, жила в комнате аскетичной. Там царили книги, книги, книги. На письменном столе лежала стопка бумаги и перьевая ручка, «р» — переводчица баба Кира в своё время писала исключительно чернилами.

В том дивном мире были перепутаны сезоны, времена, возраста, и мама Лары, тоже получившая, в свой срок, отдельную комнатку, была вечно маленькой девочкой в белых гольфах и с двумя ровными косичками. Заплетать косички она прибегала иногда к бабушке Лиде, а иногда и к Ларе, путаясь, называя и ту и другую «мамой»...

Под ногами путались спаниель Тошка и коты Клубок и Митька, в реальности они никогда не пересекались, а здесь вот прекрасно ладили. Когда-нибудь к ним в компанию добавится и кошка Фрося...

* * *

Все новые жильцы заполняли свои комнаты. Всё раскладывала пасьянс соседка Марина Геннадьевна, щебетала, как птица, беспечная коллега Ирма Альдеева.

С ней Лара проработала, дай бог памяти, больше тридцати лет — сидели стол в стол. А в самом конце коридора поселился Игорь Аркадьевич. Серьёзный и очень деликатный мужчина, который оказался в жизни Лары самой большой любовью... Он был глубоко женат и столь же глубоко несчастен, и Лара много плакала из-за него — не так много, конечно, как в те злосчастные дни, когда умерли её близнецы, но всё же... А здесь они отлично ладили, и не было никаких причин для слёз. Но в комнату к Игорю Аркадьевичу Лара всё же никогда не заходила. Боялась вдруг встретиться там с его женой.

* * *

А сегодняшний сон подсказал Ларе: наверное, и для неё уже приготовлена комната в том светлом и красивом доме. Что она возьмет туда с собой? Обручальное кольцо, которое так и не выбросила из-за сентиментальности? Коврик-пэчворк, сшитый из лоскутков ещё в школе на уроке труда? Морскую раковину, привезённую из поездки в Феодосию? Единственная их с Игорем Аркадьевичем совместная поездка. Пустой флакон из-под любимых духов?

Белый снег на жёлтых цветах, что может быть прекраснее. Молчать. Смотреть, как зима приходит в сад. Слышать, как снежные хлопья опускаются на землю, с таким невесомым звуком, будто кто-то целует опавшую кленовую листву.

Знать, что там, в доме, тепло и светло, и там все живы, и смеются дети, и уже, наверное, заждались; а всё нет сил подняться из плетёного кресла, уж больно хорошо и спокойно сидеть так, без движения.

* * *

Звонок в дверь — резкий и неожиданный — раздался в десять утра. Оказывается, снова Лара погрузилась в сон, такой глубокий, какой бывает только ранним утром. Всунула ноги в тапочки, накинула халат. Приехал Славик. Молодой, веселый, энергичный. Кожаная куртка нараспашку. Привёз маленький торт и мандарины, самые вкусные и душистые, абхазские. С ним маленькая Даша, дочка. Шесть лет. Вот, надо к логопеду ходить, букву «р» не выговаривает. Приехали рано. Домчались мухой... Так Славик говорит: мухой. А Дашка повторяет, смеётся. Ещё бы не смеяться. В букве «муха» нет коварной буквы «р». Решили тётю Лару навестить. Мандаринчиков вот завезти...

Побыли-то всего минут пятнадцать, а на душе так светло, так тепло сделалось. Хорошие они, и Славик, и Дашенька. Поживёт ещё Лара для них. Для таких вот случайных и незапланированных встреч.

А туда, в свой дом, комнату свою, ещё успеет. Там другой темп, другое мироощущение, и мама — маленькая девочка с косичками — с бидончиком пошла собирать вишню прямо с деревьев.

Поэзия

Графика Василины Королёвой

Евгений Юрьевич Юшин родился в городе Озёры Московской области. Детские годы прошли на Оке и на Воже в рязанской деревне Лужки. Школу и пединститут (историко-филологический факультет) окончил в Улан-Удэ. Трудился на Коломенском домостроительном комбинате.

С 1978 года работал редактором в Центральном доме культуры железнодорожников г. Москвы. Здесь же несколько лет руководил литературным объединением «Магистраль». В 1986 году перешёл на работу в журнал «Молодая гвардия», которым руководил с 2000 по 2014 год.

Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии имени Александра Невского «России верные сыны», Большой литературной премии России.

РОССИЯ НАЧИНАЕТСЯ С ДОРОГИ...

СТАНСЫ

Над церквями — синь да золото.
Зори падают в сады...
То ли Тверь, а то ли Вологда —
Много неба и воды.

Вкривь — дорога непролазная:
То Европою вздохнёт,
То дремучей вязнет Азией
Наших квашеных болот.

Всё мы знали, всё мы видели.
Ад и Рай — в одной горсти.
Сучьи свадьбы у обители,
Боже праведный, прости!

Ты прости меня, смородина,
Серый волк и лес густой.
И болото — тоже родина,
Как и терем расписной.

Спит речушка за околицей.
По заре размазан мёд.
Зычный колокол на звоннице
Покаяние поёт.

Здесь — века обетованные,
Слава ратная Руси,
Кисть Рублёва, снега пьяные,
Кроткий ангел в небеси.

Здесь то горлинки, то вороны.
Птица-тройка — напрямик!
Присяжные рвутся в стороны —
Строг и крепок коренник!

Озеро, травинка волгая,
Синь сквозная — в небеса.
То ли Тверь, а то ли Вологда,
То ли — матушки глаза.

* * *

Мир любовью живёт. А иначе, зачем он, неистовый?
Плачут горько по-детски кудрявые волны в реке.
Осень греет дорогу последними рыжими листьями,
И она, согреваясь, в рассветном плывёт молоке.

Мир любовью живёт. Без любви умирают любимые.
Мир уйдёт, если мы хоть чуть-чуть не полюбим его.
Вот зелёной волной поднимается поле озимое.
Вот смеётся ромашками возле крыльца моего.

Всё так дорого мне: и грачиные стаи над вязами,
И шаманская пляска костра в задремавшей ночи.
На росе — тишина. Морда месяца — над коновязями.
И стога на полях — куличи, куличи, куличи.

Все любовью живут. Даже чёрная жаба холодная,
Поседевший от инея серый мосток у реки.
На прохладной волне покачнётся звезда путеводная.
И на вёслах по лунной дорожке пойдут рыбаки.

Все любовью живут: золотые шмели и смородина,
Пьяный луг на меду, пескари у прибрежных осок...
И — никак без любви, потому, что — и воля, и родина,
Жаворонок веснушчатый и заревой колосок.

В родную речь вхожу, как в море,
 Как в шумный лес.
 Среди ветвей
 Роятся облака и зори.
 Поют родник и соловей.

Я слышу всех, кто жил когда-то,
 Любил, дерзал, как мы с тобой.
 Гремят литавры листопада,
 И вьюги белят травостой.

И все былые поколения
 Слились в единый зычный хор,
 И стали ветром и сиренью,
 Стожком, взошедшим на бугор.

Здесь все века родной державы:
 Сражений жгучая картечь,
 Московский Кремль, знамена славы,
 И звонкий благовест дубравы.
 И, как волна у переправы, —
 Плывёт, поёт родная речь.

О ПУШКИНЕ

Вот смотрит он — то строг душой,
 То как мальчишка озорной,
 Смеётся и в ладони плещет.
 А стих то плачет, то щебечет,
 То гимны льёт, к себе маня, —
 Так Пушкин смотрит на меня.

Глядит взволнованно и мудро.
 Сквозь череду минувших вех
 Он хочет видеть наше утро
 И страстный XXI век.
 И к нам ведёт он (разве снятся
 Дантес, коварнейший Геккери?..)
 Не мир — миры за ним толпятся:
 Дубровский, Ленский, Анна Керн.
 И Черномор под небесами,
 И Герман с карточной игрой...
 И уж запутались мы сами, —
 Кто жил с ним рядом, кто — герой?
 Он всё пропел: весны прохладу,
 Страстей пожар и радость дней,
 Сражений жгучих канонаду
 И славу Родины моей.

То — громом, то певуче тих,
 Искристей снега льётся стих.
 Как наши реки, наше поле —
 Люблю его! Чего же боле?

ЕСЕНИН

Учитель говорит: «Он был хороший...»
И разобрал поэта по частям.
Учитель говорит, а не похоже,
Чтоб паинька такой поэтом стал.

Сергея Александрыча проходим.
Учитель мямлит что-то о селе.
И потому поэт для нас бесплотен,
Как будто он и не жил на земле.

А он ведь жил, берёзовый врачитель.
Спускался в кабаки и падал в грязь.
А он ведь жил! Так покажи, учитель,
Есенина без всяких приукрас.

Который наклонился над стаканом,
Перелюбив уже, перестрадав.
И говорит, что всё не постоянно,
О постоянном говорить устав.

Что женщина ненужная, чужая
Пытается его поцеловать.
А он ей говорит, что уезжает
В далёкий край, где тишь и благодать.

Где Шаганэ, и нету злых событий.
И уж тогда, поверьте же, тогда
Поймёт в разгорячённом бурей быте...
А он ведь жил! Так расскажи, учитель,
Какая же случилась с ним беда?

Ты расскажи, как несказанным светом
Стихи врачуют души и сейчас.
И мы простим великому поэту
Всю нашу человеческую грязь.

* * *

Россия начинается с дороги,
С бурана, бурелома и берлоги,
С разбойников, узорочья берёз,
С молитвы светлой и горючих слёз.

Россия начинается с тревоги.
Кто наши не притаптывал пороги?
Ордынцы и тевтонцы — всё разбой.
...Узорный плат, наличники — резьбой.

Россия начинается с надежды.
То рядит европейские одежды,
А то китайский примеряет шёлк.
И — щёлкает клыком тамбовский волк.

Распевом красок инока Рублёва
Россия начинается со Слова.
Веди судьбу — душою не криви.
Россия начинается с любви.

С разгульной песни тракториста Сашки,
С горячего глотка из тёртой фляжки,
С горючей, горькой правды в мире лжи
И с васильков, мерцающих во ржи...

* * *

Алексею Шорохову

Идёт братишка минным полем,
Дорогой хлюпкой, горевой.
А мы грехи его отмолим,
Чтоб воротился он домой.

И сквозь пожухлую дернину
И пёрышки зелёных трав
Донской Димитрий мчит дружину,
За землю русскую восстав.

Они поддержат нашу песню —
Кутузов, Жуков... Жгучий год!
Они — пришли, они — воскресли,
Чтоб за собой вести народ.

И мы — готовы. Степь — былинна.
Зари пожара — не унять!
Идёт братишка полем минным,
Чтоб мог Суворов проскакать.

Война рванула взрывом — в ноги,
И — кровью в горло. Солона!
И дышит пепел на дороге,
И ходит полем седина.

И — ад вокруг, и — рай в глазах,
И — мамка плачет в небесах!

Сергею Щербакову

Листья слетают с деревьев — свобода, свобода!!!
Остановилась... Покоя желает природа.

Оторопели, свиваются жёлтые листья,
Рыжим хвостом заматают дорогу по-лисьи.

Смотрит старуха. Глаза голубы, словно вёсны.
Чавкает под сапогами удрёмная осень.

Заговорила старуха:
— Я всё уж видала.
Было и больно, и сладко, а всё-то мне мало.

— Хочешь пожить?
— А и как не хотеть-то? Весёло!
Эко скуласта картошка, укропны рассолы!

— Будет зима. Как прожить-то тебе в одиночку?
— В печке урчит огонёк, что мой котик в носочках.

Я напеку пирогов — по соседям, по дали...
Там и весна уж, а с солнышком — нету печали.

Так вот иду, и в пыли под стопою моею —
Скифский кафтан и потёртый колчан Челубея,

Ржавый палаш бородинского дымного ада,
И черепа уцелевших домов Сталинграда.

— Ну и куда ты идёшь по разбитой дороге?
— К Богу иду я, покуда шевелятся ноги.

У МОГИЛЫ СОЛДАТА

Он упал. И упала земля на него,
Словно мама ладонью прикрыла.
— Боже мой! И не будет уже ничего, —
Прошептала могила.

И заткнули ей рот, и поставили крест.
А ведь были бы дети.
По земле ходит много печальных невест —
Без любви, без ответа.

И кукушка, — ты слышишь? — рыдает: «Ку-ку»!
Словно годы листает.
Вот прикрыла глаза, всё сидит на суку
И — мечтает, мечтает...

* * *

Геннадию Ёмкину

Завели мотор и катим
Мимо леса и луны.
Хороша ли жизнь за МКАДом
В глубине родной страны?

Скачет тёртая дорога.
Звон колосьев и ручья.
Мы живём тут — рядом с Богом,
С ароматом кулича.

Хороша ли жизнь за МКАДом?
Кой-когда и хороша!
Потому, что небо рядом,
Поля чистая душа.

Ну а что — в бурьяне пашня,
Что уклад пошёл на слом —
Стыдно, горестно и страшно
В нашем царстве областном.

Сон травы, бельишь тумана.
Жестяные листья крыш.
Портвешок на дне стакана.
Ветошь осени. Камыш.

Тётка Дуся у колодца.
Журавли зовут на юг.
По озёрам льётся солнце.
Сколько золота вокруг!

Так что мы живём богато.
Пахнет яблоками сада.
И любого расспроси —
Даже ангел в небеси
Нам поёт вдали от МКАДа:
— Всё как надо,
Всё как надо...

* * *

Этот лес меня любил.
Я входил в его чертоги.
Он мне ягоды дарил
И тропу стелил под ноги.

Этот лес любил меня,
Но приехала бригада,
Не оставила и пня:
Будет просека, что надо.

Этот лес меня встречал
Птичьим щебетом и свистом.
В небе облако качал,
Ночью — звёздное монисто.

Ни гриба, ни птицы нет,
Только рваный гул прогресса.
ЛЭП протянут — будет свет.
Но темно душе без леса.

* * *

Всему свой час. Не раньше и не позже.
Да разве в годы детские мечтал,
Что стану я поэтом. Речка Вожа
Светила мне и алый краснотал.

Молочный дух от стойла, дед — с покоса.
Почтарь с велосипедом — будет весть.
Не ведал я, когда обнял берёзу,
Что это вот поэзия и есть.

Поправила она свой фартук белый
И побежала. Я — за ней, за ней!
И улыбалась мамочка, и пела,
За мною наблюдая из сеней.

* * *

Тёплый вечер тянет тени.
От тумана пахнет сном.
В облаках сырой сирени
Палисадник за окном.

Спи, деревня, спи, родная,
Потчуй веником козу,
Песню дальнюю роняя,
Как нежданную слезу.

На жердинке дремлют куры,
Конь, подрагивая, спит.
Под окошком тополь хмурый
Костыльём своим скрипит.

МЕДОВЫЙ СПАС

Утро. Небо слышит Бога.
Отозвался звоном храм.
Ветер, вёрткая дорога,
Паучок в окрестье рам.

Каждый луч душой запомнишь.
Зябко ёжится рогоз.
Но всегда в любовь и в помощь
Песни поля и берёз.

И хотя в прохладе неба
Лопухи горят слезой,
Поле помнит запах хлеба,
Дарят зори мёд с узой.

ДУША ПРОЛЕТАЕТ

Я не то, чтоб почуял, — я видел: душа пролетает,
Пролетает молитвой живой, обогрев небеса.
Словно фрески над ней поколений полки проплывают,
И минувших баталий дым разьедают глаза.

Но и светлое видится: прадед и потное поле,
Прапрапра- моя бабушка, тихих гераней уют.
Зреют яблоки. У косарей каменеют мозоли.
А ветра и просторы, и девушки — песни поют.

Пролетает душа надо всей нашей вольной отчизной!
Над трамваями, домнами, соснами, вросшими в мох.
Как над ладом людским, так над всей неустроенной жизнью
Перепутий вокзальных и синих усталых дорог.

Над метельною, сиплою песней и вольною Вожей,
Над могилою мамы моей и просёлком в пыли
Пролетает душа и никак наглядеться не может
На подсохший малинник, на рыжую пряжу зари.

Пролетает душа, и на сердце — светает, светает.
И мерцает роса на колосьях туманных полей.
И душа всё летит, и как облако плачет и тает,
Выпадая на землю любовью и болью своей.

* * *

Плыву по реке мимо тёплых селений,
 Где в серых скворечниках, красных садах
 Мне слышатся песни иных поколений.
 И — губы в малине, и — зори в медах.

Там школа моя и костры, и танцульки,
 Туманы, гитары у песенных струй.
 Я помню: как счастье, смеялись сосульки
 И лёгкий, как первый снежок, поцелуй.

О, сколько снегов опустилось за мною,
 Искристых и чистых, как платья невест?!
 Но были и смешаны с чёрной землёю
 Процессия, холод, кладбищенский крест.

Светает в душе, потихоньку светает.
 Там юность смеётся, и друг не предаст...
 То жизнь моя, жизнь, что однажды истает,
 Как вешнего снега спрессованный наст.

* * *

Жизнь листвою роняет лес осенний,
 И ледок затягивает пруд.
 Без утрат и скорбных потрясений
 Почему-то люди не живут.

Ждём чего-то. Разве счастья ищем?
 Жизнь — сейчас, грядущее — во мгле.
 Ходят, ходят люди по кладбищу,
 Ищут своё место на земле.

Для себя своих желанных любят,
 Для себя таят тепло в глазах.
 На земле находят место люди.
 Мало кто находит в небесах.

Жизнь — обман, волнующий и нежный.
 Вот шумит, как под окошком клён.
 То ударит в грудь метелью снежной,
 То весенним плещется огнём.

Жизнь — обман. Но если состраданье
 Поит душу, как луга — туман,
 Значит, ближе ты к любви и тайне,
 Не такой уж жизнь твоя обман.

* * *

Люблю я под вечер спуститься
К малиновой, тёплой реке.
Заря пролетает, как птица,
И волны поют на руке.

Кукушка, туман и лодчонка
И сосны — в закатном меду.
И с самой красивой девчонкой
Я к дому по лугу иду.

Цветы улыбаются Тане,
И мне, и смиренным стогам.
И светит великая тайна,
От неба плывущая к нам.

Уж звёздами ночь колосится.
Хмелит поцелуев вино.
И счастье всё длится и длится...
Давно это было. Давно!

* * *

Божия коровка, божия коровка!
Ты лети к Танюше на небо далёко.
Ты скажи любимой: без неё мне худо.
Может, возвратится? Может, будет чудо?

Ты спроси родную, милую навеки,
Как ей, хорошо ли в небесах далёких?
Вот слеза упала — мне могилу роет.
Я молюсь смиренно, а душа-то — воет.

Как глаза закрою — омут и верёвка.
Как глаза открою — нет любимой Тани.
Не летит на небо божия коровка,
Божия коровка в красном сарафане.

* * *

Ты знаешь, помнишь: утром алым —
Жар припечённых дрёмой щёк,
И луч — над пьяным одеялом,
И губ не выпавшихся шёлк.

Потом боры нам гимны пели,
Цветы бежали через луг.
О, боже, как они хотели
Коснуться ног твоих и рук!

И пучеглазые стрекозы,
Смеясь, летели в краснотал.
И тучи били шапки оземь,
И дождь под липами стоял.

Клубилось небо, расступалось,
Смотрелась в лужи синева.
И ты смеялась всё, смеялась —
Ещё со мной, ещё жива...

* * *

На дороге — осень, за дорогой — осень.
Под густым туманом засыпает озимь.
На берёзе вьются кудри золотые.
У моей любимой точно же такие.

Облака нахмурят пасмурные веки,
Но пробьётся солнце сквозь дожди и снега.
Взгляд небесной сини просквозит до дрожи.
У моей любимой точно же такой же.

Скоро с хрипотцою, обогнав телегу,
Пронесутся сани по седому снегу.
Ветер у берёзы расплетает косы.
На дороге — осень, за дорогой — осень.

У ПЛАКУЧЕЙ БЕРЁЗЫ

Ты хочешь плакать? Плачь, моя родная!
И будет легче, милая.

Храни

Последний свет и, золото роняя,
Любуйся на осенние огни.

Нам друг от друга ничего не надо.
Поэтому и радость, и прохлада
Касаются озябших наших душ,
Как солнце, проступившее из луж.

И воет сердце, будто бы волчица.
И надо одиночеству учиться.

* * *

Под окошком отцветает примула.
За дорогой — ветер и жнивье.
Промелькнула звёздочка — и сгнула,
Словно бы и не было её.

А ведь долго над борами синими,
Плавала, ныряя в облака.
Никогда не звал её по имени —
Любовался ей издалека.

Помню я: поутру над берёзами,
Побледнев при заревом огне,
Тая над туманами белёсыми,
Нежная, подмигивала мне.

Ах, не каждый добредёт до старости!
И не каждый прожитым богат.
Мир не только для любви и радости,
Но ещё для боли и утрат.

И упала осень на осинники.
От избёнок потянулась тень.
Забежали сохлые малинники
В топкие ухабы деревень.

Я уеду скоро. Буду в городе
Вспоминать упавшую звезду.
Тычется луна туману в бороду,
Зябнет, золотая, на ветру.

* * *

Я возьму с собою в зиму
Дымку глаз твоих озимых,
Перстенёк росы на ветке,
Взгляд сосны из-под ресниц,
Гимны грома и дубравы,
Плач волны у переправы,
Мотылёк огня лампы,
Охи-ахи половиц,
Лай собачий — дальний-дальний,
Огонёк во тьме печальный
И шмеля в боярской шубе —
Пусть покажет свой басок.
Будут мне светить всю зиму
Дымка глаз твоих озимых,
Огонёк во тьме печальный
И на ветке — перстенёк.

РОЖДЕСТВО

От звезды Вифлеемской струится дорога.
На Земле торжество — день рождения Бога.
День рождения каждого, кто родился,
Кто любовью живёт и любовью крестился.
И струится роса от звезды Вифлеемской
По дороге Рязанской, дороге Смоленской,
И — в деревню мою, в мои тёплые сенцы,
И впадает в глаза мои, кровь мою, сердце.
И, впадая, влечет за собой мою душу.
Вижу маму, крылечко, рябину и грушу.
На берёзе трепещет снегирь, как сердечко,
Юный тополь луны примеряет колечко.
Так иду я, иду этой светлой дорогой
От Руси — до России, от сердца — до Бога.

Олег Владимирович Кочетков родился в Коломне в 1947 году. Поэт, член Союза писателей СССР. Долгое время работал в аппарате Московской организации Союза писателей России, проводил работу с молодыми поэтами. Создал в Коломне творческое объединение «Зелёные цветы», названное так в честь его любимого поэта — Николая Рубцова, на протяжении многих лет руководил им. Автор десяти поэтических книг, публикации его стихов в периодике не поддаются подсчёту.

Лауреат Всероссийской литературной премии Союза писателей России «Традиция», премии им. С.А. Есенина — Московской городской организации СП России. Награждён литературной медалью им. И.И. Лажечникова.

ПОДОШЛО МОЁ ВРЕМЯ И ВСТАЛО

ОСОКА

Когда настанет день ненастный,
Я вспоминаю шум осоки,
И руки женщины прекрасной,
И берег пасмурный, высокий.
И ветер истовый, колючий,
Как листья, мысли ворошащий,
И в небе пепельные тучи,
Ползущие в простор щемящий...
Неслышно время отзвенело
Своей тревожною струною.
И стало ясно до предела:
Не всё промчалось стороною,
Поскольку в полночь, замирая,
Я брежу звуками былого,
И неуютная, сырая
Пора терзает меня снова,
И вновь волнующей судьбою,
Таинственную подоплёкой,
Над остывающей водою
Шумит так явственно осока!..

ОСЕННЕЕ

Свет осенний струится меж дрёму
Уронивших листву тополей.
И ветра запрягают коней,
И в округе всё — по-другому!
Да и ты словно кожу сменил —
Стала тоньше она и ранимей!
И на всё смотришь тише, повинней,
Словно с воздухом вместе остыл.
Дни скользят, цепenea во сне,
Продолжительном, нудном, протяжном.
Где малейшее — кажется важным.
Хлёсткий ветер на свежем коне
Мимо мчит и тебя обдаёт
Мглистой памяти светом знакомым.
Присмотревшись к багряным подковам,
Вдруг спохватишься — осень идёт!

Я ПРОЩУСЬ

Я прощусь... С неприкрытой надеждой
Распахнёшь ты скрипучую дверь,
Оглядишь меня трудно и нежно
И промолвишь: «Ну как ты теперь?»
Скажешь: «День-то какой нынче пасмурный,
Ты лучше накройся плащом».
Я лишь выдохну: «Да не сахарный»,
И пойду, осенённый дождём...
Вспыхнет верба, как робкая школьница,
Будут галки гадеть у пруда,
Будет пахнуть апрелем околица,
Будет булькать в оврагах вода.
Ночь подступит... Со странной тревогой
Сядешь, тихая, у окна,
Помолчишь, поглядишь на дорогу
И подумаешь: «Вот и одна...»
Утром грустно посмотришь на численник,
На дворе будет день такой радужный,
А на вербе — ну, надо же — листики!
Вдруг заплачешь: «Зелёные, надо же!..»

ЯБЛОКО

Похолодало. «Хочешь — яблоко?»
Похрусти молодыми зубами.
Аверху — то ли тёмное облако,
То ли светлая туча над нами.
Мы стоим, словно всеми забыты.
Так упруго близки твои щёки!
И лежит наш простор знаменитый
Перед нами — молчаньем глубоким.
Он глядит на нас, будто жалеючи,
Или, может быть, мне это кажется...
Стылый ветер, в глаза наши веющий,
Так с улыбкой твоею не вяжется.
Тает сок на губах твоих сочных.
Яркий плод с резким треском кусаешь.
И не знаешь, что мило и прочно
Ты меня от себя отдаляешь
Только тем, что кусаешь ты яблоко,
Улыбаешься хмурому полдню,
И свежи твои губы так ярко!
Вот такую тебя и запомню!

ЛИСТЬЯ

Оторвавшись, летят в непроглядную тьму,
Так, что взор успевает за ними едва.
И угрюмо шуршит на откосах трава.
Понимаю, что вновь ничего не пойму!
Подставляю под ветер горячий висок,
И мне легче уже, и спокойнее чуть.
И мгновенье ещё, и — откроется суть,
От которой сейчас, как и в детстве, — далёк!
Почему всё должно на земле уходить?
И вопроса страшней и банальнее нет,
И любой, самый мудрый ответ будет — бред!
Для чего же тогда заявили мы жить?
Чтобы знать, что конечен наш жизненный круг?
Чтобы с бездною этой ложиться, вставать?
Я отказываюсь это всё понимать.
И во мне вопиет не какой-то испуг!
Справедливости нет, вот что сердце томит.
Почему на земле всё сжирается тьмой?
На откосе стою я, и волком хоть вой!
Я стою в беспредельном мгновенье — живой!
А листва надо мною летит и летит...

СТРУЯЩИЙСЯ СВЕТ

Выпадает такое всё реже:
Звёзды пристальны и глубоки,
И парома задумчивый скрежет,
И спокойное русло реки.
Тебе некуда торопиться.
На блестящую воду глядишь,
И как вольная, сильная птица,
На неведомый берег летишь.
И не надо молчанья, укрепы
Даже милых, прекраснейших глаз.
Здесь обычные чувства нелепы,
Кроме тех, что волнуют сейчас!
Ночь и ты. Никого нету боле!
Боже мой — никого вокруг нет!
Лишь река, близкий берег и поле
Да небесный струящийся свет!
Горько-сладостно чуютъ Всевышний
Этот вечный порядок земной,
Знать, что сам ты в нём попросту — лишний,
Даже с поздней своею виной.
Наслаждаясь бессилием этим,
На росистую спрыгнуть траву.
Обо всём забывая на свете,
С робкой радостью думать — живу!

* * *

Свет листвы надо мной изумрудный,
И роса обжигает ступни.
Убегая от жизни паскудной,
Коротая задумчиво дни
Средь цветов. Пёсик мой, оленёнком
Расточает задронную прыть,
И восторженным голосом звонким
Разгрызает зудящую нить
Меж постылым моим настоящим —
И меж ойкнувшим прошлым моим:
(Ах, рабоче-крестьянским таким!)
Где Отчизна под флагом горячим,
Где врвался торжественный ГИМН
Широко в трудовые рассветы.
И где с верой-надеждой любовь
Были сердцем державы согреты.

И моя где — наивная кровь
Полноправной живинкою красной
Растворялась в аорте святой...
Где надёжно всё было и ясно.
И такой был ещё — молодой!

Днесь без веры бытую, не молод,
Посреди иноземных авто,
В дне, в котором — и серп наш, и молот,
Как реальность и символ, — ничто!
В дне, в котором разит капиталом
Наворованным — за версту!
Упаду я в траву и листву
Всем тоскующим сердцем усталым.
Протяну его — преданной псине.
Заскулим и завоем мы в лад.
(Он всё чувствует, разумный мой брат!) —
Мы на родине — как на чужбине...

ОСЕННИЙ ГРАЧ

Стынет грязь под каблуком,
Голо во поле пустом.
Одинокий мокрый грач
Бередит нутро — хоть плачь!
Криком жалобным, больным.
И родство я чувствую с ним.
Одиночество моё —
Где семья твоя, жильё?
Что ж метёшься по стерне,
Плачась пасмурному мне,
Мой тревожный бедный брат?
Я — несчастней во сто крат!
Не заволгивай мне взор,
У тебя хоть есть простор,
Не захваченный, сквозной,
С вечным небом и землёй!
Ты и тем уже богат,
Что никто на твой уклад
Покуситься не посмел.
Смысл твоих грачиных дел
При тебе, а ты — при нём.
Ты на воздухе родном
Веешь сумрачным крылом
О своём лишь, о своём...

ГРЕХ

Наказания грех застарелый
На четвёртом лежит поколение.
Разделимый на красный и белый,
И поныне он в тяжком боренье
Меж одним и другим перепадом,
Меж одной и другою свободой.
Хоть пред Божеским пристальным взглядом
Он — явление единой природы!
Восстающий на жизнь, как на волю,
Единения с духом единым
И с Отечеством горьким, родимым,
Завещавшим нам — лучшую долю!

РОЖДЕНИЕ

На подушке тяжёлая воля
Разметавшихся росных волос.
А в глазах, раскалённых от боли, —
Преисподняя зреющих слёз!
С перекусанных губ — темень крика,
Обжигающий бред простыней...
Пред разъятием тайны великой, —
Обращённые стоны — о ней!
На краю жаркой бездны — свершилось!
Вон, внизу её кровный, в крови...
И чело её вмиг осветилось,
Часть грехов на него, и — живи!
От её опустевшего лона
Их он с ангельских принял начал,
Как вздохнула она облегчённо!
Как пронзительно он закричал!

ТОСТ

На тебе благодать красоты
И святая и грешная мука.
На устах твоих дремлют цветы,
А в очах загрустилась разлука.
Заблудилась в кувшинках река
В твоей плавной медлительной речи.
Засмотрелась равнина слегка
И на шею твою, и на плечи.
«До краёв за тебя!» — этот тост,
Для меня он всех горше на свете:
Ведь в ночи голоса среди звёзд
Безымянные наши дети!
Одиночество бьётся в стенах,
Да челом — обо все о четыре!
Нашей свадьбы приснившейся прах
Разлетелся в суровейшем мире!
Незаметно осыпав виски...
Но тебя, пока жив, я целую!
И улыбку твою горевую,
И польвинную радость руки...
Может, в мире затем и живу я...

У ВОКЗАЛА

Много было их, молодых,
У Голутвина тарактевших
На подшипниках жутких своих,
Снизу вверх на прохожих глядевших,
Мы робели, но, помню, глупцы,
Удивлялись (как было нам просто!),
Что вот катятся чьи-то отцы,
А мы — дети, и выше их ростом!
Где нам было подумать о том,
Что не все они станут отцами,
Что вокзальная площадь — их дом.
Упираясь в асфальт кулаками,
Они странно смотрели нам вслед,
А в глазах столько боли сквозило...

Как давно их в Голутвине нет,
Будто горя и не было...
Было!

* * *

Десять книг при советской власти,
А при нынешней — лишь одна!
Да и то почитаю за счастье —
Оплатили её сполна
Мне какие-то доброхоты
Через спонсора-земляка...
Я не знаю, какие расчёты
На кошель легли чудака!
Бесконечно им благодарен,
Низко кланяюсь до земли!
Не совсем, видно, всё же бездарен,
Если так они мне помогли!
По родне разошлась, по знакомым,
По соратникам, по друзьям,
Эта книга последняя, словом —
По очерченным, ближним краям!
Ты прости меня, друг мой — читатель,
Что в глаза ты её не видал,
Вот такой я хреновый писатель,
Вот таким — я на старости стал...

* * *

Наш преданный пёс золотыми глазами
В твои золотые — глядит.
Метели студёные не за горами,
И всполох взаимных обид
Сжигает пространство, обжитое нами,
И угли горчат на губах...
И чаянья наши всю ночь за дверями
Сиротски вздыхают впотьмах.
Я выйду и кану в листву огневую,
И верный наш ласковый пёс
Мордашку свою мне протянет живую,
И чмокну его — в мокрый нос.
И вкус твоих губ невозможно-родимый
Почую на горьких своих.
И сердце обдаст вдруг такою кручиной —
Видала меня ты в живых!
Разверзнется путь без пути и дороги,
И я в никуда помолюсь...
Завоет собака и ткнётся мне в ноги,
А я ей в загривок уткнусь...

* * *

Вошли мы, и оба устали...
Едва скинуть плащик успев,
Исполнена скрытой печали,
Дыханьем мне губы задев, —
Лицом повернулась к постели,
Одежду оставив в ночи.
А по небу листья летели,
А в небе кричали грачи.
Как груди распались душисто!
Округло и бело взлетев...
Желанная белка пушисто
Мелькнула, свет лампы презрев,
В развилке двух смуглых дерев...
А в окна стучало ненастье,
А мы были в мире — одно.
Какое же, Господи, счастье!
Ах, Боже, какое — оно?

К РОССИИ

Подошло моё время и встало.
Оглянись!
Как бесслѣзно, беззвѣдно пропала —
Моя жизнь!
А такого хотелось, не скрою, —
На века!
Чтоб гудела всамделишной кровью
Строка!
Чтобы плотью была бы от плоти
Вся — моя!
Эй, залётные, где вы там ржѣте —
Вот он — я!
Разнесите меня по тревогам,
По мечтам.
Древнерусским торжественным слогом
По слогам.
Мою душу развейте, гнедые,
На скаку!
Отдаю все слова золотые —
За строку! Где бы имя твоѣ полыхало
На ветру.
Вот за это, ни много ни мало, —
И умру!

НЕСБЫТОЧНОЕ

Как славно быть посохом странника, —
Бредущего Русью святой.
Кивать ярким шапкам татарника,
Вдыхая чабрец, зверобой.
Купаться в пыли розовеющей,
В песчаных речушках, ручьях.
И чутый простор этот реющий
На всех перепутьях-путях.
И слушать забытое слово,
Родное звучанье его.
И, кроме пути ветрового,
Совсем не иметь ничего!
Лежать под ночными светилами,
От сennого духа пьянеть.
И всеми ольховыми жилами —
От воли бескрайней шалеть!
Под праведной тёплой ладонью —
Омыться дождём и росой.
И кроткою тихой любовью,
И благостной светлой слезой.

128

ОЛЕГ КОЧЕТКОВ

ЗАРОСШИЙ ПРУД

Заросший пруд, осока да куга,
Развалины старинного поместья.
В дрожащей поволоке берега,
Расплавлено сверкает поднебесье.
И пегий мох на пасмурных камнях,
Стрекозы над крапивой, лопухами.
Уже столетье в нескольких шагах.
Здесь барышня вздыхает над стихами.
В панаме белой, в платье кружевном,
Через разруху, тлен и катаклизмы
Сидит себе на камушке своём —
Дыханьем той, исчезнувшей отчизны.
Ты не спугни такой счастливый миг:
Ветла над камнем солнечно струится,
Над этим миром мёртвых и живых
Шуршит листва, как вечные страницы.
Гляди, гляди, с душой почти пустой,
Дитя материализма и застоя,
Как шмель над камнем кружит золотой,
Отыскивая время золотое...

ВАСИЛЬКИ

Отпустите меня, васильки,
Мне шагать ещё очень далёко!
Пока так облака высоки,
Пока солнце над полем высоко!

Что я — Вам? В Вас — небесная весть
Воплотилась так искренне, нежно...
«Тороплюсь, благодарен за честь!» —
И пылию по дороге поспешно.

Оглянуться и то уж — боюсь,
Словно сам за себя — не ручаюсь!
А в душе — благодарность и грусть,
И от лёгкого ветра качаюсь...

ЖАЛОБА

Брат ни строчки моей не читал,
И отец не прочёл ни строки.
Как-то было им всё не с руки...
Значит, плохо себя написал!
Значит, жизни немного легло
И судьбы на издательский лист.
Лишь один развлекательный свист,
И не холодно, и не тепло!
Где там души другие завлечь,
Если даже такая родня
Ни черта не читает меня!
Уж какая тут может быть речь...
Этим вечным простором храним,
Видно, что-то я всеу сказал,
Торопливым пером молодым
Между правдой и кривдой застрял.
Не дошёл и до близких людей,
Вот дела — как бумага бела!
Мама, что ты сидишь у стола,
Как над зыбкой, над книгой моей!

КОЛОМНА – МУЗЫКАЛЬНЫЙ ГОРОД

1-е Московское областное училище (ныне колледж) — одно из старейших музыкальных учреждений Московской области, открытое в 1959 году на базе коломенской музыкальной школы, празднует в этом году **65-летие**.

Коломна богата музыкальными традициями. Её история бережно хранит имена Александра Алябьева, Александра Свешникова, Сергея Кусевицкого, Сергея Рахманинова, Николая Струве.

Опора на опыт предыдущих поколений и неустанный поиск нового, сохранение и приумножение славных традиций русской исполнительской школы, отзывчивость к самым современным веяниям музыкального искусства — всё это составляет творческое кредо педагогического коллектива колледжа.

Освателем и первым директором училища был Сергей Курлаев. За шесть с половиной десятков лет из стен колледжа вышло более 4 000 высокопрофессиональных музыкантов. И преподаватели, и студенты колледжа — личности уникальные, творческие, но всех их сближает любовь к музыке. Среди учеников и студентов — призёры и дипломанты престижных конкурсов и фестивалей, обладатели Грантов Президента Российской Федерации. Большинство выпускников продолжают своё обучение в ведущих музыкальных вузах страны, работают в известных коллективах и образовательных учреждениях Подмосковья.

Воспитанники колледжа ведут широкую концертную деятельность. Колледж проводит четыре областных конкурса, привлекающих талантливых юных музыкантов не только из Московской, но и из соседних областей: детский и юношеский конкурс пианистов «Классика и современность», хоровой конкурс «А.В. Свешников и современность», музыкально-теоретическую олимпиаду «Таланты Подмосковья», открытый конкурс юных исполнителей на народных инструментах имени известного композитора, выпускника училища Евгения Дербенко «Приокские наигрыши».

Сердечно поздравляем педагогов, наставников и учащихся колледжа с торжественной датой, а директора — Наталью Валерьевну Маркелову — с присвоением почётного звания «Заслуженный работник культуры Московской области». Спасибо, что вы своими талантами и умением дарите радость людям!

Коллектив редакции

Татьяна Грибанова

Татьяна Ивановна Грибанова родилась и живёт на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного университета.

Член Союза писателей России с 2009 года. Председатель Творческого совета по защите родной природы при Правлении СПР. Член редколлегии журнала «Берега».

Автор тринадцати книг поэзии и прозы.

Публиковалась в журналах: «Наш современник», «Родная Ладога», Роман-журнал «XXI век», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Огни Кузбасса» «Подъём», «Простор», «Берега», «Великороссь», «Эхо России», «Дон новый», «Волга XXI век», «Немига новая» и многих других.

Лауреат ряда литературных и международных премий.

КАК МАЛО ДЛЯ РАДОСТИ НАДО

* * *

Я из тутошних мест, где полынь ветра,
где сугробы по пояс к Николе.
Я — берёзовой роце родная сестра
и корнями вросла в это поле.
Как зарделся калиной морозный закат!
Зазвонили к вечеру так ладно,
что посыпался иней с крестов и оград,
донесло от стогов запах мяты.
Потянулись из труб золотые столбы,
Заморгали сквозь темень оконца.
Здесь подачек особых не ждут от судьбы,
здесь встают с петухами, до солнца.
И голоса в причёты, порой, от тоски,
коли вовсе душа «занемогла».
А, бывает, поют всё от той же тоски
задушевным прабабкиным слогом.
Да, за хлебом — пять вёрст, да, в метель не с руки...
Но зато недалече до Бога.

* * *

О, Родина!
 Штапельный ветер
 и простенький ситчик небес,
 и всклень, под завяз, в первоцветах
 пропахший медушником лес.
 Без памяти, до исступленья,
 мир Божий всё крепче люблю:
 и отчее это селенье,
 и церкву на дальнем краю,
 погост за оградю древний,
 и пожню, что скрыл березняк,
 и в грае грачином деревья,
 и старый бескрылый ветряк,
 и глинистый этот просёлок,
 что помнит прапращура след,
 что мне столько лет, даже в морок,
 лучит негасимый свой свет.

* * *

Июль. Пшеница грузная — уж сроки! —
 Томится, словно баба на сносях,
 Над глиняной накатанной дорогой.
 Склонившись грудью полною, высокой,
 Её колосья спелые висят.
 Рассвет сквозь ночь проклюнулся, и небо
 Порхает, оперившись, над землёй.
 И мёдом вдоль обочины с сурепы!
 Его б с огурчиком да свежим хлебом!
 Взмывает солнце алым журавлём.
 Вновь мир воскрес, обласкан Божьим светом —
 Бельё полощут бабы у камней,
 Петух голосит, недоспавший, где-то...
 И так всегда: со дней ветхозаветных
 Из века в век идёт
 До наших дней.

ДОМОЙ

Синий цикорий по краю дороги,
 Сизые волны в молочных хлебах...
 Веришь? Зажмурюсь, и взгорьем положим
 Сами собой принесут меня ноги
 К отчей калитке с душой нараспах.

Дорого всё мне: цветенье сирени,
Дух переспелых сентябрьских лесов.
Жаль ягодинок рябиновых в сенях,
Сретенских сладких сосулеч весенних,
Дедовских силрых, с кукушкой часов...

Банька... сарай... в палисаде — качели...
В кадке омылся к заре молодик...
Не позабыть, хоть года отлетели!
С маминой песней под скрип колыбели
Мир этот Божий мне в сердце проник.

Чудится снова: что грезилось — сбудется,
И по плечу два просторных крыла.
Что мне дожди?! Что метель и распутица?!
Жизнь, словно прялка бабулина, крутится...
Здрав ли отец? Вот бы мама жила!..

Синий цикорий, хлебами дорога...

РЕБЯЧЬЯ РЫБАЛКА

Пескарик ёкнул,
брызнула плотва,
А мы вдоль берега ведём плетушку.
Идти мешает одолень-трава,
Рисует солнце на носу веснушки.

Вода в реке — парное молоко.
Стоит жара уже какие сутки!
И тишина струится над рекой,
И пьют взахлёб под кручей незабудки.

Бидон почти наполнен до краёв:
Два ёршика, пяток гольцов и лещик.
Ещё плотва, на рубь — пятьсот голов,
Что покрупней пока в протоке плещет.

Мы костерок в ракетках разведём
И станем пескарей на прутьях жарить.
А вороватый Федькин кот Пахом
В траве головки рыбки станет шарить.

* * *

Долиной бреду
Вдоль цветущей полыни,
Потом
Вдоль хлебов переспелых.
На взгорье
В небесной своей палестине
Кольшутся в мареве,
Синем-пресинем,
Три купола церковки белой.

Сорву колосок,
Разотру меж ладоней
И зёрна очищу от плевел.
Жую и смотрю:
На берёзовом склоне, —
Почудилось даже, что слышу, —
Как кони,
Зажмурившись,
Хрумкают клевер.

Почую, душа встрепенулась
И шепчет:
«Смотри!
Насмотришь и запомни,
Как плавно парит
Над равниною кречет,
Как весело плещутся дети на речке,
Какой нынче звон
Не-ве-со-мый».

Залитому солнцем
Цветастому лету
В диковинку осени-зимы,
Но время устанет,
Ведь всё в мире тленно,
Не тленна лишь память,
Что полнится светом,
С которым под силу
И крест непосильный.

* * *

Вечер склонился над полем,
Пьёт васильковую синь.
Рожь да бескрайняя воля.
Ветер — то мёд, то польнь.

Родина! Луч предзакатный
В зареве ярком огня.
В алых речных перекатах
Кто-то купает коня.

Чахлый, обветренный тальник,
Гривы кудлатых раки...
Их неизбывной печалью
Душу мою полонит.

В этой родимой сторонке,
Где полдеревни родни,
Поле златым жаворонком
Вызвонит песни мои.

Родина! Свет поднебесный
Засеребрил росстаня.
Друг мой! Допой эту песню,
Если не станет меня.

* * *

Вот и в дубравах
Волхует марьянник,
Маковка лета
Упёрлась в зенит.
И на задворках,
Где старый омшаник,
Снять до небес
Белым варом кипит.

Дождик слепой
Подошёл и на ощупь
Пересчитал
На бахче огурцы,
Хлопнул калиткой,
Присвистнул и в рощу
Вывел на волю
Коня под уздцы.

Сколько в лугах
Нынче спелого света!
Время идёт
Посолонь, а не вспать.
Скоро под горку
Покатится лето,
И не стреножить его,
Не взнуздать.

* * *

Степь, три сосны и брызгами цикорий.
Просёлок раскалился добела.
Простор какой! Хлебов молочных море!
И лишь свистят, свистят перепела.

Который час куда бреду, не знаю, —
Мне б только слушать этот свист в тиши! —
По краю ржи и по родному краю,
И нет важнее дела для души.

И чудятся напевы пасторали,
И далеко слышны колокола.
И небо родины, и в дымке дали,
И где-то там, во ржи, — перепела.

* * *

Не сдаётся кукушка —
Громко спорит с подпаском.
Лес пропах духотою
Переспелых грибов.
Мох медвежьёю шкурой
Под сосною распластан,
На шиповнике диком —
Несусветно шипов!

Проникает не часто
В этот мрак кафедральный
Заблудившийся лучик,
Эха дерзкого звук.
Лишь в трясине туманы
Всхлипнут глухо-печально,
Да рассыплется дятла-
Барабанщика стук.

На закате стихает
Мелкий мир — муравейник,
Ручеёк быстроногий
Меж хвоинок спешит.
Вечер сонное солнце
Спать ведёт за ошейник,
И щенком вислоухим
В кронах месяц бежит.

Этот лес на сегодня
Стал постелью и кровом.
Проводи до калитки,
По росе проводи.
Для меня ты недавно
Был обычным знакомым,
А теперь лишь взгляну —
Польхает в груди.

* * *

Я помню лунных бражниц крылья,
Полукасанье, полувзвук,
Чуть уловимый запах лилий,
Жар губ твоих, мой трепет рук,
Прохладу шёлковой постели,
Под кружевным платком ночник...
И двух теней переплетенье,
Как веток диких повилик.
Полузагадка, полутайна...
Жаль, распознать уж не дано:
Судьба или полуслучайность
Ко мне являлись полусном?

МАЙСКОЕ УТРО

Сады в бело-розовой кипени.
Даль за рекою
Раскинула светлый свой плат.
Что же ты бредишь
Душа до сих пор его именем?
Жизнь надломилась,
Уже ни вперёд, ни назад.

Я примеряла
И цвет этот розовый, кипенный,
И тот пресветлый,
Как утренний дымчатый плёс...
Счастье б водилось
В дому под столетними липами,
Если б надежды
Судьба не списала на снос.

Завтра — в тумане,
Хоть дни, словно стёклышко, чистые.
Знаю: грешна!
И стократ, и стократ неправа.
Зачеловечной,
Неслыханной болью, невысшимой,
В сердце вросла
Незабудь — голубая трава.

Ветер над садом
Метелью пылит лепестковою,
Словно зима
Возвратилась из дальних сусек.
С кем без тебя
Мне судьбу эту перебедровывать?..
Будешь ли счастлив и ты без меня,
Дорогой человек?

* * *

Ухнул месяц усталою птицей,
Покемарить в орешнике сел.
Спозаранку за Светлой криницей
Косит донник отец по росе.

Выжимай хоть рубаху, хоть кепку.
Мускулист, коренаст, словно дуб.
И густой, цвета спелой сурепки,
Вьётся кольцами шёлковый чуб.

И литовка гуляет послушно,
О мужицкой судьбине поёт,
И стреноженный конь на опушке
Ржаньем радостным кличет восход.

...Встрепенётся сердечко и вспомнит
Тот туман, словно сливки, густой,
Мёдом терпким обрызганный донник...
И отец — молодой, молодой...

* * *

Ах, этот просёлок рассветный!
Взглянуть — и вовек не забыть
Деревни глухой, заповедной,
Что канула в росную сныть,

Паренья орла по-над кручею,
Шеломов-стогов по жнивью,
Реки с камышовой излучиной,
Что в душу впадает мою.

Как мало для радости надо...
Как близок уже горизонт...
Но как же смотреть мне отрадно
На ливень берёзовых крон,

На этот просёлок рассветный,
Который не в силах забыть.
Да разве осмелится сердце
Себе самому изменить?

* * *

То щенком заскулит,
то по-бабьи заплачет с причётами,
то наспитися,
то просветлеет пронзительной просинью
с воробьями в сиренях,
в ольховниках стылых с чечётками
провожает усталый ноябрь
дни последние осени.
Позови — ни души на сто вёрст,
лишь ветра перемётные,
лишь сосняк вдоль дорог
против шерсти на славу причёсанный,
лишь татарник больной,
повиликой по горло замотанный,
да сенные стога
друг за дружкой — речными покосами.
Да всё чаще из горних садов
над продрогшими хатами,
над полями сквозными,
смурными остывшими плёсами,
над околицей зябкой,
куделью полыней косматою
ниспадают снега
то пыльцою, то дивными розами.

* * *

Ну, наконец! Из горних закровов,
прорвав сермяжные заштопки и заплатки,
струится новь на заспанность домов,
на немоту полей, на деревьев кудлатье.

И утерпежу нет! Скорей на свет!
Душа неотвратимо рвётся в эту замять.
Туда, где догорает бересклет,
где чернотроп усеян снежными цветами.

Склонясь к груди простуженных долин,
врачует раны и хворобы первоснежье.
А шар земной, заблудший исполин,
летинит...
летит, уже не чуя меток бережных.

* * *

Просёлок. Татарник. Табун за околицей.
И спелой клубникой пропахший угор.
В травнице по плечи — берёз белостолица.
Крылатая воля! Безбрежный простор!

И, вроде, давно я тоску пересилила —
бывала судьба и со мною щедра.
Но манят и кличут омытые ливнями,
спалённые солнцем родные ветра!

* * *

Ах, с этим буйством нету слада —
июльских мальв дремучий бор!
Шмелям пресыщенным отрада
их разномастных коленкор.
В них, пересыпанных цветами,
весь мир заполонив собой,
взахлёб, — о чём, не помнят сами! —
цикады гомонят гурьбой.
Замрут, как дети, от испуга,
когда с корзинкою в руке
я пролечу вдоль стёжки выюгой,
следы оставив на песке.

И там, за маревом в долине,
исчезну в сонме диких трав,
в терлич-траве, в степной полыни,
собрал в охапку сон и явь.
...Сакральность солнечного света,
волхующего сквозь плетень,
янтарность яровых ранеток
в тазу, кипящем на плите,
сдуревший от восторга пивень,
разголосивший близь и даль,
и ахнувший сквозь солнце ливень,
что мальвы окунул в сусаль...
Посмотришь в радостные выси,
и в десять беззаботных лет
вдруг сердце заискрится мыслью:
конца и края счастью нет!

* * *

Роснуо каплю
обронит былинка —
сонно аукнет
в лугах тишина...
С этого взгорья,
от церкви старинной,
как на ладони,
округа видна.
Ветер над полем
расперится птицей —
рожь загуляет
молочной волной.
Не перестанут
довеку мне сниться
эти безбрежный простор
и покой.
Разве не праздник,
не радостно сердцу —
житное поле
во весь горизонт?
Не надыхаться
и не насмотреться,
хочешь не хочешь —
душа запоёт.

Этот просёлочек,
что вышел навстречу,
помнит в пыли
босоногий мой след...
Жмуркие окна
моей восьмилетки
не погасили
донные свой свет...
Что ж бы не жить-то
на этом приволье?
Ждать к сентябрю
на столе новины,
рощи стозвонной
любить белостволье,
с хрустом рубить
к Покрову кочаны...
«Сколько вас, тех,
что искали, где краше, —
мочи не стало
у поля молчать, —
как погляжу-то,
обличием наша...
Только не помню вот:
чья же ты?..
Чья?..»

* * *

Напрочь селенье снега занавесили —
светлая тихая грусть.
Каждая улочка, — пусть куролесится! —
помнится мне наизусть.
Там в три оконушка под тополями
старый родительский дом.
Там первопуток плурует полями
к росстаням с древним крестом.
Скирды вдоль поймы рядочком сennie,
церква — в ограде из лип.
Роца на взгорье с крылами сквозными,
маминных бурочек скрип...
Трёт жерновами за стенкой Вселенная,
мелется, мелется ночь.
Милая отчина, память нетленная,
я — твоя кровная дочь.
Мучают день ото дня всё сильнее
думы о скрытом в снегах,
властью и Богом забытом селенье,
дедов погасший очаг.

Григорий Вихров

Григорий Иванович Вихров родился в 1961 году в Коломне. Окончил исторический факультет Иркутского государственного института. Жизнь его связала не только с Коломной, но и с Сибирью, с Тулой (с 1996 по 2010 год преподавал в Тульском государственном педагогическом университете), с Ясной Поляной и, конечно, с Москвой, в которой теперь живёт.

Поэт много выступает с лекциями и проводит творческие вечера в городах Западной и Восточной Европы. Особое место в его поездках занимают выступления в Чечне и Республике Дагестан.

ОБЩЕЕ НЕБО

БЕЗ ТЕБЯ

*Памяти моей жены
Евгении Брешко-Брешковской*

Я жду, ты как будто в отъезде.
А я на войне мировой.
Кровищею пахнет в подьезде,
Ночной, запрещённой травой.
На кошку гляжу... не обманет
Глазами зеленой реки,
Предпечною песней приманет
Дневные родные звонки.
Подвластны грядущему гулу,
Под сердцем искрят провода.
В какую Вселенскую Тулу
Уехала ты навсегда?

* * *

НЕРАЗЛУЧИМЫЕ

Ты и в памяти, радость моя.
Я и в горе твое продолженье.
Всё свежее сирень...
Подношенье
Обесточенного бытия.
Наша молния синей струной
На спасительный гриф
Попадает.
Означаясь вечной женой.
Воздух есть.
А тебя не хватает.

Вырванная из фото
Пара
Ищет кого-то.
Был кто-то рядом
Или
Годы друзей отпили
И оторвали ближних,
Близких поизорвали,
Не пожалели лишних,
В прошлом не разыскали.
И под свинцовым днищем
Неба —
Не от испуга —
Все мы кого-то ищем,
Чтобы найти друг друга.

КОГДА НИКОГО, КРОМЕ ТЕБЯ

Прокрадусь, не впервой прокрадываться,
Допылю до судьбы, хромой.
Некому за меня порадоваться,
Возвращающемуся домой.
Не обрадуются за окнами,
На пороге не замычат,
Не заплачут и не заохают,
Костылями не застучат.
Ни младенчика, ни бубенчика,
Одинокого камня гнёт.
На потешного деда-птенчика
Кошка ласковая зевнёт.
Чьей-то ночкою, чьей-то днюхою
Люди хвалятся на ходу.
Ошалеею и шали нюхая,
Утешающие беду.

НЕБЕСНЫЕ ЭТАЖИ

Я лечу с этажа на этаж.
С этажа на этаж.
Лифты.
Тонкие перегородки.
В небесах аварийность проводки.
Пьян электрик — энергии страж.
С этажа на этаж,
По шнуру,
По канату...
Ладони дымятся...
Поменяться б с тобой,
Повидаться.
Оборвусь
До свиданья, умру.
...Я из проруби щучий сынок,
Раздуваю священные жабры.
Помутился подводный мирок,
Что мы ваши земные кадавры.
От русалочьих арф изнемог,
Надо мною живая луна
Драгоценным лицом покраснела.
Я врываю...
Влетаю,
Вне тела
Ожерельем гремит тишина
С этажа, на этаж с этажа.
Люди дыбятся, трутся, толкутся
И на инопланетные блюда
Наступают, победно визжа.
Устаю от курных революций
И отеческой ласки ножа.
В прошлый сон ухожу. На тебя
Подивиться и налюбоваться,
Над ладонями наликоваться,
Даже солнечный лён тербя...
Я не знаю, куда мне деваться?
С этажа на этаж
От себя.

СМЕШАННАЯ ПАМЯТЬ

В отрочестве грызть заусенцы — к колдовству зрелости
(народная примета)

Школьный ангел грызет заусенцы
На «камчатке» в серебряном сне
21-го века коленцы.
Тело к старости. Дело в войне.

Соловьями глухие тетери
Объявляют за праведный суд.
Мальчик... Девочка, дети потери
Все грызут заусенцы... грызут...

* * *

В движении телеги и арбы
Ты слышишь скрип,
Я слышу песнопенья.
А вековые «абы да кабы»
Бредут, сопровождая поколенья.

Ах, если бы разверстые гробы
Листвой зажглись во сне стихотворенья,
А мировые «абы да кабы»
Спешат, перегоняя поколенья.

И ангелы устали от борьбы,
От нашего кипенья и сопенья.
Нас покидают «абы да кабы»,
Оплакивая горе-поколенья.

ИЗ СНА

Разговор на окраине неба.
Телефонная будка — в цвету.
На бикфордовой верности нерва
В разговоры ушедших врасу:

Нелегко набирается номер,
Не пытайся его набирать.
Мой товарищ признается: «Помер!»
Не спеши тяжело умирать.

Над автобусом детским — чужбина.
Похоронки отцовской крыло.
И чело непослушного сына
Гладит мать, заклиная стекло.

Принимаем лихие погоды.
Телефон продолжает звонить:
Всё машины, двуколки, подводы...
Чревобесия не отменить.

Мой товарищ! За сколько оболон
Зачинают всеиродский суд
— новосёлы везут новосёлов
Из Одессы, Донецка везут.

Ветви ржавой сирени обнимешь.
На окраине жгут небеса.
Раскалённую трубку поднимешь —
Голоса захлестнут голоса.

ВЕЧНАЯ БАТАЛИЯ

Не спеши в польхающем сне
Долетать до хрустальной реки.
Догорают на братской войне
Спички... спичечные коробки.

Непроглядная темень кругом,
Но течёт очевидная муть.
Я умру... напишу о другом,
Не желая тебя обмануть.

Истощается свечек запас.
Крупной солью торгует сосед.
Чай да сахар меняют на Свет
Просыпается плачущий Спас.

ОБРЕТЕНИЕ

Из горла разбитого храма
Живая захлещет вода
Того, кто родился до Срама
И не доживёт до Стыда.

Того, кто семижды сожжённый.
Поддерживал пламень полков:
Поющий, немой, прокажённый
На пьянке чужих языков.

Пылая судьбой безземельной,
Увёл за собой племена.
За Родиную... колыбельной
О! Боже! Твой голос она.

ДЕТСКИЕ МОЩИ, ИЛИ ДЕВОЧКА, ПОХОРОНЕННАЯ В КОМОДЕ

Сказка — ложь, да в ней намек...

Сказку Андерсена творим
Или сказочку братьев Гримм?
Не отмолишь, не отпоёшь,
И намёка чеканей ложь.
Не спеши завершать строфу,
Ожидает скелет в шкафу.
Убиенная в десять лет
Завещает — раздать скелет
Всем по косточке, от души
Из качающейся тиши.
— Обладателям злых вещей
Хоть частичку моих мощей.
Осыпается небосвод,
Ох, некрепок земной комод.
Открывай роковой лабаз.
Раздувай мировой Донбасс.

ЛАДАНКА

Даже если ладанка — патрон,
В ладанке поместится могила.
Повторяй в созвучии икон
И в окопе, сдерживая стон, —
С нами Крестная Сила!
В мире выпасают животы,
Ляжки греют, не страшась тротила.
Повторяй с печальной высоты:
С нами Крестная Сила!

Внукам, не слагающим персты
В крестную щепоть,
Мой ангел милый,
Повторяй, пока ещё чисты, —
С нами Крестная Сила!

МОЯ ВИНА

Черная тоска Байкала,
Черная волна
Накатила, отыскала,
Обожгла до дна.
Не поддамся, не потопну,
К Богу доплыву,
Повидаю жизнь загробну...
Нынче наяву
Вижу брезжащее завтра,
Допотопный день,
Теплохода, Александра,
Бритвенную тень,
Кристаллические очи
Праздничных детей.
Наше вечное «короче»
Искренних затей.
От продрогшего причала
Отведи вину,
Черная волна Байкала,
Черную войну

ПАРОМ

«Эх, пане, панове...»
Плыви налегке.
Порой на пароме
Страшней, чем в реке.
Под сердцем смеркается,
Давит сума.
В ночи открывается
Смертная тьма.
Поел земляники
Пророческих ран,
И детские блики
Уходят в туман.
Во взрослой ораве
Рыданья слышней,

И на переправе
Стреножат коней.
Под дланью суровой
Паром или гроб?
Небесной подковой
Расколотый лоб.

* * *

Поэт, не дорожи любовью народной...

А.С. Пушкин

Плеть венков из молний,
Трубя в победный рог,
Желал и не исполнил.
Хотел и не помог.
Спасай живые строки
Из темени мирской.
Поэты одиноки
И в памяти людской.
Под кровлею негодной
В обнимочку дрожим
С любовью народной,
Которой дорожим.

* * *

...И стар, и млад,
И жив, и мёртв
Чирикают о новой эре.
Как много жатв,
Как много жертв
За урожай в небесной сфере.
Под новым солнцем нагрешим
И угол пятый обустроим,
Себя прощения лишим
В себе прощение откроем.

Михаил Болдырев

Михаил Михайлович Болдырев родился 3 октября 1950 года в посёлке Погиби Сахалинской области. В 1971 году окончил Сахалинское мореходное училище. Работал на судах рыболовного и торгового флота. Ему довелось побывать в разных странах: в Африке, Китае, Корее, на далёкой Камчатке и у берегов Аляски.

Стихи пишет с детства.

В 2009 году поэт переехал в Коломну и с этих пор стал постоянным автором «Коломенского альманаха». В 2013 году в приложении «Коломенский книгочей» появилась его первая книга стихов «Тайный свиток». В 2022 году вышла в свет вторая поэтическая книга «Соло для флейты безрассудства». Член Союза писателей России.

Награждён литературными медалями А.Т. Твардовского, М.Ю. Лермонтова, И.И. Лажечникова, дипломом А.А. Ахматовой.

МНЕ ВЕЧЕР ПЕСНЮ ПОДАРИЛ

* * *

Глупый ветер, что ты льнёшь
К голым веткам вербы?
Листьев лёгких не сорвёшь,
Не поднимешь к небу.
Не качнёшь цветочный рой
В поле леденелом;
Пошептаться нам с тобой
Будет лучшим делом.
Помнишь, как бродили мы
Берегом солёным?
Гладил ты лазурь волны,
Бил приборой поклоны.
Я гадал о той судьбе,
Что за чайкой вьётся,
Но в небесной ворожке,
Знать, не всё сойдётся.
Ты лазурь с волны сорвал,
Затянул туманом;
То, что я не угадал,
Стало долгой раной.

* * *

Я ловил миражи посреди океана.
Я укутывал их в сумасшедшие сны.
В задремавшем порту в азиатской нирване
Мне гадала красotka с улыбкой весны.
Я смеялся и верил — всё сладится в жизни,
Что удача, как ветер попутный, со мной;
И летели цветы, словно бабочки с вишни,
Их кружил ветерок над моей головой.
И легко было верить в заморское чудо,
От безумья тайфунов слегка ошалев,
Но неведомой песни горячие губы
Обжигали тоской под прибой припев.
И бродил я по улицам солнечно-гулким;
Над харчевней витал колдовской аромат,
А за тысячи миль, там, в косом переулке,
Раскудрявился май, окунувшись в закат.
Что гаданья, красotka, — наши карты другие!
Лапой шторма судьба рвёт стальной такелаж;
Мы с неведомой песней до боли родные,
И в ожоге тоски вишен местных кураж.

152

МИХАИЛ БОЛДЫРЕВ

* * *

Сегодня хочется стихов.
Случайных, словно птиц пугливых.
Там, у заснеженных лугов,
Их крылья в лунных переливах.
Но почему такая блажь
Взошла на подиум вечерний
И дарит мне хмельной кураж
Невероятных откровений?
И, чуть качнувшись, за окном
Фонарь читает монологи
В неровном свете золотом,
Припомнив долгие дороги.
Сегодня хочется стихов.
Негромких, с пеньем лёгких строчек.
И пусть из гроздьев зимних снов
Сочится таинство пророчеств.
О, это таинство пьянит.
В нём вёсен вспененная брага,
И я Вселенною умьт,
Как утренней росой бродяга.

ВОЙНА

Мир заблудился в мёртвых датах,
И голос вмёрз в багровый лёд.
Рассвет израненным солдатом
Над полем вздыбленным встаёт.
Там небо бьётся в колокольни,
Где сумрак, плачущий навзрыд,
И ночь грядущая не вспомнят,
Кто жив ещё, а кто убит.
Молитвы тянутся к иконам,
Свечей истает жёлтый строй;
Сползает сумрак по погонам,
Прошитый скорбью и войной.
И помнит дом шаги ушедших,
Их лица улицы хранят;
Но с песнопеньем сумасшедшим
Летит и падает снаряд.

ДЕКАБРЬ, ДОЖДЬ...

Декабрь, дождь, стекает снег,
Бредёт по лужам человек.
Подошвы пропускают воду;
Клянёт он зиму и погоду.
Но у природы есть причуды...
Вдруг, перепутает сезон
И хриплым голосом простуды
Споёт промозглости псалом.
И в этой серости обманной
Я вижу тайну волшебства:
Идёт по улице туманной
Девчонка с ликом божества.
И окна пялятся бесстыже
На лёгкий, стройный силуэт,
А снег, стекая, робко лижет
Её сапожек светлый след.

ПОМНИТЕ!

Бой затих. Зима. Темнеет рано.
У лоббины вражий танк горит.
Мой товарищ, улыбнувшись странно,
Мне, вздохнув, негромко говорит:

«Завтра Новый год придёт, братишка.
Город мой на праздник расцветёт.
И закружат хоровод детишки,
Загуляет весело народ.
Соберутся за столом родные
И за нас с тобой поднимут тост,
Чтоб вернулись мы домой живые,
Чтобы всё хорошее сбылось.
Только знаю — мать всплакнёт украдкой,
Всё же праздник — не для грустных слёз,
И любимую большую шоколадку
Принесёт сестрёнке Дед Мороз».
Замолчал товарищ. С грустью тихой
Засмотрелся в огневую даль,
Где в смертельном замесались вихре
Небо, поле и снарядов сталь.
Рядом взрыв, рванула темень вспышка.
Свист осколков и в ушах звенит...
Крикнул я: «Ответь, ты жив, братишка?»
Он молчит. Товарищ мой убит.
Нет, не зря мы здесь в боях кровавых
Бьёмся и готовы умереть,
Чтобы взрослых и детишек малых
Не накрыла чёрным дымом смерть.
Чтобы праздником светились окна ваши
В городах, посёлках, по стране;
Помните о нас — живых и павших —
На священной, праведной войне.

* * *

Мне вечер песню подарил,
Играя вьюгой лёгкою.
Мотив, сверкая, закружил
Позёмкой в поле колкою.
Мелодия застыла на губах
И жалит душу ненасытно;
С метелью тянется в снегах,
Моя безмолвная молитва.
О, как давно в небрежности своей
Я этих нот касался неумело,
Что стынут в звонкой дрёме тополей,
Что месяц растерял заледенелый.
И от покорной благодати церквей —
В беспамятство дворов и переулков —
Плывёт мотив завьюженных полей
Над темнотою пронзительной и гулкой.

* * *

Я люблю этот берег туманный,
Этих скал величавую твердь,
Где в объятьях шальных урагана
Не грешно до последнего петь.
Всё сплелось: и покой, и тревога,
И судьбы обнажённой призыв;
Ты живёшь словно об руку с Богом,
О мирской мишуре позабыв.
Честь по чести. Об этом не спорим,
Не теряем себя в мелочах,
Здесь душа отшлифована морем
В бесконечно бегущих волнах.
И любовь: молодуха-отрава, —
Клятвы скроет прибрежный песок,
На неё, как на шторм, нет управы,
Только в сердце на память ожог.

АПОФЕОЗ ПОЛНОЧИ

Полночь стылая глуха.
Улиц призрачные строки;
Тлеет снежная труха
В жёлтом свете у дороги.
Тени виснут вдоль аллей
В перехлёсте цепком веток,
И становится темней
Небосвода низкий слепок.
Вдруг, сквозь липкий холод тьмы,
Сквозь остуду длинной ночи
Звонкий смех из глубины
Зимней грусти мироточит.
И встряхнулся мир во тьме,
К тёплым окнам тянет руки
И развеет в смутном сне
Зим дряхлеющие муки.

ПРИЗРАЧНОЕ

Я причалил к берегу чужому,
Парус мой измотанный поник.
Был он верен ветру как родному,
Только ветер выдохся и сник.

Улицы, прохожие, витрины...
Окон затуманены глаза.
Чем-то озабочены мужчины,
Женщина — потухшая звезда.
Грустно так, что тянет выпить водки,
И, засев в дешёвом кабаке,
Помечтать о блоковской красоте,
Что в туманном движется окне.
И такому же, как я, бродяге,
Что у жизни не берёт займы,
Рассказать, как в небо рвутся флаги
Кораблей у солнечной страны.
Как в портовых тёмных переулках
За красоткой бродит острый нож;
И на смуглых и блестящих скулах
Женских пальцев колдовская дрожь.
Но, когда вино в душе запело,
Ночь плетёт любви лихой лассо,
Острый нож, мой друг, пустое дело,
Когда близко милое лицо.
И не надо клятв и слов обманных,
Всё честней и проще в тишине...
Только призрак блоковский, туманный
Будет долго грезиться во сне.
Я уйду в обнимку с лёгким бризом,
По бегущей на зарю волне;
Ночь растает призрачным капризом
С незнакомкой блоковской в окне.

КОЛДОВСТВО

Непогода, непогода,
Ветер рвётся в дверь мою.
В ключьях шапка небосвода
У подлеска на краю.
Бог храни, в такую замять
На дороге где застрять;
Черти, видно, ведьму славят
И зовут в метель плясать.
А она, я знаю, рядом,
Жмётся к свету из окна
И бокал с безумства ядом
Предлагает пить до дна.
Вспыхнет тёмной красотой
За окном призывный взгляд...

Страх нет! Я дверь открою:
Вихри сворою летят.
В ноги бросились и лижут
Ледяные языки;
В танце диком тени вижу,
И мерцают огоньки.
Что возвысят эти вихри?
Что утонет в ледяном?
Чья душа навеки стихнет,
Совершив во тьму поклон?
И стою я на пороге,
Голоса в ночи ловлю;
Может, в этой непогоде
Я кого-то отмолю.

* * *

Я спрячусь в зимней тишине,
Где звёзд касается дубрава,
Чтоб позабыла обо мне
Уюта душного отрава.
И в этой хрупкой тишине,
Где волчий след тропит дорогу,
В непостижимой вышине
Коснуться бы молчанья Бога.

* * *

Над болотом, над топью бездонной,
Где теряется солнечный лик,
В пелене затуманенной, сонной
Птичьи гложут и клёкот, и крик.
Есть в болотной глуши чародейство,
Что так чутко свой мир сторожит,
Не добро в нём, но и не злодейство,
А камыш на ветру ворожит.
По ночам что-то движется в дымке,
Чей-то вьётся во мгле силуэт,
Топь вздыхает, и в каждой былинке
От звезды зачарованной свет.
Сколько лун утонуло и вёсен
В глубине, полной тёмной тоски;
Там, покорная данница — осень,
Бросит в глубь златословья листки.

* * *

Не сосчитать моих прощаний,
Твоих прощений не сочту.
Из ожерелья обещаний
Я вырву давнюю мечту.
И пусть она почти не светит,
И дарит слабое тепло...
Моих скитаний пьяный ветер
Мне бросил лёгкое весло.
Куда несёт стремнина жизни?
К какому берегу прибьёт?
Чей голос из подлунной выси
Мне песнь приветную споёт?
И будет путь между сомнений,
Между неведомых тревог,
И прах невзгод и сожалений,
Как пыль исхоженных дорог.
Но там, где ты так недоступна,
Твои прощенья на замке;
Вплетает в ожерелье утро
Всё не обещанное мне.

Надежда Лисогорская

Надежда Константиновна Лисогорская родилась и живёт в Москве. Окончила МИНХ и ГП им. И.М. Губкина. Работала геофизиком в Экспедиции № 1 Центрального геофизического треста, а затем перешла на работу в Современную гуманитарную академию.

Стихи пишет с детства. Печаталась в журналах «Молодая гвардия», «Арина», «Белая скала», «Приокские зори», в газетах «Московский литератор», «Благовестник», «День литературы». Автор трёх сборников стихотворений: «Переживай, волнуйся и твори...», «Земное богатство», «Эта жизнь на земле лишь одна». Член Союза писателей России.

Награждена литературными медалями: имени И.И. Лажечникова, И.А. Бунина, А.А. Блока, дипломом XIII Международного славянского литературного форума «Золотой витязь».

ЛЬЁТСЯ СВЕТ В МОЁ ОКНО

ВЕСЕННЯЯ СВЕЖЕСТЬ

Весенняя свежесть! Уходит зима:
Сугробы свои побросала.
Черны и ноздряты её закрома,
Подмоги осталось в них мало.
И так упоителен воздух вокруг,
Всё небо распахнуто настезь!
И так притягателен солнечный круг —
Он выше стал каменной башни!
С журчаньем ручьи хлопотливо бегут,
Их птичья приветствует стая.
И нас за собой увлекают, зовут,
Тепло по пути обещаая.
Крылатые гости в родные края
Спешат возвратиться скорее...
Весенний порыв подхватил и меня —
Нам жить по весне веселее!
И вслед за корабликом в новом ручье
Отправлюсь за солнечной быльёю,
Где в тёплой земле в долгожданной весне
Вновь зёрнышки песен рассыплю.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Весенний дождь следы зимы смывает!
Ещё не тёплый, но не ледяной.
А свежий ветер облака качает —
То синь, то тучку тянет за собой.
А за плечами — перепад погоды,
И в зимних стужах оттепели явь,
В барометре — давленья переборы:
То вниз, то вверх! И не найти управ.
Но тихо-тихо, бережно и славно
Теплеет воздух, чтобы нас обнять.
И ты поймёшь, что снова ждёт нас тайна:
Родится жизнь! Всё зацветёт опять.
И этот миг — бескрайний и могучий —
Заставит замереть и не грустить.
Там в небесах, сады, быть может, лучше,
Но по земле так хочется ходить!

ОСЛЕПИТЕЛЬНОЕ СОЛНЦЕ

Ослепительное солнце
Согревает в марте дни.
Холодок зимы крадётся —
Крепок он ещё в тени.
Но плывут сугробы! Тает
Ледяная их гора.
И грачи-то прилетают —
Гнездования пора.
У весны на службе радость!
Солнце светит, снег горит.
Ручейков журчащих сладость,
В искрах лужиц — сизари.
Распушились и воркуют...
Птица в дом родной летит!
По весне земля ликует,
Вместе с солнцем нас врачует,
Согревает, верит, любит —
И на том она стоит!

ПИСЬМО СЕСТРЕ НА УКРАИНУ

Сестрёнка, как ты там, родная?
Мы ловим сводки о войне.
Открылась бездна... Боль без края:
Нацизм вновь ожил на земле.

Лютуют злоба и злословье...
Не спятил ли весь мир с ума? —
В упор не видит детской крови!
Орудий, втиснутых в дома!
И фабрикуются статейки,
В них ложь вбивается в умы.
И срочно стряпаются фейки
От властелина вечной тьмы.
Донбасс сражался, мы терпели —
Разобщены, разлучены!
А ведь с далёкой колыбели
Корнями переплетены.
И горестно заплачет мама,
За сердце схватится отец...
Но русские — народ упрямый!
И нечисти идёт конец.
Мы к вам протягиваем руки —
Нам мирно жить бы без границ!
Дождаться бы сынов и внуков,
Что защищают нашу жизнь...

ПТЕНЦОВ ОХРАНЯЮ

Птенцов охраняю в гнездовье родном —
Приветит, согреет наш старенький дом.
Объятия лето раскроет свои,
И сад зацветёт в ореоле любви.
Пока малышам здесь совсем невдомёк,
Что Запад грозит и тревожен Восток,
А с Юга доносятся плачи детей,
И гибельный ветер калечит людей.
А здесь — тишина, и рассвет, и закат,
И розовой стайкой надежды парят,
Рождаются планы, порхают мечты,
И новые строятся жизни мосты.
И всё так спокойно... Дорога зовёт.
Но вдруг над цветком кинет тень самолёт,
И сердце сжимается... Слышится гул —
С военных пожарниц вдруг ветер подул...

ЗЕМНЫЕ ГРОЗЫ

Притихнет округа, умолкнут цветы,
Надвинется туча большая.
Гроза наступает! Деревья, кусты
Порывами ветра сминает!

В таком урагане не видно ни зги,
Лишь в тучах — разрядные пилы,
И молний холодных сверкают клинки —
Гnevятся небесные силы!
Грохочут, клубятся, дождями грозят,
Собравшись, небесные рати.
И землю трясут, над землёю трубят:
«Не цените вы благодати!
Оружье куёте, куёте штыки,
У злата в бесовской неволе.
А счастье — в течении чистой реки,
Земли голубом ореоле... »
Ах, если б услышать и всем бы понять,
Зачем ты родился на свете!
Пусть мирные птицы над миром летят,
Для мира рождаются дети.
Всевышний решает, кому какой срок
Отпущен на этой планете...
Мы учимся жить, постигаем урок,
Пред Ним же предстанем в ответе...

ХОЛОДНЫЙ МАЙ

Холодный май. Не балует погода,
А человеку хочется тепла...
Но оживает всё равно природа:
В свой срок на радость буйно расцвела.
Ничто законы жизни не нарушит:
И семя новое по времени взойдёт,
И службу добрую здесь, на земле, сослужит,
И вьюги злые все переживёт.
Порадуюсь душой цветенью мая
И радугу найду в своём краю,
Над домом ласточек опять увижу стаю,
И поклонюсь безумцу-соловьёу...

СОЛОВЬИНЫЕ НОЧИ

Соловьинные ночи бессонниц,
В плен берёте меня вы давно —
Звуки ясные — благовест звонниц,
Переливы струятся в окно
Вместе с запахом белой сирени...
И сродни эта ночь колдовству.
С замиранием слушаю трели
В чутком сне своём и наяву.

Будто нет во Вселенной печали —
Только чистые ноты любви...
Что в ночной тишине прозвучали
И мне на душу сладко легли.

ЛЬЁТСЯ СВЕТ В МОЁ ОКНО

Тихой радостью благою —
Утра летнего восход.
Озарением земного
Солнце раннее встаёт.
Щебет птиц, а небо — море!
Льётся свет в моё окно:
Осияет лес и поле,
Что родит для нас зерно.
Трепетанье быстрых крыльев
В чистом небе без границ —
Между небылью и былью
Я смотрю на этих птиц.
Пролетают, словно годы,
Устремлением полны!
Не боюсь плохой погоды,
Подрастают их птенцы.
И деревья подрастают.
Жизнь — в ладонях у Творца —
Семя новое рождает,
Чтобы не было конца.

БЕЛОГО ОБЛАКА НЕЖНАЯ ШАЛЬ

Лист на берёзе дрожит капелюшкой
Рыжих осенне-радужных дней,
Напоминает мне солнца полушку
В играх счастливых наивных детей.
Синих озёр хоровод бесконечный,
Белого облака нежная шаль...
Время зовёт за собой так беспечно,
Спрятав за радостью часто печаль...
Так уж устроен наш мир шалопутный:
Утром проснулся — значит, живой,
Значит, пора автостопом попутным
Век догонять по орбите крутой,
Дом вспоминая, уютom манящий,
Где от тепла льётся ласковый свет,
Дом, что хранит мир любви настоящей,
Где тебя ждут и спасают от бед.

ЗОЛОТОЕ ВРЕМЯ

На землю изморозь ложится,
Уже пожаловал мороз,
Но солнце просветляет листья
Рябинок, клёнов и берёз.
Нет ни преграды, ни завесы,
Одна лишь синь без облаков.
И золотится перелесок
Под звон густой колоколов.
Листвы охапки под ногами —
Дары осенних спелых дней.
Подбросишь, и летят над нами!
И нам, счастливым, веселей!
Ещё дожди пройдут, мы знаем,
Разлука стужей обожжёт,
Но вновь берёзку обнимаем
И верим, что весна придёт.
Ах, это время золотое,
Когда так ясно на душе,
Когда ничто не беспокоит,
Глаза — в глаза, рука в руке...

164

ЗВЁЗДЫ СВЕРКАЮТ В ОСЕННЕЙ ТИШИ

По зелёной траве лист осенний разбросан,
На бульварах притихших заалела листва.
Подарила тепло светлоликая осень
И тихонько ушла под крыло Покрова.
Нам оставив свои золотишки на ветках —
Будто звёзды сверкают в осенней тиши.
И пусть день стал короче, холоднее заметней,
Всё равно дарит нам вдохновенье души.
Всё видней приближенье предзимнего часа,
Обнажённость деревьев — открытости миг.
Уловатых ладоней читаем рассказы —
О счастливых годах и годинах лихих.
Яркий лист — кружевное ветвям утешенье,
Пусть подольше не гаснет, как окошко во тьме.
Умягченье сердец к нам придёт во спасение.
И поможет любовь стать сильнее к зиме.

СВЕТЛОЕ ИМЯ ОСЕНЬ

Светлое имя у времени — Осень...
Листья кружатся... Поймай на лету!
Храм поднебесный молитвою просит:
Землю храни, чистоту, теплоту.
Тише, пустынной становятся рощи —
Трепетна песня прощанья без слёз...
Где-то зависнет последний листочек,
Больно по сердцу ударит мороз...
Краток наш век, но он тем и дороже —
Всё, что прекрасно, в едино собрать.
Я преклоняю колени, о Боже, —
Землю родную в поклоне обнять...

ЗАВЕТНЫЕ ТРОПЫ

Мне Ангел шепнул: «Этой жизни нам мало!»
И сердце живое захочет весны,
Чтоб солнце пораньше в окошко сияло,
И мы пробуждались чисты и нежны...
А время течёт по Вселенским законам:
То дождь за окном, то зимы окоём.
И мы, повинясь природным сезонам,
К зиме угасаем, а летом цветём.
Хранит наша память заветные тропы,
Что к дому ведут через годы разлук.
В пути обретаем и жизненный опыт,
И счастье, когда с тобой преданный друг.
Знакомы стремнина судьбы, перекаты,
Милее трава и родительский дом.
Любимы восходы, волнуют закаты...
И всё ещё мнится, что вечно живём.

ГЛУБОКАЯ СКОРБЬ

Глубокую скорбь принесла нам весть о том, что 8 апреля 2024 года после продолжительной болезни ушёл из жизни **Алексей Борисович Мазуров (1970—2024)**, всеми уважаемый человек дела, долга, чести и совести, Почётный гражданин городского округа Коломна, настоящий друг не только «Коломенского альманаха», а всех тех, с кем так или иначе сводила его судьба.

Высокообразованный учёный, российский археолог, доктор исторических наук, профессор, президент Государственного социально-гуманитарного университета, депутат Московской областной думы V и VI созывов, Алексей Борисович Мазуров за свою научную, педагогическую и общественную деятельность был удостоен множества наград. За заслуги в области просвещения он отмечен орденами Святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского III и II степени. Но главной наградой этого деятельного духовного человека является любовь всех тех, кто его знал, кому он смог помочь своим советом, делом, участием.

В последние годы жизни, преодолевая болезнь, Алексей Борисович трудился ректором Свято-Филаретовского института, продолжал заниматься наукой и преподавать историю в родном коломенском университете.

Из года в год он оказывал поддержку нашему литературно-художественному изданию. На страницах «Коломенского альманаха» делился с читателем своими размышлениями историка, приходил на презентации, вручал авторам альманаха заслуженные награды и радовался, что издание живёт и вносит весомый вклад в культурную жизнь не только Коломны, но известно и за её пределами.

Пусть земля будет пухом для Алексея Борисовича Мазурова, а небо примет душу светлого человека, и Господь возьмёт её под свою защиту. Нам же остаётся светлая память, и мы будем ею дорожить.

Коллектив редакции

Евгений Кирсанов

Евгений Александрович Кирсанов родился в декабре 1947 года в Коломне. Окончил аспирантуру по физике жидких кристаллов. Кандидат физико-математических наук, доцент кафедры химии и экологии Государственного социально-гуманитарного университета (бывшего КГПИ).

Руководит поэтической мастерской «У Грановитой» при коломенской библиотеке имени И. И. Лажечникова. Автор одиннадцати сборников стихов.

Поэзии Евгения Кирсанова чужда внешняя красивость. Его слово верно, ёмко, современно. Награждён медалями имени М.Ю. Лермонтова и имени И.А. Бунина.

Член Союза писателей России.

ЯБЛОКИ НА ЧЕРДАКЕ

ЗИМНИЙ МИР

Снегом укрыты
голые локти дерев,
Дали размыты,
за пеленой уцелев.

Снег прикрывает
минувшей осени грязь,
Снег согревает,
себя растопить не боясь.

Мирной картиной
мой взор услаждает зима.
Взгляд мой рассеян —
снежинок вокруг кутерьма.

Снежные крыши
боятся своей белизны,
С крыши всё тише
спускаются белые сны.

Снег на пороге
меня утешает порой...
В древние годы
не воевали зимой.

СТАРЫЙ ДОМ

Дом медленный
на медленном огне держала печь.
Скрипели половицы.
В печи порхали
огненные птицы,
Следов не оставляя на золе.
Худели на глазах календари.
Я не худел. Я становился выше.
Сосульки вниз
оттягивали крыши
И плакали
от близости земли.
Ограда,
влагу лишнюю впитав,
Вдруг набухала
серебристой почкой.
Дощечки, как корявые росточки,
Вставали между
прошлогодных трав.
Распахивался первый
синий цвет
Над почвой, тёплой,
словно корка хлеба.
Дом брёвна грел, не веруя весне,
Дышал дымком
в проветренное небо.
Сугроб слоёный
в погребке густел,
Готовя стужу
к будущему лету.
Я жил, вырослел.
И старый дом скрипел,
Не веруя
во взрослость злую эту.

ПРЕДЗИМЬЕ

Морозец лёгкими стрелами
На коже здешнего пруда
Изобразил картину льда,
Но тонкого. Ведь он под нами
Проломится, ступи на шаг.
Я постою. Себе — не враг.

Вчера водица трепетала,
Плескались утки не спеша.
Бросали дети хлеб. Душа
Здесь беззаботно отдыхала.

Но ветра резкие порывы
Другие создают мотивы,
Снимая листики с дерев
И лиственный веда посев.

Перед зимою раздеваться
Привычно Флоре. Тишина.
Безлюдье. Осень — не весна.
И засыпать, не пробуждаться
Живая Фауна должна.

Вот так готовится природа,
Растягивая ткань ночей,
К предзимнему исходу года
Без пышных зрелищ и речей.

КОЛОМЕНСКИЕ ЗАКОУЛКИ

Коломенские закоулки
Пусты до звона,
Страшно гулки
И колокольню-протяжённые.
Их заглушают только кроны
Переплетённые дерев...
Так я, случайно уцелев,
Иду по улочкам знакомым, —
До странности заворожённый,
Знакомый узнаю напев.
Под разнобой трамвайных скрипок —
Неутомимый шорох ног.
Вдруг окликают: «Погоди-ка!
Откуда ты? Ты — свой, браток?»
Коломенские закоулки...
Когда уходит ранний час,
Переполяются для нас
Ну просто как изюмом булки!
И посреди текущих лиц
Вдруг профиль узнаю знакомый,
Как всплеск бурунный, —
Значит, снова
Домой вернулся из столиц.

ЯНВАРЬ В КОЛОМНЕ

Исполнив зимний долг перед Россией,
За две недели выпали осадки,
Собою город осадив.
Сейчас «коммуна» очищает их,
Вводя машины в стройные порядки.
И рой рабочих «апельсиновых»
Природу разгребают по утрам...
Крадутся по траншеям пешеходы
И в столкновениях расширяют путь.
Снега упали. В этом суть.
Сосульки нависают над народом,
Как террористы, и грозят всем нам
Копьём прозрачным.
Галки и вороны — чернильные
Растрёпанные кляксы —
Подчёркивают снега белизну.
И мир природы отошёл ко сну.
Остыли все: весельчаки и плаксы,
И даже не обидно за страну.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

У тебя сегодня поздний день,
Праздник затянувшейся работы.
Некогда лелеять даже лень,
Сладкую, как с чистым мёдом соты.

Некогда в порядок приводить
Непорядки, что давно созрели
И мешают. Но поговорить
Ведь найдётся время, в самом деле?

День прошедший переворошить,
Изменить, как под счастливый случай.
Очень трудно молча жизнь прожить.
Жизнь прожить, общаясь, много лучше.

ВЫШИВКА

Мир сказочен, когда по нити,
Сошедшей с вышивки, я вдруг
Внезапно попадаю в круг
Воспоминаний как событий.
Или, случайно уцелев,
По нитке, кровно красноватой,
Я двигаюсь, судьбой богатый,
Всё нужное перетерпев.
Или, сумев дела простые
Свершить и важное понять,
Готовлюсь выше взгляд поднять,
Чтоб мамины цветы лесные
С волшебной вышивки собрать.

ИЗМЕНЕНИЕ

Я менялся, менялся, менялся...
Над изменой себе я смеялся,
Над изменой другим — горевал.
Жизнь сначала лепила, тесала,
А потом показалось ей мало,
Сам себя потихоньку ваял.

И такой вот случился похожий
На других, неслучайный прохожий.
И на зеркало я не пенял.
А смотрел и собой любовался.
И менялся, менялся, менялся,
И в себя, наконец, я попал.

Словно шар в долгожданную лузу,
Сбросив с плеч трудовую обузу,
Я в пространство свободным упал.
И не стал изменяться.
Устал.

МАРТ

Подражание Осипу Мандельштаму

Младенец Март
так надувает щёки,
Что меж домов
идут сквозные токи,
Как влажное дыхание весны.

И освежают праздничные сны.

О, месяц Март,
ты с каждым днём взрослеешь,
Так говорить
по-русски ты умеешь,
Что понимает
всяк тебя язык.

Весёлый Март,
ты к слякоти привык.
И пироги слоёные сугробов
на жарком солнце
наловчился печь,
И шубу снежную
снимаешь ловко с плеч.

Но приступ солнечный
мы испытаем оба.

НАДЕЖДА

Господь даёт нам ровно столько сил,
Чтобы успели сделать дело.
Неважно, угодил — не угодил,
Поклоны клал легко иль неумело.
Икону взглядом истово ловил
Или картиной любовался.
Работал ты, не покладая сил,
Иль делал вид, хоть с виду и старался.

Что ты успел — то за твоей спиной.
Вот твой Ковчег, хотя ты и не Ной.
Но в нём другие поплывут далече.
Так будем же надеяться, друзья,
Поскольку без надежды жить нельзя,
Что не напрасно брали груз на плечи.

ДРУЗЬЯ

Ну что б я делал
без своих друзей?
Наверно, то же,
но намного хуже.
Морозом
скованные лужи
Звучали б глуше
под пятой моей.

Ну что б я делал?
То, что сам умел,
Но сам успел
лишь малую частицу.
И синюю
заманчивую птицу
Поймать бы в одиночку
не сумел.

Ну что б я делал?
Другу помогал,
Не для того,
чтоб позже отдалили,
А чтобы знать:
Я был. И люди были,
которых я
друзьями называл.

ГОРОДСКОЕ ЛЕТО

Расселись солнечные зайчики
По листьям свежим и живым.
Залезли мальчики в трамвайчики
И едут по делам своим.
Идут с флажками провожатые,
И транспорт вежливо стоит.
Кряхтят кустарники лохматые,
Садовник придаёт им вид,
Приличный для родного города,
В котором тесно мы живём,
В жару мечтаем мы о холоде,
А в холод жаркий кофе пьём.
А иногда и поддаём
С тобой вдвоём.

ЯБЛОКИ НА ЧЕРДАКЕ

Всё проходит.
Пройдёт и это.
Так проходит цветущее лето,
Оставляя плоды на земле.
Не успел подобрать — подгнили,
А когда-то сладкими были...

Не храните добро в тепле.

А в чердачном прохладном сне
Подмороженный воздух нежен,
И газетой «Правдой» прорежен,
Шарик яблочный видится мне
На большом чердачном манеже,
Где с годами бываю всё реже,
Где прохлады в большой цене.

Через яблочные поля,
Что хранят до Нового года
Аромат, что даёт природа,
Прохожу, ни о чём не моля...

А вокруг полусвет, свобода.
Ниже лестница. И земля.

Галина Самусенко

Галина Валентиновна Самусенко родилась в Коломне. В 1980 году окончила энергетический факультет Московского института инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ).

Является автором десяти сборников стихов и прозы, редактором-составителем 11 литературных сборников. Произведения публиковались в различных всероссийских и международных литературных изданиях. Стихи и рассказы переведены на болгарский язык. Член Союза писателей России.

Дипломант, лауреат, победитель и член жюри многих всероссийских и международных литературных конкурсов.

ТРАВЫ ПАХЛИ ЛЕТОМ

ОСЕННЯЯ ДОРОГА

По осенней дороге иду, не спеша,
по весенней — вприпрыжку бежала.
Там, за давностью лет — не забыла душа —
распрощалась я с юностью шалой.

На висках седина. Иней студит траву.
Лёд на лужах осенней дороги.
Вот меня уже бабушкой внуки зовут.
И маячит зима на пороге.

Как не хочется в дом эту гостью пускать —
заморозит ведь всё, заколдует.
Мне б дорогой осенней шагать на закат,
вместо точки черкнув запятую.

ЧТОБ ДУШУ РУССКУЮ ПОНЯТЬ

Я русский бы выучил...

В. Маяковский

Как ни смотри на мир — в широком смысле, узком, —
чужая речь, быть может, хороша.

Но лишь на русском говорит, на русском,
загадочная русская душа.

Особенной закалки и огранки —
любви и сострадания не чужда,
рубить — с плеча, с гранатами — под танки,
вставать всем миром, коль пришла беда.

О ней писал Толстой, и Достоевский
искал её среди питерских трущоб.

Забава ей — из бани деревенской
нагою лихо броситься в сугроб.
Да в бой кулачный, чтоб на стенку стенка.
Да босиком с рассветом — на косьбу.
И в небо высочайшего оттенка
взлетать, на прочность пробуя судьбу.

Едва освоив в небесах скольжение,
постичь Вселенной таинства спеша,
отбросив прочь оковы притяженья,
рванула в космос русская душа.

Да космос что — безбрежие немое,
земное чудо разум рвёт опять —
как можно есть на улице зимою
мороженое в минус двадцать пять?..

Порой душа — нелёгкая нагрузка,
не важно, из простых ты или — знать.
Но ради вечной странницы я выучил бы русский.
И, может быть, сумел её понять.

КЛЮЧИ И ДВЕРИ

Ключи от бездны или рая,
иных миров, чужих границ
судьба подбросит мне, играя, —
глядит хитро́ из-под ресниц,

как, в счастье неизменно веря, —
иначе загрызёт тоска —
ключам я подбираю двери,
свою пытаюсь отыскать.

Как через пни и буераки
я мчусь с ключом наперевес,
за ключ хватаюсь, словно в драке —
за шпаги кованый эфес.

Так от рождения до срока.
Порой, отчаянно крича,
судьбе бросаю я упрёки
в профнепригодности ключа.

Но этой даме горя мало,
кричи ей или не кричи.
Всю жизнь с проблемой этой маюсь:
не те — то двери, то ключи.

Вот будет смеху-то, наверно,
когда, земные сдав дела,
я обнаружу: эта дверка
всегда открытою была.

ПРО ШУТА

*По мотивам картин и страниц биографии
коломенского художника Андрея Мещанова*

Шут мечтал о свободе, скупому служа королю.
Он судьбу тормозил, он летал на окраину света.
Но судьба и сама, вероятно, не знала ответа.
Не понять, что замыслил Всевышний в пресветлом раю?

Шут смеялся всё реже, до смеха ли было ему?
Рядом с нищим, босой, он выпрашивал милость у неба.
У земных властелинов зимою не выпросишь снега,
у небесных владык тоже часто не всё по уму.

Шут бродил по мирам и упорно старался постичь
все оттенки гармонии, таинство дышащих красок.
Абсолютно уверен был, что человеческий разум
к вожделенной свободе проложит прямые пути.

Шут порою был злым — озвереешь от жизни такой —
и с тоскою смотрел в голубые нездешние дали.
И однажды рванул за предел... Там его ожидали
свет вселенской свободы и вечный блаженный покой.

УХОДЯТ ЛЮДИ

Уходят люди — остаются вещи,
впитавшие касаний волшебство,
огонь души и озарений вещей,
как жизни бесконечной торжество.

Уходят люди — остаются книги
хранителями мудрости людской,
вздыхая на крылах победной Ники
людских сердец извечный непокой.

Уходят люди — остаются песни,
гитарных струн негромкий перебор,
как светлый лучик юности беспечной,
как маячок, горящий с давних пор.

Уходят люди — остаётся память
о том, что загадали и смогли,
поддерживая вечной жизни пламя
на голубом хрусталике Земли.

СОЛИСТКА

Худышка с трогательным хвостиком
и чуть смущённою улыбкой,
смешно, по-детски, вздёрнув носиком,
приподняла смычок над скрипкой.

И мышцы рук, неожиданно крепкие,
вдруг напряглись под тканью платья.
В мелодию пьяняще-терпкую
вплелись надежды и проклятья.

И зал забыл ключицы острые,
худую шейку, хвостик милый.
Творили руки так по-взрослому,
так скрипка о любви молила!

Стен растворилось охранение.
Ворвался космос свежим ветром,
морским тревожащим волнением
и трепетом подвижных веток.
Казалось, что до неба синего
совсем чуть-чуть, всего-то малость...

Но скрипка смолкла обессиленно.
Как будто веточка сломалась...

ВЕНЕРА

Она и не силилась напоминать богиню,
и красоты в её облике было мало.
Зато рисовать портреты могла сангиной.
Море божественно темперой рисовала.

В её зарисовках вставали громадой скалы,
бился прибой, разрывая волну на клочья.
В бескрайности моря кого-то она искала.
Или ждала? Тосковала беззвёздной ночью.

Нырляла как рыба, играла с дельфинами в салки.
Верила — ветер вдруг с неба звезду ей скинет.
Казалась созданием волн — озорной русалкой.
Бережно море качало в ночи — богиню.

В волнах забывала, что на берегу — улиткой.
И величавость сквозила в её манерах.
Богиня ночной волны — девочка-инвалидка.
Папа любимую дочку когда-то назвал Венерой.

ТОЛЬКО МИГ

*Есть только миг между прошлым и будущим.
Именно он называется — жизнь.*

Леонид Дербенёв

Попробуй заскучай на нашей Alma terra.
То в спину лёгкий бриз, то грозный камнепад.
То найден жизни смысл, то, кажется, потерян.
И в темя поцелуй бывает невпопад.

Неоднородна жизнь. Намешано немало
поступков и надежд, амбиций, вздорных слов.
То — шашка наголо, то лошадь захромала,
там вдруг неурожай, здесь — неплохой улов.

Бурлит земная жизнь в ладошках у вселенной.
Неидеальна даже по меркам нас самих.
В огне её горим берёзовым поленом.
Но почему-то жаль, что это только миг.

ВО ДВОРЕ

Фонарь был стар и кособок слегка,
но всё ж горел. Цеплялся за опору.
Когда нахальный ветер мял бока,
пугливо тень металась по забору.

Но этого никто не замечал.
Привычен вид: фонарь, забор, скамейка.
Скамья — бездомному ночной причал;
с утра детей весёлая семейка;
на солнце в полдень грелись старички,
желая — каждый — выглядеть здоровым;
а к вечеру слюнявились «бычки»,
и душу рвал блатной романс дворовый.

Свет фонаря сквозь кружево ветвей
был для влюблённых в сумерках знаменьем.
Дарил им серенады соловей.
А бомж ворчал, что заняли скамейку.

Фонарь устал. И ночью грозовую
под гром и молний яростный обстрел.
Фонарь поник тарелкой-головой,
как солнце вспыхнул и перегорел.

И стало неуютно во дворе.
И только бомж ходил тузом бубновым,
с ехидцей вспоминал о фонаре.
Но тут фонарь соорудили новый.

Наверное, вы ждёте, что моралью
закончу я короткий свой рассказ?
Извольте — жизнь тогда течёт нормально,
когда доступны свет, вода и газ.

ПОКОРЁННАЯ ВЫСОТА

Рак сидел на горе. Склон скалистый, крутой.
Рак не пел, не свистел, только щёлкал клешнями.
А внизу у ручья, под чинарой густой,
покорители гор домик временно сняли.

На ворсистый ковёр приглашал дастархан,
и подушек гора навевала истому.
Заменял ледоруб и верёвку кальян.
Не шагало никак из уютного дома.

Сладко грезить в тиши, дым глотая хмельной,
дожидаясь с удобствами рачьего свиста.
По горам только ветер гулял ледяной.
Рак, увы, не дождался крутых альпинистов.

Время шло. Рак скучал на высоком посту.
Он не пел, не свистел, только щёлкал клешнями.
Но нашёлся смельчак, покори́л высоту.
Мир, поверьте, не беден круты́ми парнями.

Рак в ущелье забросил свисток. Неспроста.
Если все дожидались бы рачьего свиста,
пал неубранным хлеб, и вино бы прокисло,
и осталась не взятой никем высота.

СИРЕНЕВОЕ ВИНО

*И сирень зацвела вся разом, в одну ночь вскипела
и во дворе, и в аллеях, и в парке.*

Ю. Нагибин. «Сирень»

Вскипала мелодия пеной цветущей сирени
под сильными пальцами мощных натруженных рук.
Коварная память туда, где под солнцем горели
узорные кисти, без спроса отправила вдруг...

Тревожило лето аккордами яростных ливней.
Под громы и молнии шла за грозой гроза.
Но первым лучам улыбался промокший малинник.
И славил солнце весёлые птиц голоса.

Запенилась разом сирень на опушке и в парке
(набухшим бутонам проснуться бы надо давно).
В сиреневой чаще беспечная юная пара
пила прямо с веток хмельное сирени вино.

Июнь молодой разливал травяные коктейли.
Влюблённости аура в доме, аллеях, саду.
Любовь и рассудочность вздумали свару затеять.
Любовь победила. Как водится, всем на беду...

Не сладилось. Каждый с другой половинкой обвенчан.
И жизнь прожита. Обижаться, ей богу, грешно.

Но помнилось давнее лето. И в музыке вечной
вскипало и пенилось горькой сирени вино.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

А пена морская похожа на взбитые сливки.
Ты их обожала, особенно с огненным кофе.
Мартини любила в изящном бокале с оливкой.
Элегии слушала, музыку средневековья...

А море стотонной кувалдой дубасило берег.
Он должен был рухнуть — так мне почему-то казалось.
Горланили чайки, кичась белоснежностью перьев.
И ты, словно чайка, с обрыва в пучину бросалась...

Ты звонко смеялась, когда, прикасаясь шершаво,
волна обнимала лодыжки дворнягой игривой,
а ветер — бродяга беспутный, архаровец шальный —
кудрей золотых перетряхивал яростно гриву...

Как преданный паж, за тобою я следовал всюду.
То первое чувство... Оно было празднично ярким
от жизни полученным самым волшебным подарком...

Мне десять... И я каждый день в ожидании чуда...

182

ГАЛИНА САМУСЕНКО

СТРАННЫЙ АВГУСТ

Этот август был странным и даже, пожалуй, нелепым.
Георгины соседей отчаянно пахли весной.
Ко всему, что вокруг, оставались мы глухи и слепы.
Волновало лишь то, что случилось с тобой и со мной.

Этот август был странным. Ты помнишь? Конечно же, помнишь —
тёплый дождь по асфальту под солнцем гулял босиком.
А потом звёздный ливень высверкивал томную полночь,
и глядела в окошко луна любопытным глазком.

Этот август был странным, но, боже, каким же счастливым!
Стрекотали сороки, а слышались нам соловьи.
Забывая про время, идущее прочь торопливо,
жили мы по законам свалившейся с неба любви.

Этот август был странным, шальным и... пропахшим сиренью.
Запах грезился всюду, всё было пропитано им...

Бесшабашное время, где юности нашей горенье,
этот август нелепый мы в старом альбоме храним.

ВЕСНА. ЛЮБОВЬ

Под каблуками взбрызгивали льдинки.
Отстукивала ритм весне капель.
Лохматый кот в геройском поединке
любви осанну, надрываясь, пел.

От птичьих свар закладывало уши.
Особенно старались воробьи.
И разве можно было не подслушать?
Судачили всё больше о любви.

О ней, в весеннем воздухе разлитой,
шептала страстно талая вода.
О ней в тумане гулко и размыто
стонали за рекою поезда.

Любовь как лава, разлилась, подмяла,
всю жизнь перекроив в единый миг.
И одиночества для счастья стало мало.
Делилось счастье только на двоих.

Попавшие в поток любовной лавы
поверили в надёжное плечо...

И даже повариха тётя Клава
кого-то полюбила горячо.

СВЕТЛЫЙ ТАЛАНТ

Василина Королёва... Имя очень дорогое для «Коломенского альманаха». Скромная его обладательница своими графическими работами, предваряющими каждую рубрику ежегодника, пробуждает в нас потаённое чувство любви к родному краю, в каждой её работе чувствуется светлая душа художника.

Родившись в семье известного коломенского писателя Валерия Королёва и посвятив себя живописному делу, она достойно продолжает творческие традиции семьи и весь свой талант отдаёт делу служения Родине.

Василина Валерьевна — член Союза художников России. Её живописные полотна отмечены многими высокими наградами.

Своё призвание она нашла в монументальной живописи. В настоящее время мозаика Василины Королёвой органично вписывается в архитектурный облик коломенских храмов. Её мозаичные работы никого не оставляют равнодушными, столько тепла, вдумчивости, любви и мастерства вложено в каждый создаваемый ею образ. Отрадno, что за труды во славу церкви Василина Королёва награждена медалью Московской Епархии РПЦ «За жертвенные труды» III ст., а также Благодарственной грамотой митрополита Ювеналия.

Василина Королёва щедро делится накопленными знаниями, ведёт мастер-классы, передаёт свой драгоценный опыт молодым художникам. Внимательностью, заботой, искренним желанием научить всему, что сама умеет, она заслужила уважение молодых коллег.

Дорогая Василина! Прими наши сердечные поздравления с твоим маленьким юбилеем и наше огромное спасибо за твои большие дела и наше сотрудничество! От всей души желаем тебе доброго здоровья, счастья и радости творчества, новых удивительных работ, крепкой любви и верных друзей!

Коллектив редакции

Анастасия Солдаткина

Анастасия Владимировна Солдаткина родилась в Новочеркасске, живёт в Коломне, здесь окончила музыкальное училище, позже — филфак педагогического института. Любовь к искусству ведёт Анастасию по жизни, отражаясь в её творчестве. Она преподаёт музыку, руководит ансамблем, для которого сама пишет песни, занимается историческими танцами, реконструкциями, играет в народном театре.

Стихи Анастасии удивительно мелодичны. Сквозь изящную образность видится главное чувство её лирической героини — это трагическое осознание ценности любви и одновременно её мгновенности, а порою и иллюзорности.

Анастасия Солдаткина — дипломант фестиваля «Господин ветер» в номинации «Поэзия», участница Форума «Осиянное слово» в Переделкине, лауреат премии оптимистической поэзии «Поэтическая аптека».

ТЫ ВЫШИВАЛА НА ПЯЛЬЦАХ УЗОР

* * *

Люттик, польнь, василёк и клевер,
Шелест русалочий в камышах.
Знать бы, глядит ли сейчас на север
Тот, кого любит моя душа.

Мне приворотного зелья не нужно,
Зря ты у сердца шипишь, змея.
Знать бы мне только, что в городе вьюжном
Тот, кого любит душа моя.

Знать, что он тоже любитесь небом,
К речке идти, замедляя шаг.
Знать, что насыщен весельем и хлебом
Тот, кого любит моя душа.

* * *

Ты вышивала на пяльцах узор:
Реки и цепи серебряных гор,
Гордо парящего в небе орла.
Рыбкой ныряя, мерцала игла.

В солнечный мир обращая канву,
Не замечала ты, как наяву
В окнах сгущалась холодная мгла.
Рыбкой ныряя, мерцала игла.

Ночью и днём, не смыкая ресниц,
Ты вышивала страну без границ.
Только граница у мира была —
Переломилась о пяльцы игла.

Быстрой реке не хватило воды,
Горные склоны остались пусты.
Но не печалься — в волшебном краю
Кто-то окончит работу твою.

* * *

Мне б не брать сувенир — камень янтаря.
Это слёзы земли, люди говорят.
Подняла я его на свою беду —
Стала вишней в твоём брошенном саду.

И зачем только я камень подняла?
Из зарубок в коре капает смола,
Превращаясь опять в россыпь янтаря.
Это слёзы земли, люди говорят.

Обходи этот сад лучше стороной.
Нет дороги назад из него домой.
Ну, а если войдёшь — не бери янтарь!
А не то пропадёшь. Так учили встарь.

* * *

Пряча под наружным лоском
То, что так болит,
Леди делает причёску,
Строгую на вид.

В волосах оттенка меди —
Жгучий непокой.
Кудри стягивает леди
В узелок тугой.

Закрепляет пряди жёстко
Шпильками врагов
И несёт свою причёску
Выше облаков.

* * *

Он сказал, что золотая
Мне корона не к лицу,
Что напрасно я летаю —
Трачу ценную пыльцу.

Он сказал, что в настоящем
Только холод, грязь и мор,
Снять сказал неподходящий
Драгоценный мой убор.

Не могла предугадать я
То, что посреди двора
Выбьют мне пыльцу из платья,
Как из старого ковра,

Что сутулясь и хромая,
Спотыкаясь и бранясь,
Я пойду, куда не знаю,
Сквозь распутицу и грязь.

Но однажды через горы,
Через реки и леса
Доберусь туда, где вторит
Флейта птичьим голосам.

Сброшу пыльный плащ дорожный
В этом солнечном краю,
Стану выше и моложе,
Песни новые спою!

* * *

Ты очнулась от анабиоза
Первого апреля у плиты,
Заменяя вербою мимозы,
Что стояли месяц без воды.

Скоро «в юном месяце апреле»
Зафальшивят школьники опять...
Кажется, всю жизнь на самом деле
Ты сумела попросту проспять.

Яркая и солнечная, годы
В банке простояла без воды.
Очевидно, той же ты природы,
Что твои весенние цветы.

* * *

В темноте едва дышу.
Видятся кошмары.
Распусти меня, прошу,
Словно свитер старый.

Хлам не следует хранить
Бестолку на полке.
Потяни за эту нить,
Не промедли только.

Почему-то не боюсь,
Не жалею даже
Я того, что окажусь
Изначальной пряжей.

Ни к чему меня хранить,
Если я не грею.
Потяни за эту нить —
Распусти скорее.

* * *

Если сел телефон, будет вечным твой путь,
Как у Стивена Кинга в рассказе про джонт.
Заходи же, парнишка, сыграй что-нибудь,
Не беда, что не Элвис и не Элтон Джон!

Электричка узнает про трёх королей,
Про любовь и смирение, гордость и честь,
Награждён ты улыбкою будешь моей,
Извини, это всё, что есть!

А ещё ворох песен, историй и книг.
И блокфлейта под паспортом и кошельком,
А ещё этот день, этот час, этот миг!
Значит, дальше с тобою мы вместе пойдём
И споём про удачу, про трёх королей,
Про отвагу, смирение, гордость и честь!
И скрипач одарит нас улыбкой своей —
Это всё! Это всё, что есть!

* * *

Уже бесполезны
Идеи о долге —
Они не удержат тебя всё равно.
Ты падаешь в бездну,
И счастье — в недолгом
Полёте на самое-самое дно!

Невольно решение
Ещё не созрело,
Великие планы не ставишь ни в грош!
Восторг поражения!
Что тут поделывать?
Сегодня ты, видимо, рано уснёшь.

* * *

Это получается мгновенно!
Яд распространяется по венам
Неизбежно, быстро и легко,
Растворяя мир твой и покой.

Радость обязательно тревожна.
Черновик исчеркан безнадежно.
Это значит, через столько лет
Так и не возник иммунитет.

Не твоим решением был снова
В этом царстве кто-то коронован.
Если гибель в кубке золотом —
Поздно беспокоиться о том!

* * *

То ли счастье приближается
В серебряной ладье,
То ли месяц отражается
В русалочьей воде.
Блики лунные повсюду —
Ничего не разглядеть.
Если не случится чудо,
Непременно быть беде.

В этой заводи печально
Ночью девушки поют,
Одурманил берег дальний
Всех, кто видел ту ладью.
Не желает с ними встречи
Ни паломник, ни злодей.
Вот и ты стоишь по плечи
В зачарованной воде.

И пускай всё только снится:
И спасенье, и беда,
А побега из темницы
Не бывало никогда,
Сложишь новые куплеты
О невиданных краях.
И до самого рассвета
Будет ждать тебя ладья!

Алексей Кусков

Алексей Анатольевич Кусков родился в деревне Андреевке Коломенского района в 1967 году и живёт там поныне. После окончания школы служил на Северном флоте. Первые стихи написал для армейской стеногазеты, за что получил благодарственное письмо командования, отправленное на имя его родителей. Тогда же были первые публикации в газетах г. Североморска. Вернувшись со службы, стал работать в колхозе «Победа». В годы перестройки сменил много рабочих профессий. Сейчас трудится на Коломенском опытно-механическом заводе.

Печатался в альманахах и в коллективных сборниках поэзии. Лауреат и дипломант различных поэтических творческих площадок. Постоянный участник Коломенского поэтического марафона. Организатор и член жюри Открытого поэтического конкурса-фестиваля «Литературные Старки».

В стихах Алексея Кускова отражаются надежды, проблемы, мечты человека нашего времени, открытого миру, просто, часто с юмором размышляющего о самых тонких и сложных материях. Лирическая подборка «И уводит куда-то мелодии тонкая нить» — это поэтический дебют Алексея Кускова на страницах «Коломенского альманаха».

И УВОДИТ КУДА-ТО МЕЛОДИИ ТОНКАЯ НИТЬ

ЗАПАХИ

А море пахнет йодом
И прячется в ракушке:
Её подносишь к уху
И слушаешь прибой.
А липа пахнет мёдом,
И на лесной опушке
Гудит одной огромной
Зелёною пчелой.

А лето пахнет солнцем,
И ягодю спелой,
И речкой-невеличкой,
И скошенной травой,
И встречей у колодца
С подружкой загорелой —
С растрепанной косичкой,
Курносой и босой.

А осень пахнет дымом
Ушедших в небо листьев,
Антоновкой духмяной,
Опушкой лесной,
И клином журавлиным,
Аллея раскраской лисьей,
Серебряным туманом
Над тихой рекой...

А мы не замечаем,
Как будущность крадётся
К нам на пушистых лапах
Из наших детских снов.
И мы пока не знаем,
Чем «завтра» обернётся.
Но всё слышнее запах
Зимы и холодов...

МУЗЫКАНТ

В переходе метро на гитаре играл музыкант,
И на флисе затёртого кофра тускнели монеты.
Тихо буркнул прохожий:
— Продался за мелочь, талант...
И ушёл, торопясь. Даже с шага не сбился при этом.

Но в спешащей толпе, островком неподвижным застыв,
Неформалка-девчонка, в готическом чёрном наряде,
Не ушами, а, кажется, — сердцем, ловила мотив.
И чудесные звуки огонь разжигали во взгляде.

И уводит куда-то мелодии тонкая нить,
Лабиринты метро наполняя таинственным светом.
Так рождается чудо. И мне никогда не сравнить
Блеск восторженных глаз с тусклым блеском затёртой монеты.

Ну а я... Я пройду, хоть остаться и был бы я рад.
Улыбнусь про себя. И пускай я не верю в приметы,
Для того, чтоб ещё раз услышать тебя, музыкант,
Я в том кофре, как в море, оставлю на счастье монету.

* * *

Воскури мне, Господи, ладана.
Ну а сигареточку, ладно, я?
Рассуди мне, Господи, прошлое,
Да прости: что прожито — пошлое.
Не суди житьё моё бедное,
Я шагал по жизни, не ведая
Ни пути, ни мира грядущего,
Ни звезды, в чертоги ведущую.
А в чертогах тех пахнет ладаном...
Да куда б ни шёл, всё не ладно там...

ОСЕННЕЕ

Город в осени тает. И нету азарта.
Или вдруг умирает сосед от инфаркта.
Или клёны последние листья теряют.
Или это я сам улетаю и таю...
Апатичная вдруг началась пневмония.
Атипичную слякоть разводит стихия.
Ну, понятно — не Пушкин. И сырость осенняя
Не торопится мне принести вдохновение.
На хрустающий лёд, после первого холода,
Ляжет осени мёд под листвяное золото.
И сорвавшихся листьев монетами медными
Гонорары за письма повыплатят ветры нам.
И дожди нам повыплачут слёзы холодные,
Птичьи стаи повыкричат в небо свободное.
И накроет дома одеяние белое.
И настанет зима...
Распогодится...
Верую...

РЕАНИМАТОР

Губами в губы, молча... вдох и выдох...
Дыши! Давай же, чёрт возьми, дыши!
Бросает в жар. И кровь вскипает в жилах.
О, Господи! Огня не потуши!
Не проведи по венам бритвой острой.
Не дай потухнуть свечкой на ветру.
Ах, если бы вы знали, как непросто,
Спасти, реанимировать мечту.

ЗАПАЛЮ СВЕЧУ

Запаляю свечу перед иконою.
В старой покосившейся избе
Огонёк над скатертью зелёною
Тихо поплывёт в вечерней мгле.

Запаляю свечу, и тени зыбкие
Дрогнут, оживая на стене.
Зыбкие, немые, многоликие,
Еле различимые во тьме.

Между небом и душою шалою
Протянулась тоненькая нить.
Разглядишь ли, Боже, свечку малую?
Или лучше сердце запалить...

СНЕЖНОЕ

Сегодня ночью снег валил деревья,
Рвал провода, дороги засыпал.
Дорожники, по древнему поверью,
В который раз устроили аврал.
Две колеи сквозь свежие сугробы,
Неспешный бег заснеженных машин.
И серебро, высокой самой пробы,
У ангелов срывается с души.

ТЫ СПИ

Ты спи. Будильник тебя разбудит.
И будет утро, и кофе будет.
В окно заглянет весёлый лучик.
И день настанет, день самый лучший.
И будет жизни вокруг кипенье,
И руки друга, и птичье пенье.
И будет радость случайной встречи.
И чашка чая. И будет вечер,
Который станет подарком милым.
А ты... Ты спи, набирайся силы.

* * *

Завести гиппогрифа мечтала ты в прошлом марте.
Завела? Настоящий иль понарошку?
Говорят, продавались в «Дикси», по клубной карте.
Говорят, что их в ГУМ завозят, но понемножку.
Мне-то проще — шесть штук котов. Плюс собаки, куры.
Даже рыбки в аквариум пущены, для релакса.
А из кошек — одна глухая, к тому же — дура.
А собаки — дворняги просто (мечтал о таксе).
А когда-то мечтал купить, представляешь, лошадь.
Или пони хотя бы. Иль ослика с грустным взглядом.
Только, знаешь, мне хватит, пожалуй, кошек.
Р. С. Есть котята. Обращайся, коль будет надо.

* * *

Лебеди над озером кружили,
Видно, собирались улетать.
Мужики сидели, водку пили.
Мужикам на лебедей плевать.
Мужикам с утра опять на смену,
Мужикам зарплату не дают.

Им напиться надо непременно,
Чтобы хоть в душе создать уют.
Мужики в который раз решают,
Что вот бросят пить или курить...

Только их проблемы не мешают
Лебедям над озером кружить.

ДОМОВОЙ

Тут на днях приходил Домовой.
Вышел прямо из спинки дивана.
Говорит: «Посижу здесь с тобой.
Скучно быть одному постоянно.
Что-то нынче не те времена.
Нас, глядишь, скоро вовсе не будет.
В блюде на ночь уже молока
Нам никто не поставит. Эх, люди...
Ну куда вы, скажите, без нас?
Вы ж без сказки зазнётесь, ей богу!
Вы же снов ваших детских запас
Не берёте с собою в дорогу.
Вам реальную жизнь подавай!
Всё деньгою пытаетесь мерить.
Только где он, ваш призрачный рай?
Вы уже потеряли те двери,
За которыми сказка живёт,
За которыми солнышко светит...
Знаешь, если их кто и найдёт,
То не взрослые, нет! Только дети!
Ну а ты! Ни детей, ни семьи,
Ни кола, ни двора, ни мочала...
Хоть кого-то уже заведи.
Ну хотя бы кота, для начала!

У меня, впрочем, тоже беда —
К водяному кикимора смылась.
Мол, не та в доме стала среда!
Мол, мечта медным тазом накрылась...
А давай, как мужик с мужиком,
Нашу горькую долю обсудим!
Я к тебе всё же не с молоком».
И разлил по стаканам:
— Ну! Будем!..

Кто-то может с ухмылкой сказать:
— Это водка для чуда причина.
Но решали, как сказку спасать,
Домовой и нетрезвый мужчина...

РЕЧЬ О РЕЧКАХ

Вольный ветер над Невой дует.
И над Волгою-рекой тоже.
И над... Кстати, что течёт в Туле?
Разве город без реки может?

На Оби теперь уже стужа,
И на Лене по ночам холод.
Что ж там в Туле?.. Поглядеть нужно...
Ну не может без реки город.

А вот на Ниле, там жара, точно.
Крокодилы там икру мечут...
Что ж там в Туле?! Мне б узнать срочно!
Ведь должна же в Туле течь речка.

А вот есть ещё Ефрат с Тигром.
Тигр — река! Так и сдуреть можно.
Но там у них идут свои игры...
Что ж так с Тулой у меня сложно!

У китайцев две реки главных.
У индусов тоже — Инд с Гангом.
В общем — в мире много рек славных.
В Туле...
Завтра погляжу, ладно?

АККОРД

Я аккорд прихвачу и по струнам вот так — брым...
А потом зафигачу баррэ и вот так — брям...
Я на небо смотрю, вижу там облаков дым.
И бескрайняя синь высоко-высоко там.

А по сини иглой самолетик пустил след,
Словно что-то собрался из тех облаков шить.
Я с гитарой сижую. Только слуха, увы, нет.
А без музыки как на бескрайней земле жить?

Потому и сижую. И по струнам опять — брын...
И струна дребезжит и не строит совсем. Жаль...
И опять надо мной бесконечных небес синь.
И летят облака в неизвестную мне даль...

Наталья Куракина

Наталья Николаевна Куракина родилась в Нижнем Новгороде, живёт в Коломне. Выпускница коломенского филфака, она прочно связала свою жизнь с литературой. После окончания аспирантуры преподавала зарубежную литературу в коломенском пединституте. Её профессиональные интересы не могли не отразиться в стихах: аллюзии и реминисценции из античности и средневековья естественны в размышлениях о духовной жизни современной женщины, отражённых в стихах Натальи. Тревожные раздумья о времени и бренности любви, человеческого счастья и жизни вообще, страстное желание постижения сущности существования в этом мире — всё это характерно для лирической героини Натальи Куракиной. Помимо традиционной поэзии, увлекается японским искусством, является дипломантом Международного конкурса хайку. Печаталась в альманахах «Ветер в ивах» (Коломна), «Муза» (Москва).

ЖИЗНЬ СОСТОИТ ИЗ МЕЛОЧЕЙ

* * *

Когда, читая линии ладони,
на карте жизни высмотреть успею
дорогу от Джульетты до Дидоны,
пространство от Кассандры до Психеи,

когда из чьих-то снов в мои заходят
непрошенные гости: люди, звери, —
до дрожи ощущаю тайну, вроде
сквозняк из приоткрытой где-то двери.

Хотя я знаю: зеркала не лживы,
но каждый раз встречаю взглядом в раме
пробабкины, цыганские, чужие.
Так странно видеть мир её глазами.

Что, кроме них, досталось мне в наследство?
Когда и где я это промотала,
всегда решаю не умом, а сердцем,
что выбрать между «паном» и «пропала»?

Она ли мне судьбу наворожила?
Её ли кровь во мне бунтует летом,
вином от звука струн вскипая в жилах?..
Так много есть вопросов. Нет ответа.

* * *

А времени, крадущегося и крадущего,
не то что больше не осталось, просто
оно перетекает из грядущего
шуршащей змейкой в прошлое. К погосту
ведет любая — не дорога — истина,
все сложное навечно упрощая.
Где скрадывая, где-то перелистывая.
Не различить прощенья и прощанья.

* * *

Радость жизни пропела во мне поутру
незатейливой песенки тихую трель.
Что с того, что мы только тростник на ветру,
что луна на ущербе, ноябрь — не апрель?
Что с того, что нет праздника в календаре,
где-то рядом зима, долгий мрак, Божий суд?
Кровь, ликуя, осанну поёт на заре,
как вино, что налито в непрочный сосуд.

* * *

Что-то в жизни зависло,
как старьё комп, как
лифта коробка меж этажами.
И ты лупишь и лупишь по кнопкам,
что-то клянчишь у сонного Бога в пижаме.
Из всей какофонии просьб и молитв
Твоя, безусловно, нелепа:
не здоровья, любви, на часок в калифы
и даже не зрелищ и хлеба —
драйва, Господи, драйва прошу!
Попутного ветра в мои паруса!
Но в лучшем случае выдадут парашют,
а в худшем — набор «Сделай сам».

* * *

Жизнь состоит из мелочей:
Забавных, скучных или грустных.
Не всем понятное искусство —
Их поиск: этот фант — он чей?
Ничей. Нечаянная радость.
Есть в этом смысл или нет,
Но вот детали силуэт,
Подробностей удачный ракурс —
И мир уже преображён,
Расцвечен новыми штрихами,
Цветными детскими мелками,
Калейдоскопным витражом.
И мне не одолеть соблазна
Сквозь повседневную рутину
Разглядывать *свою* картину,
Сложив рассыпавшийся пазл.

* * *

Уже карета превратилась в тыкву,
а я бегу и все не успеваю:
по лестницам, мостам, за мотоциклом,
за поездом, за счастьем, за трамваем...
Всё! Мой паркур закончен, хватит, баста!
Примкну к адептам древнего ученья,
К сэнсэям мудрой, беззаботной касты —
К счастливым, плывущим по теченью.

НЕУСПОКОЕННОСТЬ ДУШИ

Каждый из коломенцев хотя бы раз в жизни слышал имя Анатолия Ивановича Кузовкина. Заслуженный работник культуры РСФСР, Почётный гражданин города Коломны, член Союза писателей и Союза журналистов России... Перечислять награды Анатолия Ивановича можно долго, также, как и названия десятков его работ по истории Коломны, но правильнее сказать: нам посчастливилось жить в одно время с подлинным патриархом краеведения.

От меткого глаза Анатолия Ивановича, кажется, не скрылся ни один мало-мальски заметный факт истории Коломны, он запечатлел его в своём слове, картинах, фотографиях. Постоянный автор «Коломенского

альманаха», Анатолий Иванович раскрыл перед читателем безграничный океан познания родного края. Он без устали рассказывает о замечательных жителях Коломенского округа, его очерки о боевых и трудовых подвигах земляков глубоко трогают душу, находят отклик в каждом сердце.

Отличительной чертой А.И. Кузовкина является его безграничное уважение к родителям, а также к людям, давшим ему путёвку в жизнь, учителям и наставникам: М.И. Уваровой, А.Л. Колосовой (Богоявленской), Н.Н. Гальпериной, Н.И. Бодрягину, С.И. Травкину, Г.П. Ефремцеву, Н.А. Рощиной и многим другим. Черты их характеров, поступки продолжают жить в самом Анатолии Ивановиче, и он щедро делится своим богатством с окружающими, заражает всех оптимизмом и желанием работать буквально не покладая рук. Подобная неуспокоенность души, сопереживание радостям и горестям родного города всегда отличали Анатолия Ивановича, и мы надеемся, что, несмотря на солидный юбилей, молодой блеск никогда не померкнет в его глазах!

С почётным юбилеем Вас, дорогой Анатолий Иванович, с 85-летием, наш помощник, советчик и настоящий друг! Примите наши поздравления и признательность за Ваш неутомимый труд, верность долгу, за Вашу добро-сердечность и отзывчивость! От всего сердца желаем Вам крепкого здоровья, творческого долголетия и радости дружеских встреч!

Коллектив редакции

Беседы
о литературе

Графика Василины Королёвой

Андрей Румянцев

Андрей Григорьевич Румянцев — российский писатель и поэт, переводчик, литературовед — родился в 1938 г. на Байкале, в с. Шерашове Кабанского района Республики Бурятия. Окончил филологический факультет Иркутского университета. Работал журналистом сибирских газет, радио и телевидения, руководил издательством и творческим объединением писателей в Иркутске. В качестве профессора несколько лет преподавал в Литературном институте им. А. М. Горького. Живёт в Москве.

Опубликовал более 20 книг стихов и прозы, в том числе пятитомное собрание сочинений. Народный поэт Бурятии. Лауреат нескольких литературных премий. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Литературоведческий очерк

«ПОЛОЖИЛ ОСНОВАНИЕ РУССКОЙ ПРОЗЕ...»

Слова, вынесенные нами в заголовок, взяты из предисловия Максима Горького к сочинениям А. С. Пушкина, изданным на английском языке. Автор статьи с полным основанием мог утверждать то, что к началу двадцатого века признавали как очевидное все великие русские прозаики. Горький так пояснял зарубежным читателям свою мысль: «Как прозаик он (Пушкин. — А.Р.) написал исторический роман «Капитанская дочка», где с проницательностью историка дал живой образ казака Емельяна Пугачёва, организатора одного из грандиозных восстаний русских крестьян. Его рассказы «Пиковая дама», «Дубровский», «Станционный смотритель»¹ и другие положили основание новой русской прозе, смело ввели в литературу новизну тем и, освободив русский язык от влияний французского, немецкого, освободили и литературу от слащавого сентиментализма, которым болели предшественники Пушкина. Вместе с этим он явился основоположником того слияния романтизма с реализмом, которое и до сего дня характерно для русской литературы и придаёт ей свой тон, своё лицо».

Напомним коротко, как оценивали наследие Пушкина-прозаика корифеи отечественной литературы.

¹ «Дубровского» принято называть романом, два других произведения — повестями.

В. Белинский посвятил творчеству нашего гения капитальный критический труд, состоящий из одиннадцати статей. К сожалению, прозе Александра Сергеевича посвящены только две книжные странички в последней из них. При этом, упоминая основные произведения Пушкина в названном жанре, автор делает лишь частные замечания, не очерчивая значения каждого из них (и, конечно, в целом прозы поэта) в становлении русской литературы. К тому же иные замечания критика весьма странны.

О «Повестях Белкина», к примеру, читаем: «Действительно, хотя и нельзя сказать, чтоб в них уже вовсе не было ничего хорошего, всё-таки эти повести были недостойны ни таланта, ни имени Пушкина. Это что-то вроде повестей Карамзина, с тою только разницею, что повести Карамзина имели для своего времени великое значение, а повести Белкина были ниже своего времени».

О других произведениях.

«“Пиковая дама” — собственно не повесть, а мастерский рассказ... для повести содержание «Пиковой дамы» слишком исключительно и случайно. Но рассказ, повторяем, — верх мастерства».

«“Капитанская дочка” — нечто вроде “Онегина” в прозе. Поэт изображает в ней нравы русского общества в царствование Екатерины. Многие картины по верности, истине содержания и мастерству изложения — чудо совершенства... Ничтожный, бесцветный характер героя повести и его возлюбленной Марьи Ивановны и мелодраматический характер Швабрина хотя принадлежат к резким недостаткам повести, однако ж не мешают ей быть одним из замечательных произведений русской литературы».

Об «Арапе Петра Великого»: «Будь этот роман кончен так же хорошо, как начат, мы имели бы превосходный исторический русский роман, изображающий нравы величайшей эпохи русской истории. Поэт среди действующих лиц своего романа выводит в нём на сцену и великого преобразователя России, во всей народной простоте его приёмов и обычаев. Не понимаем, почему Пушкин не продолжал этого романа. Он имел время кончить его, потому что IV глава написана им была ещё прежде 1829 года. Эти семь глав неоконченного романа, из которых одна (то есть, упомянутая четвёртая. — *А.Р.*) упредила все исторические романы гг. Загоскина и Лажечникова, неизмеримо выше и лучше всякого исторического русского романа, порознь взятого, и всех их, вместе взятых. Перед ними, перед этими семью главами неоконченного «Арапа Петра Великого», бедны и жалки повести г. Кукольника, содержание которых взято из эпохи Петра Великого и которые всё-таки не лишены достоинства... Но это вовсе не похвала “Арапу Петра Великого”: великому небольшая честь быть выше пигмеев — а больше его у нас не с кем сравнивать».

«Об «Истории Пугачёвского бунта» мы не будем распространяться. Скажем только, что этот исторический опыт — образцовое произведение и со стороны исторической, и со стороны слога. В последнем отношении Пушкин вполне достиг того, к чему Карамзин только стремился. «История Пугачёвского бунта» показывает, что, если б он успел написать историю Петра Великого — мы имели бы великое историческое создание...».

Как видим, отзывы Белинского фрагментарны; критик не высказывает обобщающего суждения о том, что есть в молодой, складывающейся русской литературе прозаические шедевры Пушкина.

Правда, мнение Белинского о творчестве поэта в целом, его художественных и нравственных особенностях, ставших после Пушкина основополагающими для отечественной словесности, мнение, подробно изложенное в других статьях критического цикла, можно отнести и к прозе Александра Сергеевича. А это открывает её глубинную сущность.

Прежде всего, речь идёт о народности литературы как её главной черте. Белинский счёл, что об этом прекрасно сказал до него Гоголь, поэтому привёл его размышление по этому поводу:

«При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более называться национальным; это право решительно принадлежит ему... В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла.

Он при самом начале своём уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но смотрит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами».

И другая особенность, утверждённая в нашей литературе Пушкиным, касается её нравственного предназначения. Белинский считал, что чувство, с каким написано любое произведение поэта, всегда «человечно, гуманно». «Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нежное, благоуханное и грациозное во всяком чувстве Пушкина. В этом отношении, читая его творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека, и такое чтение особенно полезно для молодых людей обоёго пола. Ни один из русских поэтов не может быть столько, как Пушкин, воспитателем юношества, образователем юного чувства. Поэзия его чужда всего фантастического, мечтательного, ложного, призрачно-идеального; она вся проникнута насквозь действительностью; она не кладёт на лицо жизни белил и румян, но показывает её в её естественной красоте; в поэзии Пушкина есть небо, но им всегда проникнута земля».

* * *

Ту и другую черту, унаследованную родной литературой от Пушкина, отметили И. Тургенев и Ф. Достоевский. Выступая на открытии памятника поэту в Москве, Тургенев сказал:

«Самая сущность, все свойства его поэзии (добавим: и прозы, и драматургии. — *А.Р.*) совпадают со свойствами, сущностью нашего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силе и ясности его языка, эта прямодушная правда, отсутствие лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущений — все эти хорошие черты хороших русских людей поражают в творениях Пушкина не одних нас, его соотечественников, но и тех из иноземцев, которым он стал доступен... “Ваша поэзия, — сказал нам однажды Мериме, известный французский писатель и поклонник Пушкина, — ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собою; наши поэты, напротив, идут совсем противоположной дорогой:

они хлопочут прежде всего об эффекте, остроумии, блеске, и если ко всему этому им предстанет возможность не оскорблять правдоподобия, так они и это, пожалуй, возьмут в придачу...»

И далее, обосновывая мысль о народности пушкинских произведений, широко отражении в них русской истории, русских характеров, русской души, Тургенев заметил, что поэт оставил в своих созданиях живые типы, которые были умножены его последователями в прозе и драматургии: «Вспомните хоть сцену корчмы из “Бориса Годунова”, “Летопись села Горохина” (у Пушкина: “История села Горюхина”. — *А.Р.*) и т. д. А такие образы, как Пимен, как главные фигуры “Капитанской дочки”, не служат ли они доказательством, что и прошедшее жило в нём такую же жизнью, как и настоящее, как и предосознанное им будущее?»

Страстную речь о значении творчества поэта для отечественной словесности и шире — для русской жизни — произнёс на торжествах в Москве Ф. Достоевский. Его слова стоит воспроизвести подробнее: так точен и глубок Фёдор Михайлович в оценке пушкинского наследия!

«В “Онегине”, в этой бессмертной и недосыгаемой поэме своей, Пушкин явился великим народным писателем, как до него никогда и никто. Он разом, самым метким, самым прозорливым образом отметил самую глубь нашей сути, нашего верхнего, над народом стоящего, общества. Отметив тип русского скитальца, скитальца до наших дней и в наши дни, первый угадав его гениальным чутьём своим, с историческою судьбой его и с огромным значением его и в нашей грядущей судьбе, рядом с ним поставив тип положительной и бесспорной красоты в лице русской женщины, Пушкин, и, конечно, тоже первый из писателей русских, провёл пред нами в других произведениях этого периода своей деятельности целый ряд положительно прекрасных русских типов, найдя их в народе русском. Главная красота этих типов в их правде, правде бесспорной и осязательной, так что отрицать их уже нельзя, они стоят, как изваянные... О типе русского инока-летописца, например, можно было бы написать целую книгу, чтоб указать всю важность и всё значение для нас этого величавого русского образа, отысканного Пушкиным в русской земле, им выведенного, им изваянного и поставленного пред нами теперь уже навеки в бесспорной, смиренной и величавой духовной красоте, как свидетельство того мощного духа народной жизни, который может выделять из себя образы такой неоспоримой правды. Тип этот дан, есть, его нельзя оспорить, сказать, что он выдумка, что он только фантазия и идеализация поэта. Вы созерцаете сами и соглашаетесь: да, это есть, стало быть, и дух народа, его создавший, есть, стало быть, и жизненная сила этого духа есть, и она велика и необъятна. Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда за русского человека...

И никогда ещё ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так душевно и родственно с народом своим, как Пушкин. О, у нас есть много знатоков народа нашего между писателями, и так талантливо, так метко и так любовно писавших о народе, а между тем, если сравнить их с Пушкиным, то, право же, до сих пор, за одним, много что за двумя исключениями из самых позднейших последователей его, это лишь «господа», о народе пишущие. У самых талантливых из них, даже вот у этих

двух исключений, о которых я сейчас упомянул, нет-нет, а и промелькнёт вдруг нечто высокомерное, нечто из другого быта и мира, нечто желающее поднять народ до себя и осчастливить его этим поднятием. В Пушкине же есть именно что-то сроднившееся с народом *взаправду*, доходящее в нём почти до какого-то простодушнейшего умиления. Возьмите сказание о медведе и о том, как убил мужик его боярыню-медведицу, или припомните стихи: “Свят Иван, как пить мы станем...” — и вы поймёте, что я хочу сказать.

Все эти сокровища искусства и художественного прозрения оставлены нашим великим поэтом как бы в виде указания для будущих, грядущих за ним художников, для будущих работников на этой же ниве. Положительно можно сказать: не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов. По крайней мере не проявились бы они в такой силе и с такую ясностью, несмотря даже на великие их дарования, в какой удалось им выразиться впоследствии, уже в наши дни. Но не в поэзии лишь одной дело, не в художественном лишь творчестве; не было бы Пушкина, не определились бы, может быть, с такой непоколебимой силой (в какой это явилось потом, хотя всё ещё не у всех, а у очень лишь немногих) наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы, а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение в семье европейских народов».

С пушкинскими томиками в руках легко понять и принять сердцем слова Достоевского о всемирной отзывчивости русского человека. Великий поэт выразил её с особенной силой. И вот как Фёдор Михайлович объяснил это чувство:

«Нет, положительно скажу, не было поэта с такую всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине её, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде, ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось. Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своём развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление её в конечных целях своих ко всемирности и всечеловечности? Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк.

...Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное.

Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... *стать братом всех людей, всечеловеком*, если хотите... Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю “в рабском виде исходил, благословляя, Христос”. Почему же нам не вместить последнего слова его? <...> Повторяю: по крайней

мере мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность его гения. Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные. В искусстве по крайней мере, в художественном творчестве он проявил эту всемирность стремления русского духа неоспоримо, а в этом уже великое указание. Если наша мысль есть фантазия, то с Пушкиным есть, по крайней мере, на чём этой фантазии основаться. Если бы жил он дольше, может быть, явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям, привлёк бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть, успел бы им разъяснить всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь, стали бы нас предугадывать, перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, как теперь ещё смотрят. Жил бы Пушкин доле, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унёс с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

После таких голосов грех, читая пушкинские романы и повести, не различить и не запомнить их «родовые» черты.

* * *

Стоит напомнить, что свои прозаические произведения поэт написал в последнее десятилетие своей жизни. К тому времени он уже был автором гениальных сочинений в других жанрах: шедевров в лирической поэзии, романа «Евгений Онегин», по справедливости названного в критике «энциклопедией русской жизни», образцов отечественной драматургии — трагедии «Борис Годунов» и цикла «Маленькие трагедии». В этих сочинениях ярко проявились особенности новой русской литературы, заложенные Пушкиным. Какое развитие получили они в прозе Александра Сергеевича — о том разговор ниже. А пока — о последовательности, в которой создавались прозаические произведения.

На первой странице неоконченного романа «Арап Петра Великого» рукой автора поставлена дата: 31 июля 1827 года. В этот день опальный поэт начал в Михайловском своё произведение. В качестве исторического источника для повествования Пушкин использовал хранившуюся потомками Абрама Петровича Ганнибала его биографию, написанную на немецком языке. Правда, Александр Сергеевич не со скрупулёзной точностью использовал изложенные там факты, а, как и бывает в художественном произведении, нередко отступал от них. Четвёртую главу из этого сочинения, как уже упоминалось выше, Пушкин напечатал в 1829 году. Полностью же рукопись была опубликована в журнале «Современник» только в 1837 году.

Плодотворной для Пушкина-прозаика оказалась болдинская осень 1830 года. Менее чем за полтора месяца Александр Сергеевич написал пять повестей и уже в конце октября следующего года опубликовал их под именем «покойного Ивана Петровича Белкина». Даты окончания каждой повести настолько близки друг к другу, что невольно назовёшь эти произведения результатом творческого вдохновения гения. Повесть «Гробовщик» закончена 9 сентября, «Станционный смотритель» — 14-го, «Барышня-крестьянка» — 20-го, «Выстрел» — 14 октября, «Метель» — 20-го.

Той же осенью Пушкин принялся за «Историю села Горюхина», но она не была закончена и при жизни поэта не печаталась.

Не завершил поэт и сочинения, повторившего название романа М. Загоскина «Рославлев». Героиней своего произведения Пушкин взял подругу Полины, выведенной Загоскиным в качестве главного персонажа. Весь ход событий, как они намечены на начальных страницах повествования, не имеет отношения к чужому роману. Видно, что тема Отечественной войны 1812 года, жгуче интересовавшая тогда литераторов, притягивала и Александра Сергеевича.

В конце 1832-го — начале 1833-го поэт работал над романом «Дубровский». Он тоже остался неоконченным. Но каждый из нас, читателей, думается, воспринимает это произведение как законченное: так мастерски, на драматической ноте, завершён рассказ автора, так живо, подробно нарисован каждый из его героев!

На сюжет романа Пушкина натолкнула история, поведанная ему другом, Павлом Воиновичем Нащокиным. Приведём строки из комментариев к сочинению поэта:

«Он (Нащокин. — *А.Р.*) рассказывал Пушкину про одного белорусского небогатого дворянина, по фамилии Островский (как и назывался сперва роман), который имел процесс с соседом за землю, был вытеснен из имения и, оставшись с одними крестьянами, стал грабить, сначала подьячих, потом и других. Нащокин видел этого Островского в остроге». Кроме того, материалом для романа явилось дело между подполковником Крюковым и поручиком Муратовым, рассматривавшееся в Козловском уездном суде в октябре 1832 года. Копию с решения суда Пушкин без переделок, заменив только имена, включил во вторую главу романа, вложив её в рукопись, даже не переписывая. Таким образом, постановление суда по делу Троекурова и Дубровского является подлинным судебным документом».

В ещё один из своих приездов в Болдино, осенью 1833 года, Пушкин написал повесть «Пиковая дама». Вообще, русская осень часто оказывалась временем творческого подъёма для поэта, об этом говорилось не раз. Во всяком случае, даты создания нескольких его прозаических шедевров падают на это время года. Следующие две короткие повести: «Кирджали» и «Египетские ночи» — написаны именно осенью: первая в 1834 году, вторая в 1835-м.

Наконец, в 1833–1836 годах был создан роман «Капитанская дочка». Первоначальный план произведения Пушкин набросал в конце января 1833 года. Через месяц он начал работу в архиве, знакомясь с материалами о «Пугачёвском бунте». И это внесло существенные изменения в сюжет будущего произведения. Заметим, что фамилию его главного героя, Гринёва, поэт взял подлинную, из исторических документов.

* * *

В рецензии на роман М. Загоскина «Юрий Милославский, или русские в 1812 году» Пушкин восторгался такими особенностями автора: «Как живы, как занимательны сцены старинной русской жизни! <...> Романическое происшествие без насилия входит в раму обширнейшую

происшествия исторического. Автор не спешит своим рассказом, останавливается на подробностях, заглядывает и в сторону, но никогда не утомляет внимания читателя...»

Пожалуй, задачу достоверно передать воздух эпохи, особенности времени, в которое происходит действие повести или романа, Пушкин всегда выполнял безукоризненно. В этом смысле роман «Арап Петра Великого», в котором история жизни Ибрагима Ганнибала, прадеда поэта по материнской линии, изображается на фоне смелых преобразований, неутомимо проводимых в России её императором, этим, по слову Пушкина, «вечным работником на троне», может служить образцом. Тут на каждой странице ощущаешь неразрывность частной жизни молодого Ибрагима и великих начинаний царя. Перед нами постоянно меняющиеся, яркие, западающие в память лица и характерами картины русской столицы, приютившей и по заслугам возвысившей сына Африки. Выпишем небольшой отрывок: «Ибрагим проводил дни однообразные, но деятельные — следственно, не знал скуки. Он день ото дня более привязывался к государю, лучше постигал его высокую душу. Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная. Ибрагим видал Петра в Сенате, оспориваемого Бутурлиным и Долгоруким, разбирающего важные запросы законодательства, в Адмиралтейской коллегии, утверждающего морское величие России, видел его с Феофаном, Гавриилом Бужинским и Копи-евичем, в часы отдохновения рассматривающего переводы иностранных публицистов или посещающего фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинет ученого. Россия представлялась Ибрагиму огромной мастеровой, где движутся одни машины, где каждый работник, подчинённый заведённому порядку, занят своим делом. Он почитал и себя обязанным трудиться у собственного станка и старался как можно менее сожалеть об увеселениях парижской жизни».

А вот повесть «Кирджали». Она посвящена одному из участников восстания болгар и других, соседних с ними народов под руководством Александра Ипсиланти против турецкого владычества. Достаточно прочитать хотя бы несколько строк о стычках противоборствующих сторон у границ России, чтобы представить стихийность возмущения восставших, неподготовленность их к борьбе с оружием в руках, бесполезность отчаянного мужества таких непокорных и смелых людей, как Кирджали: «Сражение под Скулянами, кажется, никем не описано во всей его трогательной истине. Вообразите себе 700 человек арнаутов, албанцев, греков, болгар и всякого сброду, не имеющих понятия о военном искусстве и отступающих ввиду пятнадцати тысяч турецкой конницы. Этот отряд прижался к берегу Прута и выставил перед собою две маленькие пушечки, найденные в Яссах на дворе господаря и из которых, бывало, палили во время именнинных обедов. Турки рады были бы действовать картечью, но не смели без позволения русского начальства: картечь непременно перелетела бы на наш берег».

О подлинной истории, которая легла в основу романа «Дубровский», уже говорилось. Но действительный случай, достоверный документ могут стать только толчком для творческой фантазии писателя. А сделать повествование подробным, достоверным, увлекательным, его героев — жизненно узнаваемыми, а их быт, привычки, образ мыслей, особенности

воспитания — связанными с известным временем — это художественная задача автора. Когда читаешь Пушкина, наша отечественная история предстает в живых образах; всё обретает зримые черты: быт, словесные традиции, нравственные и духовные черты «героев своего времени». В романе «Дубровский» чудесная кисть художника являет своё искусство с первых строк: «Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки подобострастия как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения. Никто не дерзал отказываться от его приглашения или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское. В домашнем быту Кирила Петрович выказывал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. Несмотря на необыкновенную силу физических способностей, он раза два в неделю страдал от обжорства и каждый вечер бывал навеселе».

Когда читаешь «Капитанскую дочку», постоянно чувствуешь, что автор прекрасно знает ход Пугачёвского восстания, его не только значительные события, но и частные, бытовые подробности. Убеждаешься: взяв сюжет для романа из самого мятежного времени российской истории, автор стремился к исторической точности повествования, к обоснованности поступков героев, оказавшихся в смертельной круговерти событий, к психологической правде поведения каждого персонажа. Благо, что работа Пушкина над этим художественным произведением совпала с подготовкой им «Истории Пугачёвского бунта» (у автора — «История Пугачёва»), труда чисто исторического.

После знакомства с архивными материалами поэт обратился к сановнику А. Мордвинову, ближайшему помощнику всесильного А. Бенкендорфа, с просьбой испросить у царя разрешение посетить ему, Пушкину, пугачёвские места с тем, чтобы после обработать собранные там материалы в Болдине.

«Мне необходимо, — писал Александр Сергеевич, — месяца два провести в совершенном уединении, дабы отдохнуть от важнейших занятий и кончить книгу, давно мною начатую и которая доставит мне деньги, в коих имею нужду... Может быть, государю угодно знать, какую именно книгу хочу я дописать в деревне: это роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани, и вот почему хотелось бы мне посетить обе сии губернии».

Разрешение было получено, и Пушкин в течение сентября 1833 года побывал в Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Оренбурге, Уральске, в окрестностях этих городов. Он записывает рассказы старожилов о мятеже, знакомится с материалами местных архивов.

Из Казани он пишет Наталье Николаевне в Петербург 8 сентября: «Я в Казани с пятого и до сих пор не имел времени тебе написать слова... Здесь возился со стариками, современниками моего героя; объезжал

окрестности города, осматривая места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону».

А приехав в Болдино, поэт сообщает жене: «В деревне Берде, где Пугачёв простоял 6 месяцев... нашёл 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от неё не отставал, виноват: и про тебя не подумал. Теперь надеюсь многое привести в порядок, многое написать и потом к тебе с добычею».

В «Замечаниях о бунте», составленных Пушкиным, находим любопытные записи о его беседах со старыми людьми, о найденных в пугачёвском краю материалах.

«Уральские казаки... доньне привязаны к памяти Пугачёва. “Грех сказать, — говорила мне 80-летняя казачка, — на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал”. “Расскажи мне, — говорил я Д. Пьянову, — как Пугачёв был у тебя посажёным отцом”. — “Он для тебя Пугачёв, — отвечал мне сердито старик, — а для меня он был великий государь Пётр Фёдорович”».

Материалы, связанные с мятежом, Пушкин оценивает так: «Первое возмутительное воззвание Пугачёва к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более подействовало, что объявления или публикации Рейнсдорпа были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками, с глаголами в конце периодов».

«Весь чёрный народ был за Пугачёва. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачёв и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны. (Класс приказных и чиновников был ещё малочислен и решительно принадлежал простому народу. То же можно сказать и о выслужившихся из солдат офицерах. Множество из сих последних было в шайках Пугачёва.)».

«Разбирая меры, предпринятые Пугачёвым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали самые надёжные и действительные к достижению своей цели. Правительство со своей стороны действовало слабо, медленно, ошибочно.

Нет худа без добра: Пугачёвский бунт доказал правительству необходимость многих перемен, и в 1775 году последовало новое учреждение губерниям...»

Эти примеры наглядно показывают, с какой художественной изобретательностью подходил поэт к созданию каждого прозаического произведения. В случае с романом «Капитанская дочка» это особенно наглядно. «Романическое происшествие» здесь и в самом деле естественно входит «в раму происшествия исторического», как это, по мнению Пушкина, требовалось от беллетриста. Первое упоминание о замыслах мятежников читатели найдут в воровском, как определил автор, разговоре хозяина постоянного двора с вожатым, оказавшимся позже Пугачёвым.

«Хозяин вынул из ставца штоф и стакан, подошёл к нему и, взглянув ему в лицо: “Эхэ, — сказал он, — опять ты в нашем краю! Отколе Бог принёс?” — Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: “В огород летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?”

— Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерне звонить, да попадаья не велит; поп в гостях, черти на погосте.

“Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! За ваше здоровье!” — При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полаты.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмирённого после бунта 1772 года».

И как естественное продолжение этого живого, простонародного разговора звучат строки о начале мятежа, потрясшего империю, и невольном участии в трагических событиях главного героя:

«Причиною тому были строгие меры, предпринятые генерал-майором Траубенбергом, дабы привести войско к должному повиновению. Следствием было варварское убиение Траубенберга, своевольная перемена в управлении и, наконец, усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями.

Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость. Всё было уже тихо или казалось таковым; начальство слишком легко поверило мнимому раскаянию лукавых мятежников, которые злобствовали тайне и выжидали удобного случая для возобновления беспорядков...

Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) я сидел дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на тучи, бегущие мимо луны. Пришли меня звать от имени коменданта. Я тотчас отправился. У коменданта нашел я Швабрина, Ивана Игнатъевича и казацкого урядника. В комнате не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендант со мною поздоровался с видом озабоченным. Он запер двери, всех усадил, кроме урядника, который стоял у дверей, вынул из кармана бумагу и сказал нам: “Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишет генерал”. Тут он надел очки и прочёл следующее:

“Господину коменданту Белогорской крепости капитану Миронову. По секрету.

Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник Емельян Пугачёв, учиняя непростительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, произвёл возмущение в яицких селениях и уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства. Того ради, с получением сего имеете вы, господин капитан, немедленно принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея и самозванца, а буде можно и к совершенному уничтожению оного, если он обратится на крепость, вверенную вашему попечению”.

— Принять надлежащие меры! — сказал комендант, снимая очки и складывая бумагу. — Слышь ты, легко сказать. Злодей-то, видно, силён; а у нас всего сто тридцать человек, не считая казаков, на которых плоха надежда, не в укор буди тебе сказано, Максимыч. (Урядник усмехнулся.) Однако делать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры; в случае нападения запирайте ворота да выводите солдат. Ты, Максимыч, смотри крепко за своими казаками.

Пушку осмотреть да хорошенько вычистить. А пуше всего содержите всё это в тайне, чтоб в крепости никто не мог о том узнать преждевременно.

Раздав сии повеления, Иван Кузьмич нас распустил».

В последующем повествовании так и будут тесно, неразрывно переплетаться судьба героев романа и жестокое потрясение всего государства, и звучать рассказ будет так естественно, захватывающе, будто наше зрение получило какое-то чудесное свойство — охватывать разновеликие события широким и понимающим взглядом. А ведь за всем этим автор не забывает отметить для нас и тонкости поведения всех, даже и второстепенных участников событий — казацкого урядника, выбравшего предательство, и верного долгу калмыка Юлая, и старого, беспомощного гарнизонного поручика Ивана Игнатьевича:

«Вскоре все заговорили о Пугачёве. Толки были различны. Комендант послал урядника с поручением разведать хорошенько обо всём по соседним селениям и крепостям. Урядник возвратился через два дня и объявил, что в степи вёрст за шестьдесят от крепости видел он множество огней и слышал от башкирцев, что идёт неведомая сила. Впрочем, не мог он сказать ничего положительного, потому что ехать далее побоялся.

В крепости между казаками заметно стало необыкновенное волнение; во всех улицах они толпились в кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизонного солдата. Посланы были к ним лазутчики. Юлай, крещёный калмык, сделал коменданту важное донесение. Показания урядника, по словам Юлая, были ложны; по возвращении своём лукавый казак объявил своим товарищам, что он был у бунтовщиков, представлялся самому их предводителю, который допустил его к своей руке и долго с ним разговаривал. Комендант немедленно посадил урядника под караул, а Юлая назначил на его место. Эта новость принята была казаками с явным неудовольствием. Они громко роптали, и Иван Игнатьевич, исполнитель комендантского распоряжения, слышал своими ушами, как они говорили: «Вот уж тебе будет, гарнизонная крыса!» Комендант думал в тот же день допросить своего арестанта; но урядник бежал из-под караула, вероятно, при помощи своих единомышленников».

* * *

Александр Сергеевич придавал большое значение душевному расположению автора к своим героям, братскому пониманию их чувств, поступков, нравственного поведения. Если при рождении лирических строк важно вдохновение поэта (а Пушкин определил его так: «Вдохновение есть расположение души к живейшему приятию впечатлений, следственно, к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных»), то при рождении прозаического рассказа не менее важна открытость ума и сердца автора. Она помогает достоверней и глубже передать человеческое счастье и страдание, ужас нравственного падения и высоту духа.

В статье, посвящённой драме М. Погодина «Марфа Посадница», Пушкин обмолвился об отношении автора пьесы к одному из её героев, Иоанну: «Он его понимает ясно, верно, знает коротко и представляет нам без театрального преувеличения, без противумыслия, без шарлатанства».

Поэт и сам в любом своём прозаическом произведении следовал этому правилу: знать своего героя *коротко*, понимать его характер *ясно и верно* и представлять читателю *правдиво*. Мог ли, например, старый станционный смотритель, у которого проезжий барин увёз юную дочь и которого тот грубо и жестоко вытолкнул на улицу, когда отец девушки явился к нему в Петербург, мог ли этот подневольный на службе и всеми унижаемый человек противиться насилию подобных господ и вести себя иначе, чем изобразил это автор? Почитаем:

«Кто там? — спросила она (дочь смотрителя, Дуня. — *А.Р.*), не подымая головы. Он всё молчал. Не получая ответа, Дуня подняла голову... и с криком упала на ковёр. Испуганный Минский кинулся её подымать и, вдруг увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню и подошёл к нему, дрожа от гнева. “Чего тебе надобно? — сказал он ему, стиснув зубы, — что ты за мною всюду крадёшься, как разбойник? Или хочешь меня зарезать? Пошёл вон!” и, сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу.

Старик пришёл к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, махнул рукой и решился отступить. Через два дня отправился он из Петербурга обратно на свою станцию и опять принялся за свою должность. “Вот уже третий год, — заключил он, — как живу я без Дуни и как об ней нет ни слуху, ни духу. Жива ли, нет ли, Бог её ведаёт. Всяко случается. Не её первую, не её последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою. Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь да пожелаешь ей могилы”».

Можно ли написать такие строки без глубочайшего сердечного сочувствия к одинокому и униженному старику? Каждое слово тут исторгнуто из внимательной и понимающей души. И таких примеров в прозе Пушкина не счесть.

* * *

Можно только восхищаться достоверностью его повествования.

Убедиться в этом мы можем, читая «Капитанскую дочку». Здесь каждая картина, идёт ли речь о природе, убранстве комнаты, городке — месте действия, видится во всей полноте; автор живо, мастерски передаёт не только внешний фон происходящего, но и мятущуюся душу человека и значение в его жизни описываемого события.

Открываем роман. Мятежники взяли приступом Белогорскую крепость, повесили её коменданта капитана Миронова и гарнизонного поручика Ивана Игнатьевича; юного Гринёва Пугачёв помиловал. Далее следует картина, которую иной повествователь мог растянуть на несколько страниц. Пушкин в двадцать с небольшим строк вместил, кажется, всё: и отношение к Пугачёву простого люда, и жестокость мятежников, и необычное поведение самозванного государя:

«Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли

тут же. Ротный портной, вооружённый тупыми своими ножницами, резал у них косы. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачёва, который объявлял им прощение и принимал в свою шайку. Всё это продолжалось около трёх часов. Наконец, Пугачёв встал с кресел и сошёл с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрёпанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в её душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, бельё и всю рухлядь. «Батюшки мои! — кричала бедная старушка. — Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузьмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! — закричала она в исступлении. — Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузьмич, удалая солдатская головушка! Не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» — «Унять старую ведьму!» — сказал Пугачёв. Тут молодой казак ударил её саблею по голове, и она упала мёртвая на ступеньки крыльца. Пугачёв уехал; народ бросился за ним».

Пушкин стремился нарисовать образ человека во всей его цельности. Герой может быть противоречив, неожидан в своих мыслях и поступках. Но он целен по характеру, даже его непредсказуемые поступки вытекают из его характера. В этом смысле главные герои романа «Капитанская дочка» Пугачёв и Гринёв так живо представлены, что ты говоришь себе: да, предводитель мятежников всё полней открывается перед тобою, но коренные свойства его характера неизменны; то же и Пётр Гринёв: он только намечает линию своей жизни, но сословные традиции, семейное воспитание уже сформировали основу его личности.

При этом нетрудно заметить: образ Пугачёва, например, потребовал от автора взгляда независимого и мужественного. Власть и общество оценивали предводителя бунта согласно и единодушно: Пугачёв — злодей, самозванец и вор. Пушкин тоже использует эти расхожие эпитеты. Но поступки Емельяна, его беседы с Гринёвым не подтверждают ни жестокости, ни злодейства казачьего вождя. Наоборот, он постоянно выказывает и великодушие, и справедливость, и понимание чувств, переживаний другого человека. Напомним короткие эпизоды, связанные с этими двумя героями романа.

Во время бурана в степи кибитка Гринёва наткнулась на казака.

«Гей, добрый человек! — закричал ему ямщик. — Скажи, не знаешь ли, где дорога?»

— Дорога-то здесь; я стою на твердой полосе, — отвечал дорожный, — да что толку?

— Послушай, мужичок, — сказал я ему, — знаешь ли ты эту сторону? Возьмёшься ли ты довести меня до ночлега?»

— Сторона мне знакомая, — отвечал дорожный, — слава богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперёк. Да вишь, какая погода: как раз собьёшься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдём дорогу по звёздам.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уж решился, предав себя божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: “Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поезжай”.

— А почему ехать мне вправо? — спросил ямщик с неудовольствием. — Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. — Ямщик казался мне прав. “В самом деле, — сказал я, — почему думаешь ты, что жило недалеко?” — “А потому, что ветер оттоле потянул, — отвечал дорожный, — и я слышу, дымом пахнуло; знать, деревня близко”. Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать».

Какие терпеливость, дружелюбие, народную смётку проявляет скрывающийся пока Пугачёв по отношению к дворянину, вроде бы завтрашнему врагу своему! И далее богатство поистине христианской природы Емельяна раскрывается все ярче.

В захваченной мятежниками Белогорской крепости Гринёв идёт к Пугачёву, чтобы выбраться отсюда в Оренбург. Сцена беседы поручика с Емельяном за его хмельным ужином достаточно длинна; напомним только окончание её. Самозванец спрашивает Гринёва:

«Кто же я таков, по твоему разумению?»

— Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачёв взглянул на меня быстро. “Так ты не веришь, — сказал он, — чтоб я был государь Пётр Фёдорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал? Думай про меня, что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы, и в князья. Как ты думаешь?”

— Нет, — отвечал я с твёрдостью. — Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, то отпусти меня в Оренбург.

Пугачёв задумался. “А коли отпущу, — сказал он, — так обещаешь ли по крайней мере против меня не служить?”

— Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачёва. “Так и быть, — сказал он, ударяя меня по плечу. — Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрёма клонит”».

Гринёв выбрался из Белогорской крепости и прибыл в Оренбург. Тревога за судьбу своей возлюбленной Маши Мироновой не давала ему покоя, и он упросил своё начальство разрешить ему отправиться обратно и выручить девушку из разграбленной крепости. На пути к ней в Бердской слободе поручик вновь оказался перед самозванцем.

«Пугачёв узнал меня с первого взгляду. Поддельная важность его вдруг исчезла. “А, ваше благородие! — сказал он мне с живостью. — Как

поживаешь? Зачем тебя Бог принёс?” Я отвечал, что ехал по своему делу и что люди его меня остановили. “А по какому делу?” — спросил он меня...

— Я ехал в Белогорскую крепость избавить сироту, которую там обижают.

Глаза у Пугачёва засверкали. “Кто из моих людей смеет обижать сироту? — закричал он. — Будь он семи пядей во лбу, а от суда моего не уйдёт. Говори: кто виноватый?”

— Швабрин виноватый, — отвечал я. — Он держит в неволе ту девушку, которую ты видел, больную, у попадьи, и насильно хочет на ней жениться.

— Я проучу Швабрина, — сказал грозно Пугачёв. — Он узнает, каково у меня своевольничать и обижать народ. Я его повешу”».

После словесной перепалки Емельяна и его сподвижников, посоветовавших самозваному государю не торопиться с расправой над Швабриным, а в первую очередь допросить оренбургского молодца, Пугачёв продолжил разговор с Гринёвым:

«Расскажи-ка мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазноба ли сердцу молодецкому? А?»

— Она невеста моя, — отвечал я Пугачёву, видя благоприятную перемену погоды и не находя нужды скрывать истину.

— Твоя невеста! — закричал Пугачёв. — Что ж ты прежде не сказал? Да мы тебя женим и на свадьбе твоей попируем! — Потом, обращаясь к Белобородову: — Слушай, фельдмаршал! Мы с его благородием старые приятели; сядем-ка да поужинаем; утро вечера мудренее. Завтра посмотрим, что с ним сделаем».

Гринёв отправился с Пугачёвым в Белогорскую крепость. Емельян разрешил и Савельичу сесть на облучок кибитки. Поручик неотступно думал о своей невесте.

«Вдруг Пугачёв прервал мои размышления, обратясь ко мне с вопросом:

— О чём, ваше благородие, изволил задуматься?»

— Как не задуматься, — отвечал я ему. — Я офицер и дворянин; вчера ещё дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастье всей моей жизни зависит от тебя.

— Что ж? — спросил Пугачёв. — Страшно тебе?»

Я отвечал, что, быв однажды уже им помилован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

— И ты прав, ей-богу прав! — сказал самозванец. — Ты видел, что мои ребята смотрели на тебя косо; а старик и сегодня настаивал на том, что ты шпион и что надобно тебя пытать и повесить; но я не согласился, — прибавил он, понизив голос, чтоб Савельич и татарин не могли его услышать, — помня твой стакан вина и заячий тулуп. Ты видишь, что я не такой ещё кровопийца, как говорит обо мне ваша братья».

Гринёв спросил спутника:

«А ты полагаешь идти на Москву?»

Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса: “Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою”.

— То-то! — сказал я Пугачёву. — Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?

Пугачёв горько усмехнулся. “Нет, — отвечал он, — поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать, как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою”.

— А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!

— Слушай, — сказал Пугачёв с каким-то диким вдохновением. — Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орёл спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живёшь ты на белом свете триста лет, а я всего-на-всё только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьёшь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орёл подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орёл да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орёл клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон, чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст! — Какова калмыцкая сказка?

— Затейлива, — отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем, значит, по мне, клевать мертвечину.

Пугачёв посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погрузясь каждый в свои размышления».

Вот почти все сцены общения двух героев романа. Не видны ли здесь симпатия рассказчика к самозванцу, постоянное стремление показать недюжинный ум, трезвое понимание своей судьбы, душевную чуткость и благородство Пугачёва? И признания Гринёва, чистосердечные, искренние, братские, постоянно находят отклик у человека отверженного и презираемого властью. Плоть от плоти восставшего народа, Пугачёв в изображении Пушкина горячо поддерживается простолюдными; народ потворствует ему, называющему себя государем, в этом обмане.

Заметим, что в критике и публицистике последних десятилетий уже нашего времени немало говорится о зачинщиках социальных потрясений как о подстрекателях, лукавых вождях и проч. Нарисованного Пушкиным Пугачёва никак не назовёшь ни безумным поджигателем, ни искателем личной выгоды, ни случайным и бездарным вождём. Да и в пушкинские слова «не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный» стоило бы вдуматься поглубже, чем это делают нынешние толкователи. За бессмысленность и беспощадность они винят, как правило, «подстрекателей мятежей». Но уже говорилось: первый подстрекатель мятежей — это власть. Превосходство одних людей над другими, рабство, беззаконие, мздоимство приносят в земную жизнь она, а не народ. И жестокость тех, кто силою подавляет естественное стремление сограждан к равноправию и свободе, часто многократно превосходит гневные расправы восставшего народа. В одном из комментариев к пушкинскому роману документально показана звериная жестокость усмирителей предшествующего Пугачёвскому бунту мятежа. «В 1735—1740 гг., — говорится здесь, — в Башкирии вспыхнули народные волнения. Они были подавлены. Только в 1740 году было сожжено 696 деревень. У трёхсот одного мятежника отрезали носы и уши».

Впрочем, и Пушкин, как правдивый летописец, не обошёл в своём художественном произведении расправ, чинимых войсками при подавлении пугачёвского восстания. В «Пропущенной главе» к роману (она печатается теперь как приложение к основному тексту) устами Петра Гринёва, участвовавшего в усмирении бунта, сказано:

«Мы проходили через селения, разорённые Пугачёвым, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что оставлено было им разбойниками.

Они не знали, кому повиноваться. Правление было всюду прекращено. Помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду. Начальники отдельных отрядов, посланных в погоню за Пугачёвым, тогда уже бегущим к Астрахани, самовластно наказывали виновных и безвинных... Состояние всего края, где свирепствовал пожар, было ужасно».

* * *

Продолжим сверять правила, которые Пушкин считал обязательными для писателя, с тем, как он придерживался их в собственных прозаических произведениях. В одной из летучих заметок поэта находим: «Проза князя Вяземского чрезвычайно жива. Он обладает редкой способностью оригинально выражать мысли — к счастью, он мыслит, что довольно редко между нами».

Оригинально выражать мысли применительно к художественной прозе означает стремление к самобытности слова, живописности и точности его. Приведа примеры, как необычно, оригинально, ёмко употребляли слово Державин, Жуковский, Крылов, наш поэт добавлял: «Мы находим эти выражения смелыми, ибо они сильно и необыкновенно передают нам ясную мысль и картины поэтические».

В многочисленных суждениях Пушкина одной из главных тем всегда оставался родной язык, его художественные возможности. «Как материал словесности, — писал он в одной из статей, — язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отдделиться от книжного; но впоследствии они сблизилась, и *такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей*».

Согласитесь, это вдохновенная песнь в честь нашего языка; Пушкин впервые и в полной мере использовал его возможности, дав потомкам образцы его художественной выразительности. Ведь никогда раньше не получало такой мастерской огранки лексическое, смысловое, интонационное, звуковое, образное звучание русской речи. Не надо специально выбирать какой-то отрывок из пушкинского повествования. Открой на любой странице — и доказательство сказанному будет налицо. Возьмём хотя бы маленький кусочек из путевого дневника «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»: «Я вышел из палатки на свежий утренний

воздух. Солнце всходило. На ясном небе белела снеговая двуглавая гора. “Что за гора?” — спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: “Это Арарат”. Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к её вершине с надеждой обновления и жизни, и врана и голубицу излетающих, символы казни и примирения».

Пушкин сожалел: «...метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так ещё мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных». И в другом месте: «Мы не только ещё не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобождённую от условных украшений стихотворства, мы ещё не понимаем». И сравнивая отечественную словесность со сложившейся за многие столетия европейской, добавлял: «Произведения английских поэтов, например, исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком честного простолюдина». Пожалуй, речь тут идёт о первостепенных свойствах прозы, поэзии и драмы: художественно только то произведение, в котором использовано всё богатство народного языка. Пушкин в этом — кудесник. Идёт ли речь о месте действия, о беседе героев, о пейзаже, его рассказ похож на живописную картину: она и увлекательна, и правдоподобна, и духовно осмысленна. В ней нет ничего лишнего, необязательного. Напомним начало повести «Выстрел»:

«Мы стояли в местечке ***. Жизнь армейского офицера известна. Утром ученье, манеж; обед у полкового командира или в жидовском трактире; вечером пушш и карты. В *** не было ни одного открытого дома, ни одной невесты; мы собирались друг у друга, где, кроме своих мундиров, не видали ничего.

Один только человек принадлежал нашему обществу, не будучи военным. Ему было около тридцати пяти лет, и мы за то почитали его стариком. Опытность давала ему перед нами многие преимущества; к тому же его обыкновенная угрюмость, крутой нрав и злой язык имели сильное влияние на молодые умы наши. Какая-то таинственность окружала его судьбу; он казался русским, а носил иностранное имя. Некогда он служил в гусарах, и даже счастливо; никто не знал причины, побудившей его выйти в отставку и поселиться в бедном местечке, где жил он вместе и бедно, и расточительно: ходил вечно пешком, в изношенном чёрном сюртуке, а держал открытый стол для всех офицеров нашего полка».

Рассказ Пушкина сжат, стремителен. То, что другой автор растянул бы на страницы, тут сказано в двух коротких абзацах. И уже есть какая-то загадка, тайна, объяснение которой мы будем нетерпеливо ожидать.

В любом прозаическом произведении поэта человеческие страсти, необычайные происшествия, захватывающие события переданы пером лёгким и живописным, точным и жалящим читательское сердце, словно судьба и переживания героев открылись нам на краю какой-то пропасти: сейчас человек сделает шаг, и мы вместе с ним полетим в обжигающий светом рай или в чёрную тьму ада...

И эта магия чудесного слова будет сопровождать нас при чтении лермонтовского «Героя нашего времени», толстовских «Войны и мира»

и «Анны Карениной», тургеневского «Дворянского гнезда», чеховской «Душечки», шолоховского «Тихого Дона»...

* * *

Как-то Пушкин заметил: «Но, к сожалению, старинной словесности у нас не существует. За нами тёмная степь, и на ней возвышается единственный памятник: “Песнь о Полку Игореве”. Словесность наша явилась вдруг в 18-м столетии, подобно русскому дворянству, без предков и родословной». Едва ли это справедливо. А многочисленные русские летописи? А «Слово о погибели земли русской»? А суровое «Житие» протоппа Аввакума Петрова и его огненные послания единомышленникам? А бессмертные былины, песни и сказки, пусть передаваемые веками изустно, но зато при появлении письменности мощно повлиявшие на зарождение литературы?

Кстати, и сам Александр Сергеевич словно бы поправлял себя. Он нередко обращался к лучшим произведениям русских писателей восемнадцатого века, находя преемственность этих сочинений с памятниками отечественной словесности предыдущих столетий. Так, в одной из статей он заметил о Ломоносове: «Слог его, ровный, цветущий и живописный, заимлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оногo с языком простонародным. Вот почему переложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения. Они останутся вечными памятниками русской словесности».

Но главное в размышлениях Александра Сергеевича — его непреложная вера в великое будущее отечественной литературы. Закончим же наш разговор задорным обращением поэта к своим творческим наследникам: «Не решу, какой словесности отдать предпочтение, но есть у нас свой язык; смелее!»

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ЛЕРМОНТОВА- ПРОЗАИКА

Александр Александрович Сахаров родился в городе Перми. С 1970 года живёт в Подмосковье. По образованию — инженер. Ещё обучаясь в институте, начал педагогическую деятельность, которая продолжается и теперь. Со школьных времён увлекался отечественной историей и литературой.

Публиковался в журналах «Москва», «Московский журнал», «Сура», «Литература в школе», «Коломенский альманах», «Литературной газете» и др., научных сборниках.

Лауреат международного литературного форума «Золотой витязь», премии им. С. Н. Дурылина, литературно-общественной премии «Герой нашего времени» им. М. Ю. Лермонтова и др. Председатель Московского лермонтовского общества.

Член Союза писателей России.

Литературоведческий очерк

Возможно, ещё со школьной поры откладываются у нас некоторые стереотипы. Если спросить первого встречного, кто такой Пушкин, большинство ответит — поэт, Лермонтов — поэт, Блок — поэт... Может быть, потому, что в школе больше внимания уделяется стихам и поэмам этих авторов. Правда, у Пушкина изучают ещё и прозу: «Дубровский», «Капитанская дочка», «Повести Белкина», а у Лермонтова — «Герой нашего времени». Но на изучение прозы отводится не так уж много времени, а вот стихи в школе надо учить наизусть, это запоминается надолго. А потому Пушкин, Лермонтов для многих в первую очередь — поэты.

Если же познакомиться с жизнью и творчеством Михаила Лермонтова поближе, то можно понять, какой он был разносторонне одарённой личностью, не зря в энциклопедиях о Лермонтове написано: «русский поэт, прозаик, драматург, художник». За свои неполные двадцать семь лет он оставил нам значительное литературное и художественное наследие. До нас дошли воспоминания о том, что Лермонтов был хорошим музыкантом, исполнял довольно сложные музыкальные произведения и даже сочинял музыку (к сожалению, ноты до нашего времени не сохранились, а может, ещё не найдены). Обладал Михаил Юрьевич и прекрасными математическими способностями.

Однако вернёмся к нашей теме: Лермонтов — прозаик. В энциклопедическом словаре «Лермонтов», вышедшем к 200-летию со дня его рождения, написано, что, «начав как поэт, Л. приходит к прозе сравнительно поздно». Однако сам Лермонтов писал в автобиографических заметках: «Когда я начал мараить стихи в 1828 году, я как бы по инстинкту переписывал и прибирал их, они ещё теперь у меня», таким образом, он относит начало своего поэтического творчества к 1828 году, первые же прозаические произведения он написал в 1832—1834 гг., не на много позже.

И конечно, ранние его произведения, как в поэзии, так и в прозе, были в значительной степени ученическими, подражательными. Большое влияние на становление Лермонтова-прозаика оказали впечатления от драматургии Фридриха Шиллера, произведений Иоганна Вольфганга Гёте, Вальтера Скотта, Джорджа Байрона, Виктора Гюго. После юношеской пьесы «Испанцы» драматические опыты Лермонтова 1830—1831 гг., как и драмы и трагедии Ф. Шиллера («Разбойники», «Коварство и любовь»), написаны в прозе; именно в них первоначально происходит становление принципов изображения характеров.

Г. В. Москвин в работе об эволюции развития прозы М. Ю. Лермонтова выделяет четыре этапа, он пишет: «Создание прозаических произведений приходится на период 1831—1841 гг., время интенсивного процесса жанро- и стилеобразования в русской литературе, и проходит четыре этапа: поздний романтический (роман «Вадим»), становление социально-реалистической прозы (роман «Княгиня Лиговская»), период создания произведений наджанрового стиливого характера («Герой нашего времени»), формирование новой литературной парадигмы («Штосс», «Кавказец»).

Первым известным нам большим прозаическим произведением Михаила Юрьевича является неоконченный роман «Вадим», получивший своё название при публикации (в рукописи Лермонтова первый лист с названием произведения отсутствует). Роман близок по сюжету к повести А. С. Пушкина «Дубровский» и роману «Капитанская дочка», однако разрабатывался юным автором самостоятельно, т. к. «Дубровский» создавался Пушкиным примерно в то же время, а «Капитанская дочка» даже позднее.

Действие романа происходит в середине 1770-х годов, в разгар восстания Пугачёва, в усадьбе помещика Палицына и её окрестностях на берегу реки Суры (вероятнее всего, в Пензенской губернии).

В романе переплетаются три сюжетные линии.

Первая: ссора близких друзей-помещиков, в результате которой богатый Борис Петрович Палицын разоряет бедного, у которого остаётся двое детей. Старший — горбун Вадим, собиравший милостыню у стен монастыря, становится слугой в имении Палицына и постепенно заслуживает доверие помещика. У Палицына же воспитывается и восемнадцатилетняя сестра Вадима Ольга. Однажды Вадим признался Ольге, что он её старший брат, а их отец-помещик когда-то был лучшим другом Палицына, но затем они поссорились, после чего Палицын стал сживать их отца со света. Также Вадим открылся сестре в том, что готовит страшную месть Палицыну и всей его семье, и Ольга соглашается ему в этом помогать.

Как видим, эта линия имеет фабульное сходство с романом Пушкина «Дубровский» (два соседа-помещика дружат, однако затем из-за

пустякового повода становятся врагами, и один сживает со света другого, сын которого начинает мстить обидчику). По предположению Ираклия Андроникова, это связано с тем, что в основе этого сходства лежал один и тот же факт: судебная тяжба между тамбовскими помещиками И.Я. Яковлевым и С.П. Крюковым.

Вторая сюжетная линия также имеет сходство с произведением Пушкина, но уже с «Капитанской дочкой»: Пугачёвское восстание и переход Вадима, дворянина по происхождению, в ряды мятежников (Вадим оказывается одним из значимых людей в окружении Белобородова, известного как Красная шапка), в том числе для того, чтобы осуществить свой план мести.

Третья линия: любовь Вадима к Ольге (сюжет о любви лирического героя к сестре довольно часто встречается в начальном периоде творчества Лермонтова, например, в драме «Испанцы») и любовь Ольги к сыну Палицына Юрию.

Написание романа условно датируется 1832—1834 годами, это время обучения Лермонтова в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Учившийся вместе с Лермонтовым в школе А. Меринский вспоминал, что однажды Лермонтов рассказал ему о плане начатого им романа: «Роман этот был из времён Екатерины II, основанный на истинном происшествии, по рассказам его бабушки. Не помню хорошо всего сюжета, помню только, что какой-то нищий играл значительную роль в этом романе».

Отдельные эпизоды романа, действительно, восходят к устным преданиям о пугачёвщине в Пензенской губернии: родные поэта, соседские помещики и крепостные в Тарханах ещё хорошо помнили о событиях, связанных с восстанием, охватившим в том числе и Пензенскую губернию. Отряды Пугачёва заняли Пензу в августе 1774 года. Пугачёвцы побывали и в Тарханах, где хотели повесить управляющего Злынина, однако тот успел раздать крестьянам господский хлеб и таким образом избежал расправы. Среди дворян, убитых пугачёвцами, было немало родственников и знакомых бабушки Лермонтова, в том числе отец Григория Даниловича Столыпина, с семьёй которого Лермонтов поддерживал близкие отношения (именно по рекомендации его сына Алексея Григорьевича Лермонтов поступил в Юнкерскую школу, а затем на службу — в тот же лейб-гусарский полк). В рассказах о восстании упоминался и Нижнеломовский мужской монастырь (в 50 верстах к северу от Тархан), который был описан в романе. С.А. Андреев-Кривич обнаружил в Пензенской и Саратовской губерниях множество пещер, подобных тем, в которых скрывался Палицын. Собственно, о том, что рассказы о восстании под предводительством Пугачёва основаны на рассказах Столыпиных, говорит и фамилия главного героя: село Палицыно принадлежало семье Г.Д. и Н.А. Столыпиных.

Известный лермонтовед Е.Н. Михайлова отмечает, что «о том, насколько большое место в развитии действия в “Вадиме” занимает идея мести, можно судить, если сопоставить этот роман с другим произведением, весьма близким к нему по теме и сюжету, — с “Дубровским” Пушкина. В обоих произведениях в центре стоит молодой мститель, выступающий против обидчика (и общества), нанёсшего оскорбление и ущерб его отцу (к этому времени умершему). Тут и там поссорившиеся недавние друзья,

и ссора происходит по пустяковому поводу (в “Вадиме”, как и в “Дубровском”, из-за собак). И тут, и там обидчик отбирает у своего бывшего друга по решению властей имение. Наконец, в обоих произведениях сын обиженного становится отщепенцем (Дубровский становится “разбойником”, Вадим присоединяется к пугачёвцам) и своими товарищами по мести избирает крепостных.

Однако в разработке темы и использовании сходных сюжетных положений между обоими произведениями существует большая разница.

Пушкинская повесть даёт образец объективно-реалистического рассказа о событиях и на данном частном случае раскрывает особенности дворянско-помещичьего социально-политического уклада, несовместимость с ним понятий о личном достоинстве человека, справедливости, независимости. Мотивы мести при этом занимают подчинённое место по отношению к широкой картине общественных нравов и изображению ненормальностей судьбы смелого, благородного человека, выбитого из своей социальной колеи. Всё повествование в целом, разоблачая пороки общественной системы, взывает к идеалам гуманности.

Благодаря проявлениям благородства в поведении героев (самого разбойника-рыцаря — Владимира Дубровского, его отца, крестьян) повесть не теряет светлого колорита при всём трагизме изображаемого. Даже сам Троекуров при всей возмутительности его взбалмошного, депотического самодурства хранит в себе умение оценить чувство мести и непоколебимую прямоту небогатого и незнатного человека, фактически признав себя виноватым.

Не то лермонтовский “Вадим”. Его задача — не положительное утверждение гуманизма, но ниспровержение всего окружающего — потому, что оно противоречит запросам, присущим могучей человеческой личности. Его задача не в том, чтобы воссоздать объективную картину жизни общества в целях критики его, но в том, чтобы излить свой яростный гнев, ненависть к нему и жажду его разрушения. Поэтому мотивы мести оказались выдвинутыми в лермонтовском романе, в отличие от “Дубровского”, на первый план. Месть является основой большинства сюжетных ситуаций. Она составляет существо отношения Вадима к старику Палицыну и к Юрию, крестьян к помещикам; мечь горит в гаснущем взоре Вадимова отца, она нарастает в груди Ольги под влиянием разоблачительных открытий, под влиянием мерзких притязаний старого сладострастника».

Я остановился более подробно на первом юношеском романе Лермонтова потому, что его, в отличие от близких по сюжету произведений Пушкина, в школе не проходят, и, как правило, он не всегда попадает в собрания избранных произведений, а потому может вызвать интерес заинтересованного молодого (и не только) читателя.

Сочинение Лермонтова «Панорама Москвы», написанное по заданию преподавателя российской словесности В. Т. Плаксина в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в 1834 г., зачастую не относят к прозаическим произведениям и публикуют в приложениях к основному корпусу прозы, т. к. оно считается ученическим, описательным.

Сочинение написано в соответствии с планом и приёмами, рекомендованными Плаксиным для составления прозаических описаний в «Кратком

курсе словесности, приспособленном к прозаическим сочинениям» (учебнике, на основе которого преподаватель читал лекции в школе подпрапорщиков). «Панорама Москвы» была представлена на проверку; на рукописи рукой Плаксина сделана пометка о «неприличности» низкой картины, представленной Лермонтовым после описания собора Василия Блаженного («И что же? — рядом с этим великолепным, угрюмым зданием, прямо против его дверей, кипит грязная толпа, блещут ряды лавок, кричат разносчики, суетятся булошники у пьедестала монумента, воздвигнутого Минину; гремят модные кареты, лепечут модные барыни... всё так шумно, живо, беспокойно!»).

Описание города в сочинении юнкера Лермонтова напоминает московские городские пейзажи в произведениях Н.М. Карамзина (повестях «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», а также в заметках из журнала «Вестник Европы»: «Записки старого московского жителя», «Путешествие вокруг Москвы», «Записка о московских достопамятностях» и др.).

Интерес Лермонтова к истории Москвы был созвучен актуальным во второй половине 1820-х — нач. 1830-х гг. спорам о сравнительном значении Москвы и Петербурга в интеллектуальной и культурной жизни страны. Споры эти знаменовали начало оформления идейных позиций будущих славянофилов и западников. Лермонтовская точка зрения близка славянофильской — поэт видит в истории Москвы много ярких и славных страниц, богатых «мыслями, чувством и вдохновением для учёного, патриота и поэта». Жизнь Москвы для него связана не только с прошлым, это «не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у неё есть своя душа, своя жизнь!».

И всё же, думается, что с учётом начального этапа становления прозаических опытов Лермонтова сочинение «Панорама Москвы» вполне может быть отнесено к его ранним прозаическим произведениям. Как отмечает Г.В. Москвин, «ученический и прикладной характер работы не препятствует осознанию того факта, что “Панорама Москвы” является самостоятельным и законченным прозаическим произведением в силу его художественности, языка и слога, следования прозаической традиции (Н.М. Карамзин, В. Гюго)».

Отрывок «Я хочу рассказать вам...» получил, по мнению Г.В. Москвина, в лермонтоведении меньшее внимание, чем заслуживает, хотя его роль в разработке жанровых решений, а также в мотивных и образных переключках с романами «Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени» и повестью «Штосс» значительна. Основные вопросы, возникающие при упоминании отрывка, касаются датировки произведения, биографии автора и характера автобиографизма. Более того, анализ текста отрывка «Я хочу рассказать вам...» позволяет судить о творческом поиске Лермонтова на этапе работы над романом «Княгиня Лиговская» и выборе ракурса повествования в романе «Герой нашего времени». Б.В. Томашевский считал, что по стилевой манере отрывок занимает промежуточное положение между также незавершёнными замыслами Лермонтова — романами «Вадим» и «Княгиня Лиговская» — и, следовательно, датируется 1835-1836 гг.; по предположению же И.Л. Андроникова, отрывок написан не ранее 1837 г.

Замысел Лермонтова рассказать историю светской женщины, которая «сошла со сцены большого света» и в тридцать лет «схоронила себя в деревне», по-видимому, возник не без влияния Бальзака. Необычайно популярные в эти годы «Физиология брака» и «Тридцатилетняя женщина» (об этом романе Лермонтов упоминает и в «Герое нашего времени») были посвящены положению женщины в светском обществе. Эта тема привлекала Лермонтова и ранее (образ баронессы Штраль в «Маскараде») и должна была стать центральной в данной повести.

В рассказе о детстве другого героя повести, Арбенина, мы легко замечаем фрагменты биографии самого автора (описание барского дома, болезнь ребёнка и др.). Имя героя — Александр — совпадает с именем героя поэмы «Сашка»; описание детства Сашки в Симбирской деревне на берегу Волги близко тем страницам наброска, которые посвящены биографии Арбенина. В сохранившемся фрагменте предстаёт, в первую очередь, история раннего духовного развития личности: лермонтовский Саша не просто «преизбалованный, пресвоевольный ребёнок». За видимостью поступков («умел прикрикнуть», «гордый вид», «умел с презрением улыбнуться», «ломал кусты», «срывал <цветы>», «давил муху» и т. п.) скрывается совершенно иная, никому не ведомая внутренняя жизнь: он «разлюбил игрушки и начал мечтать»; «заглядывался на закат, усеянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство... волновало его душу», он «выучился думать» — и в конце концов, вследствие тяжёлой болезни нашёл в самом себе целый мир, куда и направились основные его душевные силы: «Воображение стало для него новой игрушкой...». Так, погрузившись в себя, герой отгородился от всего остального, его существование на границе двух миров — реальности и мечты, внутреннего и внешнего — в соединении с предельным одиночеством и жадной любви («ему хотелось, чтоб кто-нибудь его приласкал, поцеловал, приголубил») сформировали яркий и необычный характер, столкновение которого с окружающим миром и глубокая душевная драма стали неизбежны.

В 1836 г. Лермонтов начинает писать (также на автобиографической основе) роман «Княгиня Лиговская», где впервые появляется фигура светского человека, Григория Александровича Печорина, и рассказывается об его отношении к прежней возлюбленной. Неоконченный роман «Княгиня Лиговская» (1836—1838) обозначает этап становления поздней лермонтовской прозы. Центральная сюжетная интрига романа основана на замужестве возлюбленной главного героя, Жоржа Печорина, Веры с нелюбимым князем Лиговским. Работа над романом продолжалась весь 1836 г., была прервана в начале 1837 г. в связи с гибелью Пушкина, написанием стихотворения «На смерть поэта» и последовавшими делом о «непозволительных стихах» и переводом Лермонтова на Кавказ. Мысль о развитии сюжетной линии Печорин — княгиня Лиговская была оставлена предположительно в мае 1837 г. Прекращение работы над романом отмечено в письме Лермонтова другу С.А. Раевскому от 8 июня 1838 г.: «Роман, который мы с тобою начали, затянулся и вряд ли кончится, ибо обстоятельства, которые составляли его основу, переменились, а я, знаешь, не могу в этом случае отступить от истины».

Как уже отмечалось, роман «Княгиня Лиговская» имеет автобиографическую основу. В нём отразился жизненный опыт автора (детство, переход из университета к военной службе, петербургская жизнь, молодые впечатления светской жизни, сердечные увлечения и переживания) и чувство к В.А. Лопухиной. Основные герои романа имеют прототипы в окружении Лермонтова. Прототипами четы Лиговских являются В.А. Лопухина и Н.Ф. Бахметев, за образами Жоржа Печорина и чиновника Красинского угадываются в какой-то мере сам автор и С.А. Раевский, в сюжетной линии Жорж Печорин — Лиза Негурова находит художественное отражение история личных отношений Лермонтова и Е.А. Сушковой. Остальные герои представляют собой галерею нравов и характеров Санкт-Петербурга лермонтовского времени, этим Михаил Юрьевич продолжает традиции, заложенные А.С. Грибоедовым в его произведении «Горе от ума».

Вспомним о корнях истории взаимоотношений автора и Е.А. Сушковой. 15-летний Лермонтов познакомился с приятельницей своей кузины Сашеньки Верещагиной Екатериной Сушковой в Москве весной 1830 года. Сушкова старше его на два с половиной года, у неё множество ухажёров, а московское общество ей не приглянулось — по сравнению с петербургским светом. Поэтому она вовсе не замечает влюблённого юношу: «У Сашеньки встречала я в это время её двоюродного брата, неуклюжего, косолапного мальчика лет шестнадцати или семнадцати, с красными, но умными, выразительными глазами, со вздёрнутым носом и извительно-насмешливой улыбкой».

Летом 1830 года Лермонтов и Сушкова снова встречаются в подмосковной усадьбе Стольпиных Середниково. Они уже начали общаться, но Сушкова вновь отвергает ухаживания Лермонтова. Катя Сушкова всячески подчёркивает разницу в возрасте: «Мне восемнадцать лет, я уже две зимы выезжаю в свет, а вы ещё стоите на пороге этого света и не так-то скоро его перешагнёте». Насмешки Сушковой над юным Лермонтовым были не столь безобидными, однажды она подсыпала ему в пирог опилки, которые влюблённый юноша съел, не заметив.

Лермонтов написал цикл стихотворений о неразделённой любви, который позднее лермонтоведы назвали сушковским. Самые ранние произведения в нём — свидетельства трогательной детской влюблённости, в более поздних тон меняется на байронический:

Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал, —
С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой...
Хоть в сердце шепчет чудный глас:
Я не могу любить другой. («Стансы»)

Сушкова приношения не принимает: «Благодарю вас, Monsieur Michel, за ваше посвящение и поздравляю вас, с какой скоростью из самых ничтожных слов вы извлекаете милые экспромты, но не рассердитесь за совет: обдумывайте и обрабатывайте ваши стихи, и со временем те, которых

вы воспоёте, будут гордиться вами. <...> Когда из вас выйдет настоящий поэт... тогда я с наслаждением буду вспоминать, что ваши первые вдохновения были посвящены мне, а теперь, Monsieur Michel, пишите, но пока для себя одного».

Спустя 4 года, в декабре 1834 года, Лермонтов и Сушкова вновь встречаются, на этот раз — в Санкт-Петербурге, на балу. Екатерина Сушкова влюблена в товарища Лермонтова — Алексея Лопухина, брата Вареньки, считается его невестой. Сестра Лопухина Мария и её подруга Сашенька Верещагина были против этого брака, зная характер Сушковой. Они попросили Лермонтова помочь расстроить этот брак. И Лермонтов затеял игру с Сушковой.

Он напрашивался на бал к родственникам Сушковой, упрекал её за связь с Лопухиным из-за его богатства и одновременно намекал на возрождение своей юношеской любви. Лермонтов встречал Сушкову на балах и продолжал ухаживания.

Дальнейшее описано в письме Лермонтова Верещагиной: «Когда я заметил, что мне это удалось, но что ещё один шаг меня погубит, я прибегнул к манёвру. Прежде всего в свете я стал более холоден с ней, а наедине более нежным, чтобы показать, что я её более не люблю, а что она меня обожает (в сущности, это неправда); когда она стала замечать это и пыталась сбросить ярмо, я в обществе первый покинул её, я стал жесток и дерзок, насмешлив и холоден с ней, я ухаживал за другими и рассказывал им (по секрету) выгодную для меня сторону этой истории. Она так была поражена неожиданностью моего поведения, что сначала не знала, что делать, и смирилась, а это подало повод к разговорам и придало мне вид человека, одержавшего полную победу; затем она очнулась и стала везде бранить меня, но я её предупредил, и ненависть её показала её друзьям (или врагам) уязвлённую любовью. Затем она попыталась вновь вернуть меня напускною печалью, рассказывала всем близким моим знакомым, что любит меня, — я не вернулся к ней, а искусно всем этим воспользовался». Сейчас, в наши дни, мы могли бы осудить Лермонтова за такое поведение, но, во-первых, тогда подобные проделки в свете были в обычае, а, во-вторых, вспомним опилки...

Лопухин уезжает в Москву. Лермонтов добился своего, и теперь ему надо расстроить ещё и собственную связь с Сушковой, чтобы не жениться на ней. Для этого он пишет ей анонимное письмо, в котором говорит гадости о самом себе, но устраивает так, чтобы его прочли все родственники Сушковой.

В общем, всё развивалось так, как описал сам Лермонтов роман Печорина с Лизой Негуровой. Это описание очень близко к рассказу этой истории в «Записках» Екатерины Сушковой. Настолько близко, что позволяет некоторым исследователям считать третью часть «Записок» Сушковой мистификацией, в основе которой лежит... роман Лермонтова «Княгиня Лиговская». Ведь Сушкова писала мемуары уже после смерти поэта и изменяла историю их отношений в выгодную для себя сторону. Даже знаменитый «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...») по её «Запискам», якобы, был навеян Лермонтову их отношениями (на деле это стихотворение было написано в 1841 году).

Когда в 1870 году вышел первый сборник материалов для биографии поэта, то «Записки Е.А. Хвостовой (Сушковой)» составили почти

две трети сборника. К сожалению, воспоминания о поэте других его современников долго не появлялись в печати. А вот новые отрывки из скандальных «Записок...» издавались ещё не раз. Проанализировав текст «Записок...», главный научный сотрудник музея-заповедника «Домик Лермонтова» (Пятигорск) Е.Л. Соснина пришла к убедительному выводу: часть «Записок...», которая была опубликована после смерти Сушковой, — фальсификация «под манеру письма», при этом в основу подделки лёг... роман «Княгиня Лиговская».

В «Княгине Лиговской» определился ряд конфликтов и ситуаций, разработанных Лермонтовым позже, в романе «Герой нашего времени». Петербургская жизнь Печорина представляется предысторией главного персонажа «Героя нашего времени», где есть несколько намёков на неё в тексте; однако это всё же не единая «биография» одного и того же персонажа. «Княгиню Лиговскую» следует рассматривать как этап формирования и эволюции прозаических замыслов, генетически связанных между собой.

Непосредственным литературным источником «Княгини Лиговской» считается роман Пушкина «Евгений Онегин». Произведение Лермонтова играет в русской литературе новаторскую роль в развитии повествовательной техники в русской прозе (изображение внутренней жизни Печорина, сцены с изменением художественных кругозоров героев, применение различных стилистических регистров языка, лексического диапазона). Жанр «Княгини Лиговской» определяется как первый социально-психологический реалистический роман в русской литературе.

Сказка «Ашик-Кериб» (1837) представляет, вероятно, азербайджанский вариант восточного сказания, известного, впрочем, и в других национальных версиях. Первым вариантом, с которым была сопоставлена лермонтовская сказка, была Шемахинская запись (1892), давшая идею об азербайджанском источнике (М. Рахили, И.Л. Андроников). М.К. Азадовский и тюрколог М.С. Михайлов, отмечая явное преобладание азербайджанских слов в сказке, говорят о присутствии в ней арабских, армянских, общих тюркских языковых элементов. Одни исследователи указывают на почти полное соответствие текста сказки Лермонтова варианту азербайджанского дастана (легенды, эпического произведения в фольклоре или литературе Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии), записанного фольклористом А. Ахундовым в 1944 г. в селении Ахмедли Лачинского района. Другие соотносят с лермонтовским «Ашик-Керибом» один из армянских вариантов, записанный в 1935 г. в Зангезурском районе Армении фольклористкой Р.Р. Орбели, и грузинский вариант азербайджанской сказки (записан в 1930 г. в селении Талиси, недалеко от Ахалцихе в Грузии). С.А. Андреев-Кривич отметил близость кабардинского варианта лермонтовскому, он проводит параллели с туркменским дастаном о Шасенем и Гарибе и указывает на «соответствия в сюжетных схемах «Лейли и Меджнуна» Низами Гянджеви и «Ашик-Кериба».

В пользу армянской христианской, как и армянской дохристианской версии говорит важная деталь: в исламе нет почитания святых и запрещается изображение ликов святых. И если лермонтовский сюжет перекликается с армянским преданием, в котором «волшебные» силы (всадник на белом коне) даны без особого ореола «святости», то это по причине того, что

известно, как на армянской земле веками хозяйничали мусульмане, как в армянских домах запрещалось говорить и петь песни на родном языке.

Сведений об осведомлённости Лермонтова о происхождении бытовавшего на Кавказе сказания нет. Также нет точных сведений о времени и месте записи сказания Лермонтова, от кого и на каком языке писатель узнал его, какой была форма представления сказания и как осуществлялась сама запись и вероятный перевод на русский язык. Предполагается связь между фактом записи сказания и встречами Лермонтова с азербайджанским поэтом и философом Мирзой Фатали Ахундовым, у которого он, по предположению И.Л. Адроникова, брал уроки азербайджанского языка.

В основе сказания об Ашик-Керибе лежит типовой в мировом фольклоре сюжет «возвращения мужа на свадебный пир жены», содержащий трёхкомпонентную ситуацию «любовь — разлука — встреча» в её классическом представлении «любовь — разлука — верность (как правило, искушаемая) — счастливая встреча». В ранней прозе Лермонтова («Вадим», «Княгиня Лиговская») просматривается зависимость от противоположного сюжетного решения: «любовь — разлука — измена — встреча».

1837 год, разделивший раннюю прозу Лермонтова и роман «Герой нашего времени» (именно к этому времени относится начало работы над романом), следует считать поворотным временем в художественном сознании Лермонтова-прозаика. Этим годом и датируется запись сказки «Ашик-Кериб», в которой создан образ идеальной любви. «Ашик-Кериб» безусловно выполняет роль «высокого ориентира» для Лермонтова-прозаика.

Имя главного героя сказки весьма значимо: в первой части имени, Ашик, выделяются два важных значения — «певец» и «влюблённый», во второй части, Кериб, — «странник», «чужеземец». Примером того, что Лермонтов учитывал сюжетные мотивы и дух «Ашик-Кериба» при создании «Героя нашего времени», может служить следующее сопоставление: на свадьбе Магуль-Мегери Ашик-Кериб поет: «Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; перед захождением солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз в Тифлизе», а в начале главы «Максим Максимыч» путешествующий литератор так описывает своё путешествие во Владикавказ (заметим, что он едет «на перекладных из Тифлиса»): «Расставшись с Максимом Максимычем, я живо проскакал Терекское и Дарьяльское ущелье, завтракал в Казбеке, чай пил в Ларсе, а к ужину поспел в Владыкавказ».

По мнению Г.В. Москвина, «Внимание к сказке «Ашик-Кериб» непосредственно перед началом работы над «Героем нашего времени» становится дополнительным свидетельством не только общего интереса Лермонтова к фольклору и обращения к нему на протяжении всего творчества. Любовная ситуация и её разрешение в «Ашик-Керибе» содержит типологические признаки, позволяющие соотносить это народное сказание с архетипическими, мифологическими, фольклорными источниками глубинных сюжетных схем и идей повестей, составляющих «Героя нашего времени», особенно в художественной разработке темы любви, которая является основной для развития сюжета произведения».

Первые наброски романа «Герой нашего времени» возникают у Лермонтова, вероятно, летом и осенью 1837 г. на Кавказе и в Закавказье, где он расширил круг своих впечатлений (пребывание в Тамани, непосредственное наблюдение кавказского быта, знакомство с прототипами будущего романа и т. д.). Так, набросок сюжета «Я в Тифлисе...» (1837; см. в разделе «Планы. Наброски. Сюжеты» полного собрания сочинений) имеет точки соприкосновения с «Таманью». В какой-то мере новый роман о Жорже (теперь Григории Александровиче) Печорине является продолжением романа «Княгиня Лиговская» (в тексте главы «Мери» «Героя...» часто встречаются воспоминания — отсылки к событиям, описанным в «Княгине Лиговской»), однако прямой связи между ними нет. «Княгиня Лиговская» так и осталась незавершённой.

Основной период создания романа пришёлся на 1838—1839 гг. Причём на ранних стадиях работы у Лермонтова, вероятно, не было намерения объединить несколько повестей-новелл с единым героем (всё тем же Печориным) в роман. Вспомним, что и печатались они в журналах отдельно, без упоминания о том, что составляют части единого целого. Роман появлялся в печати по частям с 1838 г.: «Бэла» была написана в 1838 г. Первая публикация — в «Отечественных записках», март 1839 г.; «Фаталист» был впервые опубликован в «Отечественных записках» в 1839 г.; «Тамань» была впервые напечатана в «Отечественных записках» в 1840 г. При этом публикация «Фаталиста» сопровождалась редакционным примечанием, написанным, скорее всего, редактором «Отечественных записок» А.А. Краевским: «С особенным удовольствием пользуемся случаем известить, что М.Ю. Лермонтов в непродолжительном времени издаст собрание своих повестей — и напечатанных, и ненапечатанных. Это будет новый, прекрасный подарок русской литературе». Осенью 1839 г. «Герой нашего времени» в основном был закончен, и Краевский не только знал о намерении Лермонтова издать роман отдельной книгой, но и принимал ближайшее участие в редактировании и подготовке к изданию этой книги. Обратим внимание, что Краевский ещё называет будущую книгу Лермонтова «собранием повестей», а сам Лермонтов уже называет «Фаталиста» отрывком из журнала Печорина.

В первых двух новеллах («Бэла», «Максим Максимыч») Лермонтов широко использует повествовательную форму «путевых записок» и «очерков», прежде всего «Путешествия в Арзрум» Пушкина, а также элементы жанра психологического очерка. Три другие новеллы («Княжна Мери», «Тамань», «Фаталист»), составляющие «Журнал Печорина», написаны от первого лица и в известной мере соотносятся с традицией «романа-исповеди» («Адольф» Б. Констана, «Исповедь сына века» Мюссе и др.). Этот метод «анатомирования» характера, своего рода художественный «объективизм», считался достоянием «французской» школы (Бальзак и др.) и отвергался русскими романтиками. Именно такой подход определил собой соотношение элементов художественной структуры новелл и обеспечил целостность повествования. «Княжна Мери», в наибольшей степени связанная с предшествующей прозой Лермонтова («Княгиня Лиговская»), представляет собою «светскую повесть».

В «Герое...» Лермонтов, избрав форму цикла повестей, объединённых общим героем и отчасти автором-повествователем, отказался от

последовательно развивающегося действия. В.Г. Белинский подчёркивал, что части романа «расположены сообразно с внутреннею необходимостью», как части единого целого.

В романе применён композиционный принцип, получивший название «двойной хронологии». Сначала в поле внимания читателя попадают поздние события жизни Печорина, а потом ранние. В работе С.Н. Дурьлина (1940) содержится объяснение этого художественного приёма: автор «заменял хронологическую последовательность событий жизни героя последовательностью знакомства проезжего офицера с личностью Печорина»: «Сперва узнаём о Печорине в порядке объективном (от других лиц)... а потом — в порядке субъективном — от него самого. Личность Печорина объединила повести в звенья одной цепи, заглавие — “Герой нашего времени” — скрепило и замкнуло эту цепь в роман».

Такое построение избавило Лермонтова от необходимости писать полную биографию своего героя; художественному исследованию подвергается не личность в её становлении, а уже сложившийся характер.

В истории русской литературы роман Лермонтова явился первым классическим образцом русского общественно-психологического романа. Тип Печорина, вызвавший особый интерес в русской литературе и обществе, послужил отправной точкой для В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского при анализе русской действительности; открытый Лермонтовым метод психологического анализа в значительной мере предвещал достижения в этой области Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

«Герой нашего времени» — первый оригинальный, неподражательный русский роман в прозе, является вершиной творчества Лермонтова, он входит в число лучших произведений русской и мировой литературы. Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, И.А. Бунин считали его, и особенно главу “Тамань”, одним из лучших произведений русской словесности. Восторженно отзывались о прозе Лермонтова И.Ф. Анненский, В.Г. Белинский, Д.В. Григорович, А.В. Кольцов, И.С. Тургенев. Дмитрий Григорович, автор новеллы «Гуттаперчевый мальчик», писал: «Возьмите повесть Лермонтова «Тамань»: в ней не найдешь слова, которое можно было бы выбросить или вставить; вся она от начала до конца звучит одним гармоническим аккордом; какой чудный язык, как легко, кажется, написано! Но взгляните в первую рукопись: она вся перемарана, полна вставок, отметок на отдельных бумажках, наклеенных облатками в разных местах». К сожалению, до нас рукопись «Тамани» не дошла. Вероятно, одним из последних черновиков «Тамани» видел Лев Николаевич Толстой, когда в 1880-е годы работал в рукописном отделе Румянцевского музея. Лечащий врач семьи Толстого Душан Маковицкий так вспоминал об этом: «Л.Н. ценил “Тамань” по отделке. Лермонтов раз 30 её переделывал. Фёдоров в Румянцевском музее показывал Льву Николаевичу большую книгу черновиков “Тамани”, а вся повесть — страниц в десять». Антон Павлович Чехов считал эту повесть лучшим образцом русской прозы: «Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова, — писал он. — Я бы так сделал: взял его рассказ и разбирал бы, как разбирают в школах, — по предложениям, по частям предложения. Так бы и учился писать».

Роман «Герой нашего времени» — несомненно, самое известное прозаическое творение М.Ю. Лермонтова, о нём написаны тома исследований.

Добавлю лишь, что и для этого произведения автор использовал истории из своей жизни или события из жизни близкого окружения. Так, происшествие с «офицером, странствующим по казённой надобности», в значительной мере заимствовано из собственного опыта, в 1837 году его действительно обокрали в Тамани. Этот случай, кстати, явился поводом, которым воспользовался его убийца Н.С. Мартынов для оправдания своего преступления. В 1837 году отправляющемуся на Кавказ Михаилу Лермонтову в Пятигорске сёстры Мартыновы передали для брата пакет, в который были вложены письмо и дневник, туда же были положены от отца Мартынова 300 рублей. В Тамани Лермонтова обокрали. Встретившись с Мартыновым, Лермонтов рассказал ему о пропаже и отдал ему триста рублей из своих. Позже Мартынов написал об этой пропаже родителям. Они якобы удивились, откуда Лермонтов узнал, что в пакете были деньги. Заподозрили, что Лермонтов, желая узнать, что Наталья Мартынова думает о нём, вскрыл пакет. Это будто бы и послужило причиной дуэли.

Эту версию убедительно опровергла Э.Г. Герштейн. Если бы даже Лермонтов и вскрыл пакет, дуэль должна была произойти тогда же, в 1837 году. Позже, в 1838—1840 годах, Лермонтов часто общался с Мартыновым в Петербурге, могли бы и там выяснить отношения. Подтверждением же слов Лермонтова о краже являются воспоминания сослуживцев о том, что, приехав в Ставрополь, Лермонтов не смог сразу же явиться к начальству, не справив себе новый мундир взамен украденного, за что получил выговор, так как «в штабе нашли, что он должен был явиться сразу, в чём приехал». Опровергает придумку Мартынова и тот факт, что в 1840 году, спустя три года после пропажи пакета, Лермонтов вновь бывает в доме Мартыновых, и сёстры Мартынова находят большое удовольствие в его обществе. Да и сам Мартынов постоянно встречается с поэтом. Эпизод с пакетом или забыт, или разьяснён, и доказано, что никакой вины поэта не было.

О прототипе Грушницкого мнения современников и исследователей расходятся. Некоторые видят в Грушницком портрет Н.П. Колюбакина, другие — будущего убийцу Лермонтова Н.С. Мартынова. Н.П. Колюбакин был разжалован, сослан на Кавказ (интересно, что событие, послужившее причиной такого наказания Колюбакина, произошло в Коломне и описано в дневнике офицера-очевидца, опубликованном Н.С. Ватником в «Коломенском альманахе» в 2018 г.). Колюбакин отличался вспыльчивым характером и в любой момент был готов вызвать «обидчика» к барьеру, за что был прозван современниками «немирным Колюбакиным». Случайно встретившись с Лермонтовым, он и его готов был вызвать на дуэль за нелестный отзыв о понравившейся Колюбакину книге, однако, узнав, что перед ним автор стихотворения «На смерть поэта», признал за ним право на такую оценку и стал его верным товарищем.

Что касается «Бэлы», то дальний родственник Лермонтова Михаил Николаевич Лонгинов вспоминает: «Основанием рассказа «Бэла» было истинное происшествие, конечно, опоэтизированное и дополненное вымышленными подробностями». От своего двоюродного дяди Акима Акимовича Хастатова, жившего в своём имении на берегу реки Терек, Лермонтов услышал романтическую историю о похищенной из Ташкичу кумычке Бэле, которая одно время жила в имении Хастатовых. Крепость

Ташкичу (Каменный Брод), о которой идёт речь в повести «Бэла», находилась на берегу реки Аксай примерно в 19 км от имения Хастатовых.

Впрочем, существуют и другие предположения. Так, некоторые исследователи считают, что прототипом Бэлы в известной мере послужила жена сослуживца Лермонтова по Нижегородскому драгунскому полку Г.И. Нечволодова — 22-летняя Екатерина Григорьевна.

Черкешенка из племени абадзахов, ребёнком она была найдена русским казаком в сожжённом ауле. Он взял сиротку в свою семью, проживавшую в станице Белореченской на Кубани. Девочку звали Сатанаисой, но её окрестили, дали имя Екатерина и воспитывали в русских православных традициях. Она быстро освоила русский язык.

Здесь её и повстречал Григорий Иванович Нечволодов, разжалованный подполковник Павлоградского гусарского полка. Он был одним из тех удивительных людей, которые часто встречались на Кавказе в те времена. Отважный офицер, лично отмеченный Суворовым, бретёр и игрок, получивший свои боевые награды в войне с Наполеоном, разжалованный за дуэль... К началу 1820-х годов Григорий Иванович сумел выслужиться и возратить себе звание и ордена. Но потом он совершил проступок, которого стыдился всю последующую жизнь... Будучи страстным игроком, он проиграл казённые деньги. Наказание последовало незамедлительно: новое разжалование, лишение наград и ссылка на Кавказ.

Вслед за ним на Кавказ отправилась и жена. Детей у супругов не было, и пара решила взять на воспитание сироту. Выбор пал на маленькую Сатаней, звавшуюся к тому времени Екатериной. Девочка очень привязалась к приёмным родителям, а те, в свою очередь, не чаяли в ней души. Семейство отправилось в Кахетию, к новому месту службы Нечволодова. В пути его жена внезапно скончалась от инфаркта; отец же с приёмной дочерью прибыли в свой полк и поселились в селе Царские Колодцы. До 1830 года Григорий Нечволодов жил вдовцом.

Солдаты и офицеры 44-го драгунского Нижегородского полка, в котором нёс службу Нечволодов, обожали Катеньку, считая её за дочь полка. Воспитанием и образованием девочки занимались блестяще образованные сослуживцы отца: Л.С. Пушкин (брат поэта), ссыльные декабристы — П.А. Бестужев, Д.А. Искрицкий, А.Е. Рынкевич, и Екатерина Григорьевна стала образованной и воспитанной девушкой.

В 1830 г. Григорий Иванович женился на своей повзрослевшей воспитаннице.

Екатерине Григорьевне (1815—1887) было тогда 15 лет. Большая разница в возрасте не помешала их счастью: родились дети, а дом «с его прекрасной хозяйкой молодой» стал приютом для многих гонимых судьбой людей. Наверное, это были самые счастливые времена в их недолгой совместной жизни. Известный военный историк В.А. Потто писал: «Неравенство в годах не мешало их супружескому счастью, потому что всё прошлое, пережитое ими вместе, делало их самыми дорогими существами друг для друга».

Дом Нечволодовых в Царских Колодцах превратился в своего рода салон, оазис русской культуры в Закавказье, где звучала музыка, читались стихи, велись горячие душевные споры о живописи и литературных новинках. Проездом в Арзерум в нём гостил А.С. Пушкин. Бывали

Бестужев-Марлинский, Раевский, Одоевский, князь Григорий Гагарин... Как свидетельствуют сослуживцы Нечволодова, Катенька отличалась удивительной восточной красотой. Лермонтов словно её портрет написал в повести «Бэла»: «И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза чёрные, как у горной серны, так и заглядывали нам в душу».

Лермонтов познакомился с этой прекрасной и воспитанной черкешенкой в 1837 году, когда был переведён в Нижегородский полк за стихотворение «На смерть поэта». Долго их знакомство считалось положительным, но во 2-й половине XX в. найдены документальные подтверждения — мемуары Спиридона Чавчавадзе. Восемилетним мальчиком Спиридон слышал рассказы Екатерины Григорьевны о том, что Лермонтов бывал у них и даже танцевал с нею мазурку в гостиной. Вероятно, этот гость особенно запомнился Екатерине Григорьевне. Ряд исследователей склоняются к версии, что Екатерина Нечволодова была не только прообразом горянки Бэлы в «Герое нашего времени», но и повлияла на новую редакцию «Демона», где действия поэмы переносятся на Кавказ и возникает образ Тамары.

Каждый год в день рождения Лермонтова Екатерина Григорьевна с детьми приезжала в Карагач, где был установлен памятник поэту. Его установил на свои средства грузинский поэт князь А.Г. Чавчавадзе (тесть А.С. Грибоедова). Он тоже служил в Нижегородском полку в 1837 году, хорошо знал и любил Лермонтова. А когда поэт погиб, Чавчавадзе решил увековечить его память на земле Кахетии. Екатерина Григорьевна с дочками возлагали к подножию памятника цветы, прибирали вокруг, потом некоторое время сидели рядом... И возвращались в Царские Колodцы.

Екатерина Григорьевна скончалась в 1887 году. Её похоронили рядом с мужем. Офицеры провожали её в последний путь с оркестром, но не траурной музыкой, а маршем Нижегородского полка.

Прототипом Вернера с большой долей достоверности считают доктора Н.В. Майера, знакомого декабристов, сосланных на Кавказ. «Его наружность была из тех, которые с первого взгляда поражают неприятно, но которые нравятся впоследствии, когда глаз выучится читать в неправильных чертах отпечаток души испытанной и высокой».

Вероятно, своеобразие Н.В. Майера настолько привлекло Лермонтова, что он перенёс в роман не только внешние, но и психологические его характеристики: любовь к парадоксам, мягкость под маской саркастичности. Сохранены даже некоторые детали биографии (успех у женщин, история его любви) и поведения (привычка рисовать карикатуры). В «Герое нашего времени» Вернер — «скептик и матерьялист», знавшие же Майера отмечали как его скептическое отношение к официальной религиозной догматике, так и тяготение к мистицизму.

Первая встреча М.Ю. Лермонтова с Майером произошла в 1837 году на Кавказе. Близкое же знакомство состоялось летом в Пятигорске. В октябре-декабре их общение продолжилось в Ставрополе, что и нашло своё отражение в романе «Герой нашего времени». В дневнике Печорина читаем: «Я встретил Вернера в С... среди многочисленного и шумного круга молодёжи».

Прототипом Вулича является поручик лейб-гвардии Конного полка И.В. Вуич. Это сходство подтверждается тем, что в рукописях романа Лермонтов называет героя не Вулич, а именно Вуич.

«Герой нашего времени» — высшее достижение лермонтовской прозы, шаг вперёд не только по сравнению с его ранними опытами; по своему методу это принципиально новое произведение в контексте всей прозаической литературы его времени. Объективный, исключая прямой авторский участие характер подачи героя, осуществляемый, с одной стороны, с помощью сопутствующих ему персонажей, с другой — через его «самораскрытие», — вот отличительная особенность лермонтовского романа», — отмечает И.С. Чистова.

Повесть «Штосс» («У графа В... был музыкальный вечер», 1841) часто рассматривают как незаконченное произведение. Из воспоминаний Е.П. Ростопчиной известно, что Лермонтов прочитал «Штосс» на вечере у Карамзиных в марте 1841 г., окружив это представление таинственностью: он пришёл с толстой стопкой бумаги, попросил закрыть окна и двери и зажечь свечи. Слушатели настроились на долгое чтение, однако, прочитав несколько страниц, Лермонтов завершил его.

Повесть во многом порождена атмосферой петербургского литературного круга Карамзиных, В.Ф. Одоевского, В.А. Жуковского, Е.П. Ростопчиной, в который Лермонтов вошёл осенью 1838 г. Здесь часто затевались религиозные споры, разговоры о мистике, науке, возможном рациональном объяснении сверхъестественного.

Имея ярко выраженный фантастический характер, «Штосс» содержит черты светской и философской повестей, готических романов, психологического очерка. Американский учёный-славист Антония Глассэ относила его к популярному и поныне жанру «Дом с привидениями». При всём своеобразии «Штосс» переключается с другими произведениями Лермонтова, прежде всего, с повестью «Фаталист», в которой также появляются темы вызова судьбе, карточной игры, таинственных предчувствий, рокового совпадения событий.

Действие повести «Штосс» начинается в аристократическом салоне. Наличие возможных прототипов (салон графа М.Ю. Виельгорского) особенно сближает происходящее с действительностью. Фантастические элементы вкрадываются в повествование незаметно, подспудно вырастая из самой гущи реальных событий. Мистический тон происходящему задает баллада И.В. Гёте «Лесной царь», исполняемая певицей, сюжет баллады во многом превосходит судьбу главного героя повести.

О.Б. Заславский отмечает, что «целый ряд ситуаций, представленных или упомянутых в «Штоссе», является воспроизведением сюжетной схемы «Лесного царя» и может быть описан в общем виде как «Некто лишается своего творения, которое попадает в руки чуждых сил (или сам платит своим творением как средством)». Ездок лишается ребёнка, похищаемого Лесным царём, «первые артисты столицы» платят своим искусством за право попасть в аристократические салоны, старик-привидение играет в карты на дочь». А. Глассэ заметила, что сама повесть (по крайней мере, её значительная часть) написана ритмической прозой, совпадающей с ритмикой исполнения певицей баллады Гёте на языке оригинала.

Раз уж зашла речь о музыке в повести, то следует отметить и ещё один музыкальный момент. Дом Штосса находился неподалеку от Кокушкина моста. Этот мост был назван так по фамилии купца Василия

Кокушкина, дом которого находился на углу Садовой улицы и Кокушкина переулка. Главный герой повести художник Лугин в поисках нужного адреса переходит по мосту и обращается к проезжающему мимо извозчику: «Где Столярный переулок? — спросил он нерешительным голосом у порожнего извозчика, который в эту минуту проезжал мимо его шагом, закрывшись по шею мохнатою полостию и насвистывая камаринскую. Извозчик посмотрел на него, хлыстнул лошадь кончиком кнута и проехал мимо».

Как заметила А. Глассэ, здесь скрыта насмешка, связанная со второй строкой этой песни: «Ты куда это вдоль улицы бежишь?», намекая, что Лугин и так идёт в верном направлении. Таким образом, хлестнув лошадь, извозчик проехал как раз в нужном направлении, то есть он тем самым и указал путь к Столярному переулку.

Немалую роль в «Штоссе» играет образ незримо присутствующего рассказчика. Изображая вполне реальные события сквозь призму болезненного сознания героя, он делает тон повествования сдержаннее и суше по мере развёртывания истории игры Лугина со стариком-привидением, что неожиданно сообщает фантастическому оттенку закономерности.

Многоплановость «Штоссу» во многом придаёт ирония. Типичные мотивы «страшных» историй (неведомый голос, таинственный портрет, поединок с приведением и др.), появляющиеся в повести, благодаря иронии приобретают оттенок лёгкой пародии. С другой стороны, ирония лишает повествование романтической экзальтации, углубляет серьёзность и трагизм переживаний Лугина. Не лишён иронии и каламбур, послуживший заглавием повести. Штосс — это фамилия, название карточной игры и вопрос («Что-с?»), который в расстроенном сознании героя сливается воедино с именем призрака, воспринимаемого тем самым в качестве хозяина дома. Для читателей же ответ старика продолжает быть вопросом. Будучи на первый взгляд мистификацией, он постепенно обретает множество смыслов и остаётся неразгаданным.

Завершая разговор о повести «Штосс», следует ещё раз упомянуть о её якобы «незавершённости». Заканчивается повесть выбором Лугина: «И всякий вечер, когда они расставались, у Лугина болезненно сжималось сердце — отчаянием и бешенством. Он уже продавал вещи, чтоб поддерживать игру; он видел, что невдалеке та минута, когда ему нечего будет поставить на карту. Надо было на что-нибудь решиться. Он решился». Мы не знаем, на что решился доведённый почти до отчаяния герой, пытающийся отыграть у старика оживающий портрет красавицы и спасти её. Каждый может домыслить сам. Но эта фраза: «он решился» — является завершением повести.

В очерке «Кавказец» (1841) проявилось намечающееся в русской прозе этого времени тяготение к нравоописанию. Это типичный психологический очерк, один из первых образцов этого жанра, предвосхищающий психологические зарисовки В.И. Даля, И.И. Панаева, Д.В. Григоровича. Здесь нет развёрнутого сюжета: внимание автора сосредоточено на почти научном описании некоего человеческого «вида»; обобщённого социального типа, порождённого определённым общественным слоем. Появление «Кавказца» в творчестве Лермонтова вполне закономерно: его интерес

к описаниям такого рода зафиксирован и в «Сашке», и в «Княгине Лиговской», и в «Тамбовской казначейше», и в «Герое нашего времени», содержащих немало элементов «психологии».

Некоторые исследователи (С.Н. Дурьлин, В.А. Мануйлов, И.Л. Андроников) считают, что Лермонтов в «Кавказце» «восполняет недосказанное в “Герое нашего времени”». Другие (Э.Г. Герштейн) рассматривают очерк как иронический, выявляют в нём элементы автопародии. Честно говоря, мне представляется, что Лермонтов описывает своего персонажа пусть и с доброй иронией, но вполне сочувственно.

Очерк «Кавказец» имеет самостоятельное значение и внутренне связан со стихотворениями «Спор», «Валерик» и «Завещание». В «Кавказце» описан тип русского офицера, сформированного кавказской войной. Лермонтов выделяет три типа кавказцев — «настоящих», «грузинских» и «статских». Формирование типа «настоящего» кавказца он связывает с эпохой А.П. Ермолова. Это «скромный труженик войны», армейский офицер, испытавший все тяготы походной жизни. Он «понял вполне нравы и обычаи горцев», воспринял язык и культуру завоёванных народов. В очерке проступала мысль о том, что война — это сложный процесс, когда конфликт, противостояние постепенно приобретают черты межкультурного диалога. Тип кавказца даётся не в статике (что характерно для психологического очерка), а в динамике. Лермонтов не просто описывал распространённый социально-психологический тип, а раскрывал основные вехи биографии офицера-кавказца.

В этой статье коротко изложен путь Лермонтова-прозаика. За пределами статьи остались лишь драмы, написанные прозой, да ещё небольшие автобиографические и творческие заметки. Также за её пределами остался огромный пласт исследований, касающихся замыслов автора, языка произведений, их трактовки... Задачей автора было вызвать интерес читателей к самой прозе М.Ю. Лермонтова, почувствовать её притягательность, насладиться лермонтовским словом, постичь духовное богатство нашего русского языка.

Завершить же этот обзор хочется оценкой Николая Васильевича Гоголя: «Лермонтов-прозаик будет выше Лермонтова-стихотворца», — заметил он однажды С.Т. Аксакову. По твёрдому убеждению Н.В. Гоголя, «никто ещё не писал у нас такой правильной, прекрасной и благоуханной прозой». Читайте Лермонтова!

Исторические
чтения

Графика Василины Королёвой

Юрий Галич — один из забытых писателей русского зарубежья. Работал и издавался в предвоенной Риге.

К сожалению, о Юрии Галиче (настоящее имя его Георгий Иванович Гончаренко) известно очень немного. Родился в 1877 году на Украине, учился в Гвардейской школе в Петербурге, в детстве жил в Варшаве (товарищем его детских игр был будущий террорист Борис Савинков). Служил в армии и дослужился до генеральского чина. После революции оказался на Дальнем Востоке, затем переехал на запад и осел в Риге. Здесь, в одном из крупнейших литературных центров русского зарубежья, он и развернулся как писатель: стихи, романы, рассказы, путевые очерки.

Умер Галич в декабре 1940 года в Риге. Много времени уткло с той поры, а ещё больше — с тех времён, что описываются в его простых, незамысловатых рассказах.

Биографические заметки

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТЕНИ

Записки о минувшем¹

Проза Юрия Галича — это проза военного: педантично, скрупулёзно вспоминает он события и людей, иногда лично ему знакомых и известных, а иногда знакомых по воспоминаниям других.

Проза Галича — это реставрация и реконструкция судеб, характеров, ситуаций. Не эпопея, но панорама. Холодное повествование, где чередуются поля сражений и танцевальные вечера в салонах литературных знаменитостей, площадки для выездки верховых лошадей и военный плац, где возникают тени и силуэты персонажей: Лермонтов... внук Пушкина... морганатическая жена великого князя... поэты... офицеры...

Рассказы, которые, может быть, сами по себе, по отдельности, и не могут удивить или заворожить (избалованный великой литературой русский читатель вправе предъявлять высокие требования), вместе, следуя чередой, нанизывая имена и судьбы, восстанавливая картинку прошлого, создают вдруг именно картину ушедшей России: блистательной, великой, торжествующей — несравненной Родины.

В той России много чего было неверного. Но было то, что отделяет Россию «ту» от «нынешней». Солдаты и крестьяне, конечно, те же. А вот тип «начальников» и «хозяев» изменился. Великие князья и графы, лифляндские бароны и муромские дворяне, их дети и внуки — все они, из поколений в поколения, служили

¹ Публикация и предисловие Станислава Никоненко.

в армии. И в гвардейских кавалерийских полках, и в пехоте, и в артиллерии. И погибали за Россию. И в этом основное отличие от сегодняшних времён: сегодня сановные министры, офицеры и поэты, их дети и внуки делают всё, чтобы ничем не послужить России.

САКСОНСКИЙ САД

Поэма

Пышный, яркий, роскошный, он раскинулся в самом центре польской столицы.

На площади, перед входом в сад, сверкая золочёными куполами, стоял разрушенный ныне величественный собор. В моё время вместо собора был памятник.

Чёрный памятник из гранита, с бронзовыми орлами и львами, соединёнными тяжёлой цепью. Он был поставлен в царствование императора Николая I в честь офицеров-поляков, сохранивших верность присяге и убитых повстанцами в 1831 году. Их фамилии были вырезаны на чугунной доске. Перед постройкой собора памятник был перенесён на Варецкую площадь. И время от времени, невзирая на бдительность варшавской полиции, чья-то таинственная рука чертила мелом гранит:

Седём орлув и пенч львув —
То за надто для тых псув!

Это было тогда, когда варшавским генерал-губернатором и командующим войсками был крутой солдат генерал-адъютант Гурко. Поляки его не любили, но уважали. Русские чувствовали также его твёрдую, привыкшую сжимать кавалерийскую саблю, руку.

Гурко жил в королевском дворце, выходившем на Краковское Предместье и на Вислу. Старый фельдмаршал жил довольно открыто, устраивал торжественные приёмы и часто, сопровождаемый кубанскою сотнею, совершал в коляске прогулку по Уяздовским аллеям. Он был небольшого роста, подвижный, сухощавый старик, с семью раздвоенными бакенбардами, с удивительно звонким голосом.

Я родился и вырос в доме — огромном здании штаба, окна которого выходили частью на Саксонскую площадь, а лицевой фасад, с грандиозным балконом и колоннадами, примыкал непосредственно к Саксонскому саду.

Кто не знает его, раскинувшегося в томной неге, как избалованная красавица, среди старых «палацев», оживлённых улиц и площадей «маленького Парижа» на Висле?.. С вековыми каштанами курфюрста саксонского и славного короля польского Августа II. С подстриженными газонами, клумбами роз, с задумчивыми аллеями, фонтаном и зеркальным прудом, на котором плавали чёрные австралийские лебеди. С белевшими на всех углах Афродитами, Дианами, Ледами и прочими богинями и богами греческого Олимпа. С его изысканной публикой, весёлою детворой и сероглазыми польскими панночками. С уланскими трубачами в синих

мундирах и киверах, игравшими по воскресным дням красивые увертюры из «Лёгкой кавалерии» и «Пророка». Наконец, с его лотереей, в которой можно было за десять серебряных грошей выиграть рояль, корову и даже лошадь с коляской.

Моё детство тесно связано с этим садом. Первые воспоминания золотых дней, первые детские игры протекли в нём.

Я носил тогда матросскую курточку и находился под наблюдением мадемуазель Мари Леруа, ещё не старой и достаточно кокетливой парижанки, внушавшей мне известное уважение своей рослой фигурой и тем обстоятельством, что во времена осады Парижа в 1871 году ей пришлось отвесть маринованных крыс.

Моими закадычными друзьями были шустрый пригостишка классической гимназии Сашка Добролюбов, или иначе — Анаконда, великий предводитель команчей, и долговязый «реалист» Ромка Четыркин. Кроме того — скромный мальчик Саня Орлов, первый ученик и обладатель редчайшей коллекции марок, в числе которых был предмет нашей детской зависти и восхищения «Сиам с белым слоном», уникал, случайно приобретённый им за два злотых. Потом был ещё Женька, сын маленького чиновника, просвещавший нас по многим вопросам. Официально он назывался Чёрной пантерой, обыкновенно же мы называли его Сучкой. Это больше к нему подходило. Иногда с нами играл Боря Савинков...

Как памятливы эти весенние дни, эти майские варшавские шумы, тихий рокот колёс по асфальтовой мостовой, этот мягкий, напоённый соками воздух, первые почки, первые свечи каштанов, зеленеющая трава, оживлённое чириканье воробьёв и кусты жасмина на боковой «Бабьей аллее»!.. Кругом бегали дети, на скамейках подле колясочек сидели мамки и бонны... В саду, на открытой террасе у Люрса, нарядная публика ела мороженое и тянула через соломинку «гренадин» и другие прохладительные напитки...

Старый-престарый отставной генерал Сорочинский греет на солнышке кости и кормит мякишем воробьёв. От него знакомо пахнет нафталином, а шинель с красными отворотами совсем протёрлась и лоснится на воротнике. Он подзывает к себе, треплет по пухлому подбородку и угощает клейкими леденцами. Его нос в красных жилках, лицо в сетке мелких морщинок, которых становится ещё больше, когда он рассказывает про знаменитого графа Паскевича, про венгерский поход и осаду крепости Комморн:

— А почему Комморн?.. Ну-ка?.. Комморген — вот почему!.. Хе-хе-хе!..

Волоча по земле кривые блестящие сабли, иногда прогуливаются гусарские офицеры Гродненского полка. Я со всеми знаком.

Вот, например, поручик Бартнев. Он вскоре прославился тем, что убил артистку Висновскую. Это было громкое кошмарное дело. Вот его друг — бравый штаб-ротмистр Елец. Про него говорили потом, что за какой-то памфлет он высек петербургского журналиста Буренина. Как очарованный, я гляжу на их зелёные, отороченные барашком мундиры с серебряными шнурами, лелея мечту надеть такую же нарядную форму и брэнчать такую же саблей.

На скамейке возле пруда, на котором плавают чёрные лебеди, сидит известный писатель Сенкевич, с бородкой, бледным худощавым лицом.

Мне очень нравилась его «Ганя». Я ему как-то это даже сказал. Он улыбнулся и спросил, как меня зовут и где я живу.

— Жоржиком! — говорю я. — Жоржиком из Саксонского сада!.. Из пятой квартиры!.. Вон там!..

Он улыбается ещё больше, вступает со мною в беседу, и я рассказываю ему много других интересных вещей. Он часто сиживал в нашем саду и любил смотреть, как плавают чёрные лебеди.

Иногда приходят цирковые артисты с Ординацкой улицы. Я их всех тоже хорошо знаю, начиная с воздушных гимнасток — четырёх красавиц — сестёр Киарини и кончая знаменитым клоуном Дидиком Вельдеманом. Я бегал в цирк почти каждый день, а в сестёр Киарини был, признаться, даже немного влюблён.

К главным воротам подъезжает коляска, запряжённая парой лошадей. Они пегой масти, белой с коричневым. На левой ляжке у них корона и вензель «Н.Н.». Из коляски выходит высокий представительный офицер, перед которым тянутся стоящие у ворот городской и два жандарма. Это — варшавский градоначальник, флигель-адъютант полковник Клейгельс.

Вообще много всякой публики бывало в нашем саду...

Мы играем в пятнашки. Становимся в круг, а Сашка, тыкая каждому в грудь, бормочет скороговоркой:

Анку-дранку-дрили-дрю,
Фебер-фабер-фибер-фу...

Кто «фу» — тот пятнашка. Как воробьи, мы разлетаемся во все стороны и бегаем вокруг скамеек, цепляясь за мамок и бонн, чинно, с вязаньем в руках, ведущих беседу. Наш «дом» — площадка возле статуи Геркулеса с отбитой рукой и листиком между ног. Раскрасневшиеся, уставшие от беготни, бултыхаемся на скамейку, на которой сидят барышни. Презрительно поджав губки, они отодвигаются и продолжают оживлённо щебетать. Долетают отдельные фразы:

— Панна Ирена!.. Моя кохана!.. Слово гонору, моя дрога Андзюля!..

Тогда мы начинаем разговаривать между собой «по-французски». В сущности, нужно знать только три слова. Сашка говорит:

— Антр ну суа ди!

Ромка передаёт:

— Плюсвамперфектум!

Я отвечаю:

— Аксансирконфлекс!

Вот и всё. Каждый раз только меняется интонация. Барышни изумлённо оглядываются.

Потом начинаем возиться и «жать масло». В конце концов Ромка толкает меня на барышень. Те вскакивают и с негодующим видом уходят. Мы хохочем, как сумасшедшие.

Через минуту бежим на «Бабью аллею». Залезаем в кусты и некоторое время жуём сладенькие почки жасмина и кисленьких муравьёв. Ромка вынимает из кармана рогатку и бьёт по окошкам. Там живут штабные чиновники.

— Дзыннь! — лопаётся стекло.

Затем начинается игра в «классы». Обыкновенно в это время приходит Саня Орлов. Он иногда приносит свой аккуратно переплетённый альбомчик, меняет нам «дубликаты» и показывает новые марки. Бедный Саня Орлов!.. Он недолго был нашим товарищем. Укушенный бешеной кошкой, Саня умер перед vacances.

Появляется Сучка — Женька Дмитревский. Наверно, с какими-нибудь новыми фокусами... Ну, конечно!.. Он показывает нам карточку, на которой сняты совсем голые люди. Потом вынимает коробочку с дохлыми пауками, ржавыми пёрышками, кусочками цветного стекла и предлагает «меняться». В коротенькой курточке, в пояске с металлической бляхой, приходит Боря Савинков. Некоторое время он молча наблюдает за нашей «меню» и игрой. А потом тоже вступает в компанию, ловко кидает в квадратик свинчатку и скачет на одной ноге.

Но, как нарочно, в самую увлекательную минуту мадемузель Леруа, незаметно подкравшись, хватается за рукав и тянет домой.

Я упираюсь и кричу на весь сад. Это её не останавливает, и она только произносит сквозь зубы:

— Тезе ву!.. Вуле-ву ке же диз а маман? Эмбесиль!

Самой интересной игрой была, конечно, «битва команчей». Она происходила обыкновенно на той же знаменитой «Бабьей аллее», среди кустов жасмина, акаций и в полутёмных подвалах старого дома, где помещался склад чьей-то картошки.

Мы вербовали в наши ряды десятка два сверстников и делились на две равные партии. Предводителем одной был Анаконда. Его ближайшим помощником был Следопыт, то есть я. Гризли-Четыркин вместе с Сучкой — наши противники. Это была удивительная игра!

Редкий бой проходил без потерь. Но ещё задолго до решительного удара малодушные покидали поле сражения и с неистовым воем выскакивали из погребца. Впрочем, как-то самому Анаконде наставили такую шишку под глазом, что он целый час ревел белугой и неделю просидел дома. В другой раз, во время военного совета под председательством Анаконды, какая-то глупая служанка плеснула в окошко помоями.

Но всё-таки это была самая интересная, самая захватывающая игра...

Промелькнули дни детства и широко разошлись наши дороги.

Лет десять спустя, молодым офицером, я встретился с Анакондой в столице. Он был студентом и жил на Бассейной. Мы сразу узнали друг друга и горячо расцеловались. Он носил растрёпанную причёску, курил гашиш и был знаменитостью — председателем основанного им Кружка декадентов.

Чёрт его знает, когда он стал поэтом! Раньше этого за ним не водилось. Он даже подарил мне книжку своих стихов «Натура Натуранс» с обложкой работы Микешина. Потом с ним произошло что-то невероятное. Он уехал на Соловки и исчез навсегда.

Ромка Четыркин тоже попал в «литературу».

По крайней мере, приблизительно в это же время я прочёл как-то в газетах, что студент Киевского университета Роман Четыркин осуждён на каторжные работы. Он зарезал старуху-любовницу.

Что касается Бори Савинкова, его судьба оказалась ещё более необычайной и другим известна, может быть, лучше, нежели мне. Но мне не верится до сих пор, что скакавший на одной ножке скромный тихоня Боря и «страшный террорист» Борис Викторович Савинков — одно и то же лицо.

В своих друзьях детства я не был особенно счастлив. Но я вспоминаю их с тёплым чувством. И с тем же тёплым и радостным чувством вспоминается старый Саксонский сад...

Был пятнадцатый год, была война, был такой же зелёный сверкающий май. На площади уже давно не было памятника, а стоял величественный собор. Я сидел в саду на скамейке, на которой старый генерал Сорочинский когда-то грел свои кости и рассказывал про знаменитого графа Паскевича и венгерский поход. Я долго смотрел на окна нашей прежней квартиры, а потом поднялся и пошёл на «Бабью аллею».

Она нисколько не изменилась. По-прежнему в кустах чирикали воробьи. По-прежнему так знакомо пахли акации. По-прежнему горели белые свечи каштанов. Всё было по-старому. Недоставало только старых друзей. Недоставало даже мадемуазель Леруа, которая хватала меня за рукав и сквозь слёзы бросала:

— Эмбесиль!

И всего было жалко до слёз.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТЕНИ

Рассказ

Большой дом в Эртелевом переулке. Под номером, если не ошибаюсь, шестым. По левой стороне, если повернуть с Итальянской, переименованной впоследствии в улицу Жуковского. Декабрьский мороз жалит щёки и уши. Но в вестибюле сразу охватывает тепло. Лампы кидают мягкий таинственный полусвет на ковры. Широкая лестница ведёт наверх.

Со стариком Сувориным я не был близко знаком. Официальные рукопожатия в толпе гостей не имеют значения. Вдобавок, старик вечно сидел в своём кабинете и работал. Я же был молодой человек, не имевший к литературе ни малейшей прикосновенности.

Однако периодически, раза три в год, получал именной картон со строгим обрезом, на котором стояло:

«Анна Ивановна и Алексей Сергеевич Суворины просят Вас пожаловать и т. д.».

В этих случаях надевалась «обыкновенная» форма — вицмундир, шпага и золотая каска с гренадой. Сорок минут, отделявшие Гатчину от Петербурга, проходили мгновенно. Лихач мчал по Измайловскому проспекту, сворачивал на Загородный, потом на Литейный и, сделав ещё несколько поворотов, останавливался у освещённого особняка.

Анна Ивановна принимала в гостиной. Маленькая, полная женщина (Суворин был женат вторым браком), очень милая, очень приветливая,

протягивала руку, кидала несколько ласковых слов, и вся церемония на этом кончалась. А затем каждый был волен делать всё, что ему было угодно, — танцевать, пить вино или чай, ухаживать или играть в карты или же, наконец, забравшись в соседнюю комнату — «библиотеку», перелистывать иностранные журналы, альбомы и фолианты в роскошных кожаных переплётках с золочёным тиснением.

Приглашённых набиралось человек до ста. Пожилые — в сюртуках и визитках. Молодёжь — во фраках, в военных мундирах. Дамы и барышни — в светлых платьях. Преобладающее большинство лиц принадлежало к литературному и театральному миру, отчасти — к столичной адвокатуре, отчасти — к придворным кругам. Военная и статская молодёжь приглашалась в качестве кавалеров и женихов.

Анастасия Алексеевна, стройная барышня лет двадцати, была на выданье и, кроме внешних, довольно выгодных данных, считалась не бесприданницей. По крайней мере, злые языки уверяли, что счастливый жених получает за невестой всех новременских «покойников» с первой страницы. Даже по тем временам это были, бесспорно, хорошие деньги.

Вечер начинался, как водится, танцами, в большой белой зале. В них принимали участие молодые дамы, барышни, гвардейская молодёжь. Анастасия Алексеевна пользовалась успехом, перепархивала из объятий в объятия и бойко щебетала со своими поклонниками. Она была остра на язычок и держала себя с большой непринуждённостью.

Но истинной царицей бала была всё-таки не она. Общее внимание оставалось на дочери музыкального критика и композитора М.М. Иванова — на Анне Михайловне Шульман. Это была эффектная, недавно вышедшая замуж молодая женщина с прекрасной фигурой. Она, по многим причинам, напоминала мне Анну Каренину. В её лице, горделивой осанке и спокойных манерах было много томной прелести и изящества. За ней увивался целый хвост кавалеров и не давал ни минуты покоя. Её муж, судейский полковник, холодный и бесстрастный, как настоящий юрист, к счастью, избытком ревности не страдал.

М.М. Иванов, головой возвышаясь над всеми, оживлённо беседовал с кем-либо из артистов или известных новременских сотрудников. Его жена, пожилая красивая итальянка, сидела, по обыкновению, возле хозяйки и с интересом следила за танцами.

На паркете кружились вальсировавшие пары. Мягко звучали «бальные» шпоры военных, развевались фрачные фалды. Конногвардеец Бискупский выкрикивал французские фразы:

— Гран рон!.. Вальсэ ком ву-з-ет!..

Прислонясь к косяку дверей, ведущих в столовую, стоял Юрий Беляев. Он был театральным критиком «Нового времени». После «Псиши», а в особенности после «Барышень Шнейдер» он стал известен. Старик Суворин ценил его свежий талант и приблизил к себе, Беляев был одним из его фаворитов. Выше среднего роста, тонкий, с бледным бритым лицом и маленькими чёрными бачками а-ля Онегин, скрестив руки, в задумчивой позе и равнодушным взором скользил по танцующим.

В карточной комнате, примыкавшей непосредственно к зале, можно было наблюдать ряд других лиц. Прежде всего бросалась в глаза

фигура Константина Маковского. Плотный и крупный, с открытым лбом и зачёсанной назад седеющей гривой, он напоминал отчасти боярина, сошедшего с одного из его полотен. Не все признавали в нём большого художника. Но популярность его была велика. Он имел много заказов и зарабатывал, особенно на портретах, крупные деньги. Кто не помнит его «Боярский свадебный пир», «Русалок» и бесчисленных женских головок, исполненных, правда, в одной и той же, несколько шаблонной манере? В произведениях другого жанра он не был так силён. Например — «Смерть Петрония», приобретённая музеем императора Александра III. Она была встречена далеко не единодушным признанием.

Трагический случай вскоре пресёк жизнь маститого художника. Он попал под трамвай и скончался от полученных повреждений.

Вот Виктор Петрович Буренин, он же — граф Алексис Жасминов. Небольшой, с бородёнкою клинышком, бесцветный, с серыми вылинявшими глазами. Со скучающим видом он бродит по комнате между столами. Даровитый критик, поэт, памфлетист, от ядовитого жала которого зачало немало литературных бездарностей. Впрочем, он сам уже в прошлом. Его острые фельетоны, его талантливые пародии — «Песни и шаржи», «Стрелы», «Былое», его «Роман в Кисловодске» — плоды лучших, безвозвратно минувших дней. Он стал выдыхаться. Его критика становилась грубой, скучной, односторонней. На старости лет он стал раздражителен, злобен и порой совершенно невыносим:

На улице лежит собака,
Идёт Буренин, тих и мил —
Смотри, городской, однако,
Чтоб он её не укусил.

Тут же, по обыкновению, держался Михаил Осипович Меньшиков — новое светило на нововременских столбцах. Он был так же невзрачен, угловат, подслеповат, не то интеллигент-народоволец старого типа, не то факельщик погребальной процессии. Его недавно перетянул из «Недели» Суворин, соблазнив, как утверждали, неслыханным гонораром в сорок тысяч рублей.

В период революции Меньшиков, как известно, был расстрелян большевиками.

Можно было наблюдать ещё даровитого публициста Скальковского, по профессии горного инженера. Старого поэта-философа Константина Случевского, одновременно гофмейстера высочайшего двора и редактора «Правительственного вестника». Литераторов Розанова, неистощимого Гнедича, Василия Силовича Кривенко и многих других. Словом, весь нововременский Олимп.

Список, конечно, не полон. Многое ускользнуло из памяти. И, по правде сказать, кто из носивших в то время две звёздочки на погонах в полной мере интересовался этими олимпийцами?

Мысли заняты были другим.

Когда било одиннадцать, переходили в столовую. Она была рядом. Но прежде чем сесть за богато убранный стол, мужчины задерживались на неопределённое время у графинов с закусками. Дольше всех задерживался Орленев. Он чокался со всеми решительно и хлопал рюмку за рюмкой. Он был тогда ещё сравнительно молод, с огромным успехом выступал в «Царе Феодоре» и быстро составил себе большую известность.

Моей неизменной дамой на суворинских вечерах была молодая артистка Александринского театра Шувалова, дочь известного артиста Сазонова. Визави всегда почему-то сидели Бравич и Тинский — один плотный, черноволосый, другой с измятым землистым лицом. Были артисты из Оперы — Куза с супругом, композитором Блейхманом, артисты французского Михайловского театра, Александринки и Малого, артистки и артисты Императорского балета.

Выделялся в военном мундире молодой инженерный генерал Маслов, писавший под псевдонимом А. Бежецкого. Вспоминаются сыновья Суворина — Михаил Алексеевич и Борис. Последний был совсем юн и сидел за «музыкальным» столом в кругу сверстников, лицеистов и правоведов, в форменной курточке воспитанника частной гимназии. Старший сын — «Алексей Порошин» — был в ссоре с отцом. В скором времени он стал издавать «Русь».

В «парадном» углу сидела хозяйка, Анна Ивановна, окружённая самой родовитой «аристократией», среди которой выделялись Далматов и Баттистини. В особенности последний, со своей маленькой головой на крупном туловище, огромным горбатым носом и характерным капулем, спадавшим на лоб.

Ужин проходил оживлённо. Смеялись, шутили, дурачились. Хлопали пробки, раздавались аплодисменты...

С боем часов, бивших полночь, все поднялись с мест, с бокалами в руках. Первый спич произнёс почему-то Далматов. Отчеканивая каждый слог, он начал:

— Мой первый тост за дам...

На винтовой лестнице, спускавшейся из кабинета в столовую, внезапно показался Суворин:

— А я тебе, Далматов, задам!..

Алексей Сергеевич в мешковато сидевшем стареньком сюртучке мелкими шажками обходил гостей, шурил лукавые щёлки из-под стёкол очков, чокался, смеялся, сыпал прибаутками, дружески хлопал гостей по плечу. Повертевшись пять-десять минут, так же неожиданно скрылся...

После ужина начинался дивертисмент. Пел Баттистини, декламировала Сусанна Мент, кто-то играл на виолончели. Потом снова возобновлялись танцы. За вальсом следовала мазурка, па-де-катр, котильон. Звучала музыка. Откуда-то летел серпантин и конфетти.

— Гран рон!.. Вальсэ ком ву-з-эт!..

В первой паре кружилась Настенька с бравым лейтенантом гвардейского экипажа Мясоедовым-Ивановым, вскоре ставшим её супругом.

ЖАНЕТТА ЛОВИЧ

Рассказ

В середине варшавской зимы на балу у наместника, старого князя Зайончека, появилась девушка, обратившая на себя внимание красотой и необыкновенной грацией в танцах.

Она была довольно высокого роста, стройна и изящна. Черты лица были тонки. Носик несколько вздёрнутый. Большие голубые глаза смотрели ласково из-под длинных тёмных бровей. Свеженькое личико было обрамлено роскошными русыми локонами. Простота и изящество сказывались во всём — в движениях, походке, костюме.

Это была графиня Жанетта Грудзинская.

Грудзинские не принадлежали к родовитым польским магнатам. Старый граф проживал в отставке, в усадьбе близ местечка Венгжовец.

Граф был женат на известной в своё время красавице Дерповской, от которой имел трёх дочерей. Граф не был счастлив в супружеской жизни. Красота жены и дикая ревность мужа были главной причиной семейных раздоров. Брак закончился формальным разводом. Графиня уехала с дочерьми в Варшаву, где вскоре вышла замуж за своего обожателя, графа Бронница.

Молодые девушки были отданы на воспитание в варшавский пансион французской эмигрантки мадам Воше. Окончательное образование было завершено в Париже под руководством умной и талантливой гувернантки мисс Коллинс.

Графиня Бронниц вернулась из Парижа в Варшаву в 1815 году. В это время её старшей дочери Жанетте шёл двадцатый год.

На балу у Зайончека её увидел цесаревич, великий князь Константин.

Цесаревич, достигший уже сорокалетнего возраста, почувствовал к молодой графине Грудзинской неодолимую страсть, пылкую, как первая любовь юноши. Графиня стала его единственной мечтой. Великий князь всё более и более увлекался Жанеттой Грудзинской.

Однако последняя держала себя с таким тактом и такой осмотрительностью, что даже злоязычные варшавские кумушки ничего не могли сказать в её осуждение.

Убедившись, что девушка не поддаётся никаким обольщениям, великий князь решил вступить с нею в брак. К этому времени цесаревич добился, кстати, развода с великой княгиней Анной Феодоровной.

Брак заключили 12 мая 1820 года.

Великий князь обвенчался с Жанеттой Грудзинской в церкви королевского замка, сперва по православному обряду, потом в капелле того же замка по католическому в присутствии небольшого числа таких приближённых лиц, как генералы граф Курута, Нарышкин, Альбрехт, Кнорринг.

Жених приехал из Бельведера в кабриолете, запряжённом парюю лошадей, которыми, как всегда, правил сам. Как он ни старался сохранить в тайне день свадьбы, молва быстро распространилась по городу, и все улицы были наполнены любопытной толпой.

Вскоре цесаревич показался на Краковском Предместье в том же самом кабриолете. Но теперь ехал он не один. Рядом с ним сидела избранная им подруга жизни. Варшавяне встретили новобрачных криками радости и восторга.

Поляки чрезвычайно обрадовались женитьбе цесаревича на их соотечественнице. Они не сомневались, что увидят в супруге правителя Польши заступницу своих интересов, как политических, так и личных, не говоря о том, что выбор цесаревича льстил национальному самолюбию.

Но поляки ошиблись. Княгиня сразу же отклонила от себя всякое вмешательство в дела мужа. С удивительным тактом, оставаясь неизменно любезною со всеми, она умела придавать своим отказам самый мягкий характер. Уклонившись от вмешательства в политические дела, княгиня стала на путь широкой благотворительности.

Официальное положение княгини определялось манифестом императора Александра I. В манифесте было указано, что титул великого князя не может быть передан ни его супруге, ни детям. Затем объявлялось, что великому князю пожаловано имение Лович, и в заключительных словах говорилось:

«Положили мы удостоить и сим удостоиваем нынешнюю супругу возлюбленного брата нашего, великого князя Константина, графиню Иоанну Грудзинскую, к восприятию к ношению титула светлейшей княгини Лович».

Личность княгини Лович не выступает в истории. Но в жизни цесаревича Константина оставила огромный след.

Все члены императорского дома оказывали ей внимание. Невзирая на морганатический брак, княгиня во всех торжественных случаях появлялась вместе с царской фамилией.

Что касается императора, Александр I не только не противился женитьбе цесаревича на графине Грудзинской, но, оценив редкие достоинства этой девушки, желал, чтобы она стала женою брата. Есть основания предполагать, что сам император был неравнодушен к Жанетте Лович. Знавший лучше других тяжёлый нрав Константина, император в следующих коротких словах определяет натуру его жены.

— Княгиня Лович — ангел по характеру!

Со времени брака с княжной Жанеттой Антоновной, как называли её по-русски, цесаревич Константин заметно переменялся. При своём вспыльчивом, неукротимом характере он с радостью нёс семейные узы. В молодой жене он видел залог домашнего счастья.

— Я счастлив в своём семейном быту...

— Я обязан ей счастьем и спокойствием...

— Я счастлив у себя дома, и главная тому причина — жена...

Таковы неизменные фразы цесаревича в письмах к своему старому воспитателю Лагарпу.

Цесаревич до такой степени любил молодую княгиню, что не мог расстаться с нею на самое короткое время. Если она куда-нибудь выезжала, он обнимал, целовал руки, лицо и, нащёптывая молитву, крестил её несколько раз.

Молодая княгиня имела чрезвычайное влияние на кипучий характер и неудержимую порывистость мужа. Она нередко предотвращала неудовольствие и неприязнь, которые он возбуждал среди поляков и русских своею необузданною горячностью. Постоянным внушением её были слова:

— Константин, надобно прежде подумать, а потом делать...

Ты же поступаешь наоборот!..

Она сдерживала его в минуты самой страшной запальчивости. Цесаревич смирялся, сознавал ошибки, просил прощения. По меткому выражению современников, «лев был побеждён голубицей!».

Брак с княгиней Лович не лишал цесаревича прав на русский престол. Он только исключал его детей из состава императорской фамилии. Впрочем, брак этот был бездетен.

Кто знает, чем бы разрешился вопрос об окончательном отречении Константина, если бы в ту пору его супругою была не Жанетта Лович, а другая, высокомерная, честолюбивая женщина, побуждавшая его принять императорскую корону?

Со смертью старого князя Зайончека цесаревич стал полновластным распорядителем края. Своим высшим призванием он считал взаимное примирение обеих наций, русской и польской.

Однако, невзирая на многие ценные качества: доверчивость, искренность, прямоту, — цесаревич, по свойствам своей натуры, совершенно не подходил к роли примирителя. Тем более что вся его деятельность и заботы сосредоточивались по-прежнему на одном любимом детище — на польской армии, которую он чрезвычайно гордился.

29 ноября 1830 года вспыхнуло польское восстание.

Подробности этого исторического события: избавление, граничащее с чудом, цесаревича от смерти в Бельведерском дворце, длительные переговоры с мятежными властями, отход во главе верных войск из пределов Царства Польского, трогательные заботы о больной жене, сопровождавшей его в этом тяжёлом походе, — представляют исключительный интерес.

Цесаревич находился в подавленном настроении. Мысль о примирении с поляками не покидала его ни на минуту. С открытием военных действий, находясь при главной квартире, он всячески умерял пыл главнокомандующего фельдмаршала графа Дибича. В решительном сражении под Гроховым он был только в качестве зрителя.

Очевидцы передают, что, когда польский уланский полк лихо понёсся в атаку на русскую кавалерию, великий князь оживился и настолько увлёкся этим смелым манёвром, что захопал в ладоши и закричал:

— Славно, славно, ребята!..

В Витебске великий князь внезапно заболел холериной и через несколько дней, 15 июня 1831 года, скончался.

Набальзамированное тело было положено в гроб, а сердце — в особый ящик, залитый воском.

Прощаясь навеки с супругом, княгиня Лович обрезала свои роскошные локоны и положила их под изголовье усопшего. Стоя на коленях у гроба, сложив на груди руки накрест, княгиня часами молилась и, по словам очевидцев, была «прекрасна, как ангел».

Тело цесаревича было перевезено в Петербург.

В Петропавловском соборе, среди траурного убранства, гроб был поставлен на высоком катафалке, окружённом лицами свиты. Княгиня не отходила от гроба. Её душевные страдания были так велики, что временами казалось, она лишилась рассудка.

После погребения цесаревича княгиня Лович по приглашению императора Николая I переселилась в Царское Село.

Здоровье её, и без того хрупкое, под гнётом испытанных потрясений совсем пошатнулось. Она угасала с заметной быстротой. 29 ноября 1831 года, в первую годовщину восстания, её не стало...

В Царском Селе, напротив Александровского парка, стоит католическая часовня св. Иоанна Крестителя. В склепе под этой часовней погребена Жанетта Лович. Над её могилой, помещающейся под алтарём, поставлен саркофаг с бронзовой доской:

«Здесь поживает её светлость княгиня Иоанна Лович, супруга Его Императорского Высочества цесаревича и великого князя Константина Павловича. Родилась в Познани 29 мая 1795 года, скончалась в Царском Селе 29 ноября 1831 года».

ЮНКЕР ПУШКИН

Рассказ

Это было тогда, когда начальником Николаевского училища был суровый педант генерал Плеве, а командиром эскадрона — полковник Сухомлинов, брат будущего военного министра. Проспект, соединявший Египетский мост с Балтийским вокзалом, назывался тогда Новопетергофским проспектом, а в училищном сквере ещё не стоял красивый мраморный памятник лейб-гусарскому поручику Лермонтову, славному питомцу Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров...

Одним из питомцев был и Сергей Пушкин.

Он приходился прямым внуком поэту и сыном почётному опекуну генералу от кавалерии Александру Александровичу Пушкину.

По внешности он чрезвычайно напоминал своего деда. Маленький, сухощавый, со смуглым продолговатым лицом, с русыми курчавыми волосами, с толстыми губами, с ясным взором серо-голубых глаз.

Это был живой портрет великого поэта с его африканским «ганнибаловским» профилем.

К наукам он не имел ни способностей, ни влечения. Но одним дарованием обладал в полной мере. Сергей Пушкин был превосходным ездоком. Пожалуй, лучшим во всём эскадроне.

Я иначе себе его не представляю — или в манеже, берущим головоломные препятствия, или же — в дортуаре второго, «лермонтовского» взвода, сидящим верхом на деревянной кобыле и предлагающем на пари выдернуть из-под его плотно прижатой к седлу ляжки носовой платок.

Это удавалось не всякому.

Даже обладавшему большой физической силой нашему взводному, великому князю Борису Владимировичу. Ибо «шлюс» у Сергея Пушкина был очень развит.

Пушкин был бойкий, склонный к шаловливым выходкам, чистосердечный, прямодушный юнец. Он был прекрасный товарищ и пользовался общей любовью.

Он вечно разгуливал по эскадрону в кавалергардской фуражке. В этот полк он рассчитывал выйти по окончании училища: «Бренчат кавалергарда шпоры!»

Впрочем, едва ли он подозревал, кому принадлежат эти знаменитые строки. Сергей Пушкин не увлекался поэзией, даже произведениями своего деда.

Он увлекался вольтижировкой и верховой ездой. Не пропускал ни одного конского состязания в Михайловском манеже и любил посещать по субботам цирк Чинизелли.

Весёлые, незабвенные годы!..

Пушкин сидел в классе на задней скамейке. Лекции посещал неохотно. Так называемые «сугубые науки» — химия и механика — не давались ему совершенно.

Когда лектор, артиллерийский академик, маленький капитан Козловский (много лет спустя ставший известным по участию в кронштадтском восстании 1921 года) вызывал, бывало, его к доске, Пушкин выводил мелком H_2O , и познания его этим исчерпывались.

Капитан Козловский ухмылялся в свою чёрную бороду и тоненьким голоском говорил:

— Очень хорошо, Пушкин!.. Но стихи, наверно, пишете ещё лучше! И ставил ему шестёрку.

Когда в класс приходил батюшка — отец Жилин, прозванный юнкерами в шутку «штаб-ротмистром», Пушкин обращался к нему с неизменной фразой:

— Господин штаб-ротмистр, расскажите нам о скопцах!

Класс давился от смеха.

— Пушкин, оставьте ваши непристойные шутки! — кротко отвечал каждый раз батюшка. — Я уже беседовал с вами об этих зловредных сектантах.

Историю конницы читал Генерального штаба полковник Дедюлин, сделавший блестящую карьеру и в звании генерал-адъютанта занимавший впоследствии должность дворцового коменданта.

Он вызывал Пушкина, предлагал ему рассказать о битве под Росбахом в 1757 году и знаменитой атаке Зейдлица. Попутно задавал ряд летучих вопросов вроде следующего:

— Ну, а скажите нам, Пушкин, почему Пётр Великий не мог принять участия в этом славном сражении?

— Пётр Великий был занят великими реформами! — бойко отвечал Пушкин при дружном хохоте класса.

— Правильно! — говорил Дедюлин и ставил ему шестёрку.

Читавший фортификацию инженерный капитан Коллонтай, супруг знаменитой впоследствии советской «послицы», также не мог похвастать познаниями своего ученика. Тем более преподававший механику

инспектор классов генерал Будаевский, завоевавший уважение юнкеров белой подкладкой своего сюртука и своеобразными выражениями старого конника:

— Что за шум в хвосте колонны?.. Разрядить коридор!

И даже в языках, за исключением разве французского, Пушкин спотыкался и хромал на обе ноги. Короче сказать, науку он игнорировал.

И отношение к ней определял краткой юнкерской формулой:

Никаких языков — кроме копчёных!

Никаких тел — кроме женских!

Никаких карт — кроме игральных!

Никаких историй — кроме скандальных!

Но, как сказано выше, был прекрасным наездником. И старый сверхсрочный вахмистр Белявский, занимавший в училище должность берейтора, питал к нему большую симпатию:

— Господин Пушкин мае добрые шенкеля!.. Господин Пушкин буде большой енерал! Чи «Хвортуна», чи «Эхватор» — для господина Пушкина усе единственно! — с достоинством произносил Белявский, покручивая усы и щёлкая хлыстом по кожаным леям. — Чередниченко, вертай коней у тую манэж! — добавлял он, обращаясь к взводному, направляющемуся со свежеею сменой.

Пушкин пользовался, впрочем, общей симпатией...

На вечерних переключках он стоял обыкновенно в задней шеренге, укрывшись от начальнического взора, небрежно прислонясь поясницей к перилам «корнетской» лестницы.

Когда эскадронный вахмистр выкликал по списку его фамилию:

— Пушкин?

Он отвечал по-козлиному:

— Э!

Ловкий, подвижный, в коротком мундирчике, в синих рейтузах, плотно обхватывающих его мускулистые ноги, в савельевских шпорах с «малиновым» звоном — таким он запомнился мне навсегда, и я вижу его как сейчас...

Сергей Пушкин добросовестно поддерживал традиции школы и по отношению к молодым юнкерам был «строг, но справедлив».

Безжалостно поворачивал их двадцать раз налево-кругом. Контролировал свежесть перчаток, носового платка, портупей. Спрашивал про отличия кавалерийских полков — георгиевские петлички, серебряные трубы, ленты на полковых штандартах:

— Молодой!.. Стоянка Ямбургского полка?.. Что на вальтрапе кавалергардов?.. Правильно, молодой!.. Кругом!.. Ать-два!.. Ногу выше!.. Доложите капралу, что корнет Пушкин вами доволен!..

Кроме того, спрашивал про «бессмертие души рябчика» и требовал безукоризненного знания лермонтовской «Звериады» — единственного стихотворения, которое с грехом пополам знал наизусть.

Впрочем, он знал ещё несколько шансонеток.

Лёжа рядом, на соседней койке, он ежедневно брэнчал на гитаре и напевал:

За ууу-жи-ном,
В компа-нии весё-лой...

В юнкерских пирушках, устраивавшихся на частной квартире или в отдельном кабинете известного петербургского ресторана средней руки, он всегда принимал деятельное участие...

Благодаря «звонкому» поведению и малой успешности в науках Сергей Пушкин не мог выйти ни в кавалергарды, ни вообще в гвардию.

В 1896 году он вышел корнетом в 22-й драгунский полк, стоявший в Тирасполе...

Прослужив в полку около года, Сергей Пушкин застрелился.

Вот страничка воспоминаний, связанная с именем поэта и одного из его потомков, за которым невольно вырастала тень великого деда.

ГВАРДЕЙСКАЯ ШКОЛА

Рассказ

1.

Михаил Юрьевич Лермонтов определился в Гвардейскую школу из Московского университета, который покинул по причине столкновения с одним из профессоров.

Елизавета Алексеевна Арсеньева решительно восставала против поступления внука на военную службу.

«Итак, я сделался воином!.. — признаётся поэт в своём письме из школы. — Быть может, тут есть особенная воля Провидения?.. Быть может, этот путь всех короче, и если он не ведёт меня к моей первой цели жить для поприща литературного, то, может быть, дойду по нём до последней цели моего существования?.. Ведь лучше умереть со свинцом в груди, нежели от медленного старческого изнеможения!»

Первые же дни пребывания в школе ознаменовались эпизодом, имевшим для поэта тяжёлые последствия.

Однажды, после езды в манеже, подстрекаемый сверстниками, желая блеснуть удалью и неустрашимостью, Лермонтов сел на горячую, норовистую лошадь, которая стала тотчас его носить, сбивать, перепугала других лошадей, и одна из них лягнула поэта в коленную чашку.

Удар был чрезвычайно силён. Лермонтов упал без чувств, болел в течение месяца и вышел из лазарета со слегка искривлённой ногой.

Это обстоятельство вызвало дружеские шутки приятелей, окрестивших его Маешкой. Так назывался отличавшийся физическим безобразием герой одного французского романа. Этим именем французы зовут обычно всех горбунов. А так как Лермонтов был несколько сутуловат, школьные приятели находили, что кличка эта «весьма ему приличествует».

Поэт не обижался, впрочем, на кличку и сам увековечил её за собой в шуточной поэме «Монго»...

2.

Прятели Лермонтова по школе были примерно одних и тех же лет. Многие из них сменили домашнюю опеку прямо на суровую школьную дисциплину. Состоятельные дворяне, избалованные барчуки попадают здесь в военную обстановку, находящуюся в резком противоречии с прежним образом жизни.

Но если не годами, то общим развитием Лермонтов был много старше окружавших его сверстников. Эта причина выдвигает его сразу из толпы жизнерадостных школяров. Юнкерское удалство, первенство в любой выходке, изощрённость в кознях начальству доставляют ему почтительное восхищение однокашников. Ему прощают и неловкость осанки, и невидность во фронте. Его считают хорошим товарищем, но близко не сходятся.

Одни боятся его несдержанного и острого языка, других отпугивает неприятная, раздражённая насмешка над всем и над всеми. Разве только кузен Столыпин, его будущий однополчанин, мог похвастать приятельской близостью.

Первую поэтическую известность молодой юнкер завоёвывает, главным образом, вдохновенной барковщиной. Протекло много лет, но всем близко знакомы его шуточные вирши, оды, поэмы, шалости юношеского пера, воспевающие в звучной и легкомысленной форме маленькие любовные приключения.

Первые плоды творчества тайком от начальства помещаются в рукописном журнале, выходившем один раз в неделю, по средам, и прочитывавшемся при шумном одобрении, смехе и шутках друзей. Здесь помещена юнкерская молитва, в которой под кличкой Алёха воспет командир школьного эскадрона, лейб-кирасирского Её Величества полка ротмистр Алексей Степанович Стунеев:

Пуškai в манеже
Алёхин глас
Как можно реже
Тревожит нас!

В «Петергофском празднике» изображён одноклассник поэта, юнкер Михаил Мартынов, старший брат того, на долю которого выпал впоследствии роковой жребий стать убийцей поэта.

Здесь же, в стенах школы, написан и «Хаджи-Абрек»...

3.

В школе состоялся очередной, десятый, выпуск.

Из числа сорока четырёх юнкеров эскадронный вахмистр Ермолай Бенкендорф вышел в кавалергарды. Афанасий Синецын и Мирбах — в конную гвардию, Поливанов и князь Шаховской — в лейб-улань, князь Голицын и Вонлярлярский — в преображенцы, Мартынов — в лейб-кирасиры.

Михаил Лермонтов с двумя братьями Череповыми, Андреем и Александром, выпущен в лейб-гвардии гусарский полк. Через год в тот же полк был выпущен и Алексей Столыпин, известный под кличкой Монго.

Эта кличка сохранилась за ним и в петербургском столичном обществе, в котором благодаря красоте, ловкости, остроумию А.А. Столыпин играл не последнюю роль.

Странная судьба связала этих двух лиц.

В школе, а потом и лейб-гусарском полку Лермонтов и Столыпин были друзьями. Когда в 1837 году поэт в первый раз ссылается на Кавказ, Монго-Столыпин немедленно следует за ним.

Отличившись в нескольких делах против горцев и вернувшись в столицу одновременно с Лермонтовым, Столыпин выходит в отставку. Во время дуэли поэта с Барантом, сыном французского посланника, Столыпин состоит секундантом у своего друга. После высочайшей конфирмации и выраженного желания государя определяется снова на службу.

На докладе генерал-аудитора император Николай I кладёт резолюцию: «Поручика Столыпина освободить от надлежащей ответственности, объявив, что в его звании и годах полезно служить, а не быть праздным!»

Столыпин определяется в Нижегородский драгунский полк и, таким образом, разделяет вторую ссылку со своим горячо любимым другом, направленным на тот же Кавказ с переводом в Тенгинский пехотный полк.

Ровно через три месяца, 15 июля 1841 года, Лермонтов был убит на дуэли.

Николай Мартынов, выпущенный из школы в 1835 году в кавалергарды, переходит вскоре в драгуны и во время рокового поединка уже состоит в чине майора. После дуэли по высочайшему повелению предан церковному покаянию и содержался три месяца на гауптвахте в киевской крепости.

Что касается Столыпина, то он уже не в молодых годах в третий раз поступает на службу ротмистром в Белорусский гусарский полк, отличается в Крымской кампании под Севастополем и затем, в третий же раз выйдя в отставку, умирает в семидесятых годах во Флоренции...

4.

В этот «лермонтовский» период, который по справедливости может быть назван блестящим, через ряды гвардейской школы прошло немало даровитых, высокоталантливых светских людей, имена которых стали достоянием русской истории, литературы, искусства.

Были повесы, кутилы и остроумные шалуны, вроде лейб-московца Кости Булгакова, или улана Якова Волкова, или, наконец, вроде пресловутого столичного щёголя красавца Алексея Столыпина.

Но из тех же юнкерских рядов вышел и князь Александр Иванович Барятинский, выпущенный в 1833 году в лейб-кирасирский полк скромным, незначительным офицером, ставший впоследствии покорителем Кавказа, генерал-адъютантом, кавалером орденов святого Георгия 4, 3 и 2-й степеней, шефом Кабардинского пехотного полка.

При приезде фельдмаршала в столицу для него отводились покои в Зимнем дворце. Император Александр II, облачившись в кабардинский мундир, считал долгом нанести первый визит.

Так расценивались заслуги фельдмаршала, в своё время также увековеченного в одном из шуточных стихотворений поэта:

Однажды, после долгих прений
И осушив бутылки три,
Князь Б., любитель наслаждений,
С Лафою стал держать пари...

А несколько раньше, в 1829 году, из школы выпущен в конную гвардию князь Владимир Андреевич Долгоруков. Впоследствии князь стал генерал-адъютантом, генералом от кавалерии и в течение четверти века был, как известно, бессменным московским генерал-губернатором, доступным, простым в обращении, хлебосольным хозяином Белокаменной...

5.

В 1836 году из фельдфебелей школы выпущен в лейб-гвардии Литовский полк будущая гордость и слава линейных казаков легендарный кавказский герой Николай Павлович Слепцов.

В нём рано развилось призвание к военной службе. Это был юноша пылкий и впечатлительный, одарённый богатым воображением. Он не был усидчив в занятиях, быстро схватывал всё на лету, а досуги посвящал чтению любимых исторических книг.

Было бы долго перечислять кавказские подвиги и борьбу Слепцова с Шамилем. Горцы боялись его, любили и уважали. Они ценили в нём достоинства рыцаря и славили его имя в воинственных песнях:

«Знали все горы, сильный и слабый, богатый и бедный, бесстрашную удаль Слепцова и гостеприимную сень его крова!.. Знали его почтенный народ кабардинцы и дальние жители гор телвинцы!.. Знали и мы, чеченцы, соседи его, знали и любили врага своего!.. Слава его высока и светла, как вершина Казбека, а грудь полна боевой отваги, как грудь могучего льва!»

«В этом кавалерийском деле, одном из самых блистательных, — пишет в донесении кавказский наместник князь Воронцов по поводу удачной схватки под Цоки-Юрту, — полковник Слепцов показал образец смелого, неустрашимого, искусного действия конницы, а сунженские казаки покрыли себя новою славой».

В 1850 году молодой полковник Слепцов произведён за новые подвиги в генералы. В следующем году в очередной схватке с чеченцами на берегу реки Гехи он принял геройскую смерть.

Три дня находилось тело Слепцова в Сунженской станице.

Три дня и три ночи народ не отходил от покойного, рыдал над ним, целовал его охладевшие руки. Слепцов лежал в гробу с открытым лицом, в черкеске Сунженского полка. Казаки и слышать не хотели, чтобы надеть на него парадный генеральский мундир. За погребальную колесницу везли знамя и вели белого боевого коня, на котором герой был убит.

И по высочайшему повелению было приказано: «В память генерал-майора Слепцова, образовавшего Сунженский полк и водившего его к неизменным победам, станицу Сунженскую именовать впредь Слепцовской»...

6.

Кроме Николая Павловича Слепцова было немало питомцев школы, отдавших родине жизнь, прославивших своё имя в ряде кампаний. Имена их занесены на мраморные таблицы в домовую церкву школы.

В Крымской кампании пал генерал-адъютант барон Павел Вревский, сражённый ядром на реке Чёрной. Убиты полковники Скюдери, Хитрово, Нейдгардт и Мезенцов. В стычках с горцами убиты генерал Ипполит Вревский, князь Сумбатов и Костомаров. В разное время в разных кампаниях пали майор Ивин, поручик Дубровский, корнет Батюшков, Воронцов, Киревский, Балашов, Корсаков и прочие.

К числу более или менее известных доблестью лиц надлежит отнести кавказских героев — генерала от кавалерии барона Егора Ивановича Майделя, князя Георгия Эривова, Шереметева, Рауха. Нельзя не отметить и Дмитрия Ивановича Скобелева, кавалера святого Георгия 3-й и 4-й степеней, отца Белого генерала.

Михаил Дмитриевич Скобелев не прошёл через ряды школы, но, как известно, молодым кавалергардским юнкером держал при ней офицерский экзамен и выпущен в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк.

А на других поприщах стали известными имена генерал-адъютантов графа Петровского, Тимашева и Потапова, Анненкова, князя Багратиона, наконец, генерал-адъютанта графа Тариеловича Лорис-Меликова, члена Государственного совета Петра Петровича Семёнова-Тянь-Шанского, композитора Модеста Петровича Мусоргского и многих, многих других...

«СУВОРОЧКА»

Рассказ

Едва отгремели раскаты 1-й турецкой войны, генерал-поручик Суворов, пожалованный за взятие Туртукая золотой шпагой с бриллиантами и орденом святого Георгия 2-й степени, прибыл ненадолго в Москву.

16 января 1774 года состоялся его брак с княжной Варварою Прозоровской. Полководец насчитывал уже сорок пять лет. Об этом браке хлопотал, главным образом, отец полководца, мечтавший видеть свой род продолженным в лице внука.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы и сам Суворов на склоне пятого десятка противился брачной жизни. Невзирая на то, что неизменно говаривал про женщин: «Через них потеряли рай», старый солдат, как известно, весьма заботился об устройстве семейной жизни своих подчинённых. И Суворов

пишет своему начальнику генерал-фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому: «Вчера имел я неожиданное мною благополучие быть повенчанным с княжной Варварою Ивановной Прозоровской».

«Благополучие» продолжалось недолго.

Полная, пышная, румяная, олицетворявшая собой тип настоящей русской красавицы, княжна Прозоровская не обладала ни природным умом, ни образованием. Воспитанная на внешних приличиях, княжна была охотница широко и открыто пожить, с наклоном к мотовству. При этом была характера резкого и неуступчивого. Нет ничего удивительного, что молодая красавица, или «оная Варвара», как именовал её Суворов в челобитной о разводе, поданной в духовную консисторию, очень скоро перестала быть «магнитом, его притягающим», по выражению императрицы Екатерины II.

Оба вспыльчивые и резкие, выросшие в совершенно разных условиях, вступившие в брак, во всяком случае, не по любви и по самому свойству суворовской службы постоянно затем разлучаемые, оба супруга внесли в семейную жизнь неурядицу и разлад.

Через пять лет после брака Суворов уже возбудил дело о разводе — «к освобождению от уз бывшего союза». А в 1784 году после нескольких попыток к примирению вовсе разошёлся с женой, определив ей пенсию в три тысячи рублей в год.

Общество стало на сторону жены и во всём обвиняло мужа.

«Правда ли это, что он так спился, что всякий час пьян?» — писала на этот раз своему супругу графиня Румянцева.

263

От брака с княжной Прозоровской у полководца было двое детей — дочь и сын.

Дочь Наташа, родившаяся через год после свадьбы, «графиня двух империй», или просто «Суворочка», как называл её в своих письмах отец, была любимицей полководца.

«Суворочка» не унаследовала ни красоты матери, ни ума отца. И внешность, и внутреннее содержание были вполне заурядны. И лишь благодаря нежным оригинальным письмам отца дочь оставила в истории маленький след.

Горячее чувство слышится в каждой строчке посланий:

«Смерть моя — для отечества, жизнь моя — для Наташи...»

«Как будто бы сердце своё у тебя покинул...»

«Полетел бы в Смольный на тебя поглядеть, да крыльев нет...»

Так пишет ей полководец в каждом письме, с полей сражения Кинбурна, Очакова, Рымника...

Со старинного эстампа, принадлежавшего князю Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому, глядит полное девичье личико с лукавым выражением больших тёмных глаз, с вздёрнутым носиком, с гладко зачёсанными тёмными волосами, в простеньком, собранном на груди складками платье.

Взятая от матери в возрасте девяти лет, «Суворочка» была помещена в Смольный монастырь под ближайший надзор начальницы Софьи Ивановны де Лафон. Шестнадцати лет окончила курс обучения и была отдана в родственную семью Хвостовых.

Хвостов, человек честных и строгих правил, женатый на племяннице Суворова, княжне Аграфене Ивановне Горчаковой, оказал в своё время полководцу немало услуг и деятельно хлопотал о замужестве его дочери. Простой армейский полковник, он дослужился впоследствии до звания обер-прокурора Святейшего синода.

Суворов, к тому времени уже граф Рымникский, граф Священной Римской Империи и кавалер Георгия 1-й степени, со сжимающимся сердцем стал готовить свою любимую дочь к балам, спектаклям, увеселениям высшего петербургского общества. Его пугали растлевающие придворные нравы, эпоха «махания и фаворитизма».

Чувствуя приближение старости, полководец стал подыскивать для «Суворочки» достойного мужа. В женихах не было недостатка. Но долго искал Суворов «жениха первой черты». Многие и многие претенденты были им признаны неподходящими.

Так, молодой Салтыков был забракован потому, что был, по выражению Суворова, «последний жених».

Царевич Мариам Грузинский потому, что «они дики».

Князь Трубецкой оказался негодным, потому что «пьёт, и его отец пьёт, и в долгах, а родня строптивая».

Наконец, князь Щербатов потому, что «взрачность не мудрая, но паче непостоянен и ветрен».

Наиболее серьёзным кандидатом на руку «Суворочки» оказался молодой граф Эльмит — «юноша тихого портрета», как говорил о нём Суворов, «лица и обращения не противного». Однако брак с Эльмитом не состоялся по нежеланию самой «Суворочки» выйти замуж за лютеранина.

29 апреля 1794 года «Суворочка» была повенчана с графом Николаем Александровичем Зубовым, братом известного фаворита Платона Зубова. Свадьба произошла в отсутствие отца, занятого в это время польской кампанией, но приславшего своё благословение и, видимо, чрезвычайно обрадованного: «Ай-да, куда как мне это утешно!» — писал дочери старый Суворов чуть ли не накануне штурма Праги, пожалованный вскоре званием фельдмаршала.

«Суворочка», графиня Наталия Александровна Зубова, имела долгую жизнь и скончалась в 1844 году.

Аркадий Суворов — сын полководца, одарённый, подобно отцу, блестящими способностями, родился в 1780 году и свои детские годы провёл при матери, в Москве. Затем одиннадцати лет был отдан на попечение сестры и её мужа и, по словам Суворова, «учился методически».

Когда старый фельдмаршал поссорился с зятем, Аркадий Суворов был перемещён на жительство к тем же Хвостовым. Девятнадцати лет от роду молодой граф был послан императором Павлом в Италию — «учиться у отца победам».

Это был высокого роста стройный белокурый красавец, обладавший приятным голосом и большою физической силой. В его глазах светился ясный ум, искрились благородство, честность и прямодушие. На языке всегда было острое, меткое слово. Достоинства родителей сочетались в нём в исключительной степени.

Двадцати семи лет пожалованный императором Александром I в звание генерал-адъютанта, он был уже начальником дивизии, отличившись

в походе 1807 года в дунайской армии под начальством Кутузова. А в 1811 году во время новой войны с Турцией молодой граф Аркадий Александрович Суворов-Рымникский князь Италийский утонул в Рымнике.

В том самом Рымнике, на берегах которого его отец одержал в своё время одну из своих самых блестящих побед.

«О, Рымник!» — восклицает историограф. — Ты дал имя отцу и гроб сыну!»

Князь Аркадий Суворов оставил двух сыновей.

Старший из них, князь Александр Аркадьевич, родившийся в 1804 году, начал службу в рядах конной гвардии, участвовал в персидской кампании, служил на Кавказе и в Польше, неоднократно был посылаем с дипломатическими миссиями к немецким дворам.

В 1848 году князь Суворов был назначен ливонским, курляндским и эстляндским генерал-губернатором, на каковой должности пробыл четырнадцать лет, сохранив о себе лучшую память. Это был благообразный по внешности сердечный, гуманный, в высшей степени честный и порядочный человек, не столько, может быть, военный, сколько дипломат и администратор.

В 1861 году князь Суворов был назначен санкт-петербургским генерал-губернатором, состоял генерал-адъютантом и был одним из самых близких друзей императора Александра II, пережив его лишь на один год.

Второй сын, князь Константин Аркадьевич, родившийся в 1809 году, не играл значительной роли и скончался, не оставив потомства, в 1877 году.

Князь Александр Аркадьевич имел сына Аркадия, скончавшегося бездетным в 1893 году, и двух дочерей, за которыми в петербургском обществе также упрочилась кличка «Суворочки».

На княжне Любви Александровне женился конногвардеец Молоствов. На княжне Александре Александровне женился конногвардеец Козлов, тот самый Козлов, который впоследствии, будучи принят за петербургского генерал-губернатора Трепова, был убит революционеркой в 1905 году.

Со смертью Александры Александровны Козловой, правнучки фельдмаршала и последней «Суворочки», пресекалось прямое потомство, носившее имя великого полководца.

ЛЮБОВНИЦА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Рассказ

В длинном списке королевских, царских и иных высокопоставленных фавориток, оставивших след не только в сердцах коронованных покровителей, но и в истории, нельзя пройти мимо женщины, связавшей своё имя с Петром.

Сведения о ней сравнительно незначительны. Тем больший интерес приобретает маленькая романтическая страничка, имевшая место два с лишним века тому назад в той же Москве, на берегах той же

Москвы-реки, под стенами того же Кремля, под которыми новая российская власть торжествует ныне двенадцатилетний юбилей своего существования...

Москва с великой тревогой ожидала царя из его продолжительного заграничного путешествия. Розыск и казни стрельцов были слишком поспешны, немилосердны, необстоятельны. Уже из Амстердама царь шлёт горькие укоризны князю-кесарю Ромодановскому за послабления мятежникам. И с твёрдым намерением «угасить огонь мятежа» спешит в столицу.

Через несколько дней по Москве пролетела весть:

— Государь приехал!

В самом деле, царь вместе с Лефортом прибыл в столицу. Проводив иностранных посллов, навестив несколько боярских семейств, Пётр спешит насладиться радостями любви. Но не в объятиях постылой царицы Авдотьи Фёдоровны, а в семействе одного из жителей немецкой слободы.

Царица Авдотья в ту пору была уже матерью двух сыновей, прижитых от её «лапушки Петруши». Она горячо любила своего мужа. Едва ли в сочувствии старине и противникам державного супруга следует искать причину её ссылки и заточения в Покровский девичий монастырь. Царица Авдотья прежде всего не соответствовала как женщина идеалу Петра.

Тихая, скромная, набожная, образец русских женщин XVII века, выросшая в условиях теремной жизни, она только нянчится с детьми, читает церковные книги, беседует с дворовыми девушками, вышивает и шьёт, сетует и печалится о ветренности мужа.

Порывистой натуре Петра нужна была иная женщина.

Ему нужна была подруга, которая не умела бы плакаться, а звонким смехом, нежной лаской, шутивным словом смогла бы отогнать от него чёрную думу, смягчить досаду и гнев. Которая не только не чуждалась бы его буйных пирушек, но сама бы любила плясать до упаду, осушать бокалы с вином, щеголять иноземным нарядом и любезной ему немецкой и голландской речью.

Такой именно была статная, ловкая, высокогрудая, с огненными глазами весёлая красавица Анна Монс, одна из дочерей золотых дел мастера и виноторговца Иоганна Монса, уроженца города Миндена.

С домом старого Монса хорошо был знаком Лефорт. Гуляка, весельчак, поклонник женщин, он часто бывал у виноторговца и ухаживал за его красивыми дочерьми. Старшая из них, Матрёна, вышла вскоре за Фёдора Балка. Анна стала любовницей ловкого женева.

Лефорт всегда стремился потешать своего державного друга, доставлять ему всякого рода развлечения и однажды, как на весёлую и приятную утеху, указал на красавицу Монс. Анна Ивановна стала фавориткою обоих друзей...

Иностранцы и особенно немцы отзываются о ней с большой похвалой. Кроме красоты и прочих отменных качеств, по уверениям немцев, Анна была до такой степени целомудренна, что на любовные предложения Петра отвечала решительным отказом. Однако эти восторженные отзывы иноземцев разлетаются в пух и прах при первом знакомстве с подлинными документами и с рассказами современников:

— Какой он государь! — говорили в Москве. — Басурман!.. В среду и пятницу ест лягушек и мясо!.. Царицу сослал!.. С иноземкою Анною Монсовой спит!..

Смерть Лефорта, лишив Петра любимейшего друга, в то же время избавила царя от соперника и вывела из неловкого положения «верную» ему Анну, как подписывала она обычно свои письма...

Пётр отправился в последний поход под Азов.

Из уцелевшей в своё время корреспонденции можно найти знаки нежных забот Анны Монс о своём любовнике. Она хлопочет, по его просьбе, чтобы достать несколько скляниц какой-то «цедреоли».

«Вельми печалится», что не удаётся её достать. Жалеет, что у неё, «убогой, крыльев нет», а если бы «крылья были, я бы тебе, милостивому моему государю, сама принесла цедреоли».

В ожидании, пока вырастут крылья, «вернейшая до самой смерти» Анна Ивановна посылает «четыре читрона», чтобы государь «кушал на здоровье». Наконец, посылает и цедреоли двенадцать скляниц, причём просит не гневаться — «больше достать не могла».

При таких нежных заботах Анна Ивановна, казалось, должна была решительно приковать к себе пылкую натуру Петра.

Пётр с полной охотой выполнял все её просьбы. Несмотря на свою скупость по отношению к женщинам, царь осыпал красавицу дорогими подарками, имениями, угодиями и пенсионом в 708 рублей — немалой по тому времени суммой. Внимание к ней государь распространил до того, что за счёт казны выстроил ей в Немецкой слободе дворец.

Военные тревоги, страшная борьба с «северным героем», шведским королём Карлом XII, одновременно занимали мысли Петра.

В одно из отсутствий царственного любовника Анна Монс отдала своё сердце саксонскому посланнику Кенигсеку.

Связь была искусно скрыта, и недостойная подруга Петра не стыдилась по-прежнему выпрашивать и получать от него подарки. А подарки были не малоценны. Так, в 1703 году Анна Ивановна получила в своё владение имение Дудино в Козельском уезде и 295 дворов со всеми угождиями.

Пётр узнал об измене «верной до смерти» Аннушки совершенно случайно. В этих случаях царь не щеголял великодушием. Анна Ивановна вместе со способствовавшей интриге сестрой Матрёной были заперты в собственном доме и отданы под строгий надзор князя-кесаря с запрещением посещать даже кирху.

Опала Анны Ивановны и её семейства продолжалась три года. Указом от 3 апреля 1706 года из Санкт-Петербурга государь дал «разрешение Монше и её сестре Балкше в кирху ездить». Муж Матрёны Ивановны, полковник Балк, отправлен был в Дерпт комендантом. С 1705 года сердце Петра принадлежало уже новой, безвестной иноземке — Марте Скавронской, будущей Екатерине I.

Зато и сердце её предшественницы в это время также было не свободно.

Изменив живому герою, Анна Ивановна тем легче забыла случайно утонувшего Кенигсека. За ней ухаживает прусский посланник фон

Кайзерлинг. Его ходатайству Анна Ивановна обязана была получением высочайшего разрешения посещать кирху. Затем, по усиленным просьбам того же влюблённого представителя короля прусского, Анна Монс была совершенно освобождена.

Хлопоты Кайзерлинга были весьма нележки.

Они сопровождалась для него длинным рядом весьма существенных неприятностей. С одной стороны, могущественный Меншиков, создавая в то время «фавор» Марты, не мог без опасения видеть, что Кайзерлинг хлопочет об освобождении бывшей царской любовницы. С другой, в самом Петре не могло не шевельнуться чувство ревности к своему заместителю.

Интересен исторический документ — рапорт посланника прусскому королю, в котором подробно излагается «случившаяся трагедия на пиру».

«Князь Меншиков начал грубить мне непристойными словами, сказав, что девица Монс есть действительно подлая, публичная женщина, с которой он сам развратничал столько же, сколько и я... Князь Меншиков не переставал обращаться со мной с насмешкою и презрением и даже подвигался всё ближе и ближе... Зная его известное всему миру коварство и безрассудство, я стал опасаться его намерения, по московскому обычаю, ударом «под ножку» повергнуть меня на землю — в искусстве этом он упражнялся, когда разносил по улицам лепёшки на постном масле... Князь Меншиков собственноручно вытолкал меня из комнаты, ударил кулаком в грудь... Я дал ему затрещину и выругал особливым словом... Тут мы схватились было за шпаги, но у меня её отняли... Меня вытолкнули к дверям, и я попал в руки мучителям, лейб-гвардейцам князя Меншикова... Они низвергли меня с трёх больших каменных ступеней и проводили толчками через весь двор».

В 1711 году Кайзерлинг сочетался браком с Анной Ивановной и вскоре умер.

Анна Кайзерлинг скончалась в 1714 году в Немецкой слободе на руках больной старухи-матери и пастора...

Такова краткая история этой женщины, которая была одной из виновниц заточения царицы Авдотьи Фёдоровны в монастырь, которая в продолжение десяти лет царил в сердце преобразователя России и, по его собственному признанию, едва не сделалась императрицей. Благодаря которой наследник престола царевич Алексей преждевременно лишается материнского надзора и затаивает в душе ненависть к отцу. Которая, наконец, заставляет царя приблизить к своей особе брата Виллима — человека, разбивающего его семейное счастье, отравляющего последние дни его жизни и являющегося, весьма вероятно, одной из причин преждевременной смерти Петра...

МИХАИЛ РОМАНОВ

Рассказ

«Дежурным лейб-гвардии по кирасирскому Её Величества полку назначается: Его Императорское Высочество, государь-наследник и великий князь, флигель-адъютант, корнет Михаил Александрович».

Так гласил один из пунктов полкового приказа.

Он у меня не сохранился, как многое, ещё более ценное и значительное. Остались только воспоминания...

Михаил — мой ровесник.

Я начал службу одновременно с ним. В полковом списке наши имена стояли рядом.

Вступление великого князя в полк обсуждалось на офицерском собрании. Такова была традиция старого петровского «лейб-режима», не делавшая исключения ни для кого.

Старший полковник ознакомил присутствующих с предстоящим собранием и предложил высказаться. Собрание было непродолжительное. Все поимённо один за другим решили вопрос в положительном смысле — вступление великого князя составляет честь для полка. И только прямодушный ротмистр барон Корф выразил опасение, как бы это событие не раскололо полковую семью.

Великий князь был принят в полк и добросовестно нёс службу молодого субалтерна в казарме и в манеже, на стрельбище и на манёврах не хуже и не лучше большинства своих сослуживцев.

В ту пору, четверть века тому назад, это был статный юноша с открытым и ясным взором, застенчивый и простодушный. Он проживал в расположенном рядом с казармами гатчинском дворце и, сверх обязанностей по службе, довольно полно окунулся в полковую жизнь.

Но чувствовалась всё-таки известная граница отношений.

Начальство смотрело на него со слегка заискивающим и попечительным вниманием. А сверстники по многим обстоятельствам не могли открыто, в полной мере распахнуть ему свои объятия. И главной причиной этих немного деланных и деликатных отношений был, несомненно, сам великий князь со своей целомудренной скромностью, со своей искусственно возвращённой женственной натурой. Притом он находился под бдительным надзором стойких аргусов и не был в состоянии освободиться от докучливой опеки.

Великий князь отличался спокойным, мягким, благожелательным характером. Темперамента в нём наблюдалось мало. Он был доверчив, прост. Образован был сравнительно поверхностно, но свободно владел языками. Он не курил, на холостых пирушках воздерживался от вина, не играл в карты. Как исключительный наездник и спортсмен, почти весь досуг великий князь отдавал верховым прогулкам, скачкам и охоте.

Великий князь был на десять лет моложе царя и мало на него походил. От рослой фигуры веяло здоровьем, свежестью, силой. На безусом лице сквозил румянец и неизменная улыбка. Высокий и стройный, в блестящей кирасирской форме из сочетаний трёх цветов — белого, синего и золотого,

верхом на кровном рыжем «парадере», он, несомненно, был одним из самых видных офицеров полка.

Но в нём не отыскать ни широты горящего ума, ни глубины могучего, дерзающего духа. Великий князь — обыкновенный человек, обыкновенных средних дарований, воспитанный в нежизненной тепличной атмосфере и волею слепого жребия вознесённый к самому подножию престола.

Через год великий князь получает в командование лейб-эскадрон. И вскоре происходит событие, носившее до некоторой степени драматический оттенок.

В числе полковых дам была жена поручика Вульферт Наталия Сергеевна, дочь парижского поверенного Шереметьевского, по первому браку Мамонтова.

Эффектная молодая женщина, с недюжинной энергией, умом.

Великий князь увлёкся ею.

Ни высокое положение, ни уговоры превосходительных наставников и даже самой матери, императрицы, не охладили загоревшегося чувства. Великий князь отдался ему со всем пылом своей неистраченной юности.

Увлечение великого князя не могло, конечно, остаться секретом.

Старшие офицеры были готовы взглянуть снисходительно. Младшие не могли примириться с нарушением полковой этики. В дружной полковой семье стал наблюдаться раскол. Великокняжеский роман грозил серьёзным осложнением.

Поручик Вульферт был вынужден покинуть полк. То же самое постигает вскоре великого князя. Его сердечное увлечение заканчивается морганатическим браком.

По высочайшему повелению он получает в командование семнадцатый гусарский Черниговский полк и с молодою женой, под фамилией графини Брасовой, переезжает в Орёл.

Три года жизни в роли командира армейского полка и хлебосольного орловского помещика. Три года тихого супружеского счастья. Вдали от петербургского двора, которого великий князь всегда чуждался с какою-то болезненной чуткостью. Влияние жены и жизнь в провинциальном городе наложили на него отпечаток.

Вскоре, с рождением у царя сына, великий князь расстался со званием наследника и с полной искренностью выражал по этому поводу своё удовлетворение.

Затем помимо желания был вызван в Петербург и назначен командиром кавалергардского полка.

А через какой-нибудь месяц — опала, лишение высочайших прав и ссылка за границу как наказание за освящённый церковью мезальянс.

И наконец — война.

Великий князь командует на фронте дивизией кавказских горцев, так называемой «дикий» дивизией. За личное мужество награждается Георгиевским крестом и получает второй кавалерийский корпус.

Я встретился с ним весной шестнадцатого года в роскошном замке подольского помещика Никитина, где расположен был корпусный штаб.

Я принят был великим князем, и две недели, вплоть до выступления в галицийский поход, пользовался его исключительным гостеприимством.

В интимной обстановке, в обществе двух-трёх наиболее близких к нему таких доверенных лиц, как начальник штаба генерал Юзефович, генерал барон Врангель и личный ординарец, молодой князь Вяземский, мы проводили время в прогулках и в беседах за обеденным столом.

Великий князь остался тем же простым, доверчивым и скромным человеком. Но с внешней стороны он сильно изменился.

Он постарел, наметились морщины, волосы заметно поредели, от прежнего румянца не осталось и следа. И тем не менее он всё-таки напоминал мне того красивого юношу, каким я знал его по кирасирскому полку.

Великий князь был болен серьёзной желудочной болезнью. Он часто уезжал с фронта в орловское имение Брасово. А в январе семнадцатого года, назначенный генерал-инспектором кавалерии, покинул нас совсем...

Вблизи полуразрушенной Надворной, у деревни Красна, на фоне голубеющих Карпат он сделал нам прощальный смотр.

На сером текинском жеребце, в серой черкеске и папахе, в сопровождении небольшого штаба, великий князь галопом объезжал кавалерийскую бригаду, построенную на залитой ярким солнцем снеговой поляне:

— Здорово, архангелогородские драгуны! Здорово, иркутские гусары!..

Под звуки трубачей мы проходили церемониальным маршем, салютовали и отвечали на приветствие по правилам кавалерийского устава.

Пестрели флюгера на пиках, неслось серебряное ржание коней, летели снеговые хлопья из-под копыт драгунских и гусарских эскадронов.

Вечером в деревне Майдан Гурный мы чествовали великого князя прощальным ужином. Гремела музыка. Офицеры пели, рассказывали, декламировали. Было просто и весело, как только может быть в походной обстановке на отдыхе после утомительной службы на горной позиции.

Великий князь был задумчив.

— Вы не поверите, как жалко уезжать... Как будто расстаюсь навеки! Предчувствия его не обманули.

В июле семнадцатого года он был расстрелян около Перми...

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ГРАНИ ТАЛАНТА

Сегодня Максим Викторович Харлов, заслуженный художник России, член-корреспондент Российской Академии художеств, человек неуёмной энергии и ещё более неуёмных интересов, стоит на пороге своего 50-летия.

Максим родился в Вятке, в семье профессиональных художников, что стало определяющим при выборе жизненного пути. Он много успел сделать на этом поприще: участвовал в создании мозаик для обновлённой станции «Маяковская», убранства станций «Сретенский бульвар», «Славянский бульвар» московского метро, станции «Мадлен» парижского метро, росписи храма Святителя Николая в Нью-Йорке.

Отдельная страница жизни Максима Викторовича — храм Святого Саввы в Белграде (Сербия). Несколько лет продолжалась работа по благоукрашению этого храма. К реализации этого сложнейшего проекта художник причастен и как мозаичист, и как монтажник, и как координатор работ.

Максим Викторович — участник многочисленных выставок, где представлены его оригинальные арт-объекты и инсталляции.

Огромный объём накопленных впечатлений воплотился в его писательском творчестве. В 2021 году в издательстве «Виртуальная галерея» вышла первая книга его прозы «Максим Харлов. Рассказы». В 2023 году это же издательство выпустило вторую книгу рассказов Максима Викторовича — «Белградские призраки». Третья книга, «Пока не осела пыль» (издание областной научной библиотеки имени А. И. Герцена), увидела свет в Кирове, на родине автора.

Редколлегия «Коломенского альманаха» сердечно поздравляет Максима Викторовича с юбилеем и желает доброго здоровья, исполнения его задумок и желаний, творческих успехов и дальнейшего сотрудничества с нашим изданием.

Коллектив редакции

АНДРЕЙ БУЛЕКОВ

(1927—2019)

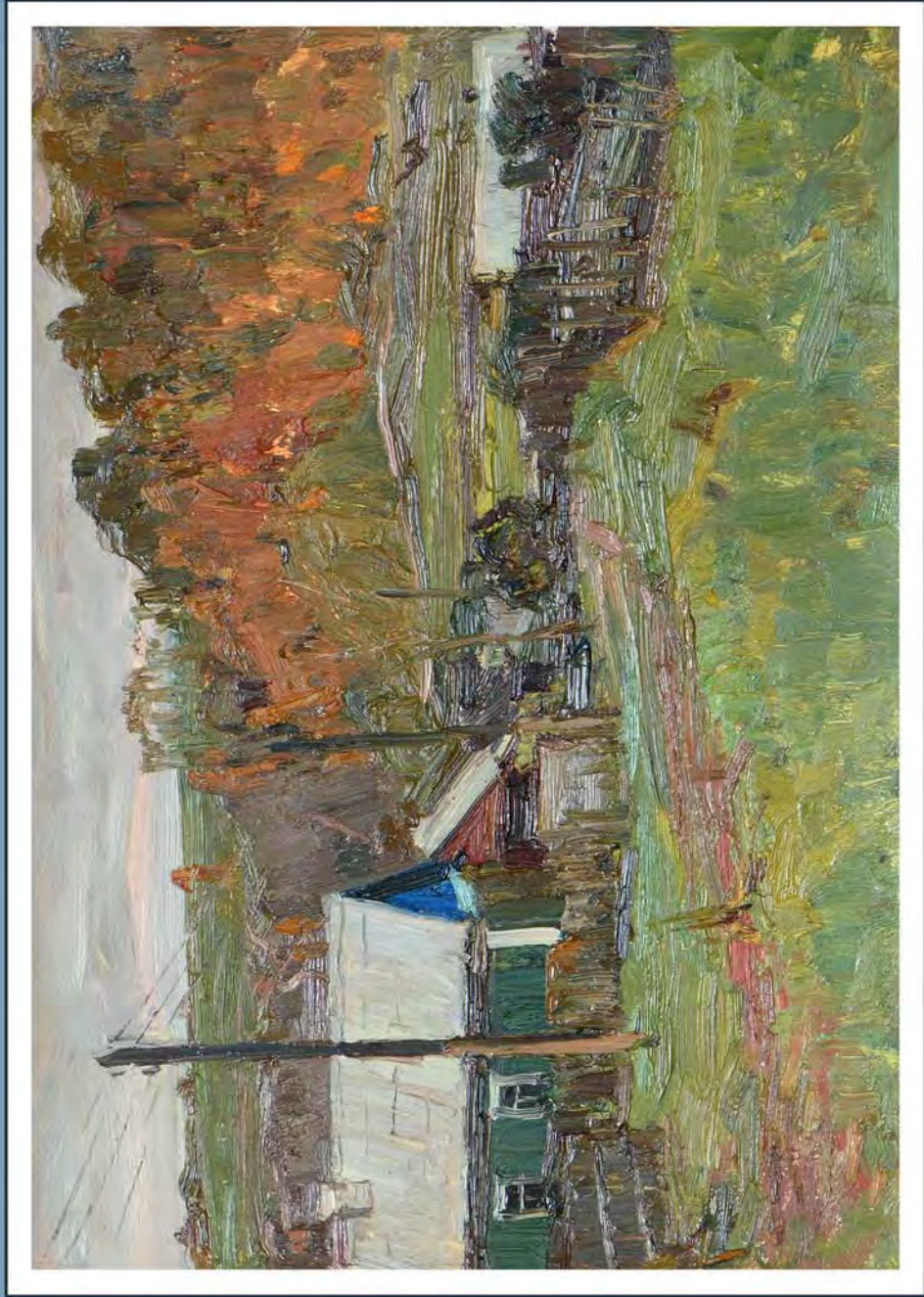
Деревня в Коломенском районе
1959 год

ПРИОКСКИЕ БЕРЕГА

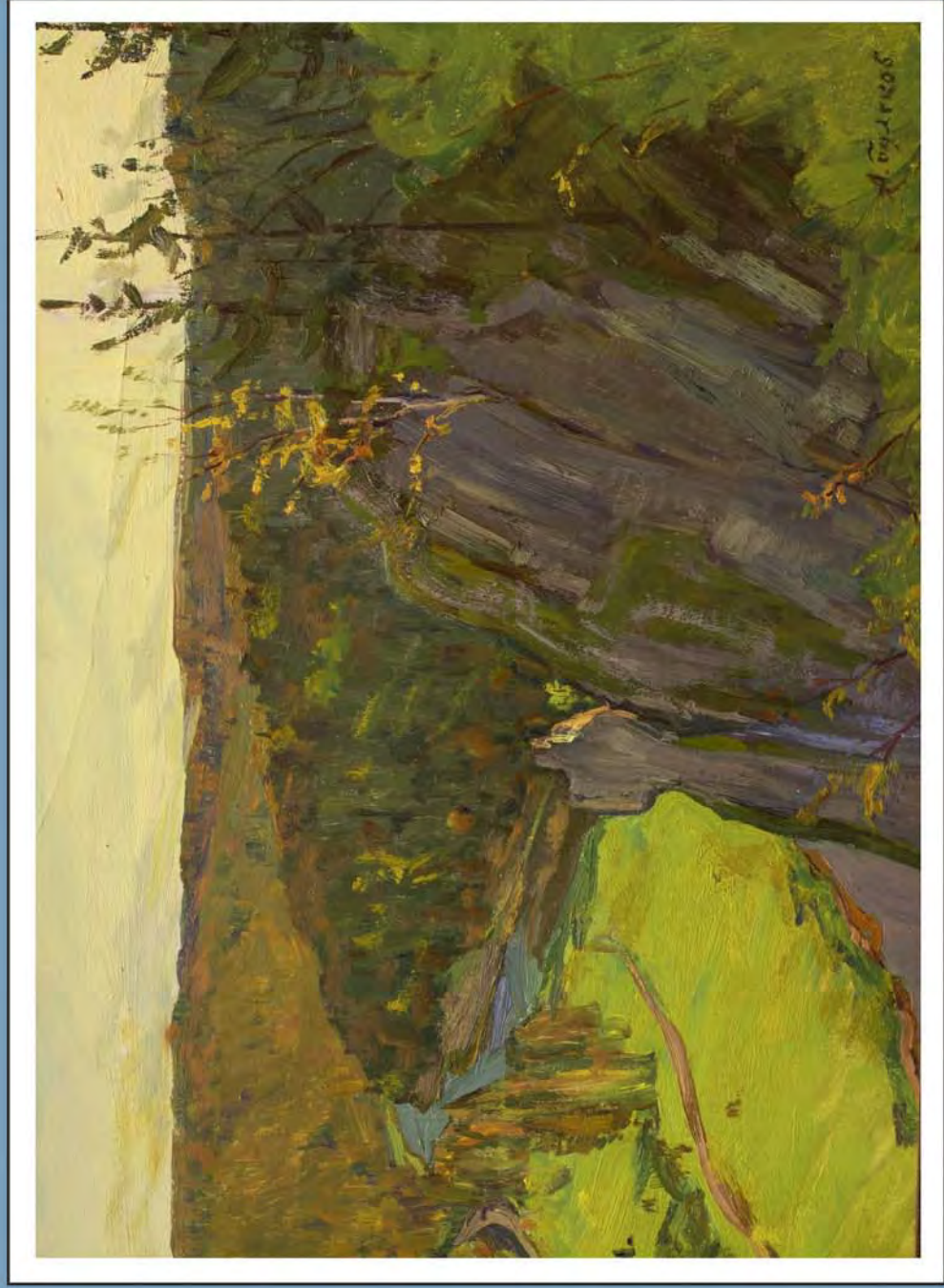
Работы из коллекции Культурного центра «Лига» и частных коллекций

Украина Коломны
1969 год

В Деревне
1967 ГОД

Над рекой Чусовой. Урал
1970 года

Дом Пильняка
1976 ГОД

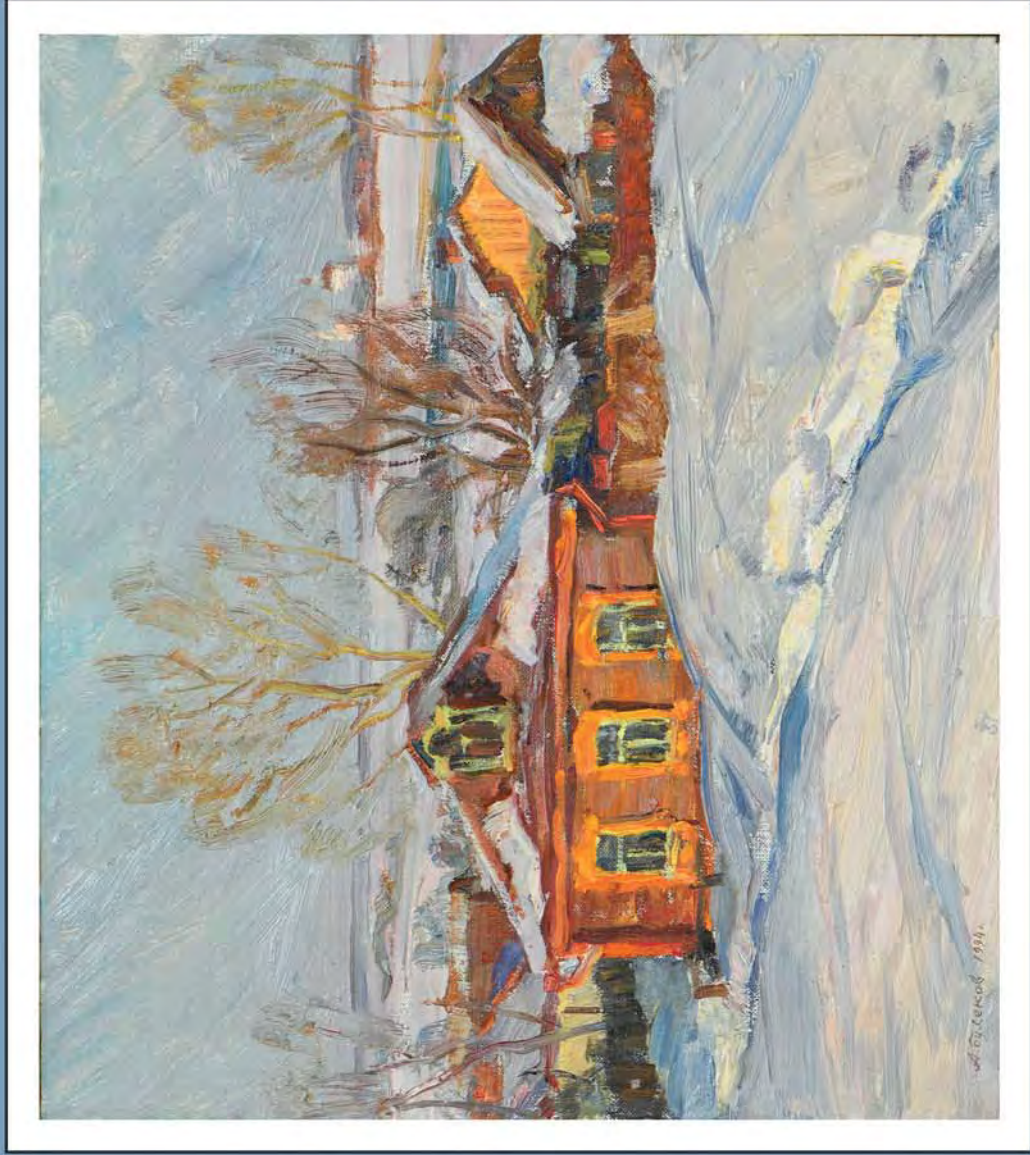
Баржи
1960 год

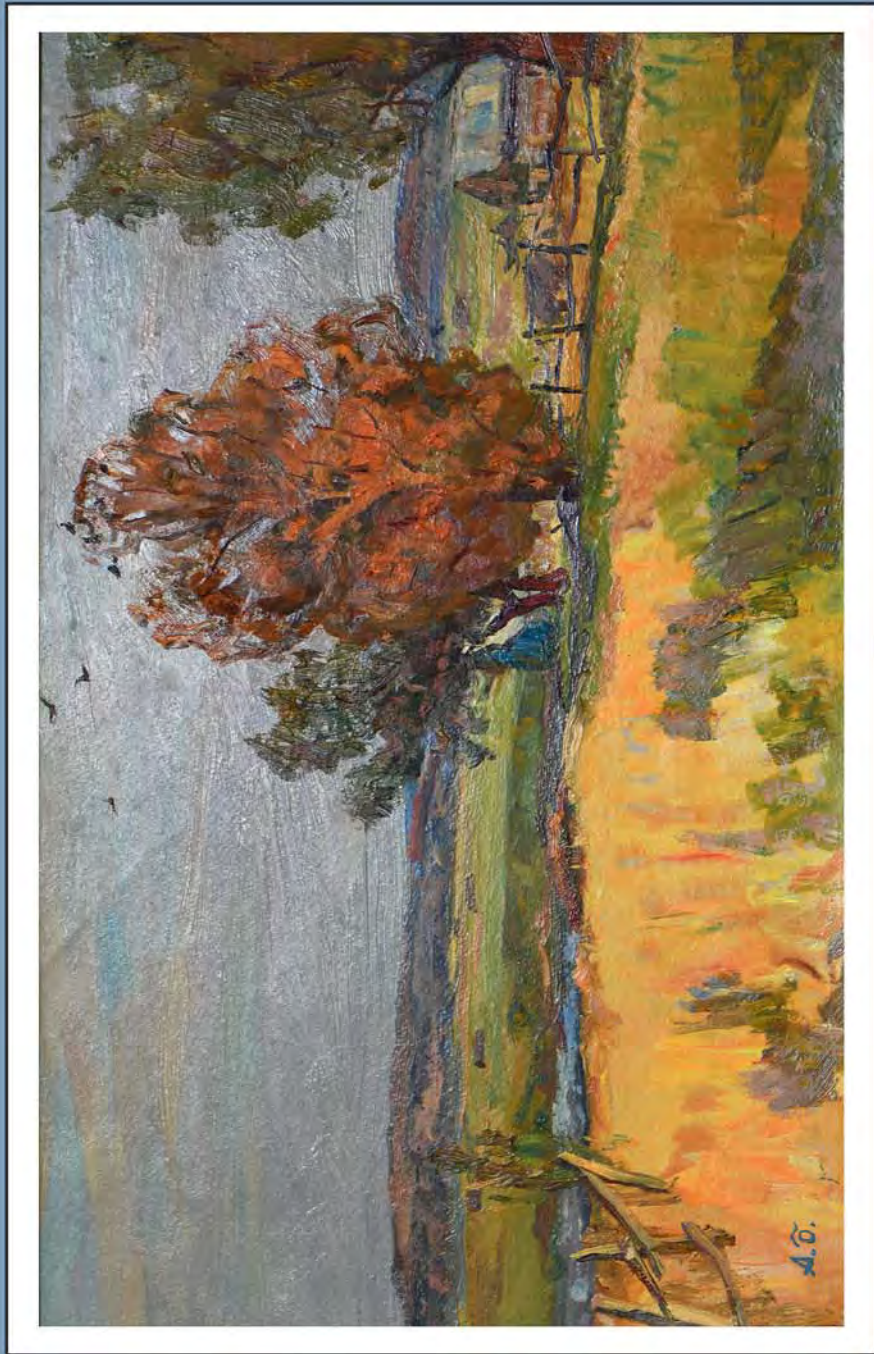
Золотая осень
1976 ГОД

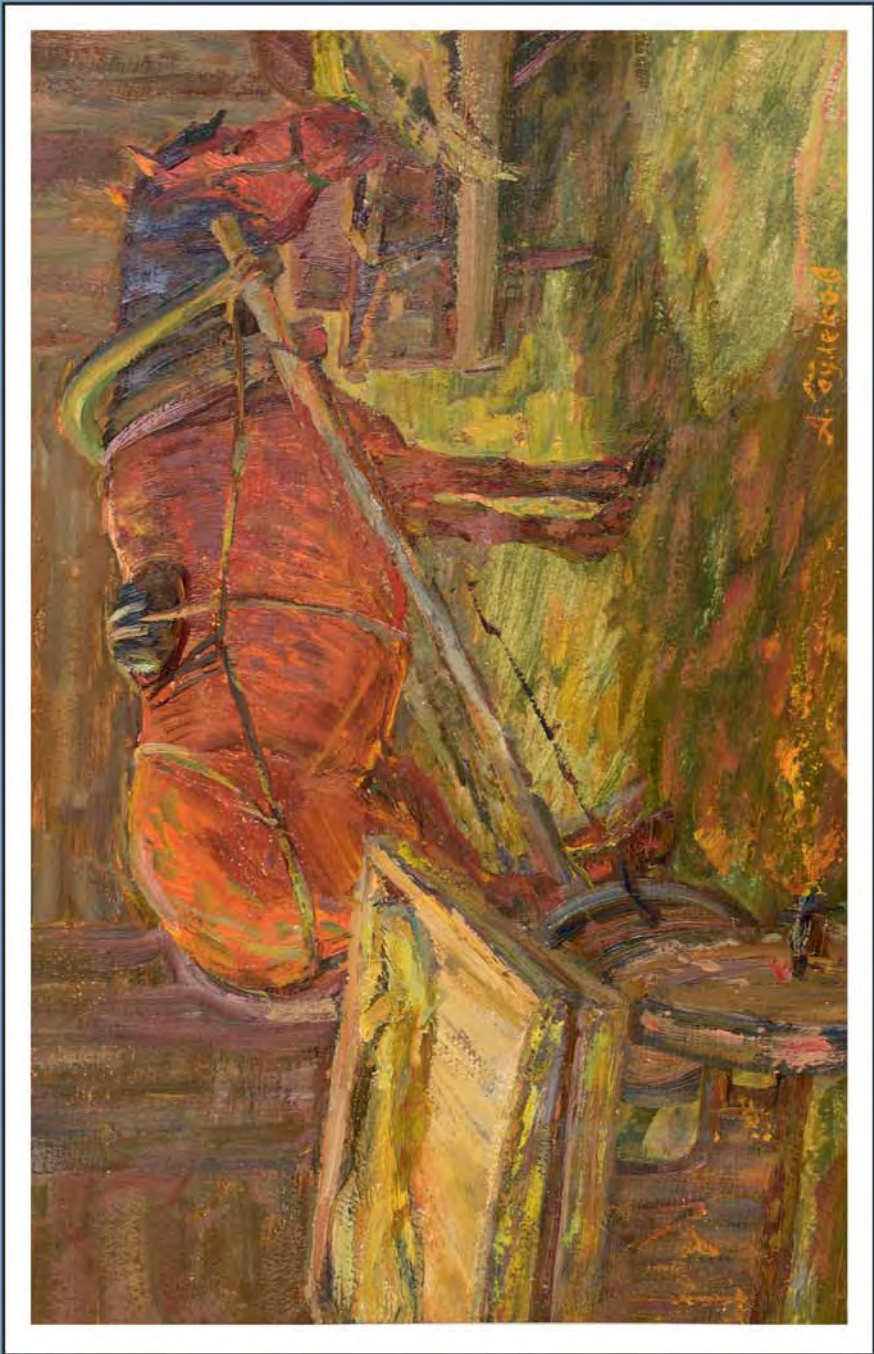
На рыбалке
1960 год

Дворик в Коломне
1994 год

Осенний мотив
1985 года

Лошадка

Турист
1962 год

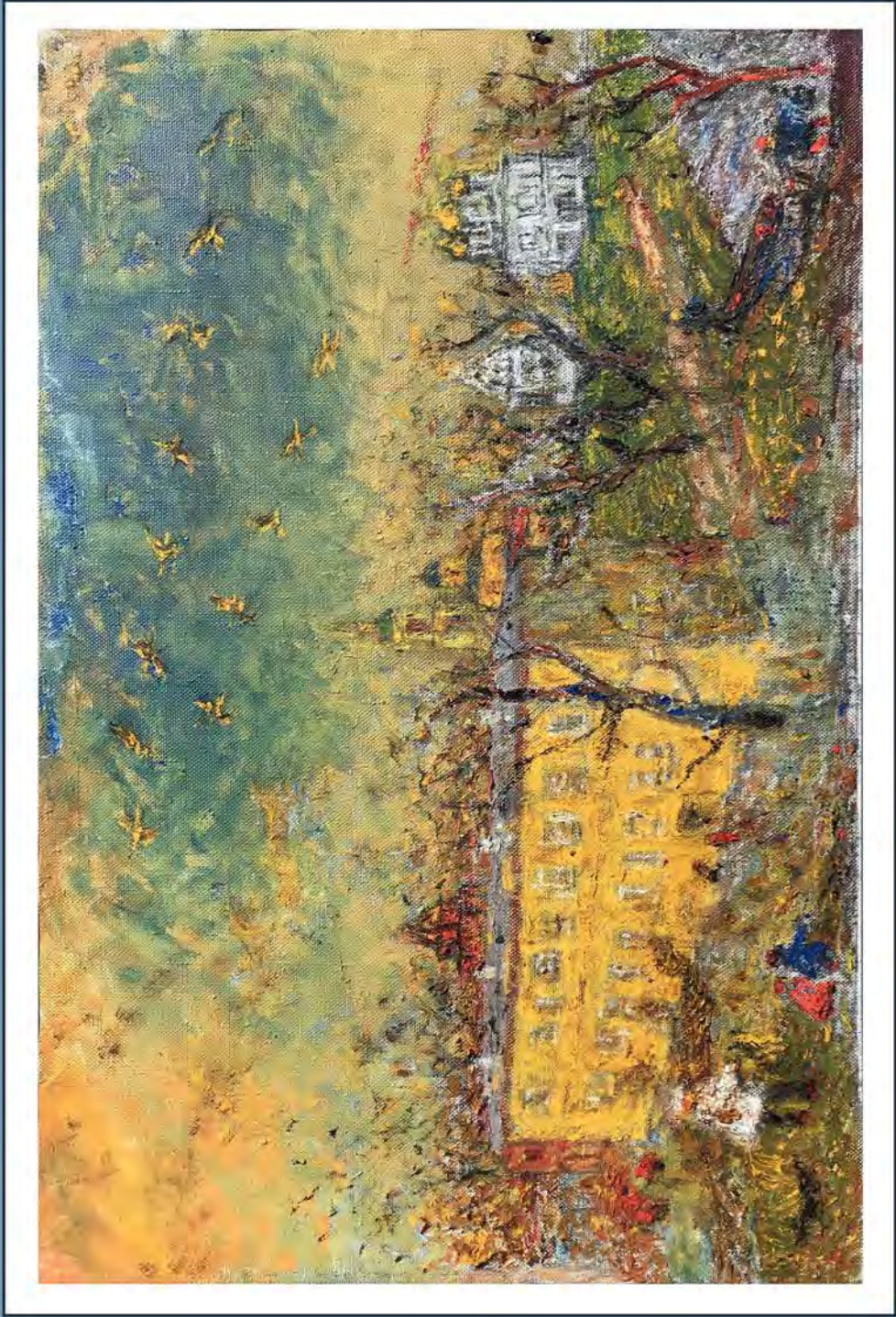
Разговор
1950-е

Краеведы
1960 год

У Чёрного моря (этюд)
1963 год

В Коломне
2018 год

ЕГО БЫЛ ДЯДЯ

Валерий Альбертович Ярхо родился в Коломне в 1964 году. Известный литератор и краевед. Его юмористические и детективные рассказы широко публиковались как в центральной, так и в местной периодике. В творчестве Ярхо удачно сочетаются художественная проза, научный поиск, «архивный детектив». Он автор нескольких объёмных монографий, посвящённых светской и церковной истории Коломенского края.

Награждён литературной медалью И. И. Лажечникова. Постоянный автор «Коломенского альманаха». Как лучший автор этого издания в 2019 году награждён Золотым дипломом и премией им. И. И. Лажечникова.

Историко-литературный очерк

О дружеской связи Александра Сергеевича Пушкина с его дядюшкой, милейшим Василием Львовичем, написано немало. Однако ж, как правило, Пушкину-старшему достаются лишь крохи внимания, и выводится он чаще всего, как фигура комическая, а это несправедливо. Так же, как и его великий племянник, Василий Львович был поэтом, причём отнюдь не бесталанным. Просто свет звезды поэтического дара Александра Сергеевича столь ярок, что застит многое из того, что вполне достойно внимания. Не лишне будет припомнить, что именно дядя Василий одним из первых рассмотрел в племяннике недюжинные задатки поэта и во многом поспособствовал тому, чтобы их развить. Ещё важнее то, что Василий Львович поддержал младшего родственника в то время, когда юноша — при всём его таланте — был более известен своим дерзким и эксцентричным поведением, нежели стихами. Сколько юных талантов, не имевших таких вот заботливых дядюшек, канули в бездну неизвестности, про то Богу одному ведомо. Да и сам-то Василий Львович принадлежал к когорте литераторов Золотого века русской литературы. И хоть он прочно занял своё место во втором ряду этого славного строя, поводы внимательнее присмотреться к нему и творчеству его имеются весьма весомые.

* * *

Родился Василий Львович Пушкин 27 апреля 1766 года¹ и возростал при

¹ Даты указаны по старому стилю. По новому стилю это 8 мая 1766 года

самом расцвете роскошной екатерининской эпохи в богатом московском доме, славившемся своим хлебосольством. Как и многие другие московские барчуки, Вася и брат его Серёжа учились дома, под руководством гувернёров-иностранцев, занимаясь с приглашёнными учителями. Так было принято.

В занятиях упор делался на гуманитарные предметы. Особое внимание уделялось изучению иностранных языков. Это было разумно — знание языков давало возможность читать то, что не переводилось на русский, самостоятельно расширить кругозор до посильной возможности. Усилия учителей не пропали даром — оба брата Пушкины отменно знали французский, немецкий, английский, итальянский языки, да вдобавок ещё и латынь. Что же до всего остального, тот тут, как говорится, постольку поскольку. Или, как писали в официальных аттестациях той поры, «сведения имеются». Во всяком случае, в московском высшем обществе братьев Пушкиных считали блестяще образованными молодыми людьми.

Ни в чём не знавший нужды и отказу, Василий Пушкин с младых ногтей приобрёл светский лоск и в общении отличался приятным остроумием. Богатство семьи позволяло ему быть беззаботным и добродушным. Среди знакомых Василий Львович слыл весельчаком.

На пару с младшим братом Сергеем они буквально блистали в московских салонах, участвуя в постановках любительских спектаклей, домашних концертах и декламациях. В Василии Пушкине явно обитал актёрский дар, который проявить иначе как на любительской сцене он не мог в силу сословного разделения общества. Актёрство почиталось делом, недостойным дворянина. Поэтому и отводил душу Василий Львович исключительно в салонных представлениях. Но уж на этих любительских подмостках он считался звездой первой величины. Как говорят, особенно хорош он был в вольтеровской «Заире», трагедии в стихах, исполняя роль Оросмана, султана иерусалимского.

Вокруг него даже образовалось нечто вроде театральной клаки — кружка поклонников таланта. Если по Москве шёл слух о том, что на вечере в каком-либо доме Василий Пушкин намерен прочесть сделанные им самим переводы французских басен или монологи из трагедий, туда съезжалось множество гостей, чтобы послушать его.

Вращаясь в компаниях салонных литераторов, Василий Львович сам грешил пером. Порой стихи ему удавались настолько хорошо, что они широко расходились в списках¹, а кое-что из сочинённого им даже издавалось. Первой публикацией Василия Пушкина стала стихотворная сатира «К камину», вышедшая в № 11 журнала «Санкт-Петербургский Меркурий» за 1793 год. Дебют вышел на славу! У Василия Львовича появились многочисленные подражатели — обращаться в стихах к камину, рассуждая на всякие темы, сделалось тогда модным.

¹ Позже некоторые вирши Пушкина-дяди даже ошибочно приписывали к ранним произведениям таланта его прославившегося племянника. Что говорит о многом.

Милую сердцу Москву Василий Львович вынужден был оставить, когда пришла пора явиться на действительную военную службу. По обычаю русского дворянства, был он с малолетства записан в лейб-гвардии Измайловский полк, где до поры числился в длительном отпуске «для прохождения наук». В 1794 году Василий Пушкин получил патент на чин гвардии подпоручика.

Из воспоминаний, оставленных его сослуживцами, известно, что карт он не любил. Модному тогда в гвардии пуншу предпочитал шампанское, что обходилось недёшево, но как истинный москвич с расходами на свои удовольствия Василий Пушкин не считался. Среди офицеров-«измайловцев» их товарищ Пушкин слыл записным волокитой. Не чурался он и компании «доступных женщин», навещая их в «вольных домах», как это тогда называлось.

Эти наклонности природы неизбежно привели Пушкина в тайное общество «Галера», объединявшее любителей повеселиться. Тайным обществом себя объявляло, чтобы соблюсти «правила игры приличий» и для придания атмосферы обособленности, но особого секрета из своих собраний не делало.

О забавах «галеристов» лучше всего судить по куплету сочинённой Василием Львовичем застольной песни, лично исполненной им для товарищей в последний день Масленицы на собрании «Галеры»:

Пльви, Галера! веселися,
К Лиону в Маскарад пустился,
Один остался вечер нам!
Там ждут нас фрау-баронесса
И сумасшедшая повеса,
И Лиза Карловна уж там...¹

Однако же, отдав должное холостяцкому разгулу, именно в пору своей военной службы Василий Пушкин всерьёз влюбился. Амур сразил его стрелой в Москве, куда Пушкин выбрался из столицы на побывку. Во время большого московского гулянья в Троицын день 1795 года, выпавший на 10 мая, фланируя по аллеям Дворцового сада в Немецкой слободе, гвардеец Пушкин увидел прехорошенькую девушку. Находясь под впечатлением от этой встречи, Василий Львович воспел красавицу в стихах, величая её Хлоей²:

«В Дворцовом ты саду вчера, конечно, был? –
Клитон мне говорил. –
А мне не удалось там погулять с тобою!
Встречались, слышал я, красавицы толпою;

¹ Стихи обнаружены в бумагах друга В.Л. Пушкина князя П.А. Вяземского. Опубликовано в «Полном собрании сочинений П.А. Вяземского». Т. 8, СПб, 1883 г., стр. 505.

² Хлоя — героиня канонического древнегреческого романа.

Кто были там, скажи?» Какой я дам ответ?
Там был почти весь свет!
Но видел я кого?.. Одну лишь только Хлою.

Наведя справки, Василий Львович узнал, что его Хлою зовут Капитолина Михайловна Вышеславцева. Происходит она из порядочной семьи. Папенька её служил в лейб-гвардии Семёновском полку. Старший братец Михаил начинал в Преображенском, но перевёлся в лейб-гвардии Конный полк, из коего вышел в отставку, посвятив себя преподаванию французского и немецкого языков в Духовной семинарии Троице-Сергиевской Лавры. На досуге господин Вышеславцев не без успеха занимался переводами и поэзией. Свои сочинения он публиковал в приложении к газете «Московские ведомости», журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований».

Девушке едва минуло семнадцать, самому же Василию Львовичу шёл двадцать девятый годок. Однако дюжина лет разницы не насторожила бонвивана, и он приступил к правильной осаде предмета обожания.

После полутора месяцев встреч и ухаживаний, поэт открылся своей избраннице, изъяснив ей свои чувства, и услышал в ответ, что и Капитолина Михайловна питает к нему взаимность. Бурная радость вылилась в поэтический восторг — явившись от Вышеславцевой после объяснения, окрылённый успехом, Василий Львович разразился стихотворением «К Хлое», в котором восклицал:

— Ты любишь, ты навек моя...

276

ВАЛЕРИЙ ЯРХО

Реконструировать ход событий нам позволяет дата, выставленная под стихотворением: «27 июня 1795 года», день объяснения в любви. О хлопотавшем в нём чувстве Василий Львович решил протрубить на весь мир. В доступных ему пределах. Едва покончив сочинять «К Хлое», он отнёс стихи в редакцию журнала «Приятное и полезное препровождение времени» — литературного восприемника незадолго перед тем приказавшего долго жить журнала «Чтение для вкуса, разума и чувствований».

Это приложение к «Московским ведомостям» выходило дважды в неделю. Вокруг его редакции группировались авторы «карамзинского» направления. За первую половину 1795 года Василий Пушкин опубликовал в «Приятном и полезном препровождении времени» шесть лирических стихов и перевод «Отрывок из Оссиана. Колма», стилизуя вирши кельтских бардов.

Опыт с кельтами вышел не совсем удачным, а вот лирика, навеянная весной и горячностью крови, автору удавалась много лучше. Влюблённость же в Капитолину Вышеславцеву лишь распалая костры творческих порывов. Очередное произведение пера Василия Львовича редакция приняла с радостью, и «К Хлое» было опубликовано в июльском номере.

Всё шло чудесно! Объяснившись с Капитолиной, Василий Львович просил руки у отца избранницы, получил его согласие и стал готовиться к свадьбе. Тянуть с этим не стали. Через пару недель всё было готово, и 15 июля 1795 года в церкви Св. Троицы на Троицкой горке, в которой когда-то крестили Василия Львовича, в метрической книге храма появилась следующая запись под № 71: «Женился лейб-гвардии Измайловского

полку подпоручик Василий Львов Пушкин, понял за себя покойного лейб-гвардии Семёновского полку подпоручика Михайлы Степанова Вышеславцева дочь его, девицу Капитолину Михайлову, оба первым браком, о коих и обыск с поручками был чинён¹»².

Молодую жену Василий Львович привёз в старый дом Пушкиных на Божedomке, где Капитолину пришлось оставить на попечении матушки, вдовствующей Ольги Васильевны. Долго нежиться в Москве молодожёнам не пришлось. Дела службы звали Василия Львовича в столицу. Какое-то время ему пришлось жить на два города, разъезжая между Петербургом и Москвой, куда он рвался попасть при первой же возможности.

Некое подобие свадебного путешествия супруги смогли совершить лишь годом позже венчания, когда поручик Пушкин, испросив отпуск у начальства, повёз жену в Гатчину, поблизости от которой находилась мыза Суйда, принадлежавшая генерал-поручику Ивану Абрамовичу Ганнибалу, к племяннице которого, Надежде Осиповне Ганнибал, посватался брат Василия Львовича, Сергей. Супружеская чета Пушкиных захала к генералу на мызу, чтобы поближе свести знакомство с новой роднёй³.

* * *

В Российском государственном военно-историческом архиве хранятся «Приказы цесаревича, великого князя и полковника лейб-гвардии Измайловского полка Константина Павловича, отданные при пароле по лейб-гвардии Измайловскому полку, 7–30 ноября 1796». В них имеется приказ о назначении наряда: «10 ноября быть по полку дежурным поручику Пушкину».

Заступать на дежурство господину поручику пришлось в непростое время смены правления. За четыре дня до этого отдала Богу душу императрица Екатерина Великая. Наследовавший корону сын покойной императрицы государь император Павел Петрович уже на 9 ноября назначил перенесение гроба своего отца, нехорошо умершего императора Петра III, из могилы в Александро-Невском монастыре⁴ во дворец с тем, чтобы потом перенести гробы венценосных супругов в Петропавловский собор и похоронить их там вместе.

Накануне, 8 ноября 1796 года, в девять часов утра петербургская полиция объявила о новых правилах, касающихся фасонов одежды, головных

¹ Брачный обыск — письменный акт, содержащий определённые сведения о людях, собирающихся венчаться в церкви, и устанавливающий отсутствие препятствий к совершению их брака.

² По материалам публикаций о В.Л. Пушкине Н.И. Михайловой, заместителя директора Государственного музея А.С. Пушкина по научной работе, доктора филологических наук.

³ Осенью того же 1796 года в церкви села Воскресенского, входившего в состав мызы Суйда, венчались «лейб-гвардии Измайловского полка поручик отрок Сергей Львович Пушкин с девицею Надеждой Осиповной Ганнибал», родители А.С. Пушкина.

⁴ Статус Лавры Александро-Невская обитель получила в 1797 году по указу императора Павла I.

уборов, езды в экипажах и прочего. Предписывалось непременно носить пудренные парики с косичками. Запрещались к ношению круглые шляпы, высокие сапоги и — упаси Боже — завязки на башмаках. Дозволялись только пряжки! Волосы надобно было зачёсывать непременно назад и ни в коем случае на лоб. И много, много чего ещё приказывалось, предписывалось, повелевалось, затрагивая порой самые интимные, семейные дела, регламентируя то, до чего государевой власти, по большому счёту, и дела-то никакого быть не должно. Но вот поди ж ты! Ну очень Павлу Петровичу хотелось во всём навести порядок. Устроить из огромной империи подобие милой сердцу Гатчины, где он ставил свои эксперименты по управлению государством все те долгие годы, когда был фактически отрешён матушкой-императрицей от всякой подлинной государственной деятельности.

Все сразу почуяли, что значит русская пословица «Новая метла по-новому метёт». После назначения великого князя Константина Павловича шефом Измайловского полка, офицерам-«измайловцам» дали понять, что прежней «вольницы» допущено не будет. Оценив свои карьерные перспективы в свете происходящих событий нового царствования, братья Пушкины усомнились в целесообразности своего дальнейшего пребывания на военной службе.

Первым вышел в отставку Василий Львович, поспешивший перебраться в Москву, к жене. Брат его задержался в столице ещё на пару лет, перейдя в лейб-егерский полк, но и там надолго не остался. В 1799 году Сергей Львович подал в отставку и также вернулся в Первопрестольную со своим семейством.

К тому времени матушка братьев Пушкиных, Ольга Васильевна, продав в июле 1797 года старую усадьбу на Божедомке: «со всяким в оной каменным и деревянным строением, с садом, оранжереями и во оных со всякими деревьями, с прудом и во оном с рыбою», перебралась в Огородную слободу, приобретя там 7 августа того же года городскую усадьбу в Малом Харитоньевском переулке. Сделка была оформлена на имя её дочерей Анны и Елизаветы Пушкиных, но главой семьи и дома оставалась мать. Там же, в Малом Харитоньевском, поселился Василий Львович с женой.

Как мы видим, хозяином дома он не был, жил практически «у сестёр в доме», но на такие мелочи Василий Пушкин внимания не обращал. Жили они дружно, признавая первенство матушки во всём.

После переезда из столицы в Москву семейство Сергея Львовича обосновалось недалеко от родни, но отдельно, сняв дом у поручика Волкова на углу Большого Харитоньевского и проезда Белого города. Тому были причины. В семействе подрастала дочь-младенец, при ней состояла кормилица да нянька. Вслед за дочкой и зятем из Петербурга в Первопрестольную выехала тёща Сергея Львовича, Мария Алексеевна Ганнибал, с нею — «её люди». Потом, уже в Москве, родился сын Александр, что немедля увеличило «домашний штат» новыми кормилицей и нянькой. Ещё одно быстро росшее семейство со своей прислугой под крышей дома Пушкиных в Малом Харитоньевском всех бы стеснило.

После рождения сына и в прежней-то квартире стало тесновато, а потому Сергей Львович за тысячу рублей в год снял для своей семьи деревянный флигель городской усадьбы князя Николая Борисовича

Юсупова, которому в этой части города принадлежали несколько домов. Все эти описания места жительства Пушкиных нам понадобились, чтобы яснее представлять ландшафты и интерьеры, в которых развивались события, имевшие для Василия Львовича Пушкина воистину судьбоносное значение.

* * *

До поры до времени жизнь Василия Львовича текла молоком да мёдом. Занят он был всё важными, но приятными заботами. Осенью 1799 года подал в московское дворянское депутатское собрание прошение о внесении герба рода Пушкиных в «Общий гербовник дворянских родов Российской империи». Необходимые генеалогические изыскания велись в московском архиве Коллегии иностранных дел, и после того, как все бумаги были собраны, родовой герб Пушкиных заверил московский предводитель дворянства князь А. И. Лобанов-Ростовский. Представители рода: Василий Львович Пушкин, его только что женившийся брат Сергей и их покойный отец — 19 января 1800 года были внесены в дворянский список по Московскому уезду.

Избавившись от военной службы, удовлетворяясь гражданским чином коллежского асессора, Василий Львович служить нигде не пожелал, а, как тогда говорили, «жил на Москве баринoм». Вступив в пору зрелости, он всерьёз взялся за сочинительство и вполне преуспел. Его печатали в журналах. Поэтический альманах «Аониды или собрание новых стихотворений», редактируемый Карамзиным, регулярно публиковал пушкинские произведения пера¹. Написанная Василием Пушкиным в 1798 году сатира «Вечер» нынче считается предтечей грибоедовского «Горя от ума». В своё время эти стихи наделали шума далеко за пределами Москвы — «Вечер» заметили в Европе, и даже появился перевод этого сочинения на немецкий язык.

Любопытный творческий эксперимент был произведён Василием Пушкиным на рубеже веков. Его шурин Михаил Михайлович Вышеславцев издал два тома антологии духовной лирики русских поэтов «Приношение религии», составив их из сочинений Ломоносова, Державина, Хераскова, Дмитриева, Карамзина, Василия Пушкина и своих собственных. Для этого издания Василий Львович подготовил ирмосы — так называют первые строфы каждой из девяти песен православного канона в византийской и русской традиции богослужения. В ирмосах прославляются события и лица, поминаемые в Священном писании. Они служат образцом для тропарей каждой песни.

В тот период, под влиянием Михаила Вышеславцева, Василий Пушкин увлёкся религиозными стихами, а лирику оставил. Жене более стихов не посвящал и, наверное, напрасно. Впрочем, именно в этом можно рассмотреть скрытый ключ ко всем секретам и подоплёкам последующих событий, когда в дом Пушкиных пришла беда с той стороны, с какой уж совсем никто никак не ожидал.

Гром грянул 13 августа 1802 года, когда супруга Василия Львовича, распрекрасная дама Капитолина Михайловна, подала в московскую

¹ Всего вышло три сборника — в 1796, 1797 и 1799 годах.

Духовную консисторию прошение о разводе, указав в качестве причины «открытое прелюбодеяние супруга».

Обвинение было далеко не беспочвенным! Да, действительно, Василий Львович «приблизил к себе» дворовую Аграфену Иванову, коей выдал «вольную грамоту»¹ и денег. Были и другие случаи такого рода, скрупулёзно перечисленные Капитолиной Михайловной в поданном ею прошении.

Несмотря на приведённые примеры супружеских измен, этот поступок мадам Пушкиной, с точки зрения московского барства, выглядел более чем странно! Законные жёны-дворянки считали сущим вздором амуры мужей с крепостными девками, потому что это не считалось за измену. Как можно было ревновать к собственному «движимому имуществу», коим, по сути, являлись крепостные люди?!

Однако же странным поведение Пушкиной казалось только на первый взгляд и лишь человеку неискущённому. Тому ж, кто знал толк в сутяжничестве, нетрудно было разобрать, что тайной пружиной этого дела являлся холодный расчёт. Выдвигая обвинение против мужа, Капитолина Михайловна желала как можно скорее добиться развода, но так, чтобы ничто не могло помешать ей снова выйти замуж.

* * *

Говорят, что завязка сюжета семейной трагикомедии произошла прямо на глазах у Саша Пушкина, которому было тогда годика два или около того. Во всяком случае, сам он ничего такого не помнил. Но ему потом рассказывали.

Между принадлежавшими князю Юсупову домами был разбит обширный, хорошо ухоженный парк с большой оранжереей. Жившие в ближайшей окрестности господа выходили в «Юсуповский сад» на променады и выводили туда гулять детишек. В один прекрасный день, когда маленький Сашенька прогуливался в этом самом «Юсуповском саду» со своей тётёй Капой, к ним подошёл какой-то дяденька, отрекомендовавшийся Иваном Акимовичем Мальцовым, секунд-майором в отставке. Собственно, заинтересовался-то он невероятно красивой Капитолиной Михайловной, но для завязки разговора что-то такое спросил об арапской внешности барчука, а Сашина тётушка ответила ему, дескать, то племянник её, а смугловат и кудряв он оттого, что прадед его, Абрам Петрович Ганнибал, происходил из натуральных эфиопов.

Слово за слово, разговорились. Интересных тем нашлось немало. От своего нового знакомого Капитолина Пушкина узнала, что служил он в том же Конногвардейском полку, в котором прежде служил её брат Михаил Михайлович Вышеславцев; несколько лет тому назад вышел в отставку и теперь занимается управлением делами семьи, владеющей большими капиталами и несколькими заводами.

Отыскались у них общие знакомые, что дало повод поговорить о них. Так, болтая о всякой всячине, они продолжили прогулку уже вместе.

¹ Вольная (отпускная) запись или грамота — документ, составлявшийся в России помещиком, фиксирующий освобождение от крепостной зависимости того, на чьё имя он был выдан.

Перед тем как расстаться, мадам Пушкина предложила Ивану Акимовичу бывать у них в доме, где часто собирались литераторы и другая творческая публика.

Кроме искусства, в доме Пушкиных потчевали гостей отменными кушаньями и изысканными напитками. На всю Москву славился Влас, дворовый человек Василия Львовича, учившийся у французского шеф-повара. В знак признания кулинарного таланта Власа дома его, на французский лад и с должным прононсом, звали Блаз (Blaz), что во времена повальной «франкофилии» считалось за честь. Получить приглашение в дом Пушкиных было и приятно, и почётно. Тем более, если предлагала зайти сама красавица-хозяйка.

После случайной встречи последовали встречи уже отнюдь не случайные. Прогулки с Сашенькой наполнились для мадам Пушкиной совершенно особенным смыслом. Покуда кучерявый племянничек играл в свои невинные детские игры, его тётушка пустилась в игры куда как менее невинные.

В оправдание Капитолины Михайловны можно сказать многое. Былая страсть Василия Львовича к ней остыла. От спокойной семейной жизни господин Пушкин сильно раздобрел, сделавшись пузаном. Волосы его к тридцати годам поредели. Он потерял несколько зубов, из-за чего при разговоре стал брызгаться слюной. Теперь, когда Василий Львович брался произносить монологи в любительских постановках, опытные партнёры старались не становиться с опасной стороны, чтобы не быть оплётанными. Стремясь слыть первым модником, Василий Пушкин часто «хватал лишку», оригинальничая с костюмом, тем самым давая поводы насмешкам, из-за чего с ним порою бывало неловко «выйти на люди». Стихи, как говорилось выше, посвящать жене перестал. Появились у него иные увлечения. Потянуло его в девичью, к сенным девушкам, горничным и прачкам.

Словом, назвать брак Капитолины Михайловны счастливым было никак нельзя, а тут появился образованный, изящный кавалер, четырьмя годами моложе мужа, который с первых дней их знакомства настойчиво давал понять, что неравнодушен к ней.

Происходил Иван Акимович из богатейшей семьи русских промышленников, владевших несколькими большими стеклянными и хрустальными заводами, находившимися в городах Гусь-Хрустальный Владимирской губернии и Дятькове губернии Смоленской.

В 1775 году за большие успехи в области коммерции и предпринимательства фамилию Мальцовых причислили к русскому дворянству, и новое поколение семьи воспитывалось в традициях благородного сословия. Когда Ване Мальцову исполнилось 12 лет, его записали в лейб-гвардии Конный полк, где он числился в отпуске до достижения совершеннолетия. Восемь лет спустя, в 1794 году, Иван Акимович явился в полк и начал действительную службу в чине вахмистра. В 1798 году он вышел в отставку с чином секунд-майора, чтобы приобрести опытность в делах управления предприятиями и капиталом¹. Делами семейной фирмы он управлял по

¹ В 1799 году, по совету матушки Марии Васильевны, Иван Акимович приобрёл пай «Российско-американской компании», тем самым распространив интересы семейной фирмы на другой континент.

доверенности, полученной от матери. Вот как раз на этом отрезке своего жизненного пути он и повстречал Капитолину Михайловну Пушкину, произведшую на него сильнейшее впечатление.

Красиво ухаживая за мадам Пушкиной, Иван Акимович буквально заваливал её дорогими подарками. Проявлял настойчивость, резвое нетерпение. Был красноречив. Под напором его атак бастионы супружеской верности продержались совсем недолго. Свидания из «Юсуповского сада» переместились в более интимную обстановку, но, начинавшийся как банальный адюльтер, роман Мальцова и Пушкиной довольно быстро перерос в более серьёзные отношения. Насколько серьёзные? Очень!!! О них пошла слухи.

В Москве болтали, что Капитолина «понесла от Мальцова и теперь на сносях». Сплетни эти разлетелись так далеко, что, делясь новостями, полученными из родной Москвы, секретарь российского посольства при неаполитанском дворе Александр Яковлевич Булгаков писал 30 сентября 1802 года, адресуясь в Вену, где на аналогичной должности радел о благе российской дипломатии его братец, Константин Яковлевич: «Василий Львович развёлся с Капачкою за то, что она брюхата, но, видно, не маленьким поэтом. Вот что называется быть глупцом. Пусть плод чужой, но зато слава наша».

Всё это было не более чем пустословие. Никаких видимых последствий романа с Мальцовым на Капитолине Михайловне не открылось... Либо она сумела их ловко скрыть... Но то, что роман получил огласку, привело к неизбежному — супруги Пушкины «разъехались по взаимному согласию».

Случаи такого рода вовсе не были редки. Формально остававшиеся в браке, но «разъехавшиеся» пары никого не шокировали. Закавыка заключалась в том, что Капитолина Михайловна и Иван Акимович не желали ограничиться просто связью или сожительством. Осознав, что жизнь их изменилась раз и навсегда, светские любовники решили соединить свои судьбы, сочетаясь законным браком. Они хотели детей. И не «прижитых в блюде», а законнорождённых, которым можно было бы передать колоссальное состояние их отца.

Для этого требовалось избавиться от законного мужа Капитолины Михайловны. Но как прикажете «вывести за скобки» вполне себе здорового мужчину средних лет, известного всем в Москве и имеющего родню с огромными связями? По законам Российской Империи церковный брак расторгался только в случае явного сумасшествия кого-то из супругов, высылки одного из них в Сибирь на жительство или доказанного прелюбодеяния. Причём тот, кого признавали «уличённым прелюбодеем», лишался права вступать в новый брак.

Что же оставалось делать Капитолине Михайловне в подобных непростых обстоятельствах? Объявить мужа сумасшедшим? Пустить в ход яд? Использовать кинжал наёмного убийцы? Написать донос, после которого Василия Львовича могли бы закатать в Сибирь, а его жене дать право на развод? Всё это было не то. Не так.

Думали они с Иваном Акимовичем, думали, и припомнила Капитолина Михайловна ту самую Аграфену Иванову, к которой, похоже, мужа она всё-таки ревновала. Впрочем, разбираться во всех тонкостях отношений внутри сложной фигуры житейской геометрии, состоящей из двух

пересекающихся любовных треугольников, образованных двумя парами, мы не станем. Недосуг. Да и задачи у нас несколько иные.

Важно понять — обвинение Василия Львовича в прелюбодеянии давало Капитолине Михайловне поразительно выгодную позицию в сложившейся ситуации. Она обратилась в Духовную консисторию с просьбой «образумить мужа». Это была своего рода «артподготовка», совершенно необходимая перед самой атакой. Так тогда полагалось — сначала в отношении подозреваемого блудодоя предпринимались попытки увещания.

* * *

Свою интригу с разводом Капитолина Михайловна начала в то время, когда супруг её был занят множеством докучливых дел, связанных с разделом наследства, оставшегося после смерти его матушки.

Сей бранный мир Ольга Васильевна Пушкина оставила в 24-й день января 1802 года, о чём в метрической книге церкви святого Харитония в Огородниках была сделана соответствующая запись: «В гевваре Числа 24. Умре в покаянии по христианской должности вдова полковница Ольга Васильевна Пушкина, коей от роду было 67 лет. Погребена 27 дня в Донском монастыре».

Похоронив Ольгу Васильевну, чада её полюбовно договорились о том, что за братьями — Василием и Сергеем — останется большое село Болдино в Нижегородской губернии. Сестрице же Анне Львовне отошло село Тимонино, а Елизавете Львовне — деревня Новоуспенская, находившаяся в пяти верстах от Болдино, позже переименованная в Малое Болдино. Также пришлось им делить крепостных и дворовых людей. За всеми этими хлопотами Василий Львович проморгал, что супруга и её избранник, так сказать, «взяли его на мушку».

А тут ещё пришлось устраивать свадьбу сестрицы Елизаветы Львовны, которую просватали за Матвея Михайловича Сонцова, помещика Зарайского уезда Рязанской губернии, служившего переводчиком в московском архиве Коллегии иностранных дел. И только развязавшись со всеми этими хлопотами, Василий Львович оказался перед лицом неприятного факта — сам увенчанный рогами супружеской измены, он был призван в Духовную консисторию, где отцы церкви стали донимать Василия Львовича уговорами, настоятельно рекомендуя «бросить шалить» и помириться с женой. Он, может, и рад бы был поступить именно так, но супруга, приняв позу «оскорблённой добродетели», ни в какую не соглашалась простить, требуя развода.

Взвесив все «про» и «контра», Василий Львович не нашёл ничего лучшего, как удариться в бег. В специальном разделе официальной части газеты «Московские ведомости» от 22 апреля 1803 года появилось уведомление об отъезде за границу коллежского асессора Василия Львовича Пушкина и состоявшего при нём служителя Игнатия Хитрова.

Извещение умолчало о том, что компанию барину и его камердинеру составила та самая вольноотпущенная девица Аграфена Иванова, связью с которой пеняла Пушкину законная жена в поданном ею прошении о разводе. Аграфена Иванова ехала как бы отдельно, по своим документам, но вместе с ними. Так вот как всё у них выходило непростое!

Конечным пунктом маршрута был Париж, куда Василий Львович направлялся через Ригу, Данциг и Берлин, избрав совсем не прямой путь, сознательно копируя маршрут, проделанный Карамзиным в 1789 году, чтобы сделанные Николаем Михайловичем описания тех мест пополнить своими собственными заметками.

Время для поездки оказалось выбрано очень удачно. В 1802 году закончилась война Французской Республики со Второй коалицией в составе трёх империй — Великобритании, Австрии и России. После поражения коалиции, обе стороны копили силы и зализывали раны. Новый антинаполеоновский комплот ещё не сложился, Наполеон, пожиная плоды военных побед и занимаясь внутренними делами страны, не затевал новых походов. В Европе установился шаткий мир.

Пользуясь таким случаем, многие россияне потянулись в волшебный для них город Париж, где Василий Львович застал обширную русскую колонию, в которой имелись у него знакомые. Или знакомые знакомых. Или их родственники. Словом, одиноким и потерянным он себя совершенно не чувствовал.

Многие российские «парижане» вполне обжились на чужбине, завели знакомства, а прибывшего новичка встретили радушно. Они ввели Василия Львовича в парижские салоны, рекомендовав его с наилучшей стороны.

Как и положено русскому туристу, Пушкин очень интересовался парижскими достопримечательностями. Начал он с Лувра, где только за 10 лет до того, в 1792 году, открылся музей, в котором экспонировались произведения искусства из коллекций, собранных французскими королями.

В Версале Василий Львович посетил знаменитый парк и дворцовый комплекс Трианон. Не преминул обозреть и «Малый Трианон» — личную резиденцию последней французской королевы, о которой ходило столько слухов.

Действующие политики занимали его не меньше, чем бывшие обитатели Лувра, Версаля и Трианона. А уж конечно, более всего привлекала главная фигура эпохи — Наполеон Бонапарт, быть представленным которому Василию Львовичу посчастливилось во время визита во дворец Сен-Клу¹ 4 сентября 1803 года.

Согласно протоколу делегацию россиян первому консулу представлял Пётр Яковлевич Убри — поверенный в делах Российской империи при полномочном министре А. И. Моркове. Когда пришёл черёд Василия Львовича, господин поверенный немного лукавил, для солидности отрекомендовав отставного поручика гвардии подполковником. Всё сошло гладко. Поприветствовав своих гостей, мсье Бонапарт с супругой изволили удалиться в свои покои. Приём продолжился лёгким фуршетом, после чего последовал разъезд. Народу собралось много, а потому своего экипажа Пушкину пришлось ждать около часу. Он не роптал, но в своих заметках факт этот отметил.

¹ Шато Сен-Клу — королевский дворец в 10 километрах к западу от центра Парижа. После переворота, упразднившего власть Директории, наряду с дворцом Тюильри был резиденцией первого консула, а потом императора Наполеона Бонапарта. Не путать с парижским пригородом Сен-Клу.

Заядлый театрал, Василий Львович не оставил своим вниманием и парижские храмы Мельпомены. Он свёл близкое знакомство со звездой парижской сцены актёром Франсуа-Жозефом Тальма, блиставшим в шекспировских пьесах. У него русский любитель брал уроки декламации, совершенствуя своё мастерство.

В кругу парижских литераторов Василия Пушкина приняли как равноправного. Переполненный впечатлениями от поездки, парижской жизни и долгого литературного воздержания, он испытал творческий зуд. По свойственному ему тщеславию, Василию Львовичу хотелось «блеснуть талантом в Париже». Засев за работу, он прозой перевёл на французский язык четыре русские народные песни. В августе 1803 года эти переводы были напечатаны в газете *Mercur de France*, читатели их приняли с одобрением. Сенсацию эта публикация среди парижан не произвела, но то, что он «не лыком шит», Пушкин продемонстрировал вполне.

На своё счастье, русский странник застал в Париже золотой век антикваров и букинистов, в лавках которых осели драгоценные осколки уничтоженной революцией эпохи. Роясь в сокровищах парижских букинистов, Василий Львович отбирал, отбирал, отбирал, отбирал, платя, сколько просили. В его руки попали книги из прежней королевской библиотеки, из собраний аристократов, репертуарных коллекций старых французских театров. Ему посчастливилось приобрести тома великолепно изданных древнегреческих и римских классиков, английских и французских авторов. Скупал он подшивки журналов, коллекции брошюр и памфлетов.

Можно сказать, что в Париже Василий Львович наслаждался жизнью. Когда же прискучил ему и Париж, то поехал он за пролив, в Великобританию, и писал в Москву уже из Лондона, искренне восхищаясь устройством английской жизни.

* * *

Однако же сколь ни приятно было житьё Василия Львовича Пушкина на чужбине, а потянуло его домой. Из Москвы ему писали, что дело с разводом пока затихло. Со свойственным ему легкомыслием Василий Львович очень надеялся на то, что Капитолина Михайловна после двух лет ожидания отступилась. Об остальном же можно будет договориться, как договаривались многие их знакомые, которые, формально оставаясь супругами, предпочитали «жить раздельно». Так это тогда называлось. Рассуждая подобным образом, Василий Львович, презрев все опасности, решил вернуться к родным пенатам.

Его возвращение произвело фурор в Москве! Разряженный в парижские обновы, обутый в штилеты с пуговками белого металла или в сапоги с жёлтыми отворотами до колена, Пушкин щеголял красными, полосатыми и белого атласа жилетами модного кроя. Волосы на его голове были причесаны à la Titus¹ и умщены древним маслом *huile*

¹ Мужская прическа, названная по имени римского императора Тита. Во время Французской революции отказались от мужских кос и париков. Коротко остриженные волосы «по античному образцу» завивались в кудри и зачёсывались на лоб. Из-за «революционного происхождения» этот фасон «убора волос» при Павле Первом был строжайше запрещён. Ослушника ждала Сибирь! Оказавшись в Париже, Василий Львович не упустил возможности уложиться «под Тита».

antique¹. Явившись в московском свете, Василий Львович страшно гордился модным обликом и снисходительно позволял дамам обнюхивать свою голову.

Интеллектуальную элиту Первопрестольной он поразил богатством привезённого им из путешествия прекрасного собрания книг, многие из которых ещё не появлялись в России. Его библиотека стала предметом зависти многих москвичей-книжников. У самого же Василия Львовича в отношении своей коллекции имелись особенные намерения. Он полагал заняться переводами сочинений выдающихся европейских литераторов и драматургов, адаптируя их для русской сцены.

В так называемых «больших московских домах» имелись собственные театры и целые труппы, составленные из талантливых крепостных и дворовых людей — актёров, танцоров, певцов и музыкантов, принадлежавших своим господам так же, как стены театра, его сцена, занавес, декорации и костюмы. На тех же подмостках подвизались талантливые любители и свободные профессионалы, искавшие приработков. Было, где ставить, но не хватало пьес. Вот этот дефицит Василий Львович и собирался восполнить.

Однако не тут-то было! Лишь стоило ему появиться в Москве, как на него снова надели со всех сторон ходатаи по разводному делу. Не стоит забывать, что в ход были пущены не только прошение «обманутой жены», но и деньги Мальцова, который в 1804 году окончательно принял от матери управление десятью хрустально-стекольными заводами и стал их полноправным хозяином. Им были наняты лучшиестряпчие и прочие специалисты по такого рода делишкам, которые помогли взять Василия Львовича в «правильную осаду».

* * *

Продержав оборону ещё около года, Пушкин всё же капитулировал. Его буквально запутали, задёргали в разные стороны, и он, решившись отделаться от этой маеты, принял всю вину на себя, подписав разводное письмо, в котором признавал, что «по причине падения своего и могущей быть по сему от нея [жены] всегда в недоверчивости быть с нею в законном супружестве не желает».

Когда ему растолковали, что за этим может последовать: запрет вступать в брак, церковное покаяние, возможное принудительное помещение в монастырь на какой-то срок с высылкой из Москвы, прочие ограничения, — Василий Львович спохватился и попытался как-то исправить ситуацию. Сделать это было тем более сложно, что протекцию он собирался искать в Петербурге, но, памятуя о его первой ретиреде, теперь «обвиняемому» не дали возможности выехать в столицу, буквально заперев в Москве, где его требовали на суд в Духовную консисторию.

Пытаясь объяснить, 8 февраля 1806 года Василий Львович пишет письмо отправлявшему должность обер-прокурора Святейшего синода князю Александру Николаевичу Голицыну, излагая дело так, как оно виделось ему, прося поддержки и защиты от нападков:

¹ Huile antique – цветочная эссенция, полученная путем настоя.

«Не лишите меня покровительства вашего!»

На вас единственно полагаю я всю надежду мою! Жена моя, Капитолина Михайловна, желая выйти замуж за другого, разными происками, через усердствующих ей посредников, вынудила у меня письмо, которое, будучи в беспамятстве, я написал. Но потом в неоднократных просьбах моих, поданных его преосвященству Августину, викарию московскому, я опровергнул письмо и просил его преосвященство, как архипастыря, возратить мне жену мою, с которой разводиться я вовсе не желаю, а напротив того, по долгу христианскому хочу жить неразлучно, и никаких к тому с моей стороны препятствий нет. Теперь Духовная консистория — не знаю почему — требует меня к формальному суду, то мне судиться с женой, которую я люблю и с которой я хочу жить, не для чего.

Я, исполняя долг христианского мужа, и потому имею право просить помощи вашей. Мне также известно, что главное удовольствие ваше есть помогать несчастным и невинным, прошу ваше сиятельство сделать милость, отписать преосвященному Августину, чтобы мне позволено было приехать в Санкт-Петербург и объяснить вам самим моё дело. Я надеюсь, что вы по великодушию своему, не откажете мне в сей моей просьбе и будете уверены в нелестном почитании, с коим имею честь прибыть и прочь».

Господин обер-прокурор, очевидно, был уже наслышан о подлинной коллизии дела, а потому не отказал просителю, и уже 16 февраля писал преосвященному Августину в Москву: «Василий Львович Пушкин пишет мне, что супруга его Капитолина Михайловна, желая выйти замуж за другого, разными происками вымогала у него письмо в беспамятстве и теперь в московской Консистории завела суд по всей форме о разводе. Не знаяши о подлинности дела сего, но судя, что если других законных доказательств к разводу, кроме вынужденного у него в беспамятстве письма, нет, то, казалось бы, по одному сему и тогда, когда он с нею желает неразлучно жить, начинать суд по форме неместно. И для того я покорнейше прошу ваше преосвященство оказать ему архипастырское покровительство. А как господин Пушкин изъясняет ещё и то, что он имеет надобность быть в Санкт-Петербурге, но, принуждая его встать к суду, не позволяют отлучаться, то и в сём случае прошу предоставить ему ваше пособие, ибо уж если столь необходимо и делу сему не обойтись без формального суда не можно, то он вместо себя представить может поверенного. Меня же прошу уведомить о существе дела сего».

На эту эпистолу ответ был дан только 7 марта 1806 года, и ничего обнадеживающего в нём для Василия Львовича усмотреть невозможно: «Почтеннейшим писанием от 16-го прошлого месяца ваше сиятельство изволите требовать от меня уведомления по делу коллежской ассессорши Капитолины Пушкиной о её разводе с мужем ея. По учинению справок спешу донести вашему сиятельству, что дело сие начато формальным прошением оной Пушкиной, обвиняющей мужа своего в нарушении к ней верности и свидетельствующей то как другими доказательствами, так и собственноручным письмом его, в котором господин Пушкин ясно и прямо признаёт себя нарушителем святости брачного союза и что он привязан к одной женщине, от которой никогда отстать не сможет.

Мы по закону пастырскому всячески старались примирить жену с мужем. Прежде ни муж, ни жена не склонялись к примирению, но после муж склонился, а жена осталась совсем непреклонной. Почему через восемь месяцев после того, как жена господина Пушкина подала на него просьбу по необходимости, законами поставленной, предписанием преосвященнейшего митрополита велено начать суд и до решения дела господину Пушкину от Москвы не отлучаться.

Получив почтеннейшее письмо вашего сиятельства, я отнес к его высокопреосвященству, ходатайствуя за Василия Львовича. Но в ответ получил от него, что «дело производится по законному учреждению и потому же решится, а потому господину Пушкину до решения дела отлучаться из Москвы не следует, а поверенных в брачных разводах принимать указами запрещено, а велено их судить лично».

О сём донося вашему сиятельству, смею уверить, что с моей стороны Василию Львовичу готов сделать всяческое пособие и тем доказать, что ничего нет для меня приятнее, как исполнить волю вашу и через то заслужить милости и покровительство ваше».

* * *

Рассмотрение скандального дела завершилось 22 июня 1806 года постановлением Святейшего синода, утвердившим расторжение брака Пушкиных, причём Капитолине Михайловне дозволялось впредь выходить замуж, чем она немедленно и воспользовалась.

Тем же постановлением «уличённому прелюбодею» Василию Пушкину предписывался надзор духовного ведомства в течение семи лет, с обязательной, раз в полгода, поездкой на богомолье в один из монастырей по его собственному выбору¹.

Снова вступать в брак Василию Львовичу Пушкину запрещалось навсегда, однако жить анахоретом он вовсе не собирался. После того как в 1806 году его бывшая жена сочеталась законным браком с Иваном Акимовичем Мальцовым, жить с Аграфеной Ивановой, из-за связи с которой он и попал в капкан бракоразводного процесса, Василий Львович не стал. Почему? Про то свидетельств нет. Со временем Василий Львович стал отрицать сам факт существования Аграфены, утверждая, что «эту крепостную мне придумали».

Как протекала его интимная жизнь в течение следующих четырех лет, теперь не скажет никто, но, видимо, как-то протекала. Во всяком случае, нрав его ничуть не изменился, и вкусы остались прежними.

Всё тот же «раб моды», Василий Пушкин, не доверяя портным этого дела, сам ездил по лавкам, выбирая ткани. Как-то заехал он к Николаю Ворожейкину, торговавшему шёлковыми тканями, чтобы условиться об отсрочке долга, да и приметил в лавке красотку, дочь Ворожейкина, Анну Николаевну, которой только-только исполнилось 16 годочков.

Семейство Ворожейкиных в купеческую гильдию не вступало и принадлежало к мещанству московской слободы Лужники Крымские. Демократичный Василий Львович, чуждый сословным предрассудкам,

¹ Журнал «Русский архив», 1894, № 12, с. 554—555.

игнорировал этот факт и, что называется, на Аннушку «глаз положил». И... и... и... И вот тут-то мы остановимся, ибо, как говорится, «свечку не держали». Уж как они там условились с Ворожейкиным, про то Бог весть, но только юная Аннушка переселилась в дом Пушкина, заняв положение полноправной хозяйки. Вскоре она подарила Василию Львовичу дочь, наречённую Маргаритой, чему тот был безмерно рад. Огорчало только, что из-за развода он не мог дочь «узаконить», дав ей свою благородную фамилию. По обычаю времени, фамилию Маргарите произвели от имени отца, записав Васильевой.

* * *

Как раз в ту пору между Василием Львовичем и его племянником завязалась самая настоящая дружба. Он стал старшим товарищем, наставником для подросшего Александра, относившегося к дяде без особого подобострастия, но признававшего его опытность.

Человек светский, Василий Львович вращался в кругу известных литераторов. Его приятелями были столь разные характерами и мерой своих талантов люди, как И. И. Дмитриев¹, Н. М. Карамзин, П. И. Шаликов², А. М. Пушкин³, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, и со всеми он умел поладить.

В 1808 году И. И. Дмитриев напечатал отдельной книжечкой тиражом всего пятьдесят экземпляров сочинение Пушкина «Путешествие NN в Париж и Лондон». Это миниатюрное издание предназначалось для друзей. Оно было украшено виньеткой с изображением В. Л. Пушкина, сидящего в кресле и внимающего Тальма с книгой в руке.

С 1810 года Пушкин-oncle⁴ сделался одним из старост Английского клуба. В 1811 году он стал соучредителем «Общества любителей российской словесности при Московском университете». Однако же, несмотря на все эти успехи, Василий Львович не зазнался, не превозвысился в собственном мнении. Серьёзные дела он частенько перемежал забавами, исключительно по своему любопытству. Для удовольствия.

С ним мало кто мог тягаться в «буриме» — салонной литературной игре, суть которой заключалась в сочинении стихов на заданные рифмы. Легко справляясь с обычными заданиями, Василий Львович, помимо заданных рифм, просил ещё и тему ему задать. И так у него выходило, что

¹ И. И. Дмитриев — литератор, сенатор, член Государственного совета, министр юстиции в 1810–1814 годах; русский поэт, баснописец, представитель сентиментализма. Член Российской академии. Имел большое влияние на В. Л. Пушкина, считавшегося с его мнением.

² Петр Шаликов — модный московский литератор, поэт, журналист.

³ А. М. Пушкин — дальний родственник. Генерал в военной службе, камергер двора, писатель, прославившийся переводами Мольера, актер-любитель и известнейший на Москве остро слов.

⁴ Именно так, oncle, скорее всего, называл Василия Львовича племянник, а он его — neveu. Для них французский язык был разговорным, на него переходили, сами того не замечая. Воспитанники французских гувернёров даже сны видели «по-французски».

кое-что из сочинённого им экспромтом потом передавалось из уст в уста и помнилось десятилетиями.

В 1811 году в Москве затевалась «карусель» — подобие рыцарского турнира, пышный спортивный праздник высшего общества. Выходя на арену, молодые люди состязались в верховой езде, в умении метать копьё, стрелять из пистолета, биться на шпагах. К участию в карусели допускались только дворяне, могущие документально подтвердить принадлежность к привилегированному сословию.

При подготовке турнира у Серпуховских ворот возвели специальный манеж, а Василий Львович в связи с этим событием написал исторический очерк «О каруселях», выпущенный отдельной брошюрой, посвятив своё сочинение «благородному московскому обоюго пола сословию».

Книжка имела успех! Подобные турниры устраивались нерегулярно. В России они стали одной из примет «екатерининского века». При Павле I карусели не проводились. Когда же в 1803 году граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский затеял подобный турнир в Москве, то проводили его не по каноническим правилам, а больше «по памяти». В молодые годы граф со своими братьями сам участвовал в знаменитых петербургских каруселях, но с той поры минула целая эпоха, вместившая два царствования.

За время долгой паузы выросло новое поколение, только слышавшее о каруселях 1766 и 1784 годов. Многие подзабыли о том, что это такое — карусель, и каковы правила этих турниров. Так что изыскания Василия Пушкина пришлось очень кстати¹.

* * *

Светский лев, знаток литературы, сам мастер слова, Василий Львович говорил с племянником-мальчишкой всерьёз, как со взрослым, а это всегда ценно для юноши-«первоцвета».

Дома дела Александра были не больно-то хороши. Родители считали его «трудным ребенком». К взыску огорчению матери мальчик был неловок и неаккуратен. Такого же мнения были о нём и знакомые семейства, считавшие маленького Пушкина рохлей и замарашкой. В пример ему все ставили Сашу Грибоедова², бывшего совсем немного старше летами.

Подруга бабушки Александра Сергеевича, Елизавета Петровна Янькова вспоминала: «Мальчик Грибоедовых и другие их товарищи были всегда так чистенько, так хорошо одеты, а на этом [Пушкине] всё бывало что-то неопрятно и нескладно».

За эти упущения мальчику нередко доставалось наказание, и та же Янькова вспоминала ещё: «Приедешь к ним, бывало, а он сидит в углу, кругом огороженный стульями: что-нибудь накуролесил, и за то

¹ Турнир 1811 года стал последним рыцарским состязанием в России. Больше карусели не проводились. Манеж, построенный специально для такого случая, сгорел ещё до начала войны в 1812 году. Позже на подобные развлечения ни охотников их устраивать, ни денег на такую забаву не находилось. Золотой век русского барства отошел в историю.

² Они вместе посещали танцкласс Йогеля, у которого в ту пору не было ещё своего зала, и он давал уроки в разных домах, куда к нему свозили учеников.

оштрафован. А иногда с другими пустится в плясы, да так как был очень неловок, то над ним кто-то посмеётся — вот он весь покраснеет, губы надует, уйдёт в свой угол, и во весь вечер уже со стула никто тогда не сдвинет. Значит, за живое его задели, и он обиделся. Сидит один-одинёшенек».

Когда же пришла пора учиться, мороки и расходов у Пушкиных прибавилось, а неудовольствия нерадивым сыном лишь усилились. Теперь Александру «глаза кололи» сравнением его собственных неудач с успехами прилежной в учёбе старшей сестры.

Учителей для Ольги и Александра приглашали на дом, а процессом обучения руководили личные, специально нанятые для каждого гувернёры.

С девяти лет воспитанием юнца занимался эмигрировавший из Франции после революции граф Монфор, человек просвещённый и не лишённый музыкального таланта. Он не ужился с хозяином дома. По одной из версий, они разошлись во взглядах на последствия творчества Вольтера, сочинения которого почитывал подопечный графа. Согласно другой, Сергей Львович просто ревновал Монфора к супруге, бывшей с французом весьма любезной. Имея перед глазами пример брата Василия, Сергей Львович не стал рисковать, доводя дело до греха, дал гувернёру отставку, при расчёте всучив ему вместо денег вексель.

Тогда высок был авторитет учителей из числа аббатов-иезуитов, которых немало оказалось в России при Павле Петровиче, дозволившему деятельность католических орденов. В дом Пушкиных пригласили мсье Русло, человека образованного, знающего своё дело, но редкостного зануду. Иезуит полагал себя поэтом, но писал, как и поучал, длинно и скучно. Он создал поэму «О воспитании» и даже вручил Сергею Львовичу толстенную тетрадь для прочтения, но тот за три месяца так и не удосужился её осилить, а потом нужды не стало. Мсье Русло выставили за дверь. Произошло это после маленького аутодафе.

* * *

Гувернёр знал, что его воспитанник «грешит пером», и совершенно этого не одобрял. Он неоднократно докладывал родителям, что Александр способный, но ленился. Сетовал на несносный его характер.

Мальчику плохо давалась арифметика, особенно деление. Случалось, он плакал над тетрадками с примерами, будучи не в силах одолеть окаянное действие. Но слезами помочь в решении примеров было никак нельзя, а он, вместо того, чтобы заниматься усерднее, всё время отвлекался на сочинительство.

На одном из уроков арифметики, которую ему и его сестре Ольге преподавал православный священник о. Александр Беликов¹, наставлявший их также в Законе Божиим, Сашенька взялся писать поэму «Толиада», действие которой разворачивалось при дворе французского короля Дагоберта из династии Маровингов. Писал он, конечно же, по-французски.

¹ Беликов Александр Иванович (1773–1848), священник, учитель А. С. Пушкина по русскому языку, Закону Божьему и арифметике в 1809–1811 годах, автор богословских трудов и переводов, издатель трёхтомного русско-латинского фразеологического словаря.

Сюжет вращался вокруг сложных отношений в любовном треугольнике придворных шутов, трёх карликов: миниатюрного Толи, красавицы лилипутки Нитуш и коварного недомерка Матюрена, строившего козни влюблённым.

В то время, как о. Александр, набросав несколько примеров на доске, пытался открыть Пушкину секрет деления дробей, тот дописывал шестую песнь поэмы, в которой Толи и Матюрен затеяли поединок...

Чем дело кончилось в поэме, нам не узнать никогда. Контролировавшая ход урока гувернантка сестры мисс Бэли поняла, что Alexander занят вовсе не дробями. Уж больно бойко строчит пером! Тетрадь она изъяла, отдала мсье Русло и увела прилежную Ольгу на прогулку.

Оставшийся в детской Александр пережил неприятные минуты разбора произведения, которое иезуит раскритиковал в пух и прах. Не нравился ему ни сюжет, ни стихи, ни историческая достоверность. Критик довёл автора до слёз и дерзости. Вырвав тетрадь из рук гувернёра, Саша швырнул её в пылающий камин. Потом он долго плакал от обиды, сидя в тёмном коридоре на сундуке.

Обиженный его дерзостью, мсье Русло сообщил об инциденте на уроке арифметики родителям. Мать, Надежда Осиповна, вознегодовала и намеревалась проучить сына, но неожиданно сторону Александра взял отец, пожелавший ознакомиться с содержанием поэмы. Узнав же, что тетрадь сожжена, выразил своё огорчение. Вскоре после того аббат покинул дом Пушкиных, соблазнившись жалованием преподавателя латыни в дорогом столичном пансионе.

После отъезда мсье Русло в Санкт-Петербург третьим «французом» у Пушкиных стал некто мсье Шендель, который продержался совсем недолго. Отношения с учеником у него сложились самые лучшие, главным образом потому, что мсье Шендель ничем особенным Сашу не донимал, поскольку сам был далеко не сведущ в науках. Учил он французской грамматике «по книжке», похоже, сам её впервые читая, а латыни так не учил вовсе, ибо, как говорится, в ней он был «ни в зуб толкнуть». Всё это вскрылось достаточно быстро, и «monsieur прогнали со двора»¹.

* * *

Признав то, что домашнее обучение обходится недёшево, а проку от него выходит мало, семейство озадачилось вопросом — как быть далее? Большой надежды на Александра не возлагали, но на всякий случай решили дать ему лучшее образование из всех возможных. Уповали на то, что, может статься, регулярные занятия, школьная дисциплина и строгость педагогов его «выправят». Вот отведает «берёзовой каши», глядишь, и образумится!² Да, но куда же его пристроить-то?

¹ Очевидно мсье Шендель стал одним из прототипов мсье Бопре, цирюльника и отставного солдата, пытавшегося учить французскому языку главного героя повести «Капитанская дочка» Петю Гринева.

² Порка являлась неотъемлемой частью всех педагогических процессов того времени. Пороли, невзирая на принадлежность к благородному сословию, и юных дворян. Почитайте хотя бы «Чёрную курицу» Погорельского. Там приведены подробности.

Выбор был совсем невелик. Славнее всех на тот момент считался колледж, открытый в Санкт-Петербурге известным педагогом, аббатом из ордена иезуитов Домеником Шарлем Николем, занесённым в Россию волной эмигрантов, покинувших Францию после революции. Но к тому времени, когда надо было отправлять мальчика в столицу, аббат Николь выехал в Одессу, где начальствовал его давний знакомый, герцог Ришелье, который намеревался открыть на подведомственной ему территории приличествующее учебное заведение¹.

Оставленный на попечение помощников аббата петербургский колледж стал уже не тот, что прежде. Он выходил из моды. О нём пошли слухи. К 1811 году в российском обществе нарастали антифранцузские настроения. Пригласить «француза» в свой дом учителем считалось приличным, а «отдавать детей французу» уже не совсем. Можно, конечно... Но непатриотично как-то.

Смущала также цена за учение. Требовалось внести сразу тысячу рублей на полгода вперёд, а весь цикл обучения рассчитывался на 7 лет. Очевидно, тут сыграла свою роль прижимистость папеньки Александра Сергеевича, способного за обеденным столом устраивать скандалы из-за разбитой рюмки ценой в полтинник.

Посудив да порядив, Пушкины решили отдать Александра в Царское-сельский лицей, который ещё только собирались открыть.

Специальное «постановление о Лицее» опубликовали 12 августа 1810 года. В нём говорилось: «Учреждение Лицея имеет целью образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной». Новое учебное заведение приравнивалось в своих правах и преимуществах с университетом. Предполагалось, что в лицее вместе с отпрысками лучших семей Империи будут учиться младшие братья императора, великие князья Николай и Михаил Павловичи.

Однако из-за целого ряда всяческих обстоятельств этот первоначальный план осуществить не удалось. Открытие лицея отложили на год, и от намерения обучать в нём великих князей августейшее семейство отказалось.

Тем не менее, лицей готовили к открытию, и появилось немало желающих отдать в него своих чад. Для Сергея Львовича Пушкина соблазнительнее всего было то, что лицеистов обещали учить и содержать «на полном пансионе», т. е. кормить, одевать-обувать, обеспечивать жильём и всем необходимым совершенно бесплатно.

Имелся и ещё один важный нюанс. Директором лицея назначили Василия Фёдоровича Малиновского — человека, Пушкиным совсем не чужого. Служивший в московском архиве Коллегии иностранных дел братец господина директора, Павел Фёдорович Малиновский, был шафером на свадьбе Сергея Львовича и Надежды Осиповны, когда они венчались в сентябре 1796 года. Потом он помог в изысканиях документов, когда Василий Львович подал прошение о включении фамилии Пушкиных и их герба в «Общий гербовник дворянских родов Российской империи».

Сам же Василий Фёдорович слыл знатоком языков. Дипломат, переводчик, литератор, он к тому же прославился делами благотворительности,

¹ Изначально Николь создал Благородный институт, позже преобразованный в Ришельевский лицей.

участвуя в работе медико-филантропического комитета и бесплатно директорствуя в доме трудолюбия, дававшем приют 30 девицам бедного состояния. Отдать такому человеку сына на попечение было не страшно. Имелась надежда на то, что порядки в лицее установятся не те, что в частных пансионах, где юнцы, вырвавшиеся из-под родительской опеки и надзора гувернёров, не столько изучали науки, сколько постигали искусства подличанья, наущничества, познавали все соблазны пороков, предаваясь тайным кутежам, игре и разврату, порою самого извращённого толка.

Все эти доводы «за» перевесили остальные «против», главным из которых было то, что никто тогда толком не знал, как и чему именно будут учить в Царскосельском лицее. Программа сформулирована ещё не была. Круг предметов, предполагавшихся для изучения, не очерчен.

Все желавшие обучать своих чад в лицей полагались лишь на то, что коли изначально это учебное заведение затевалось для обучения великих князей, то уж вероятнее всего, дело в нём будет поставлено самым отлично-лучшим образом.

Когда Пушкины решили-таки отдать Александра в лицей, отвезти мальчика взялся дядюшка, Василий Львович, ехавший в столицу для переговоров с издателями, которым он хотел предложить ряд своих сочинений.

Дядя и племянник выехали из Москвы в июле 1811 года. Вместе с ними поехала Анна Николаевна, так что путешествие получилось практически семейным. С супругой дяди Александр отлично ладил. Разница в годах между Аннушкой и Сашей была всего лет в семь-восемь, не более того, а по развитию они были и вовсе ровней.

* * *

Поначалу вся прибывшая из Москвы компания «встала на бивуаки» в лучшей гостинице Петербурга — «Демутовом трактире», что на Мойке¹. Однако ж цены у Демута были таковы, что пришлось им перебраться в гостиницу «Бордо», но и там они не задержались, съехав на частную квартиру, нанятую в доме на набережной Мойки. В Москву князю Вяземскому 7 августа Василий Львович послал письмо, полное сетований на обстоятельство:

«Я прожил несколько дней в гостинице “Бордо”, где меня ужасно ободрали. Я в ужасах переезда, и у меня всё ещё вверх дном». И просил писать ему на адрес: «На Мойке, близ Конюшенного моста, в доме купца Кувшинникова»².

Дело об определении племянника в лицей двигалось своим чередом. В № 60 «Санкт-Петербургских ведомостей» от 28 июля 1811 года было дано объявление от имени министра народного просвещения Разумовского

¹ В 1765 году французский купец Филипп Яков Демут выкупил большой дом на Набережной Мойки у адмирала Захара Мишулина. В 1796 год Демут устроил в своём доме гостиницу на 50 номеров, быстро ставшую популярной. Его трактиру имел два корпуса, и со стороны Мойки был двухэтажным, а со стороны Большой конюшенной — трехэтажным.

² ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, л. 2.

о том, что на экзамен в Царскосельский лицей должны явиться дети только тех родителей, «коим он письменно или словесно дал обещание внести детей в список кандидатов».

Через четыре дня — 1 августа — Александр Пушкин прошёл медицинский осмотр, устроенный для кандидатов в воспитанники лицея, и был признан годным.

Ещё через полторы недели — 12 августа — он сдавал вступительные экзамены комиссии, состоявшей из министра народного просвещения графа А. К. Разумовского, директора департамента этого министерства И. И. Мартынова и директора лицея В. Ф. Малиновского, показав познания, оценённые членами комиссии так:

«В грамматическом познании языков: российского — очень хорошо; французского — хорошо; немецкого — не учился. В арифметике — знает до тройного правила. В познании общих свойств тел¹ — хорошо. В начальных основаниях географии — имеет сведения. В начальных основаниях истории — имеет сведения».

Всё шло благополучно — его приняли. Не надо думать, что экзамен был простой формальностью. Кроме Саши Пушкина в тот день перед комиссией предстали: Семён Есаков, барон Модест Корф, Павел Гельмерсен, Константин Гурьев, Сергей Комовский, Александр Тырков, барон Антон Дельвиг, Иван Пущин, Пётр Пущин, Павел Мясоедов, Николай Корсаков, Павел Криденер, Константин Костенский, барон Фридрих Розен, Отто Рейц, барон Павел Гревениц, Сергей Ломоносов, Николай Ржевский, Владимир Вольховский, Фёдор Матюшкин и Иван Головин.

Из этой компании испытания не прошли: Гельмерсен, Пётр Пущин, Криденер, Рейц, Розен и Головин. Из 27 кандидатов отсеяли шестерых. Фактически, срезали на экзамене каждого четвёртого. Весьма недурной процент. Можно сказать, мелкое сито отбора».

В памятной книге лицея рукой директора В. Ф. Малиновского 23 августа 1811 года занесено: «Прислан список удостоенных кандидатов к принятию в Царскосельский лицей»². Под номером 14 значится: «Александр Сергеевич Пушкин. Ветрен и легкомыслен. Искусен во французском языке и рисовании. В арифметике ленится и отстаёт».

Торжественное открытие Лицея состоялось в четверг 19 октября 1811 года³. Церемония проходила в царскосельском Екатерининском дворце. Её почтил присутствием сам император с семейством, сопровождаемый членами Государственного совета, министрами, придворными и «иными начальствующими чинами»⁴. После отслуженной в придворной церкви обедни духовенство освятило помещения лицея, директор Малиновский зачитал высочайшую грамоту, данную лицейю, и произнёс речь. Исполнявший должность секретаря конференции лицея профессор зачитал списки воспитанников и служащих. Потом слово держал профессор

¹ Т. е. физике.

² Этот список 22 августа был утверждён императором Александром Павловичем

³ Дата по старому стилю

⁴ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1811 года. Июль — декабрь. СПб., 1909. С. 319–323.

Куницын, после речи которого воспитанников вызывали по списку «на поклон императору» — они выходили и кланялись Александру Павловичу. Тот милостиво улыбался, вопросами и замечаниями дебютирующих лицеистов не донимал.

После этой церемонии император возглавил экскурсию по зданию лицея для гостей, завершив её в столовой, где лицеистов усадили за празднично накрытые столы.

Высокородных гостей и лиц начальствующих потчевал «фриштиком»¹ в Екатерининском дворце министр просвещения Разумовский, не поскупившийся на угощение, обошедшееся ему в 11 тысяч рублей. Для педагогов директор Малиновский дал обед, сервированный в одной из классных комнат лицейского дома.

За ужином лицеистам подали «обильный десерт» a discretion — говоря по-русски, ешь, сколько влезет, без ограничения порций. Как стемнело, по случаю торжеств устроили иллюминацию².

* * *

Исполнив священную обязанность близкого родственника, Василий Львович прожил в Петербурге ещё с полгода, хлопоча, главным образом, об издании своих стихов. В особенности же проблематичным выглядела перспектива выхода из печати поэмы «Опасный сосед», созданной им весной 1811 года.

Поэма была читана в частных домах, и её принимали с восторгом! Но вот издать её оказалось затруднительно. Дело в том, что сюжет в поэме вращался вокруг коллизии, в которую некто Буянов, проживший своё состояние в гульбе с цыганами, девками и кабацкими плясунами, вовлёк своего соседа, подбив того съездить в бордель. Описания событий и мест, где они разворачиваются, довольно реалистичны и подробны. В выражениях автор также не затруднялся, используя идиомы, коими так богат русский язык во всей его первоизданной красе³. Отпечатать такую вещицу, по соображениям цензурных ограничений, было затруднительно, но упорство Василия Львовича сказалося, и каким-то образом он смог издать «Опасного соседа». Где, кто, как и на каких условиях печатал поэму, спорят до сих пор⁴. Но то, что «Опасный сосед» был издан, сомнений не вызывает. Один экземпляр поэмы, отпечатанный на шести страницах плотной голубоватой бумаги, подписанный «*Пушкн*», сохранился до наших дней.

¹ Завтрак (от устаревшего немецкого *Fruhstuck*).

² Описание праздника — в газете «Северная почта» от 21 октября 1811 года, № 84.

³ «Опасный сосед» был написан по-русски, а «российское наречение» тогда априори считалось грубым и простонародным. Нынче так писать совершенно невозможно, ибо употребление тех самых словесных оборотов в печатном тексте может повлечь за собою даже уголовное преследование.

⁴ Главные подозреваемые в издании поэмы В.Л. Пушкина — «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», возникшее в 1801 году в СПб, и П.П. Бектов, владевший собственной типографией в Москве. Однако прямых улик нет.

В феврале 1812 года Василий Львович с Аннушкой подались к родным пенатам. В столице они времени даром не теряли, и в Москву Анна Николаевна вернулась беременной на большом сроке.

Никто тогда не знал, какая беда нависла над Россией. Слухам о грядущей войне не очень верили, уповая на то, что как-то обойдётся. Чай, не впервой! Однако ж в этот раз знаменитое «авось» не сработало. Пессимисты оказались правы — вскоре после того, как у четы Пушкина и Ворожейкиной родился мальчик, крещёный Львом, грянула война, заставившая «не совсем законное» семейство сняться с места.

Когда Великая Армия, ведомая Наполеоном Бонапартом, которому Пушкин некогда «честь имел рекомендоваться», подошла к самой Москве, непрактичный Василий Львович, обременённый женой и двумя малолетними детьми, оказался в крайне затруднительном положении. Нужно было выбираться из города, оставаться в котором стало чрезвычайно опасно. Но как? Чтобы выехать из Москвы, необходимы были лошади и хотя бы телеги. Их искали все, кто собирался уезжать, а в дорогу собрался чуть не весь город. Всё, что хоть как-то было связано с путешествиями, разом вздорожало неимоверно. Так ещё нужно было отыскивать, сговариваться, распорядиться. Да поспешать надо было, крепко поспешать! Для непрактичного Василия Львовича эти хлопоты оказались непосильны. Тут уж стало не до спасения имущества — самим бы ноги унести, детей от беды уберечь!

Уехать из Москвы семейству Пушкина помог один лишь хранивший их Бог, избравший для исполнения своего Промысла брата главы дома, Сергея Львовича, который с 1802 года служил в московском Комиссариатском депо — учреждении, ведавшем делами снабжения армии.

В августе 1812 года Сергей Львович занимался эвакуацией из Москвы воинского имущества. Ему удалось отправить в Нижний Новгород сухим путём 1 700 подвод, а водой, через Коломну, по Москве-реке и Оке, — 23 барки. Он помог брату с семьёй выехать в Нижний Новгород, куда прибыл и сам. В декабре его сделали начальником Комиссариатской комиссии всей Резервной армии, и Сергей Львович вслед за штабом армии выехал в Орёл, а Василий Львович «со чады и домочадцы» остался в Нижнем.

Жили они там бедновато. В дорогу взяли лишь несколько чемоданов и узлов с самым необходимым для себя и детей. Адресуясь друзьям, Василий Львович в своих письмах из Нижнего Новгорода жаловался на то, что в сильные морозы ходит без шубы, болеет и чуть ли не голодает со всем семейством.

Впрочем, не исключено, что в письмах Пушкина имеется доля преувеличения. Не всё было столь трагично! В той же Нижегородской губернии у Василия Львовича было поместье Болдино с более чем пятью сотнями крепостных. Бедственной можно было бы назвать их дорогу, когда ехали, не зная, надолго ли едут и к чему придёт военная кампания.

Скорее, в письмах отражено настроение, нежели подлинные голод и холод. С голоду и в холоде, обременённый заботами, ничего, кроме разве что прошений о вспомоществовании, писать не станешь, а Василий Львович занятий литературой не оставил и в Нижнем Новгороде. Вопреки всему здесь он даже написал своего рода шедевр.

Датируется это сочинение 24 апреля 1813 года, и можно предположить, что создавалось оно по воле гостей, ибо повесть «Любовь первого возраста» появилась на свет в ходе очередного «буриме».

Не исключено, что гости собрались у Пушкина, чтобы отпраздновать его день рождения, до которого оставалось три дня. Впрочем, может это произошло и не в его доме и совсем по иному поводу, но факт остаётся фактом — нижегородская компания эвакуированных москвичей, развлекавшаяся буриме, предложила признанному мастеру игры особое задание.

Используя заданные по условию слова: простота, кораблекрушение, надежда, война, насекомое, гром, ручей, селение, ладья, торжество, обольщение, — Василий Пушкин прозой поведал о первой любви, упущенной возможности, счастливом сопернике и встрече с «ней», уже замужней дамой. Вышло так хорошо, что эту повесть, названную автором «Любовь первого возраста», опубликовали в № 9 журнала «Российский музей».

* * *

Когда же пришла пора возвращаться в Москву, то оказалось, что война нанесла по семье Василия Львовича Пушкина сильнейший удар. Во время пожара в сентябре 1812 года дом его сгорел, а вместе с ним погибло и всё имущество. Особенно тужил Василий Львович о любимой библиотеке, которую так старательно и с таким вкусом собирал.

Многие семейства московских бар, оказавшиеся в подобной ситуации, не смогли вернуться на родные пепелища. Посчитав да погоревав, решили «по одежке протягивать ножки». Иные осели в провинции, поближе к поместьям, а кто-то и вовсе поселился у себя в деревне. Однако такой выход для Василия Львовича был неприемлем. Он жить не мог без Москвы, а потому, не пожелал жить ни в Болдине, ни в губернском Нижнем Новгороде, и, несмотря ни на что, вернулся и зажил москвичом, как прежде. Разве что в долги влезал более обычного.

Племянника своего он не забывал. Их отношения на многие годы перешли в эпистолярный жанр, но, хоть стало это делать труднее, Василий Львович несколько раз навещал Александра в Царском селе. Да не просто так, а со смыслом! Роль Василия Львовича в воспитании и становлении Александра Пушкина как поэта трудно переоценить.

Oncle Basile внимательно следил за успехами le neveu d'Alexandre и немало способствовал популяризации его сочинений. Узнав о том, что Александр на переводном экзамене по русской словесности в 1815 году читал стихотворение «Воспоминание в Царском Селе», получившее горячее одобрение старейшины цеха российских поэтов Державина, Василий Львович вытребовал рукопись стихов. Он читал их публике сам и подарил список популярнейшему в ту пору поэту Василий Андреевичу Жуковскому, чьё слово весило много. Оценка, данная сочинению юноши Жуковским, выражалась в энергичных восклицаниях: «Надежда русской поэзии! Молодой чудотворец!! Будущий гигант!!!»

Впечатлённый стихами Пушкина-младшего, Василий Андреевич пожелал познакомиться с Александром лично и с этой целью специально приехал в Царское село.

Сам же Василий Львович читал стихи племянника на заседаниях «Общества любителей российской словесности» в зале университетского благородного пансиона.

Как мы помним, чтец Василий Львович был великолепный. В его устах читанные им стихи «Гроб Анакреона» и «На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году» звучали особенно выразительно. Именно тогда, после публичных декламаций маститого светского поэта произведений лицеиста, о молодом таланте заговорили в обеих столицах. Именно тогда произведения дяди и племянника стали путать, что говорит о многом. Ведь дядя-то был уже признанным всеми талантом, а племянник только ещё «подавал надежды».

Весной 1816 года в Лицей пожаловала целая компания знаменитостей. Дядюшка Василий Львович привёз знакомить с племянником Н. М. Карамзина и П. А. Вяземского, и они при товарищах-лицеистах хвалили юного стихотворца, прочили ему большое будущее при том условии, что тот не станет лениться и не оставит поэзию ни для чего другого. Что имелось в виду, явилось совсем скоро.

* * *

После шести лет, проведённых в лицее, Александр Пушкин покинул Царское Село, намереваясь вступить в лейб-гвардии Конный полк. Но, узнав о мечтах сына, Сергей Львович живо «спустил его с небес на землю», заявив, чтобы он выбросил эту чушь из головы, так как у него «на гвардию нет средств». Довод был сильный, ничего не скажешь! От безденежья и саблей не отмахнешься.

Гвардейские офицеры экипировались за свой счёт. Сами оплачивали содержание лошадей, сёдла, сбрую. Обязаны были вносить деньги в полковую казну «на котёл». Писанные и неписанные правила приличий понуждали тех, кто не имел своих домов, нанимать квартиры обязательно в бельэтаже¹. В театрах, не имея своей ложи, гвардейские офицеры могли брать места не далее третьего ряда партера. Мундиры шились только у лучших портных, известных полковому начальству. Et cetera, et cetera, et cetera... Для поддержания репутации гвардейцам надо было выкладывать немалые денежки. Да ещё и стараться перещегоолять сослуживцев, чтобы не прослыть скрягой.

Отец служил в гвардии сам, знал, что говорил, доказывая свою правоту с цифрами в руках, но Александр, как уже говорилось выше, в арифметических выкладках был не силён. В доводы родителя вникать он не желал, полагая, что Сергей Львович противится его поступлению в полк только от жадности. Рассчитывая обрести поддержку дяди, Александр обратился к Василию Львовичу, но получил от него совет «не лезть в мундир». В стихах это выразилось так:

Перестань, болтун!
Будь человек, а не драгун;

¹ Бельэтаж — второй этаж особняка, дворца или доходного дома, считавшийся самым удобным для квартиры. В бельэтаже потолки были выше, комнаты больше и лучше отделаны. Квартиры в бельэтаже были дороже остальных в доме.

Парады, караул, ученья –
Всё это оды не внушит,
А только душу иссушит...

Далее советовал премудрый *oncle Basile* молодому поэту ступить «к слепой Фемиде иль дипломатике косою» и оставить «военные грехи».

Пришлось поэту смириться. Собственно, чем он тогда располагал? Выпускникам лицея от казны полагалось денежное пособие, выдававшееся «на первое время», пока они не определятся на службу. Лучшие ученики получали право на чин титулярного советника и 800 рублей «на обустройство». Но Александр-то наш Сергеевич, будучи учеником весьма посредственным, по успешности стал 14-м из 17 лицеистов, избравших гражданскую службу, а потому при выпуске из лицея его увенчали лишь чином коллежского секретаря, относившегося к 10-му классу Табели о рангах Российской империи, и на обустройство таким посредственно успевающим полагалось только 700 рублей.

Понуждаемый к тому отцом, свежеиспечённый коллежский секретарь в июне 1817 года поступил на службу в Коллегию иностранных дел, где ему положили жалование 700 рублей на год. Надолго ли могло хватить тех денег молодому повесе?! Всё, что удавалось добыть Александру Сергеевичу, разлеталось прахом в вихре развлечений. Он брал в долг «под векселя», оплачивать которые приходилось отцу. Своих-то денег у ветреного сына не имелось. Каждый раз, когда Сергею Львовичу предъявляли к оплате выданный отпрыском вексель, он впадал в ярость и устраивал домашний *scandale*, терзая слух и души окружающих резкими высказываниями.

Иногда Александра Сергеевича выручали карточные выигрыши, но этот род дохода слишком зависел то от капризов Фортуны, то от ловкости рук банкومتа, чтобы на него можно было твёрдо полагаться.

В компании с другими светскими шалопаями Пушкин отчаянно «шалил» и вскоре стал известен всей столице своими «мелкими стихами и крупными шалостями», как сам Александр Сергеевич говаривал, вспоминая ту пору. И шалости эти носили ярко выраженный оттенок революционного радикализма.

В конечном итоге молодой человек, что называется, «доигрался». Предрозостные поступки коллежского секретаря Пушкина и его сочинения, в которых он, употребляя обиднейшие эпитеты, высказывался по поводу личной жизни «сильных мира сего», стали известны начальствующим лицам. Среди прочего поэт отозвался о любимце императора графе Аракчееве, как о достойном «кинжала Занда»¹. Были вирши об архимандрите Фотии и даже самом императоре.

Видимо, яд стихотворных сатир слишком сильно уязвил ранимые души светских и духовных администраторов, что отозвалось в них желанием проучить сочинителя. Господина коллежского секретаря призвали

¹ В марте 1819-го Пушкин написал стихотворение «Кинжал», посвящённое студенту Карлу-Людвигу Занду, приговорённому к смертной казни за убийство Августа Коцебу, известного немецкого драматурга и русского агента в германских землях, выступавшего против академических вольностей германских университетов.

в канцелярию военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга графа Милорадовича и потребовали от него объяснений, сообщив заодно, что его поведение не совместимо с пребыванием на государственной службе. Обвиняемому грозила высылка в Соловецкий монастырь или даже в Сибирь, но до такого не дошло. Ограничились отправкой в Молдавию, под начало премудрого генерала Инзова.

* * *

Этот вызов Александра Пушкина к Милорадовичу ужасно перепугал всю родню молодого поэта. Но более всего досталось его дядюшке, ставшему жертвой жёсткого розыгрыша со стороны своих приятелей.

В доме Василия Львовича на дружеский обед 4 мая 1820 года собралась милая компания: Сергей Тургенев, зять Сонцов, князь Шаликов, Филимонов, Корнеев, Алексей Михайлович Пушкин и Александр Яковлевич Булгаков. Воздав должное искусству пушкинского повара Блаза-Власия, компания расшалилась.

Когда подали шампанское, Булгаков¹ пустился рассказывать о якобы дошедшем до него слухе, будто бы племянник хозяина дома всю вину за свои неосторожные стишки свалил на Василия Львовича, уверяя, что это его сочинения. И перечислил оду «Вольность», «Кинжал», ещё кое-что, большей частью фривольное, чем тогда поэт грешил, прожигая свой талант.

Услышав такую «новость», несчастный Василий Львович сидел за столом, как громом поражённый. Немного придя в себя, он стал уверять своих гостей, что «ничего такого не писал», выражал надежду, что Александру не поверят, так как Милорадович его хорошо знает и стихи его тоже. Все участники розыгрыша только лицемерно вздыхали да сочувственно говорили: дескать, оно конечно так, а там кто ж его знает, что из всего этого может выйти...

Эта шуточка здорово позабавила компанию, но для Василия Львовича, которому не раскрыли секрет розыгрыша, события, разыгравшиеся вокруг племянника, превратились в отраву жизни ещё большую, чем его знаменитая подагра. Уже в сентябре того же 1820 года Александр Яковлевич Булгаков записал в своём дневнике: *«Вчера в клубе видел Василия Львовича Пушкина. Его так перетрусил племянник, который нынче у Инзова на покаянии, что он от него отнекивается: «Je ne sais rien de lui, et meme nous nepous ecrivons pas»*².

Вообще подшучивать над доверчивым Василием Львовичем среди его друзей было любимой забавой. Человек искренний, он, что называется, легко «покупался», становясь объектом упражнений в остроумии.

У того же Булгакова поминается, как на одном московском балу к Пушкину один за другим стали подходить гости, наперебой расхваливавшие его

¹ Брат Александра Яковлевича Булгакова, Константин Яковлевич, служивший почт-директором петербургского почтамта, снабжал его новостями, а потому Булгаков знал всё раньше остальных, за что и ценился. Его буквально рвали на части, зазывая в гости, чтобы расспросить о том, чего в Москве ещё не знал никто.

² Я ничего о нём не знаю, и даже мы не пишем друг другу.

стихи. Каждый просил написать ему списочек виршей, чтобы пополнить коллекцию. Расплывшийся от удовольствия Василий Львович никому не отказал и в результате в продолжение всего бала не танцевал, не играл в карты, не подходил к столам с закусками, а всё сидел и писал, тиражируя стихи, которые у него просили специально подговорённые шутниками люди. Сами же шутники показывали всем желающим усердного переписчика, не замечавшего ничего вокруг.

* * *

Новая встреча дяди и племянника случилась только уже при новом царствовании. Ранней осенью 1826 года, во время проходивших в Москве коронационных торжеств, поэта, которому прежде того запрещено было покидать село Михайловское на Псковщине, спешно, с фельдъегерем, доставили в Первопрестольную. Прямо в Кремль. Ему была дана личная аудиенция императора Николая Павловича. Государь был милостив, посулил Пушкину личное покровительство и освобождение от мелочной опеки общей цензуры.

Прямо из Кремля Александр Сергеевич отправился в гостиницу «Европа» на Тверской улице, где снял двухкомнатный номер. Не задерживаясь там, он лишь переоделся и тут же отправился в гости к любимому дядюшке Василию Львовичу, которого величал своим «парнасским отцом», намекая на его протекцию, помогающую ему войти в круг известных поэтов.

Небольшой деревянный особнячок на Старой Басманной улице, ставший последней московский штаб-квартирой Василия Львовича, достался ему после смерти сестрицы Анны Львовны, покинувшей земную юдоль в 1824 году. Это наследие пришлось как нельзя кстати, ибо финансовые дела «парнасского отца» пребывали в самом плачевном состоянии.

Встреча дяди с племянником была сердечная и радостная, но надолго у своего престарелого родича Александр Сергеевич не задержался. Слишком сильно за прошедшие годы «сместились акценты». Теперь уже не Александр Сергеевич был «племянником того самого Пушкина», а Василий Львович сделался «дядюшкой знаменитого Пушкина».

По возвращении из ссылки Александр Сергеевич моментально «вошёл в моду» и буквально кочевал по Москве из собрания в собрание, от застолья к застолью, от застолий в театр, а после театра — в маскарад или на бал. Город бурно праздновал коронацию нового императора, и всюду, где собирались люди, Александра Пушкина встречали с восторгом. Реванш за годы, проведённые в захолустье, удался вполне.

В начале ноября он снова поехал в Псков, оттуда в Михайловское, которое покинул столь поспешно. В декабре же, завершив все дела в деревне, Пушкин вновь выехал в Москву, куда прибыл 19 декабря, как раз к началу бального сезона, и на этот раз остался в городе надолго.

Вот тогда он стал частым гостем в скромной обители дядюшки. Но в те же дни Александр Сергеевич возобновил отношения с экс-тётушкой Капитолиной Михайловной, которую не видел с самого детства, и её новым супругом.

Оборотистый Иван Акимович Мальцов был умён, смел и обладал поразительными способностями в области коммерции. Как верно замечают — деньги льнут к деньгам. Все предприятия Мальцова приносили ему баснословные прибыли.

Зная о том, что в 1801 году была разработана российская технология производства сахара из свекольного сока, Иван Акимович в 1809 году вложил деньги в сахарный завод. Дело это было новым, необычным. Прежде сахар добывали только из тростника, и стоил он очень дорого. Первые русские заводы производили «свекольный сахар» для переработки в спирт. Просто же на продажу сахар из свёклы почти не выпускался. Но Иван Акимович рискнул и не проиграл, получив большую выгоду, как всякий удачливый первопроходец.

В 1811 году он продал свою долю в деле по производству стекла и хрусталия старшему брату, а полученные деньги благоразумно вложил в несколько независимых друг от друга предприятий. Купил три доходных дома в Москве, два чугунолитейных и железоделательных завода. В Крыму, где земли стоили недорого, Иван Акимович приобрёл большое имение близ Семеиза, разбил виноградники на 85 тысяч лоз и начал производство ставших знаменитыми «массандровских вин».

В семейной жизни Мальцов оказался столь же удачлив, как и в делах. Любимая супруга, которую он обрёл после столь рискованной интриги и долгой судебной тяжбы, родила Ивану Акимовичу трёх сыновей. Их дом в Варсонофьевском переулке славился своим литературным салоном — у Мальцовых собирались все более или менее заметные литераторы той поры, так что Александр Сергеевич просто не мог там не бывать.

Дядя его к Мальцовым не ездил. Это было бы слишком. Но встречаясь где-то на людях с Иваном Акимовичем и Капитолиной Михайловной, Василий Львович премило общался с ними, всячески демонстрируя, что былое — дело прошлое, жизнь сложилась так по воле Божией, и что уж враждовать-то на старости лет? Из-за чего собственно? Такая бесхитрость выбивала оружие злословия у светских сплетников. Как говорилось у Гоголя, «кому какое дело, что кума с кумом сидела». Это как раз вот тот самый случай.

Кончина любимого дядюшки Василия Львовича застала Александра Сергеевича в хлопотный период подготовки к свадьбе. В апреле 1830 года Пушкин вторично просил руки у матушки¹ Натальи Николаевны Гончаровой. Получив согласие, поехал в Петербург, наскоро устраивал там свои дела. В Москву вернулся 14 августа почтовым дилижансом вместе с Вяземским, у которого и остановился.

Навестив дядю, Александр Сергеевич нашёл Василия Львовича совершенно больным, безнадёжным, доживающим последние дни. Когда измученному болями и одышкой старику становилось немного лучше, он

¹ Папенька невесты был много лет «не в себе». Его мнение в расчёт не принималось.

открывал томик любимого Беранже, брался за газеты, листал журналы. Хоть читать ему было уже трудно, всё же многолетняя привычка брала своё.

Умер Василий Львович 20 августа 1830 года в тот момент, когда священник над ним совершал обряд соборования. В записках князя Вяземского остались заметки об этом дне и печальном событии:

«Бедный Василий Львович Пушкин скончался 20-го числа, в начале третьего часа пополудни. Я приехал к нему часов в одиннадцать. Смерть уже была на вытянутом лице и в тяжёлом дыхании его. Однако же он меня узнал, протянул уже холодную руку свою и на вопрос Анны Николаевны: рад ли он меня видеть? — отвечал он слабо, но довольно внятно:

— Очень рад...

После того раза два, кажется, хотел он что-то сказать, но уже звуков не было. На лице его ничего не выражалось, кроме изнеможения. Испустил он дух спокойно и безболезненно, во время чтения молитвы при соборовании маслом. Обряда не кончили — помазали только два раза.

Накануне был он уже совсем изнемогающий, но, увидев Александра, племянника, сказал ему:

— Как скучен Катенин!¹

Перед этим он читал его в «Литературной газете». Пушкин говорит, что при этих словах он и вышел из комнаты, чтобы дать дяде умереть исторически. Однако же он был очень тронут всем этим зрелищем, и во всё время вёл себя как нельзя приличнее».

После отпевания священник церкви Никиты Мученика говорил просто, но прилично, помянув заслуги покойного перед русской словесностью, а тот же Вяземский в своих записках отметил:

«Черты младенческого простодушия Василия Львовича, его простосердечие и малодушие могут составить любопытную главу в истории сердца человеческого. Они придавали что-то смешное его личности, но были очень милы».

Знаменитый племянник Василия Львовича вместе с другими московскими литераторами шёл за гробом от церкви до самого кладбища Донского монастыря. Народу на похоронах было немного. Большинство знакомых Василия Пушкина уже проехали той же дорогой на катафалках. Теперь и он их догонял. Старая барская Москва, частью которой являлся Василий Львович, отжив свой «золотой век», после рокового пожара 1812 года исчезала буквально на глазах. «Sic transit gloria mundi — Так проходит мирская слава». Лучше не скажешь...

* * *

После девятидневных поминок по дяде Александр Сергеевич выехал из Москвы через Нижний Новгород в Лукояновский уезд, где у Пушкиных была недвижимость — село Большое Болдино, с приписанными к нему деревнями. Одну из этих деревень — Кистенёвку — Сергей Львович подарил сыну, когда тот посватался к Наталье Николаевне, и теперь Александр Сергеевич спешил вступить в права владения дарёной деревней, чтобы

¹ Павел Александрович Катенин — поэт, драматург, литературный критик, переводчик, театральный деятель. Постоянный автор «Литературной газеты».

тут же заложить её в Опекунский совет, выручив тем самым денег для устройства достойной свадьбы и житья «на первое время».

Кроме того, была у этой поездки и ещё одна цель — часть Большого Болдина принадлежала покойному Василию Львовичу, наследником которого стал брат, Сергей Львович, и потому, помимо дел с Кистенёвкой, Александр Сергеевич должен был составить своё впечатление о дядюшкином наследии.

Доля Василия Львовича Пушкина составляла 540 крепостных с частью земельных угодий. Осторожный Сергей Львович, которому по закону отошли имущества покойного брата, не спешил их принять, ибо он знал, что дела Василия Львовича шли совсем худо, и после него остались большие долги. Он обратился в московский Опекунский совет с просьбой навести справки о состоянии той части болдинского имения, которая числилась за Василием Львовичем.

До принятия решения о судьбе имения управлять этим имуществом Опекунский совет назначил Гаврилу Васильевича Повалишина, постоянно проживавшего в селе Арии Лукояновского уезда, в ближайшем соседстве с Болдином. Доходы от доли Василия Львовича Пушкина в Болдинском имении поступали в Опекунский совет на предмет покрытия долгов.

В январе 1831 года в Санкт-Петербургских и Московских «Ведомостях» по ходатайству Повалишина были опубликованы объявления о вызове имеющих долговые претензии к покойному В.Л. Пушкину. Таковых претензий набралось более чем на 137 тысяч рублей, и среди заимодавцев оказалось несколько весьма любопытных фигур.

Самыми крупными кредиторами покойного Василия Львовича оказались... московская купчиха Анна Николаевна Ворожейкина, предъявившая долговые обязательства на 50 000 тысяч, и ротмистрша Маргарита Васильевна Безобразова, которой Пушкин задолжал 60 000 рублей. Девичья фамилия мадам Безобразовой была Васильева — то была родная дочь Пушкина и Ворожейкиной. Выходило, что совокупно гражданская жена и дочь одолжили отцу и мужу свыше ста тысяч рублей?! Так была оформлена попытка Василия Львовича обеспечить будущее близких, не имея возможности оставить им наследство в обход своих родственников.

Зная характер брата-эконома, с которым «по писаному закону» тягаться его жене и детям с их птичьими правами гражданского брака было бы затруднительно, Василий Львович выдал им долговые расписки, чтобы таким образом передать в их руки хоть часть имущества, которым он владел сам.

Кроме частных долгов, на имении В.Л. Пушкина накопились и казённые претензии, удовлетворить которые получатель наследства Сергей Львович Пушкин не мог.

* * *

История вокруг имущества Василия Львовича в Болдине тянулась более трёх лет, куда Сергей Львович Пушкин не принял решения отказаться от наследства. Права наследия перешли к Александру Сергеевичу, но и он вынужден был отказаться от имения, так как для решения всех долговых проблем требовалось не менее 100 тысяч «свободных денег» — да где же их было взять-то?!

Пытался выкупить долю тестя в болдинском имении муж Маргариты Васильевны, Пётр Романович Безобразов, но и у него ничего не вышло. Принадлежавшая В.Л. Пушкину часть имения и 540 записанных на его имя крепостных были проданы в апреле 1835 года васильсурскому помещику полковнику в отставке С.В. Зыбину. Вдове Василия Львовича, Анне Николаевне, отошёл городской дом, в котором она с мужем прожила с 1824 года, да кое-что по долговым обязательствам из тех средств, что удалось выручить, реализовав принадлежавшее покойному имущество. На каждый рубль долга там вышли какие-то копейки.

Тем, собственно, и кончилась история отношений Василия Львовича и Александра Сергеевича Пушкиных, продлившаяся более трёх десятков лет.

Но память о них осталась на века. Особенно она дорога для тех, кто неравнодушен к семейству Пушкиных, давших российской литературе двух поэтов, которые, несмотря на разную степень их одарённости и талантов, солидную разницу в возрасте и темпераменте, вполне умели ладить друг с другом.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ИСТОРИК ВАЛЕРИЙ ЯРХО

Яркость, необычное изложение, а зачастую и эпатаж, вызванный стремлением вовлечь публику в бурлящий поток истории, — отличительные черты Валерия Альбертовича Ярхо. Многие годы его имя не сходит со страниц краеведческой литературы о Коломне.

Глубоко любящий свой родной город Коломну, восхищающийся всем необычным, что ему удаётся отыскать, чтобы познакомить окружающих со своими открытиями, бурлящий какой-то первозданной энергией, твёрдый в стремлении дойти до самой сути. И всё это — о Валерии Альбертовиче.

Его произведения не оставляют никого равнодушными: о них спорят, их критикуют, ими восхищаются. Огромный пласт введённого в коломенскую историю архивного материала, сотни просмотренных газетных статей прошедших веков — всецело для того, чтобы вернуть из небытия интереснейшие факты, заставляющие нас задуматься: а насколько хорошо мы знаем свою малую Родину?

Удивительная трансформация происходит и с самим Валерием Альбертовичем. Всё больше погружаясь в пучину минувшего, он постепенно вырастает от любителя написать лихо закрученный рассказ до вдумчивого исследователя, шлифующего каждую грань своих произведений. Научный поиск и постоянная работа над самим собой принесли ему заслуженную награду «Коломенского альманаха»: в 2019 году за литературоведческий очерк «Поворот судьбы» В. А. Ярхо был удостоен Премии им. И. И. Лажечникова.

Дорогой Валерий Альбертович! В год значимого юбилея мы желаем вам доброго здоровья, творческого горения, интересных находок, новых книг на вашей писательской полке и благодарных читателей!

Коллектив редакции

Родимая
сторона

Графика Василины Королёвой

ОЖИВШАЯ РУКОПИСЬ

Воспоминания Нины Модестовны
Лозовской (1899–1988).

Нина Модестовна Лозовская родилась в Коломне в 1899 году в семье уездного врача Модеста Александровича Лозовского, на тот момент надворного советника, и купеческой дочери Шаниной Веры Николаевны. Училась в школе и женской гимназии в Коломне, потом закончила частную гимназию Ломоносовой в Москве.

Работала в Исполнительном комитете Московского городского совета, на всех партийных и советских съездах и конференциях, в Московской чрезвычайной комиссии, в секретариате Центрального комитета РКП(б) и ВКП(б). С октября 1931 года до осени 1937-го – в Ленинской библиотеке. Затем была бухгалтером на разных предприятиях и в учреждениях. Жила в Москве. Умерла в 1988 году.

Воспоминания Нины Модестовны Лозовской перевёл в текстовый цифровой формат и представил в редакцию «Коломенского альманаха» её внук Владимир Максимовский.

Историко-биографический очерк

Как-то очень давно я решила ежедневно записывать хотя бы какой-нибудь один эпизод из моей такой долгой и сложной жизни. Писала на отдельных листочках бумаги. Теперь я их рассортировала, привела в некоторый хронологический порядок и переписала. Получилось три больших общих тетради и одна, тоже толстая, но поменьше форматом.

Раннее детство. 1903–1906 годы

Я родилась в Коломне 3 октября 1899 года в семье Модеста Александровича и Веры Николаевны Лозовских.

Мой отец был восьмым, последним ребёнком в семье, из дворян. Его мать была француженка, а отец — поляк. Они жили под Москвой в собственном доме. Сейчас это район метро «Аэропорт». Отец моего папы был из обер-офицерских детей, имел чин коллежского асессора и служил приставом полицейской части. Рядом с домом моего отца находилось ещё несколько домов, принадлежавших их родственникам. Поэтому со временем улица, где они жили, стала называться Лозовским переулком, но в 1985 году её переименовали в улицу Константина Симонова. Часть этих домов были доходными. Однажды, будучи в Москве, примерно в 1925-1926 гг., папа взял меня и моих детей, нанял извозчика и повёз показывать места, где он родился и провёл детство. Их дома к тому времени не сохранились.

Модест Александрович учился в Александровской Гельсингфорской Русской гимназии в Гельсингфорсе, теперь это Хельсинки. Затем он получил высшее образование на медицинском факультете Императорского Московского университета и звание лекаря. После окончания университета он женился, но их сын, а затем и жена скоро умерли.

Папа решил переехать в Коломну работать врачом. В то время во всей Коломне и Коломенском уезде было два врача: мой отец, уездный врач, и мой крёстный Павел Фёдорович Марков, городской врач при больнице.

Так случилось, что в 1895 году в Коломну из Москвы переехали дети семейства Максимовских, поскольку в 1893 году умер их отец Николай Владимирович, а через год и мама Наталья Петровна. Детей в свою семью взял брат их мамы коллежский советник Пётр Петрович Юшневский, ставший их опекуном.

Старший сын Владимир Максимовский учился в Коломенской классической мужской гимназии. В 1903 году в гимназии организовали социал-демократический кружок, в который он входил, и в этом же году он стал членом РСДРП. По окончании гимназии Владимир поступил в Московский университет на медицинский факультет. В 1905 году участвовал в революции, был арестован и исключён из университета. После этого уехал в Швейцарию и продолжил своё образование в университете в Женеве. С тех пор он стал профессиональным революционером. Но о нём я буду рассказывать потом, по ходу событий моей жизни.

В 1893 году мой отец женился на богатой купеческой дочери Вере Николаевне Шаниной. Шанины были крупными купцами и промышленниками. Кроме прочего, они имели кирпичный завод. В Коломне у них был большой двухэтажный дом с прекрасным фруктовым садом. Самая младшая из Шаниных и была моя мама. Она вышла замуж в 16 лет.

Вскоре она сделалась «провинциальной львицей», за ней ходили толпы поклонников. Она была красива, обаятельна, умна и остра на язык. В семье родились три дочки-погодки: Елизавета, Софья и Шура. Через два года они опять ждали ребёнка и надеялись, что это будет сын. Приготовили приданое для мальчика, а 3 октября 1899 года

Лозовские. Слева направо: Вера Николаевна с дочерью Лизой, Модест Александрович с дочерью Софией. Коломна, 1897 г.

Сёстры Лозовские. Слева направо: Елизавета (1895 г. р.), София (1896 г. р.), Александра (1897 г. р.), Нина (1899 г. р.)

родилась я — четвёртая дочь. Лет до пяти меня рядили в мальчишеское одеяние.

Тот дом, в котором я родилась и провела свои первые три года, я почти совсем забыла, но ясно помню другой дом, в который мы затем переехали. Он был двухэтажный, находился на Болотной улице. Мы снимали его целиком. На первом этаже находились столовая, папашиный кабинет и приёмная для больных. На второй этаж вела внутренняя лестница, там была наша детская. До сих пор помню обои в ней — розовые, с тонким рисунком золотом. На потолке висела керосиновая лампа с большим эмалированным абажуром в виде тарелки. В нём отражалось окно и тени всех проходящих по улице людей и проезжающих телег и экипажей. Рядом с детской находилась спальня родителей. Хорошо помню зал и гостиную. В зале между окнами стояли два больших зеркала — от пола до потолка. Внизу у зеркал располагались большие ящики для цветов, с узорами, покрытые чёрным лаком. Цветы росли крупные, ярко-красные. Вся мебель была обита золотой парчой. Круглый стол охранял ковёр в виде чучела волка с огромной головой. Помню его серо-зелёные большие глаза и зловещую открытую пасть с белыми зубами. Около волка стояло чучело лисицы, тоже очень искусно сделанное. Пол в зале так блестел, что было страшно по нему ходить.

Наша семья жила богато, на широкую ногу. По праздникам устраивались роскошные вечера с музыкой, танцами и пением. Съезжались гости не только из города, но и из уезда. Вокруг Коломны у родителей было много знакомых помещиков. Некоторые приезжали целыми семьями и жили у нас по нескольку дней. Помню, как они вваливались в прихожую, заиндевевшие и замёрзшие. Поверх шуб все были закутаны пледями. Мама удаляла нас оттуда, чтобы мы не простудились.

Наша мама отличалась тем, что умела очень хорошо читать ноты. Она могла раскрыть любые незнакомые ноты и сразу начать играть. Папа тоже хорошо играл на пианино, но только по слуху. Он играл все танцы, стоило только ему напеть мотив. Кроме того, у него был красивый лирический тенор. Модест Александрович был очень высокого роста, широкоплеч, и как-то совсем неожиданно из такого человека раздавался вдруг нежный голос. Он пел много русских романсов, и не только дома, но и на городских любительских концертах. Устраивались для нас и балы-маскарады. Мама была изобретательна и шила очень интересные костюмы.

Нас с малых лет начали учить танцам и даже балетному искусству. Мне особенно не давалась 5-я позиция, когда надо было так вывернуть ступни, чтобы пятка одной ноги соприкасалась с пальцами другой. Но я была совсем маленькой, и с меня строго не спрашивали. Впоследствии я и мои сёстры славились на всю Коломну умением танцевать.

У нас в Коломне был театр, но своей труппы не было. Мама слыла заядлой театралкой и была знакома со многими артистами Московского Малого театра. Один артист — Сашин-Никольский — никак не мог поверить, что у такой молодой женщины четыре дочери. Чтобы доказать ему это, мама взяла нас всех в театр.

Папа был страстным охотником. У нас во дворе находилась большая псарня. Каких только собак там не было! Одно время жил даже огромный сенбернар.

Мама часто ездила в Париж и подолгу там жила. Она училась мастерству делать цветы, шить корсеты и шляпы. И всегда стремилась к самостоятельному заработку. В конце концов она организовала в Коломне мастерскую. У неё работали несколько учениц. Мастерили шляпы с искусственными цветами, что тогда было модно. Шили корсеты. Сами делали из картона круглые коробки для шляп. Торговля пошла бойко. В маме проснулась её купеческая жилка. Официально мастерской с вывеской у неё не было. Очевидно, весь товар распространялся среди коломенских дам. А какой хаос и тарарам царили в её мастерской! Мама курила, и довольно много. В нашу обязанность входило набивать гильзы табаком. Это было не очень приятное занятие.

В Коломне у нас был свой приход — церковь в Женском монастыре — со своим постоянным местом. Каждое воскресенье и праздники нас возили в церковь. До сих пор хорошо помню громадную, во всю стену, икону Божьей Матери с младенцем на руках. У нас была знакомая монахиня Иннокентия. Мы часто ходили в её келью.

Папа, сын француженки и поляка, был православным, как и его отец, в то время как его мама — римско-католического вероисповедания. Каждый год на Пасху нам приносили из женского монастыря пять просвирок: одну большую и четыре маленькие. На большой просвирке было написано славянскими буквами «О здравии болярина Модеста со чады». Папа имел чин коллежского советника — 6-й класс по Табели о рангах. Это было довольно высокое положение.

Лето мы проводили на даче в селе Северском, в девяти верстах от Коломны. Оно расположено при впадении реки Северки в Москву-реку. У нас был двухэтажный дом очень оригинальной постройки. Папа купил обыкновенный крестьянский дом с двумя комнатами и сенями. К нему пристроили

большую комнату и террасу. Надстроили второй этаж, где получились две комнаты и два балкона. Один выходил на запад, на деревяню, другой — на восток, с видом на сад и луг. На горизонте виднелась Коломна с её бесчисленными церквями. В ясную погоду купола и кресты блестели на солнце.

Дом стоял на кирпичном фундаменте, под домом сделали подвал, где находились большая кухня и сени. Окна кухни были на уровне земли, и мы часто лазили в кухню через окно. Здесь была русская печь и смежная с ней плита. Обедали мы обычно на террасе.

Перед террасой был разбит большой цветник. Растениями занимался сам папа. Он любил садоводство, и всё в саду было посажено его руками. Особенно он любил делать прививки и деревьям, и цветам. У нас был большой розовый куст, где цвели и красные, и белые, и чайные розы. На одной из яблонь росли яблоки трёх сортов. Были клубника нескольких сортов, малина, крыжовник, смородина чёрная, белая и красная, вишня.

Осенью варили варенье. У каждой из нас, сестёр, был свой медный таз и жаровня, по возрасту. По-видимому, мама приучала нас к хозяйству. Помню, у нас было четыре утюга, нагревающихся углями. Мы рано научились гладить. Ещё было по деревянному корытцу и по сечке. Мы вместе со взрослыми заготавливали на зиму квашеную капусту. Осенью папа снимал яблоки. Он делал это с помощью специально изготовленной коробки с зубцами, прикреплённой к длинной палке. Не побитые антоновские яблоки укладывали в ящики, каждый слой покрывая соломой.

У нас в саду была площадка, на которой располагались разные гимнастические снаряды: турники, трапеции, кольца, лестницы, канат, столбы. Но самым любимым развлечением были «гигантские шаги». Даже взрослые на них катались. Помню, как катался священник Парусников, и ряса его развевалась. Рядом была площадка для крокета — тоже нашей любимой игры.

Был в саду и бассейн, сделанный из кирпичей. Недалеко от него находился колодец с подведённой к нему трубой. В любое время можно было бассейн наполнять.

Папа очень любил делать подарки и сюрпризы. Однажды утром мы вышли в сад и увидели чудесную избушку. В ней всё было, как в настоящей: стол, длинная скамейка, четыре табуретки. На стене висели портреты царя и царицы. Конечно, строительством занимался не он сам. У нас был плотник. Мы звали его Можайч и очень любили смотреть, как ловко он работает. Он-то и смастерил для нас «гимнастику», избушку и другие сооружения. В нашем доме на всех окнах были сделаны ставни из толстых досок с двумя шпингалетами по бокам. На ночь окна и ставни закрывали. Не знаю, зачем, может быть, было много жуликов. Окна нашей спальни выходили на восток, солнце на рассвете светило прямо в них. Над каждой кроваткой у нас висел полог из марли от комаров. Местность, где мы жили на даче, была сырая, и всё лето мучили комары. Нас мазали репейным маслом, но это плохо помогало. Летом, в самую жару, мы ходили в чёрных чулках и платьях с длинными рукавами и высоким воротничком. Но это не от комаров, просто в те времена так было принято одеваться, иначе считалось неприличным.

Помню, какие интересные пикники устраивались у нас летом. Ехали в лес на нескольких экипажах по направлению к Рязани, потому что

поблизости больших лесов не было. Тамошные леса славились грибами и ягодами. На одном из экипажей ехала прислуга с самоваром, продуктами, посудой и прочим. В лесу на полянке прямо на траве расстилалась скатерть, самовар топили шишками. В нём под крышечкой варили яйца. Сидя на траве, пили чай, ели бутерброды. Было необычно, интересно, весело. Я не очень-то умела искать грибы, наверное, с детства была близорука. И помню, что больше пребывала в экипаже, а в ногах у меня стояла большая бельевая корзина, и в неё грибники перекладывали свою добычу, причём исключительно благородные грибы: белые, подосиновики, подберёзовики, маслята. В другую корзину складывали грибы для соленья: грузди, рыжики и волнушки.

Рядом с нами в Северском находилась большая усадьба очень богатого промышленника Найдёнова. Папа, дополнительно к своей многообразной лечебной работе, был там домашним врачом. Жена Найдёнова совсем не могла без него обходиться, и даже зимой, живя в Москве, они часто приглашали его из Коломны по всяким пустякам. Найдёновы позволяли нам ходить в их рощу, купаться в их купальне и т. д., но более близкое общение с их детьми не разрешалось. Они считали, что врач, хотя и состоятельный, и дворянин, не ровня богачам. Между папой и ими иногда происходили небольшие стычки. Как-то Найдёновы построили у себя в саду беседку — розовую коробку на высоких подпорках — и хвастались, что им теперь видно всё, что у нас делается. Тогда папа им назло сделал беседку на берёзе, наверное, раза в три выше, чем их коробка. Вдоль ствола этого огромного дерева шла лестница ступеней на 25, затем была сделана площадка с лавочками, на них можно было посидеть, передохнуть. Затем шла другая лестница, ступеней на восемь, снова площадка и, наконец, третья лестница до третьей площадки — почти на верхушке берёзы. Но нас с Софьей не удивляло такая высота, и мы лезли выше, уже по ветвям. Особенно хорошо там было качаться в ветреную погоду или перед грозой.

Однажды папа поймал в Москве-реке громадную щуку. Когда он её измерил, оказалось, что она равна мне по росту. Эту щуку поместили в бассейн, но ей было там тесно, и она ободрала себе весь нос, ударяясь об стенки. Соседи узнали об этом и поспешили к нам, чтобы купить эту чудо-щуку. Но папа гордо им заявил, что он не торговец, ничем в жизни не торговал и не собирается этого делать. Тогда они попросили хотя бы сфотографировать её.

На расстоянии версты от нашего дома на Москве-реке была плотина и шлюзы, которые пропускали пароходы. Вода падала с трёхметровой высоты. Пройти по этой плотине было не очень-то легко: на полпути начинала кружиться голова. Но мы любили смотреть, как через шлюзы пропускают пароходы и баржи, а для этого, хочешь не хочешь, приходилось проходить по плотине. Между плотиной и шлюзами образовался как бы остров. На этом острове жил начальник шлюза с семьёй. Мы называли его «Помидорчик», потому что у него всегда было красное лицо, особенно когда он злился. На другом конце острова поселился какой-то англичанин. Папа был с ним знаком и, когда удил рыбу, останавливался у него. Там росли изумительные редкостные деревья — кудрявая береза и серебристая ива. Папа очень часто ловил рыбу на этой плотине, имел ключ от дома этого англичанина и жил там по несколько дней.

Северский шлюз

Как-то он затеял сделать копчёную рыбу. Из корзины смастерил плетённый противень, положил на него очищенную рыбу, затопил печь слегка сыроватой соломой и над дымом пристроил свой противень. Мама смеялась над его затеей, но он добился своего. Правда, рыба была совсем чёрная от копоти, но, когда сняли кожу, под ней оказалось вкусное, прокопчённое мясо. Однако, папа так намучился с этим процессом, что больше такого не повторял.

В конце сада у нас находился двор, отгороженный забором из штакетника. Там были коровник, конюшня и каретный сарай. Корове приготавливали в большой деревянной бадье пойло, а сверху насыпали отруби. Я очень любила отруби и потихоньку слизывала их, пока корова не вернулась домой. А лошадки часто гуляли по двору и подходили к забору, я давала им кусочки сахара.

У папы был постоянный извозчик Алексей, он ежедневно возил его по уезду на паре лошадей, а в Северском у нас работал его брат Михаил, и тоже с парой лошадей. Мы ездили в Коломну за продуктами или в Пески за почтой. Кроме того, в Песках имели дачи многие наши знакомые, и мы посещали их. Ехать надо было по высокому берегу Москвы-реки до Черкизова, а там по плашкоутному мосту — на другую сторону реки. Настил этого моста располагается на баржах, стоящих на якорях поперёк реки, вдоль течения. Под тяжестью нашей пролётки мост проседал, и мы ехали по воде. Особенно было интересно наблюдать за барышнями в красивых туфельках, когда мы приближались к ним.

Запомнилась мне на всю жизнь одна из таких поездок. В нашей пролётке напротив сидения помещалась дополнительная скамеечка, на которую всегда усаживались две мои сестры. На главном сидении располагалась наша гувернантка, рядом — третья сестра, а я обычно сидела на коленях гувернантки. Ехали мы уже домой, надвигалась гроза. И вдруг я ясно увидела, как прямо между ног у лошади пролетел яркий огненный шарик, одновременно раздался оглушительный треск и грохот. Лошади встали на

дыбы. Мы ехали по дороге, слева у нас — крутой обрыв и река, а справа — ржаное поле. Хорошо, что Михаил не растерялся и резко повернул лошадей в поле. Лошади неслись, как угорелые, пролётку мотало из стороны в сторону, мы едва удерживались. Наконец, Михаил спрыгнул с облучка и насилу заставил лошадей остановиться. Этот переполох сделала шаровая молния.

Наши папа и мама родились в один день — в праздник Яблочного Спаса — 6 августа. Этот день справлялся в Северском очень торжественно. Весь дом украшали разноцветными фонариками, внутри которых вечером зажигали свечи. Об электричестве мы тогда не имели понятия. Съезжалась масса гостей, играли в крокет, катались на гигантских шагах. Вечером пускали фейерверк в саду и на лугу.

У меня и сестёр были трёхколёсные велосипеды. Мы любили кататься по лугу. От нашего дома через него шла узенькая тропинка к плотине. По ней мы и катались, но частенько заезжали в траву. Папа платил крестьянам за наше право кататься по траве и бегать.

Как-то он сделал нам новый сюрприз. В саду построили театр с декорациями. Одна из них изображала комнату, а другая природу — лес, сад. Для этого часть цветника пришлось ликвидировать, на его месте поставили скамейки для зрителей. В связи с этим представлением мы познакомились с семьёй аптекаря Левитана. В ней было несколько парней: Исаак, Иосиф и Вениамин, все они вместе с нами составили труппу артистов. У Елизаветы получалось хорошо, а я, дико застенчивая, от страха не могла произнести ни одного слова. Пришлось меня вывести из труппы. Спектакль ставил знакомый Левитанов — артист-режиссёр Недолин. Я не помню содержания этой первой пьесы, но публика, особенно деревенские ребята, были в восторге.

Как-то в Коломну приехал на гастроли театр из другого провинциального города, и у нас в гостях появился режиссёр этого театра — Кронид Андреевич Александровский, молодой, красивый мужчина. Нам он сразу понравился. Он часто читал нам чеховские рассказы. Скоро мы стали называть его маминной симпатией. Мама нам говорила, как ей было неловко, когда она принимала своего гостя в гостиной, а из-за гардин слышался шёпот: «мамина симпатия, мамина симпатия». Когда кончились гастроли, Кронид Андреевич должен был ехать со своим театром в Харбин. Этот город был построен на территории Китая в 1898 году и фактически являлся русской колонией для строительства и ремонта Китайско-Восточной железной дороги.

Наша мама уехала с ним. Таким образом, зимой 1906 года папина семья распалась. Мы остались с отцом. Все коломенские жители были потрясены этим событием. Дома же, надо сознаться, это событие прошло очень спокойно и тихо, никаких особо неприятных эмоций у нас не вызвало. Мы привыкли к отъездам мамы. Она часто ездила во Францию, где училась в Париже всякому мастерству. Мы даже были довольны, когда она уезжала и оставляла нас с отцом. Но многие кумушки в Коломне, встречая нас на улице, вздыхали, жалели нас, называли сиротками, а я, по крайней мере, не понимала, за что меня жалеют. И была довольна своей жизнью с отцом.

После маминого отъезда наша жизнь резко изменилась. Не было уже таких шикарных праздников с богато украшенной громадной, до потолка, ёлкой, с чудесными подарками под ней, с красивыми маскарадными костюмами. Мы стали жить гораздо скромнее. Прежде всего, сменили свою громадную квартиру, занимающую целый дом, на меньшую. Мы поселились на Пятницкой улице, недалеко от наших знакомых Хлебниковых. Вдвое, если не больше, сократилось число прислуги, и я не знаю, куда делась наша шикарная обстановка из зала.

Я только позднее, кажется, догадалась, почему мы стали так, если не бедно, то очень скромно жить. Дело, думаю, в том, что в качестве приданого за нашей мамашей отец получил кирпичный завод, который давал, наверное, немалый доход. Но теперь много денег от него папа пересылал ей. Папа был очень доверчивым и непрактичным человеком и не имел ни времени, ни способностей заниматься этим заводом. Он передоверил всё своему управляющему, который нещадно обманывал и обворовывал его.

Мы жили скромнее, но зато — как свободные птицы. Наш отец был очень занят. Утром с восьми до десяти у него был приём больных на дому. Затем он ехал в экипаже по коломенскому уезду. Днём, обычно часа в два, мы вместе с ним обедали, затем он снова ехал за город и возвращался к ночи. Но всё-таки он находил время и занимался с нами. Часто папа играл на пианино, а мы танцевали. Много сил прикладывал, готовясь к праздникам, привозил и украшал ёлку, изобретал вместе с Софьей костюмы для маскарада. Как-то у них хорошо получилась лягушка, брюхо у неё было набито подушками. Я в этом костюме ходила даже на взрослый бал-маскарад. Только какой-то полицейский привязался ко мне, что, дескать, детям нельзя ходить на такие балы. Я сильно перепугалась, что меня арестуют, но, когда он узнал, что я Лозовская, извинился и отстал от меня.

Помню, как папа купил нам коньки. Он просидел всю ночь, врезая в каблуки пластинки. В свободное время он гулял с нами по городу и знакомил с Коломенским кремлём. Город Коломна выглядел в то время затрапезным и грязным. На самой главной улице были вымощены булыжником только тротуары, а на всей проезжей части господствовала непролазная грязь, только на перекрёстке протоптаны дорожки, по которым можно было перейти на другую сторону. Весной и осенью — грязь, а летом — сплошная пыль. Впоследствии сделали булыжную мостовую. Вспоминаю, как мы мучились, когда надо было ходить по этим камням на высоких каблуках.

Была улица, по которой летом все горожане гуляли. В конце её имелось так называемое «блюдечко» — круглая площадка на высоком берегу устья реки Коломенки. Вокруг «блюдечка» стояли скамеечки, но на них никогда не было свободных мест. На этой улице находилась частная гимназия, а около неё — асфальтированный тротуар. Чудо для Коломны!

До сих пор помню наводнение 1908 года. Папа водил нас на Москву-реку смотреть ледоход. Это было жуткое зрелище! От села Бобренева, которое находится за рекой, оставалась видна только верхушка церкви. По реке плыли целые крестьянские избы, домашняя утварь.

Как-то папа привёз из Москвы громадный свёрток и сказал, чтобы мы его не распаковывали до его приезда, а сам поехал по больным.

Но Елизавета не выдержала и развернула. Там оказался граммофон с большой трубой и набор пластинок. Каким-то образом они с Софьей сообразили всё собрать, и послышалась музыка и пение. Я видела граммофон впервые и думала, что в нём сидит маленький человек и поёт. Когда папа приехал, у нас всюду гремела музыка, но нам не попало от него. Наверное, он был доволен, что мы сумели так хорошо овладеть незнакомым нам предметом. Вообще, ему достаточно было нам что-нибудь тихо сказать, чтобы мы послушались, настолько мы его уважали.

И в Северском папа уделял нам много времени. Он водил нас на Москву-реку купаться. Мы купались в найдёновской купальне, учились плавать, а он сидел неподалёку на лавочке и читал газету. Вместе с ним мы работали в саду. Он показывал нам, как надо делать прививки, мы вместе сажали цветы, обрабатывали клубнику.

Папа любил запускать воздушных змеев. Помню, как он сделал из лёгких палочек какое-то сооружение, довольно крупное, обтянул его ярко-зелёной материей и прикрепил на удочку вместо крючка. Затем он побежал по лугу, а змей поднимался всё выше и выше, пока катушка с леской раскручивалась до конца. Особенный восторг это занятие вызывало у деревенских мальчишек. Сами мы любили «посылать письма» — прикрепляли к леске листок белой бумаги, и наше письмо мчалось ввысь к змею.

После отъезда мамы старшая сестра Елизавета, а тогда ей было 11 лет, стала понемногу принимать участие в ведении хозяйства. Они с папой составляли меню обедов на неделю. Самый любимый день у меня был четверг, когда на второе подавали жареные сосиски с тушёной капустой. У нас в Коломне были магазины, где продавались колбасные изделия и сосиски собственного изготовления. Таких я больше не едала нигде.

Елизавета проявляла и некоторую заботу о нас, о нашем поведении и воспитании. Помню такой случай. Мы были в гостях у Марковых. Глава семьи работал городским врачом, у него было двое детей: Володя и Маргарита. Мы с ними дружили и часто ходили друг к другу в гости. Однажды вернулись домой, а у Софьи за пазухой оказалось несколько безделушек. Они ей понравились, и она потихоньку их взяла. Елизавета настояла на том, чтобы Софья на следующий день сама пошла к Марковым, повинилась и вернула чужое.

Старшие сестры Елизавета и Софья ещё при жизни с мамой поступили в гимназию, а мы с Шуркой были дома одни. Однажды папа застал нас поздно утром ещё валявшимися в постели. Мы лежали и пели песни. Наверное, наше орево раздавалось на всю квартиру и мешало принимать больных. Он вошёл и просто спросил меня, не хочу ли я пойти учиться. Я, конечно, с радостью согласилась, и он тут же отвёз меня в частную школу Маргариты Петровны Диполович.

Я пришла в 1-й класс, когда там ещё писали палочки и читали по складам. По моим знаниям меня решили перевести сразу в 3-й класс. Правда, мне вначале было трудновато, особенно у меня хромала орфография, но наша учительница — сама начальница Диполович — каждый день заставляла нас писать диктанты, и скоро я выучила все слова «на ять» и стала писать грамотно. В классе было человек пятнадцать. Все дети сидели за длинным столом. Когда писали диктанты, ставили между

Коломна. Женская гимназія.

Коломенская женская гимназия. Современная ул. Пушкина, д. 13.

собой перегородки из книг, чтобы не подглядывали соседи. На переменах играли в одну и ту же игру — «Бояре, а мы к вам пришли».

В 1909 году папа отвёз меня в гимназию, я успешно сдала экзамены и была принята в 1-й класс. Учеба давалась мне легко, я почти не готовила дома уроки.

Однажды папа подарил нам швейную машинку и два куска материи. В одном куске был грубошёрстный материал, а в другом — тонкая китайская кисея красного цвета с белыми разводами. Сначала мы только играли с этой машинкой, крутили колесо. Затем Софья взялась за работу и сшила нам всем по юбке из грубошёрстного материала. Конечно, всё было без застёжек, на булавках, но папа был очень доволен, увидев нас в обновках. Потом они с Елизаветой сшили нам на лето халаты с японскими рукавами. Тут тоже обошлось без застёжек: одна пола находилась под другой, всё это завязывалось поясом. Постепенно мы стали всё лучше и аккуратнее шить. Шили себе и деревенским девочкам.

В 1909 году папа снимал дом Петровых на Большой улице. В доме была коридорная система: прямо из передней шёл длинный коридор, по обеим сторонам которого располагались комнаты, и все они сообщались между собой. Можно было бегать вокруг коридора по всем восьми комнатам. Одну занимали Елизавета с Софьей, другую — мы с Шуркой. Третью — хозяйки или гувернантка, четвёртую — прислуга. По другую сторону коридора были столовая, гостиная, зал — приёмная для больных — и папин кабинет.

Мы особенно любили играть со своими гостями в прятки. Танцевали в зале под граммофон. И ещё любили играть в «исповеди». Кто-нибудь изображал священника, и все по очереди приходили к нему исповедоваться. Говорить надо было только истинную правду, и здесь открывалось много секретов.

Однажды Елизавета решила не идти в гимназию, наверное, боялась какого-нибудь сочинения или письменной работы по математике. Я тоже не приготовила какие-то уроки, и мы решили вместе пойти на «блюдечко». Там на берегу реки Коломенки росли старые ивы с большими дуплами.

Вот в этих дуплах мы и решили просидеть до окончания уроков. Неподалёку от этих деревьев был мост, через который папа проезжал, когда ехал в уезд. Елизавета просидела часов до двенадцати, а потом вылезла, села на травку и спокойно читала книгу, а я, трусиха, так и не отважилась выбраться до самого конца.

Папа был попечителем нашей гимназии и врачом в ней, а кроме того, преподавал гигиену. Наверное, он узнал о нашем прогуле, но ничего нам не сказал. Видимо, ждал, когда у нас совесть проснётся, но так и не дождался. Однажды он приехал из уезда немного пораньше, часов в 10 вечера. А у нас гости. В одной комнате застаёт в полутьме пару: Елизавету с Исааком Левитаном. Он — «священник», исповедует её. Папа собрал нас всех вместе и спросил, когда же мы делаем уроки? Он сказал, что ни к чему нас не принуждает, но кем мы будем без образования — дворниками или кухарками? И посоветовал нам встречаться по воскресеньям и праздникам, а Левитаны обиделись, и перестали к нам ходить, и даже не здоровались на улице при встрече. Мы взялись за ум и начали учиться. Шурка ещё нигде не училась. Она много болела, перенесла тяжёлую операцию. Ей выпилили два кусочка рёбер, чтобы удалить гной из лёгкого. Она долго хранила эти кусочки и всем показывала.

Однажды папа приехал из Москвы и объявил нам, что на будущей неделе он повезёт нас на учёбу в Москву. Мы должны были учиться в женской гимназии Ломоносовой на Сивцевом Вражке, а жить — в пансионе при ней.

Папа сказал, что это будет обходиться недорого — всего 1 800 рублей за учебный год. Я помню, что пришла в ужас от такой суммы, а он рад, что дёшево. Это были очень большие деньги! При этом я, не подумавши, что это потребует дополнительной оплаты, затеяла изучать иностранные языки: немецкий, французский и впоследствии латинский. В нашей гимназии языки были необязательны.

Женская гимназия В. В. Ломоносовой. Ул. Сивцев Вражек, д. 25/9, стр. 1.

1910—1917 годы

Итак, осенью 1910 года мы приехали с папой в Москву.

Портниха сшила нам новые формы, юбки и кофты, в которые мы должны были переодеваться после уроков. Распотрошили сундук с маминим приданым, взяли оттуда бельё и разные постельные принадлежности.

Несколько дней папа знакомил нас с Москвой. Жили мы в какой-то, как мне показалось, роскошной гостинице. Всюду зеркала, мягкие ковры, питались в ресторане. Особенно мне нравилось, как папа себя уверенно держал в столице. Когда нам надо было перейти улицу, он поднимал трость, извозчики останавливались и пропускали нас. Наконец, папа отвёз нас в пансион, распрощался с нами и уехал.

Попали вольные птички в клетку! Тяжело было переносить первое время в пансионе. Ведь каждая из нас оставила в Коломне своего милого. Даже я успела влюбиться в гимназиста Борьку Бабина. Всех нас, сестёр, поместили в один дортуар — общую спальню, а кроме нас там было ещё человек восемь. Было холодно и неудобно, кровать жёсткая, одеяло колючее.

Появились новые подруги. Я дружила с девочками старше меня на три класса, потому что была самая младшая в пансионе. Одних лет со мной была только племянница начальницы — Таня Сумбул, но она — в первом классе, а я — во втором.

В пансионе в 9 часов начинались уроки, в 12 — большая перемена, и мы, пансионерки, удалялись в столовую. На завтрак давали мясное блюдо: котлеты, зразы мясные, начинённые рисом или гречкой, бефстроганов с картошкой, сосиски, а иногда и курицу.

Молились мы бесконечно: до и после еды, до и после каждого урока. После уроков мы шли с классной дамой гулять, обычно на Пречистенский бульвар. В 17 часов — обед, очень хороший и вкусный: суп или щи с куском мяса, на второе — тоже что-нибудь мясное, на третье — клюквенный кисель или компот. Вечером в 20 часов — снова чай с розанчиком. Кормили нас неплохо, но мы вечно были голодные, особенно я и Лидия Ласкина. Перед обедом мы бежали в столовую, там были приготовлены горки чёрного хлеба и графины с водой. Мы ели хлеб из этих горок и опустошали графины. Работнице столовой Агаше приходилось снова резать хлеб. Супа можно было съесть по две тарелки, и мы съедали, но всё равно оставались худощавыми.

М. А. Лозовский. Коломна, начало 1910-х гг.

Сёстры Лозовские. Слева направо: Александра, Нина (стоит), Елизавета (сидит), София. Москва, гимназия В. В. Ломоносовой, 1910 г.

После обеда нас собирали в какой-нибудь класс, где мы учили уроки. С нами оставалась классная дама. Первые годы электричества не было, и на потолке висела керосиновая лампа. В 21 час все расходились по своим дортуарам и ложились спать. У нас было два дортуара: нижний, в полуподвальном помещении, и верхний. В гимназии был собачий холод: в нашем верхнем дортуаре было 8-9 градусов по Реомюру (10-12 градусов по Цельсию), а в нижнем и того меньше. Я очень мёрзла по ночам, хотя мы и надевали ночные кофточки, тоже позаимствованные из мамшиного приданого. Кроме этого, в доме была ужасная сырость. Владельцем дома, где размещалась наша гимназия, был артист Художественного театра В. В. Лужский.

Латынь преподавал у нас Сергей Михайлович Чемоданов, а в классе, где училась Софья, он же — историю. В свой первый приход в класс он вызвал меня и заставил читать и переводить. Я хорошо перевела «Военные походы Цезаря». Он был удивлён, и только спросил, не родственница ли мне Лозовская из пятого класса. Позже он преподавал в моём пятом классе литературу. Я умела быстро записывать за преподавателем и готовилась не по учебнику, а по записанному. Он был мной очень доволен. А я для него готова была расшибиться «в лепёшку». Через годы мы часто соревновались с Владимиром Максимовским: начнём выть стихи Овидия Назона, ведь стихи греческие, и читать их надо было с подвыванием. Я читала наизусть, не имея понятия о содержании. Иногда у меня получались дикие слова.

Наша попечительница княжна Салтыкова-Головкина брала для нас ложу № 14 в Большом театре. Она находилась рядом с царской ложей. В антрактах мы ходили смотреть на двух солдат, стоявших около неё на карауле. Они стояли, как истуканы, неподвижно, не моргнув глазом, хотя ложа всегда была пуста. Я пересмотрела и переслушала много опер и балетов в те годы.

В гимназии преподавалось пение: и церковное, и светское. Ученицы распределялись на три группы: сопрано первое, второе и альты. Альтов было мало, и среди них возвышалась Шурка. Я была в первом сопрано. У нас в классе учились большей частью дочери богатых купцов, имевших на Арбате магазины. В основном они были малоразвиты, больше думали о своей внешности, нарядах и кавалерах. Когда проходили древнюю историю и узнали, что люди делились на патрициев и плебеев, наш класс тоже поделился. И я, знаменитая в Коломне дочь Лозовского, относилась, по их мнению, к плебеем.

Я много читала в пансионе, запоем. Какие тут уроки! Утром, насили оторвавшись от «Графа Монте-Кристо» или от «Дамы с камелиями», прилетала в класс, узнавала, какой будет урок и что задано, и начинала спешно готовиться. Однажды не успела дочитать «Слово о полку Игореве», как вдруг меня вызывают к доске. Я бойко рассказала всё, что успела прочитать. Учитель сначала похвалил меня, но предложил закончить произведение. Но до конца я не дочитала и с позором поплелась на место. Из-за таких случаев в классе не считали меня первой ученицей. У нас была очень прилежная ученица — дочь владельца Пресненских бань, её и считали первой в классе. Тем не менее, я окончила гимназию в 16 лет с золотой медалью. У меня были все пятерки, кроме французского и немецкого языков.

Большое место в нашей жизни занимали танцы, урок был раз в неделю. Преподавателем пригласили танцовщика из Большого театра Владимира Никитина. Он появлялся, точно из сказки, молодой, красивый человек, весь нафиксатуренный, надушенный, изысканно одетый. Мы называли его «Вольдемар из Лондона». Танцевать с ним в паре считалось большой удачей, и все ждали урок с нетерпением. Кроме того, мы в пансионе по вечерам танцевали в полуподвальном этаже, где стоял старенький рояль.

Раз в год для нас устраивали настоящий бал. Снималось помещение «Охотничьего клуба» на Воздвиженке, приглашали настоящих артистов Большого и Малого театров. Был хороший концерт, а потом танцы. Приглашали кадетов, чтобы нам было с кем танцевать. Вот тогда и вспоминалась Наташа Ростова, как она ждала, чтобы её кто-нибудь пригласил. Танцевали под духовой оркестр.

Наша начальница Варвара Васильевна Ломоносова воспитывалась в Институте благородных девиц. Там она подружилась с княжной Екатериной Алексеевной Салтыковой-Головкиной, которая и помогла ей открыть и содержать женскую гимназию. Княжна имела собственный дом на Пречистенке. Каждый год осенью, в день её именин, нас возили в лондо — это четырёхместный экипаж — для поздравлений. Лондо набивалось до отказа, так, что трудно было дышать. В доме нас рассаживали за столики в зимнем саду, поили горячим шоколадом с бисквитом.

Вечерами в дортуаре, когда классная дама уходила домой, у нас начинались свои представления. Главным образом развлекала публику я, изображая, например, каких-нибудь артистов в смешном виде. Другие угадывали, кого я представляю.

Ещё у нас был интересный урок — лепка. Мы лепили из глины разных зверей, птиц, людей. Одна моя скульптура — два дерущихся петуха — попала на выставку. Софья слепила Александра Македонского, и он тоже попал на выставку. По воскресеньям мы занимались разными видами искусства и ремёслами: выпиливали лобзиком из фанеры полочки, выжигали особым инструментом узоры и рисунки на деревянных ящичках, занимались металлопластикой, вышивкой, рисовали акварельными и масляными красками, делали для наших балов программки с красивыми рисунками. На Арбате был магазин, где всё продавалось для такой работы. Среди нас была Соня Вапнар, которая имела большие способности в этих делах. Она нами руководила и обучала. Мы мастерили подарки папе на его день рождения. После революции Соня устроилась работать на фабрику детских игрушек.

Весной 1911 года в Москву приехала наша мамаша с мужем Кронидом. По воскресеньям они часто брали нас из пансиона и водили в зоопарк. Мама по-прежнему была модно и красиво одета и выглядела молодо. Ей было 39 лет. В зоопарке я не помню зверей, но помню сладкую вату. Торговец сыпал в машину леденцы, крутил ручку, и из неё вылетали тончайшие нити, скручивались в клубок, и получалась масса, похожая на вату.

В середине лета 1911 года к нам в Северское, где мы жили на каникулах, приехали Максимовские: Владимир, Пётр и Ольга. Владимир только что отбыл ссылку и вернулся в Коломну. Тут я и познакомилась со своим будущим супругом. Мне было около двенадцати лет. Но к тому времени я перечитала и русскую, и иностранную классику и была развита не по годам. Владимир часто пытался разговаривать меня, но я оставалась дико застенчива и нелюдима. Я чувствовала, что он всё время наблюдает за мной, что ещё больше меня сковывало. Он часто приходил в избушку,

где мы играли с моей деревенской подружкой Маней. Мы угощали его мелко нарезанной редиской с уксусом и подсолнечным маслом. Он делал вид, что очень доволен нашим угощением. Маня оживлённо беседовала с ним, а я больше молчала. Взрослый человек, революционер, интересуется мной, девчонкой! Это удивляло и льстило моему самолюбию.

Затем Владимир написал комедию под названием «Северские жители», в которой высмеял всё наше общество. Одна я в этой комедии выделялась. Я смотрела на окружающих свысока, видела их слабые стороны, критиковала

В. Н. Максимовский. Коломна, 1908 г.

и насмеялась над всеми. Даже одежда моя была оригинальна: пояс был сделан из яблок. Владимир, по комедии, ухаживал за мной, пел серенаду, а я закрывала окно с возгласом: «Козлетон». Комедия не имела у нас успеха, а затем в 1937 году её текст был конфискован НКВД вместе с другим имуществом.

Мы снова увиделись с Владимиром в Коломне, когда я приехала на Рождественские каникулы. И вместе встречали Новый год. Ходили в театр. После спектакля в театре убрали стулья, и начинались танцы. Мы танцевали с Владимиром, он хорошо умел это делать. Позднее выяснилось, что Владимир в театре встречался с товарищами по партии, а я была для них ширмой.

Летом 1912 года папа нам купил лодку, и мы решили отказаться от извозчика и ездить в Коломну за продуктами по Москве-реке. Это оказалось довольно тяжёлым путешествием. От Северского до Коломны считалось девять вёрст, но по реке — значительно больше. Выезжали рано утром, когда было ещё прохладно. Туда, по течению, ехать приятно, но обратно, против течения, да к тому же с кучей продуктов, плыть нелегко, особенно в жару. Мы тревожились, когда встречалась баржа, которую тащили идущие по берегу лошади. Была опасность попасть под канат, к которому привязана баржа. Приходилось причаливать и прятаться в кустах.

С каким удовольствием я ехала теперь осенью в пансион в Москву! Я надевала чулки, корсет, красивое бельё, новую форму и чувствовала себя приличным человеком. Последние годы я училась очень хорошо и сделалась первой ученицей. Получила две награды: книги Гоголя и Лермонтова. Эти книги не сохранились.

В 1913 году Владимир Максимовский работал редактором в газете «Наш путь». Вскоре её закрыли, а Владимира арестовали и выслали в Сибирь, в Верхолениск. Мы изредка переписывались, и я посылала по его просьбе книги.

В 1915 году я ещё не знала, буду ли учиться в восьмом классе. Класс был специальный, с педагогическим уклоном, и необязательный. Но где жить, что делать в 16-летнем возрасте? Решила учиться, но жить не в пансионе, а снимать комнату, питаться в столовых, чтобы не так дорого обходиться отцу. Елизавета сняла мне комнату, очень дешёвую, недалеко от гимназии. Это был небольшой деревянный домик, в котором жили две старушки — мать и дочь. Они обрадовались, что у них будет жить девочка, стали меня опекать и лезть в мои дела. Вскоре я от них сбежала.

Софья и Шурка в это время жили в гостинице «Северный полюс» на Б. Никитской, напротив консерватории. Владелицей этой гостиницы

*Елизавета Лозовская.
Гимназия В. В. Ломоносовой, 1912 г.,
после окончания 7-го класса*

была папина пациентка. К ним я и сбежала. Там был ресторан, в котором питались мои сестры. Я очень сэкономила, иной раз ограничиваясь двумя фунтами чёрного хлеба в день за шесть копеек. Обедала в студенческой вегетарианской столовой — 15 копеек за обед, и хлеб можно было есть без ограничения. Обстановка в гостинице была неприятная, потому что ежедневно являлись какие-то парни, это мешало мне заниматься.

В 1917 году произошла Февральская революция. Помню, как мы ликовали и ходили толпами по Арбату с красными бантами на груди. В такой толпе я увидела поэта Бальмонта. Вскоре получил амнистию Владимир, разыскал меня в гостинице и явился. Я разговаривала там по телефону и вдруг увидела, что он входит в дверь. Я хотела незаметно ускользнуть, но он меня заметил. Пришлось пригласить его в номер. Начались наши встречи. Несколько раз он водил меня в театр, преимущественно в Художественный. Просто гуляли по Москве. Обстановка в «Северном полюсе» ему явно не понравилась. Ходила и я к нему. Владимир с братом Петром жил на Покровке.

Приближались выпускные экзамены, мне негде было готовиться, и я решила вернуться в пансион. После экзаменов переехала в Северское.

Я подала прошение о поступлении на Высшие женские курсы на медицинский факультет. Мне ответили, что надо сдать латынь. Мне нетрудно было это сделать, но Владимир писал, что в Москве неспокойно, и не надо пока туда ехать.

Прошёл сентябрь, и мне надо было перебираться из Северского. А в конце октября я получила телеграмму от Владимира Максимовского, что он ждёт меня, быстро собралась и уехала в Москву. Софья сшила мне осеннее пальто, гимназическая форма была ещё в порядке, и я почти без вещей явилась к нему.

В Трубецком переулке Иван Иванович Скворцов-Степанов снимал небольшой деревянный домик для своей покинутой старой жены Ольги Илиодоровны и сына Мишки. Ольга Илиодоровна, в свою очередь, сдала комнату Владимиру. Мне было в это время 18 лет, но я выглядела очень несолидно.

Вскоре я поступила на работу. Владимир устроил меня в Исполнительный комитет Московского городского совета, где был секретарём. Я занималась канцелярской работой — вела учёт входящих и исходящих документов. Работа была скучная, но я старалась, и все были в восторге от моего журнала учёта. Фамилии у нас с Владимиром были разные, и никто не догадывался о наших взаимоотношениях. Владимир сам вёл наше хозяйство. Обедали мы в Моссовете, в бывшем доме генерал-губернатора Москвы, а наше учреждение находилось напротив, на бывшей Скобелевской площади. Посреди неё стоял памятник генералу Скобелеву. На завтрак и умеренный ужин Владимир покупал какую-нибудь закуску. Особенно запомнились рябчики, маленькие птички. Там и есть нечего, но он их любил.

Я работала на всех съездах и конференциях, партийных и советских. Первая встречала делегатов, заполняла и выдавала им мандаты: красные — с решающим голосом, серые — с совещательным. Здесь я познакомилась со многими знаменитыми партийными деятелями. Вскоре стала вести записи докладов. Стенографисток тогда не было. Со мной вместе работала сестра Владимира Ольга Максимовская. Мы сдавали свои записи

Владимиру, он окончательно их обрабатывал и сдавал в печать. Первые годы очень интересно проходили эти собрания, ведь было много разных партий. Они спорили, ругались, нападали друг на друга. Особенно тщательно мы старались записать речи Ленина. Владимира постоянно избирали председателем мандатной комиссии, а мне он поручал вести статистику. Надо было обрабатывать анкеты делегатов: определять их социальный состав, партийность и т. д. Рабочих было больше всего, потом — крестьяне и меньше всего служащих.

С балкона Моссовета часто выступали ораторы, напутствующие красноармейцев, уходящих на войну. Как-то, находясь в столовой, мы узнали, что приехал Ленин и будет выступать. Пошли туда. Я очутилась прямо около Ленина. Он был в стареньком пальто с уже потёртым барашковым воротником. Часто я слушала Ленина, но эта речь произвела на меня неизгладимое впечатление.

Голод и разруха в Москве всё усиливались, перестали ходить трамваи. Нам надо было идти пешком от Девичьего поля до Моссовета на работу. Поэтому мы переехали в Большой Гнездииковский переулок, в гостиницу, расположенную в доме Нирнзее — дом № 10, кв. № 810. Жизнь там показалась нам раем — большая комната с альковом, громадное окно, ванна, два раза в неделю горячая вода. Это был знаменитый, единственный в Москве 10-этажный дом. На его крыше находился ресторан «Крыша». Мы жили на восьмом этаже. Из окна была видна Спасская башня с часами.

1919–1926 годы

Жизнь в Москве становилась всё труднее. Хлеб выдавался по карточкам, его было мало, чай пили морковный, вместо сахара — сахарин. Выручали обеды в Моссовете, но только не меня, поскольку я терпеть не могла пшённую кашу, воблу и кипячёное молоко. Наша столовая считалась одной из лучших в Москве, но от этих продуктов у меня поднималась тошнота. Ничего не могла с собой поделать, а я ждала ребёнка, и надо было лучше есть. К счастью, наша организация получила возможность закупать продукты на периферии. Сначала привезли муку, и мы пекли оладьи на конопляном масле или рыбьем жире. Затем привезли орехи — арахис, три большие канцелярские корзины для бумаг. Прежде они мне не нравились, теперь ела их с удовольствием. Наконец, привезли с Украины свинину. Нам досталось три огромных окорока. Я его жарила несколько раз в день и ела с чаем, вместо хлеба.

18 марта 1919 года у меня родился сын. Назвали его Николаем. Он был крупным (10 фунтов) и здоровым, с яркими сине-голубыми глазами. Я гордилась тем, что в нашей семье родился мальчик. Кормила его грудью месяцев до четырёх, потом мы перешли на коровье молоко. Мне надо было идти на работу, и я вызвала из Коломны сестру Софью ухаживать за ним. Молоко брали у частной торговли.

Наш областной исполком с 1 января 1919 года был ликвидирован, и нас всех распределили, кого куда. Я попала в Московскую чрезвычайную комиссию (ЧК), где проработала несколько месяцев. Мне очень не нравилась

эта работа, и Владимир устроил меня в секретариат Центрального комитета РКП (б). Сам он был заведующим учётно-распределительным отделом ЦК. Его туда назначили, так как он очень хорошо знал людей. Я работала в информационном отделе и должна была получать все приходящие в ЦК провинциальные газеты, готовить по материалам этих газет доклады для инструкторов ЦК, которые ездили по разным городам, чтобы они знали там обстановку.

В июле мой мальчик заболел — рвота, понос и пр. У него оказалась детская холера, и 27 июля он умер. Это было первое в моей жизни настоящее горе. Я тяжело переживала его, была в полной прострации, не могла работать. Владимир всячески старался меня отвлечь, возил за город, в лес.

Скоро в доме на Гнездниковском стало жить невыносимо: отключили отопление, газ, воду, освещение. Словом, дом законсервировали. Владимира как члена ВЦИК (Всероссийского центрального исполнительного комитета) в 1921 году переселили в гостиницу «Националь», которая тогда называлась Первый дом Советов. Нижние два его этажа были заняты рестораном, администрацией и всеми подсобными службами (парикмахерской, прачечной, кухней и т. д.), обслуживавшими жителей. Комнаты нумеровались по номеру этажа. Наш этаж был третьим жилым этажом (фактически — пятым), и номера начинались с цифры 3. Мы занимали № 313 и ещё небольшой номер — 302. Номер 313 представлял собой отдельную квартиру, состоящую из одной большой комнаты, около 25 квадратных метров, и меньшей смежной, около 10 квадратных метров, представляющей собой как бы выступ большой комнаты — альков. От входной двери шёл узкий коридор вперёд, в большую комнату, а слева был ход в маленькое проходное помещение 1,5-2 кв. м, где размещалась кухня — газовая плита и кухонные шкафы с кухонным имуществом. Из этого помещения можно было пройти в ванную комнату размером 5-6 кв. м с туалетом. Другая дверь из ванной комнаты вела в малую комнату, служившую спальней.

Большое четырёхстворчатое окно установлено в большой комнате. Оно выходит на Кремль, Красную и Манежную площади. По этажу проходил широкий коридор; слева располагались номера, а справа — окна, выходящие во двор. Аналогично нашей стороне этажа располагалась другая, перпендикулярно к ней. Наша часть этажа обращена к Моховой улице, а другая часть — к Тверской.

Здесь тоже было хорошо: ванная с горячей водой, кухни на каждом этаже, титан, ресторан, где можно было пообедать. Всюду ковры, зеркала. Владимира посылали на продрозвёрстку в Рязань. Я жила одна, и только Елизавета приходила ко мне погреться и кое-что поесть. Она продолжала жить в Гнездниковском в жутких условиях. Я работала в ЦК РКП(б), нам приносили обед из кремлёвской столовой. Та же картина: картошка, пшено, кипячёное молоко, вяленая вобла. Я опять ждала ребёнка и ничего не могла есть. Декретных отпусков тогда не было.

22 апреля 1920 года, в день рождения Ленина, все пошли на субботник, и я с ними. Дорогой почувствовала боль в животе, сказала Владимиру. Он отвёл меня на Солянку, в бывший Воспитательный дом, и там через несколько часов родилась девочка Наташа, очень маленькая, восьмифунтовая. Никто из сотрудников и не предполагал, что я беременна, потому что я ходила в широком пальто и в учреждении его не снимала. Я ждала

Первый Дом Советов

мальчика и очень огорчилась сначала, что появилась девочка. В хороших условиях дочка стала быстро поправляться, набирать вес, болячки исчезли.

В наш дом ежедневно привозили молоко с Бутырского хутора, и я стала постепенно переводить Наташу на коровье молоко. К восьми месяцам я отдала её в ясли, а сама опять пошла на работу в ЦК партии. Ясли были хорошие, детей кормили хорошо.

На следующее лето мы с Наташей поехали в Северское. Мне было очень трудно управляться с ней, поскольку я опять ждала ребёнка. Софья пригласила нас пожить у неё. Она вышла замуж за Александра Петровича Шапошникова. Он был внуком богатого коломенского купца. У них был большой двухэтажный дом и фруктовый сад.

23 июля 1921 года у меня родился сын — второй Николай. В отличие от первого, он был смуглым, с тёмными волосами и карими глазами.

У нас в «Национале» работало много нянек. Я поговорила с ними, и они посоветовали свою односельчанку из Рязанской области. Нянька, её звали Паша, скоро отмылась в ванне, я ей сшила платье, и она приобрела приличный вид. Девушка оказалась честной, добродушной, весёлой, певуньей, любила детей, и они к ней привязались. В её обязанности входило только гулять с детьми, еду для них готовила я. Сами мы обедали в ресторане при гостинице. Там все блюда готовились острыми, с томатом и перцем, не подходящими для детей.

У нас в «Национале» всё было казённое: подушки, одеяла, простыни, наволочки, полотенца. Бельё регулярно меняли на чистое, накрахмаленное. Ежедневно горничная Катя приходила убирать в комнате, но от этой обязанности я её скоро освободила, сама наводила порядок. Площадь, на

Наташа и Коля Максимовские. Москва, 1927 г.

которой находился «Националь», называлась Моисеевской. От Красной площади её отделяли Иверские ворота, а посреди площади стояла часо-
330 венка. Она помогала перейти улицу, когда мы с детьми шли в Александровский сад. Впоследствии всё это было сломано.

Я ходила, по заданию Владимира, в читальный зал Ленинской библиотеки и собирала материал о его предках Юшневских. Двое из них: Алексей Петрович и его брат Семён — были декабристами.

С конца 1918 года я уже была членом РКП(б). Время от времени мне давали кое-какие партийные задания. Я ходила на военные занятия, маршировала, изучала винтовку. С винтовкой сидела в карауле у ворот своего дома в Гнездиновском переулке. Посылали меня и в госпиталь в качестве медсестры. Очень ловко и красиво я умела бинтовать.

После рождения второго ребёнка мне перестали давать задания. Весной 1921 года я окончательно уволилась с работы, занялась детьми и механически выбыла из партии.

В 1921 году Владимир получил письмо от Ленина. В нём было написано: «Зная вас как хорошего организатора, прошу пойти работать в Наркомпрос и навести там порядок». Это письмо осталось в опечатанном НКВД кабинете в нашей квартире. А на одном из съездов Ленин произнёс: «Товарищ Максимовский опытнее меня в организационных вопросах, и он говорит, что Ленин вносит путаницу в вопросах Оргбюро и Политбюро».

Дети росли, и находиться постоянно в обществе нянек им было бесполезно. Но только в 1926 году нам удалось устроить Колю в детский сад им. Красина, потому что садиков в те времена было очень мало. Сад находился недалеко от «Националя». Наташу не взяли, потому что заведующая Екатерина Аркадьевна считала, что у них слишком много девочек. Коля скоро освоился. В садик ходили, в основном, дети артистов московских

театров. Там был, например, сын А. К. Тарасовой. Сад был хороший, с опытными руководителями и педагогами. Они очень хвалили Колю, он все их задания на память и сообразительность выполнял с успехом.

Наташа была девочка деловая, самостоятельная, даже одна ходила в магазин. Я решила расстаться с нашей нянькой Пашей. Она устроилась на ЗИЛ, где работал её отец.

Всё время я занималась общественной работой. В «Национале» у нас был Совсод — Совет содействия жильцов. Возглавляла его Елизавета Львовна Артём-Сергеева, а я была секретарём. В нашем ведении были ясли, там мы по очереди дежурили. Мы организовывали врачебные консультации для детей. У нас был детский врач Н. И. Ланговой. Следили за порядком в столовой.

В детском саду я тоже имела поручения. Ходила по домам детей, узнавала, как они живут. Тут я увидела, в каких ужасных условиях жили наши артисты. Например, Синельникова, актриса театра им. Вахтангова, ютилась с матерью и дочкой в маленькой проходной комнате, где помещался только сундук, на котором и спали, и готовили еду, и ели. Когда общественники пришли к нам, увидели детей, сидящих за своим столом, чистоту и порядок, они сказали, что теперь понятно, почему у меня такой мальчик.

Работала я и в школьном буфете. Я разливала чай из громадного самовара и выдавала завтрак — булочки и бутерброды.

В 1925 году к нам в гости приехала из Киева моя мама. Ведь от нас она уехала в Харбин, затем перебралась в Иркутск и, наконец, оказалась в Киеве. Когда Владимир возвращался из ссылки в 1917 году в Москву, он видел на улице в Иркутске вывеску «Мастерская шляп, корсетов и цветов В. Н. Лозовской». Он зашёл к мамаше и повидался с ней.

1927–1939 годы

3 июня 1931 года на 75-м году жизни скончался наш папа Модест Александрович. На похоронах собралось такое количество народу, что без милиции нельзя было обойтись. Кроме жителей Коломны, съехались тысячи крестьян, для которых он был не только врач, но и советчик, и помощник в беде. Со всякими горестями шли к нему.

Осенью 1931 года нас переселили из «Националя», как Владимир издевался, на болото, в Дом Правительства на улице Серафимовича, дом

Открытая на доме № 11 на улице Лажечникова в Коломне в 2003 году мемориальная доска в честь уездного врача М. А. Лозовского

№ 2. Дом Правительства был первым из построенных при Советской власти больших многоэтажных домов и представлял собой целый жилой комплекс, построенный по проекту архитектора Б. М. Иофана. Почти весь дом имел 10 жилых этажей и 11-й — технический. В фасаде, выходящем на Берсеневскую набережную, было 12 этажей. Дом был единым целым, состоял из слитых вместе трёх П-образных секций, в которых всего было 26 подъездов, а в них — 625 квартир: одно-, двух-, трёх-, пятикомнатных. Дом был полностью благоустроен: электричество, газ, отопление, водоснабжение, канализация, постоянно была горячая вода, лифт, телефон, мусоропровод, балкон, зимний холодильник в стене кухни.

Дом Правительства. Москва, ул. Серафимовича, д. 2.

Нам дали квартиру № 441 из трёх комнат на восьмом этаже. Жилая площадь была около 60 кв. м. Две комнаты — примерно по 20-22, третья — 15-16 кв. м. Окна из спальни и кабинета Владимира выходили на Кремль, а окна так называемой гостиной — на Москву-реку и её канал, Парк культуры им. Горького. С балкона направо был виден храм Христа Спасителя.

В каждом подъезде дома, внизу, перед входной дверью, была довольно большая площадка, на которой стояли стол, шкаф, и там всегда дежурил вахтёр, который никого из посторонних не пропускал.

Все жильцы дома имели постоянные пропуска и книжку пропусков, из которой мы могли заранее дать пропуск тем, кто к нам шёл. Если пропуска не было, а гость хотел пройти, то вахтёр звонил жильцу по телефону, сообщал, что пришёл посетитель, и получал разрешение или запрещение на его вход. Лифт открывался ключом, который был у вахтёра и у каждого из нас. 11-й этаж был техническим, но по нему можно было пройти в соседние подъезды.

В жилом комплексе находились также ясли и детский сад, прачечная, почтовое отделение, магазин, парикмахерская. Нижний этаж магазина

занимали продовольственные отделы (также и часть подвального помещения), на втором этаже располагался промтоварный магазин, на третьем — парикмахерская, пошивочная мастерская. Из продовольственного магазина можно было заказывать продукты на дом, чем мы и пользовались два раза в неделю. Из магазина заходил к нам домой сотрудник, которому мы делали заказ, нам сообщали, в какое время завтра его принесут, время также согласовывалось. После доставки продуктов мы за них расплачивались.

И снова мы могли сверять свои часы с кремлёвскими. Квартира была отделана по тогдашней моде: потолок синий, стены выкрашены клеевой краской с разными рисунками. Мы попросили сделать нам нормальный потолок и гладкие стены с небольшим орнаментом. Получилось хорошо и красиво. Собственных кроватей у нас не было, и мы долго спали вповалку на полу на одном матрасе. Из своей мебели у нас было только пианино, дедушкин гарнитур, письменный стол и книжный шкаф из имущества Максимовских.

В 1931 году в стране произвели сплошную паспортизацию. Старые наши паспорта давно были отменены. У Владимира там было записано «из дворян». У меня — «дочь потомственного дворянина». Несколько лет вообще не было никаких паспортов.

Квартира мне скоро понравилась. Из окон были очень приятные виды. Но вскоре Храм Христа Спасителя взорвали, и мы все видели, как он падал. С ним было много воспоминаний гимназических, ведь нас водили туда к обедне и всенощной. Учитель церковного пения был оттуда же.

Вид из окна квартиры Максимовских в Доме Правительства. 1935 г.

Н. М. Лозовская. Москва, 1932 г.

В октябре 1931 года Владимир устроил, наконец, меня на работу в Ленинскую библиотеку. Тогда была безработица, и я десять лет занималась только общественной работой. В библиотеке организовалась издательская группа во главе с историками — учениками Владимира Ивановича Невского. Предполагалось издать библиографию в связи с 20-летием Ленского расстрела. В эту группу меня и пригласили. За день надо было просмотреть около двухсот газет, выбрать нужные публикации, написать сорок карточек с аннотациями. Мне дали годовой комплект газеты «Русские ведомости». Я быстро

познакомилась с этими событиями на Лене в апреле 1912 года и без труда выполнила норму. Вскоре я прославилась на всю библиотеку. Мне стали поручать самостоятельно составлять разные библиографии. Например, к 50-летию создания Группы освобождения труда, 50-летию Морозовской стачки и др. Наконец, удостоилась великой чести — составить библиографию по Сталину. Я получила аванс, но выполнить эту задачу мне не удалось из-за непредвиденных обстоятельств.

С 1932 по 1937 год мы проводили лето в Джамгаровке, в Доме отдыха ВЦИК, недалеко от современной платформы Ярославской железной дороги Лось. Основной корпус — кирпичный, одноэтажный — предназначался для одиночных отдыхающих, которые приезжали, как правило, на один месяц. В корпусе и рядом были кухня, столовая, склады, души, бильярдные. На некотором расстоянии внутри парка стояли несколько небольших деревянных двухэтажных домиков для семей, имеющих свободный режим. В одном таком домике мы и жили, занимая одну секцию — комнату метров 16-ти — и прилегающую к ней террасу на первом этаже, в течение шести лет. Дети жили там, чаще всего, целое лето, а мы с Владимиром приезжали туда иногда после работы и во время отпуска. От станции Лось к посёлку вели деревянные мостки, проложенные над болотистой поверхностью на протяжении около полукилометра. Еду мы заказывали в столовой дома отдыха. Обитатели имели право получать в столовой трёхразовое питание. Оно было настолько обильным, что дети не могли с ним справиться даже из-под палки.

Соседнюю с нами дачу занимал Николай Иванович Ежов — глава НКВД. Примерно в полукилометре от нашего жилья находился довольно большой водоём, который был образован плотиной, перекрывающей речку Ичку, впадающую в реку Язу. Этот водоём в форме удлинённого овала имел в ширину от 50 до 200 метров и в длину около двух километров.

На нём специально для дома отдыха была построена лодочная станция, где мы могли брать бесплатно лодки и кататься в любое время. Вероятно, иногда лодки давались и другим людям за плату. Году в 1934-м на водоёме была построена купальня — плавательный бассейн с дорожкой длиной 25 м и 5-метровой вышкой. Дети проводили в плавании и катании на лодках много часов в день. По возможности и мы присоединялись к ним.

Семья Максимовских: Владимир Николаевич, Николай, Нина Модестовна, Наталья. Дом правительства, 1935 г.

Мы с Владимиром работали в Москве. Он обедал в Совнаркомовской столовой и приносил оттуда домой ужин, который предназначался мне. Так что едой мы были обеспечены. Как раз в эти годы в Ленинской библиотеке мне поручили составлять несколько крупных библиографий. Делала я это впервые, не зная, с чего начать. Работала, не считаясь со временем, засиживалась в библиотеке допоздна. Конечно, ездить каждый день в Лось мне было сложно.

В начале 1930-х годов вокруг начали происходить какие-то непонятные тогда события: многих партийных и военных работников снимали с постов, арестовывали, сажали в тюрьмы. Прошло несколько судебных процессов. Судили инженеров-хозяйственников, обвиняли их в троцкизме, затем судили правых оппозиционеров во главе с Крестинским, Преображенским, Серебряковым. Там же были Бухарин, Радек, Косиор и другие. Вели они себя странно, со всеми обвинениями соглашались, всех расстреляли.

В 1934 году был убит Киров, после чего аресты и расстрелы участились. Создалась ужасная обстановка: страх, недоверие друг к другу. Начались непонятные убийства. Например, убили моего бывшего начальника В. З. Гинзбурга, когда он вечером ехал к себе на дачу. Неподалеку от нашей дачи убили ответственного партработника. Дети, особенно Наташа, боялись оставаться там ночью одни.

Владимир был в курсе происходящего, предчувствовал эти события и постарался освободиться от всех ответственных постов, получил персональную пенсию и перешёл полностью на научную и преподавательскую работу. Опасаясь ареста, он уничтожил свой личный архив.

В 1936–1937 годах сгустились тучи над нашей библиотекой. Сначала сняли с должности заведующего НБО Новосельского. Затем сняли и арестовали директора библиотеки Невского и некоторых его учеников.

Мы жили в «Доме Правительства», а Владимир называл его ДОПР (имея в виду Дом предварительного заключения). Аресты в доме продолжались, вскоре дело дошло до нас. 27 июля 1937 года арестовали Владимира. В тот день я одна ночевала дома, а он уехал на дачу к детям. Часа в два ночи я проснулась от стука в дверь. У нас был звонок, и я не привыкла к стуку. Очень испугалась и решила дверь не открывать. Долго стучали, потом всё стихло, я успокоилась. Потом зазвонил телефон, из домоуправления сказали, что сейчас ко мне придут. Явились два чекиста и кто-то из рабочих нашего дома. Велели мне ехать с ними на дачу, так как обыск надо делать в присутствии хозяина. Шофёр быстро домчал нас до дачи. Опять они стучали своим способом. Владимир открыл и всё понял. Он был страшно бледен. Тогда я и видела его в последний раз в жизни. Поехали обратно, между нами сел чекист. Ехали молча. Они, конечно, обманули меня: довезли Владимира до Лубянки и увели, а обыск делали без него. Я была в полуобморочном состоянии, с ними не говорила. У нас в доме все стены были завешаны полками с книгами. Они всё перевернули, закончили утром. Конечно, ничего для себя интересного не нашли. На следующий день я пришла на работу в таком жутком виде, что все всё поняли. Через неделю меня уволили «по собственному желанию».

С арестом Владимира всё изменилось. И я была без работы. Как-то на Петровке увидела объявление, что требуются работники для инвентаризации книг в библиотеке. Меня приняли, платили по 1 копейке за строчку. Я описывала книги, писала быстро, получала рублей 200 в месяц. Стали жить сверхскромно. Ребята не жаловались, наоборот, они хвастались тем, что спокойно проходили в магазине мимо шоколадных конфет и других вкусных вещей.

Я жила в постоянной тревоге, потому что забирали и жён. Приготовила для ареста всё черное, чтобы не видно было грязи. Нас переселили из трёхкомнатной квартиры в небольшую комнату в квартире арестованного известного учёного Кнорина в нашем же доме. Комната была с фонарём, в ней стояла кровать, мы там спали с моей подругой и коллегой Таней Рахмановой. Наташа умудрилась разместить там дедушкин гарнитур, два книжных шкафа, что-то ещё.

В марте 1938 года явились чекисты и предложили нам в 24 часа уехать из Москвы и области. На мою родину, в Коломну, не пустили, я попросилась в Рязань. После некоторых колебаний разрешили. Говорили, что в Рязани подготовлена квартира, и мы можем взять мебель. На другой день нас отправили в поезде к новому месту жительства.

Когда приехали в Рязань, я сразу помчалась в НКВД насчёт квартиры. Тамошний начальник Кривицкий рассмеялся над данными мне обещаниями насчёт приготовленной квартиры. Значит, эти сволочи опять обманули

меня. Начальник сказал, что сам третий год ждёт жилплощади, а пока спит на диване в своём кабинете.

Куда деваться с детьми? Побежала на почту, послала телеграмму Софье, нашей постоянной спасительнице. Кто-то посоветовал пойти в Дом крестьянина, там дали переночевать только один раз. Софья вскоре приехала, и не одна, а с коломенской подругой Дусей и с моей подругой Таней. В Рязани квартиру не нашли. Софья отыскала мужика, который пускал ночевать за 10 рублей за один раз. Мы прожили там несколько дней, пока Софье не удалось снять комнату в трёх-четырёх километрах от Рязани — в посёлке Мервино. Комната была маленькая, за печкой, но нам разрешалось заходить в горницу. Вскоре прибыла наша мебель. Мы разместили её в горнице. В нашей комнате мы сделали стол из двух чемоданов, а сидели на перевернутых вёдрах.

Дети должны были оканчивать: Наташа — 10-й класс, а Коля — 9-й. Они пошли устраиваться сами. В ближайшую железнодорожную школу их не приняли, устроились в центре Рязани. Ежедневно приходилось идти в одну сторону пять километров. В НКВД мы были на учёте и раз в месяц должны были отмечаться. Московские родственники заботились о нас. От Софьи привозили целые рюкзаки продуктов. Ольга и Шура Максимовские помогали деньгами. В Рязани в магазинах, кроме хлеба, ничего нельзя было купить.

В Рязани я принялась искать работу. Зашла по объявлению в Рязанский горторг, где требовался счетовод. Они спросили, умею ли считать на счётах. Я сказала, что не пробовала, но научусь. Написала заявление и то, что выслана из Москвы. Меня приняли и назначили зарплату 200 рублей. Я быстро освоилась, у меня был хороший почерк.

Летом Коля решил нелегально съездить к отцу в Актюбинск. После ареста мужа я ходила в Бутырскую тюрьму. Каждый месяц приносила продуктовые передачи и 50 рублей, которые давала Шура, его сестра. После Нового года передачу не приняли, видно, его куда-то перевели. И только в марте, как раз перед отъездом в Рязань, мы получили от него телеграмму с просьбой выслать срочно деньги по такому-то адресу. Оказывается, все деньги, которые я передавала ему в тюрьму, у него украли. Его сестра Ольга послала деньги, началась переписка. Мы узнали, что его выслали в посёлок Новороссийск, недалеко от Актюбинска.

Коля никогда никуда ещё не ездил самостоятельно. С транспортом тогда было трудно, где-то пришлось ему простоять сутки за билетом, но он всё перетерпел и доехал до отца. Владимир, конечно, был рад этой встрече, но и сильно обеспокоен, постарался поскорее отправить его обратно, потому что поездка была нелегальной, поскольку мы находились под надзором, и Коле грозило уголовное наказание, если бы узнали о его поездке.

Наташа окончила школу и поступила на курсы бухгалтеров, организованные при горторге. Окончила их, и мы стали работать в одном учреждении.

Наша хозяйка Пелагея Гавриловна была симпатичная старушка, мы хорошо с ней ладили. Её мужа Андрея Гуреевича тоже арестовали ни за что ни про что и выслали в Караганду. Какие-то сволочи его оклеветали. В ссылке он хорошо работал, его освободили досрочно, и он вернулся в Мервино.

Как Коля занимался, оканчивая школу, не могу понять. Он делал уроки при свете железнодорожного фонаря со свечкой внутри. Но окончил школу с пятёрками по всем предметам.

Надо было думать об институте. В Рязани был только педагогический. Коля сызмальства увлекался химией, но к тому времени решил стать врачом. Я пошла в НКВД к Кривицкому с Колиным аттестатом и просьбой разрешить учиться в Саратовском медицинском институте, он вполне доброжелательно отнёсся ко мне и не стал возражать. Коля поехал, его приняли без экзаменов. Но когда он попытался прописаться там, начальник НКВД отказал ему и велел в 24 часа покинуть город. Коля вернулся в Рязань. Я снова пошла к Кривицкому, тот написал распоряжение, что Коля направляется в Саратов без права выезда из города и области. Его прописали, но и не выпустили к нам в Рязань на каникулы. Бедный Коля всё лето промучился в Саратове. Но нет худа без добра. В это время он занялся с каким-то профессором полезным для себя делом и зарабатывал деньги в анатомичке.

А Владимир был в ссылке. Он устроился на работу в банк, вёл журнал, составлял баланс за день. И вдруг летом 1939-го я получила от него письмо, написанное левой рукой. Он сообщал, что у него был инсульт, правую часть парализовало. Письмо пришло из больницы Актюбинска. Осенью он написал, что было бы неплохо, если бы кто-то приехал к нему, чтобы перевезти из больницы и подыскать комнату. Наташе был положен отпуск, она взяла разрешение на поездку в НКВД и поехала.

Но скоро Владимир понял, что дочь не сможет ему помочь из-за своей непрактичности, и отправил её обратно. Помощь пришла от его товарища. В больнице за ним ухаживала нянечка, она согласилась делать это и у него дома. Постепенно он оправился от болезни, но работать не смог. Однако у него была сберкнижка, заведённая ещё в Москве. На эти деньги он и жил.

Затем нас реабилитировали, я ему сообщила. Он знал, что мы вернулись в Москву. Когда началась война, он за нас очень волновался, почему и произошёл второй инсульт. С большим трудом тот же его товарищ устроил его в больницу. В конце ноября мы получили телеграмму от врача об угрожающем положении. Наташа собралась ехать, но как? Москва чуть ли не окружена немцами, билет достать было нельзя. 21 ноября 1941 года Владимир скончался. Об этом мы получили письмо от его товарища...

В начале 1929 года Владимир попросил меня переписать с черновика его автобиографию для Общества старых большевиков. Этот экземпляр он отдал в Общество, а черновик сохранился среди моих записей. Я переписала его текст в тетрадь с воспоминаниями в память о нём. Мой муж был очень деятельным, идейным, бескорыстным человеком, имел самые разнообразные познания, многое умел, был знаком со всеми заметными партийными и советскими деятелями. Недаром его назначили первым заведующим учётно-распределительным отделом ЦК, то есть, кроме прочих своих занятий, он был вроде начальника отдела кадров ЦК. Я хотела сохранить записи о его работе, ведь после ареста Владимира всё забрали в НКВД.

Автобиография члена Общества старых большевиков Максимовского Владимира Николаевича

Родился в Москве 23 января 1887 года. Дед мой из дворян, был учителем в Московском коммерческом училище, а отец служил техником при Управлении Ярославской железной дороги и занимал другие ответственные технические должности. Мать — урождённая Юшневская, из семьи декабристов. После смерти отца в 1893 году мне было 6 лет. Мать с нами, шестью детьми, поселилась в Коломне у своего брата Петра Юшневского. В 1895 она умерла, нашим опекуном стал её брат. Они с женой воспитывали нас, мы жили на пенсию отца. В 1897 г. поступил в гимназию. С 15 лет подрабатывал уроками.

В 1901 году стал читать книги из отцовской библиотеки, где были сочинения Чернышевского, Добролюбова и Шелгунова, которых отец очень уважал. В этом же году познакомился с одним из вождей коломенского студенческого движения И. В. Баевым. В 1902 г. связался с Н. О. Сапожковым, участвовавшим в группе Коломенских социалистов, которая обратилась с начала 1903 г. в группу РСДРП, примкнувшую затем осенью того же года почти полностью к большевикам. В апреле 1903 г. Сапожков ввёл меня в партию и устроил у меня на квартире склад нелегальной литературы. По его указанию осенью 1903 г. я вместе с М. И. Сивяковым организовал кружок учащихся, руководящая группа которого обратилась потом в группу пропагандистов и агитаторов Коломенского районного комитета партии. Кружок выполнял ряд партийных поручений. В начале 1905 г. я был помощником секретаря Коломенской группы РСДРП(б). На Масленице был делегирован на Всероссийский съезд социалистического союза учащихся в Москве, где был в президиуме съезда как социал-демократ вместе с эсером Дурьилиным.

В августе 1905 г. поступил в Московский университет на медицинский факультет. Участвовал в сходках и демонстрациях. 3 октября был избит казаками у Каменного моста после рабочей демонстрации в Замоскворечье в связи с похоронами ректора университета С. Н. Трубецкого и, раненый, просидел несколько дней в Бутырской тюрьме. В ноябре работал в Коломне по организации учащихся, участвовал в подготовке декабрьской забастовки. Когда после Семёновского расстрела оставшиеся в живых руководители Коломенской организации (Сапожков и Старкевич) вынуждены были скрыться, и вместо них был прислан П. Г. Смидович, я под его руководством работал по восстановлению организации в районном масштабе. С начала 1906 года в университет не явился и отдался целиком партработе в качестве ответственного пропагандиста и члена районного комитета (кличка Маркс) с Е. Н. Поповой, М. М. Романовым и др. Район был расширен, в результате работой охватил Егорьевский и Зарайский уезды и город Рязань. Был на 2-й Московской окружной конференции (с Л. Н. Мещеряковым и др.) весной 1906 г. в Подсолнечной, на Окружном съезде пропагандистов, много раз выступал на рабочих собраниях и в деревне.

В сентябре 1906 поехал за границу, уклоняясь от ареста и желая расширить свою политическую подготовку. Жил в Женеве, учился в Женевском университете на факультете общественных наук и работал

в большевистской группе (кличка Максимов) вместе с Мозлахом, Карпинским и др. Основательно ознакомился с теорией марксизма и международным рабочим движением. В июне 1907 вернулся в Россию и был избран в Московский окружной комитет от Коломенского района, работал в Коломне и в других районах (кличка Рядовой). В сентябре 1907 г. вновь поступил в Московский университет, но на историко-филологический факультет, учился и давал уроки. Работал с Н. И. Бухариным в Пресне — Хамовническом районе как пропагандист и член комитета (кличка Максим). Был сторонником бойкота 3-й Думы. В январе 1908-го был случайно арестован в Рязани, сидел в губернской тюрьме несколько дней. Летом 1908 г. опять жил в Коломне и работал как член Московского окружного комитета (кличка Рядовой). Осенью 1908 г. вновь работал в Пресне — Хамовническом районе с Н. Н. Яковлевым, Бухариным и др., входил в Московский комитет от Московского окружного комитета. Был на Московской областной конференции как делегат от Москвы (с А. С. Бубновым, В. М. Лихачёвым и др.), затем временно входил от Московского окружного комитета в Московское облбюро вместе с В. М. Шулятиковым и был секретарём Бюро на время отъезда М. Н. Лядова на Всероссийскую конференцию в декабре 1908 г.

По его возвращении был введён в состав МК и работал как ответственный организатор района (с Манцевым как секретарём). Выступал против «отзовистов». Вместе с В. М. Шулятиковым, И. Курским и Дунаевым входил в комиссию МК по раскрытию провокаций. Провалился после арестов в МОК, но после обыска был оставлен на свободе, так как мою кличку не смогли раскрыть. Летом 1909-го снова работал как член МОК (кличка Юлий), участвовал с В. П. Левшиным, В. И. Орловым и др. в последней Московской окружной конференции в Подсолнечной.

В октябре 1909 г., после большой слежки, обысков и ареста моего брата, был арестован, сидел три месяца в Мясницком полицейском доме, выслан в конце декабря на два года под надзор полиции этапным порядком в Тулу, большой ревматизмом. В Туле давал уроки, участвовал в восстановлении Тульской организации с В. И. Юдовским и А. С. Романовым (впоследствии оказавшимся провокатором). Был арестован в марте 1911 г. во время массовых обысков и арестов в связи с приездом в Тулу В. П. Ногина вместе с Линдовым, но вскоре был освобождён. Во время высылки много работал по истории, но был исключён из университета с 3-го курса за неявку на лекции. В конце 1911 г. вернулся в Коломну, хлопотал о возвращении в университет, но полиция не разрешила мне поступить даже в Томский университет. В 1912 и 1913 гг. участвовал в Коломне в Страховой кампании и в кампании по выборам в 4-ю Думу.

Летом 1913 г. подготовил с Н. Н. Яковлевым организацию в Москве ежедневной рабочей газеты и был избран собранием активных парработников Москвы в состав редакции газеты «Наш путь» вместе с Осинским и Яковлевым. В редакции руководил рабочей хроникой, вёл редакционную работу (псевдоним М. Репнин). Вместе с А. И. Лобовым (оказавшимся провокатором) выпустил знаменитый в своё время № 12 газеты. Вместе с Осинским написал после закрытия газеты прокламацию с призывом к всеобщей забастовке. После забастовки в сентябре арестован со всей редакцией и после трёх месяцев ареста в Пречистенском полицейском

доме, Таганской и Бутырской тюрьмах выслан на два года под надзор полиции в Харьков. В Харькове ввиду постоянных провалов активно не работал, сохраняя связь с местной парторганизацией. Служил в Обществе сельского хозяйства как счетовод и статистик, работал по статистике для Губернского и Уездного земств.

В начале войны мы с Осинским и Бубновым заняли самостоятельно ту же позицию, что и В. И. Ленин. После обысков был выслан из Харькова ввиду приезда Николая II в ноябре 1914 года в Самару. В Самаре сначала направлял работу большевистской организации через Ю. Милонова, затем, после его ареста и приезда Бубнова, вступил в руководящую группу организации вместе с В. Ротшильдом и вскоре был арестован (в августе 1915 г.), просидел 4,5 месяца в Самарской тюрьме и был выслан на три года в Иркутскую губернию.

В ссылке связался сейчас же с организацией, жил сначала недолго в Иркутске, потом в Верхоленске. Участвовал в организации Кочугской группы вместе с И. Н. Стуковым, Ломовым и др. и руководил пропагандистским кружком в Верхоленске и Белоусове. Был назначен казначеем местной колонии ссыльных и организовал помощь пересылаемым и бегущим, всё время болел ревматизмом.

После амнистии вернулся в 1917 году в Россию, выступил в защиту большевизма на нескольких митингах в Коломне, затем работал вместе с И. И. Скворцовым и Н. Л. Мещеряковым в «Известиях» Московского Совета. В июне вместе с ними ушёл из «Известий» и был введён Московским областным бюро ЦК в состав редакции «Социал-демократа» вместе с Бухариным, с ним же составлял № 1 журнала «Спартак» и в то же время вошёл в Московское центральное бюро профсоюзов как представитель МК. Писал немного в «Известиях», «Социал-демократе» и «Спартаке». В сентябре перешёл на работу в Московское областное бюро, сначала в качестве разъездного работника (в Рязани, Калуге, Костроме, Владимирской губ.), затем — члена бюро. На Областном съезде Советов в конце сентября был избран в число членов облисполкома. Поддерживая со дня приезда в Россию Ленина его политическую линию и выступая против правых большевиков, я вместе со Стуковым в конце октября побудил Мособлбюро к посылке в ЦК Ломова с требованием директивы о немедленной подготовке к восстанию, вместе с ним же добился того, что бюро наметило общий план восстания в области и немедленно приступило к подготовке организаций области в этом направлении. По поручению бюро я ездил на Костромскую губконференцию, потом объехал порученный мне район: Тула, Орёл, Брянск. В начале Октябрьского переворота участвовал в организации Московского военно-революционного комитета и выехал в свой район. По плану бюро организовал Военно-революционный комитет в Туле вместе с Г. Н. Каминским и установил связь Орловского ВРК с Брянским. Вместе с М. Буровым приостановил в Орле движение войск, вызванных оттуда в Москву командующим Рябцевым; в Туле участвовал в работе Военно-революционного комитета по захвату арсенала и оружейного завода в наши руки и по отправке пулемётов в Москву. Был в Рязани для направления работы тамошнего ВРК и в Коломне с теми же целями. Вернувшись в Москву по выполнении заданий бюро в момент ликвидации белогвардейцев, вместе с В. Н. Яковлевой, Л. П. Серебряковым

и др. добился перехода Мособлисполкома на нашу сторону и вошёл в его Президиум в качестве секретаря. Провёл большую работу по организации местных Советов. Организовал с И. С. Кизильштейном областной съезд Советов в декабре 1917 г. и участвовал в организации областного органа власти — Президиума Советов, позднее Совнаркома.

Весной 1918 г. вместе со всем составом облбюро выступил против политики Брестского мира, участвовал во всех решениях бюро по этому вопросу и выступал с заявлением от бюро после заключительного слова Ленина на фракции 4-го Всероссийского съезда Советов перед окончательным голосованием. Был в группе левых коммунистов. На областной конференции в мае 1918 г. не был избран в облбюро, но остался в Президиуме облисполкома. Был приглашён Я. М. Свердловым для руководства мандатной комиссией 5-го Всероссийского съезда Советов ввиду упорной борьбы из-за мандатов с левыми эсерами. Вошёл по списку ЦК в состав ВЦИК. На сентябрьской облпартконференции вошёл в состав облкомитета партии и его Президиум по списку ЦК и стал секретарём облкомитета. Участвовал как председатель мандатной комиссии на 6-м съезде Советов и был переизбран во ВЦИК. Был введён в состав Административной комиссии ВЦИК, где защищал областное деление, затем, после разрешения этого вопроса, ликвидировал Мособлисполком и ушёл из секретарей облкомитета партии. По приглашению коллегии НКВД вошёл в её состав, заведовал инструкторским и информационным отделами, реорганизовал их, временно заведовал школой агитаторов и пропагандистов (впоследствии — Свердловский университет), работал в Малом Совнаркоме с А. В. Галкиным. Был в комиссии по оздоровлению партии перед 8-м съездом. В феврале 1919 г. болел сыпным тифом, в апреле перешёл на работу в ЦК партии, организовал учётно-распределительный, инспекторско-разъездной и информационный отделы (последний — с Н. В. Лисициным). Был в коллегии инспекторско-разъездного отдела вместе с М. К. Мурановым и заведовал учётно-распределительным отделом по апрель 1920 г. Важнейшие циркуляры о перерегистрации, учёте ответственных работников, мобилизациях, эвакуациях и т. п., один из двух проектов Устава партии и окончательный текст составлены мною. Мною проведены все важнейшие общероссийские мобилизации, эвакуации и реэвакуации членов партии за это время. Ряд организационных вопросов разрешён оргбюро ЦК по моим докладам и заключениям. Вместе с тем, я состоял с апреля 1919 по март 1920 г. членом Президиума Московского губкома; в мае 1919 г. был уполномоченным ЦК и ВЦИК по проведению мобилизации в Московской губернии. Осенью 1919 г. я внёс в административную комиссию ВЦИК проект реорганизации ВЦИК (вместе с Т. В. Сапроновым), отстаивал его на декабрьской Всероссийской конференции РКП(б) и на 7-м съезде Советов. На этот съезд я был избран от Тульской губернии, работал на съезде в мандатной комиссии в качестве её председателя, члена комиссии по организационному вопросу, по взаимоотношениям военных органов с гражданскими и по составу ВЦИК. Был переизбран во ВЦИК, избран в бюро фракции и активно участвовал в работе его сессий и комиссий.

Перед 9-м съездом партии был делегатом Харьковской губернской и Всеукраинской конференции КП(б)У. На 9-м съезде выступал по докладу

ЦК и с докладом по оргвопросу в секции. После был откомандирован из ЦК в Главполитпуть, где работал в качестве заведующего учётно-распределительным отделом, и в Коммунистический университет, где читал основной курс по партстроительству (с 1919 г.). Одновременно избран в городской районный комитет. Был членом комиссии МК по оздоровлению партии, план её работы составлен мной. На сентябрьской конференции 1920 г. участвовал в разработке резолюции по этому же вопросу. Затем был уполномоченным ЦК и ВЦИК по продовольствию в Рязанской губернии. Там работал в Губкоме, Губисполкоме и Губпродкоме, председательствовал на 8-м губернском съезде Советов. Был на 8-м Всероссийском съезде Советов от Рязанской губернии в качестве председателя мандатной комиссии, члена комиссии по составу ВЦИК, члена и докладчика (на фракции) комиссии по советскому строительству. Из членов ВЦИК переведён в кандидаты. На 10-м партсъезде выступал одним из содокладчиков по вопросу о партстроительстве и работал в комиссии по этому вопросу.

С января 1921 г. работал в Наркомпросе в качестве заведующего частью, потом — зампредседателем Главполитпросвета. Был членом бюро ячейки. В 1921 г. работал в комиссиях ВЦИК по районированию, по пересмотру учреждений РСФСР и председателем мандатной комиссии 9-го, а в 1922 г. — 10-го съезда Советов и 1-го съезда Союза ССР. После 11-го съезда Советов в состав ВЦИК не введён. Ввиду развала в организационном центре Наркомпроса был, по предложению т. Ленина, введён в марте 1922 в состав коллегии Наркомпроса, а в мае стал вторым заместителем его Наркома (Луначарского). Приняв административно-хозяйственную часть в хаотическом состоянии, я привёл её в организованный вид, проведя тяжёлую и боевую работу. В ноябре 1922 г. ЦК разрешил мне перейти на научно-преподавательскую работу. Я был утверждён в качестве профессора и с февраля 1923 г. стал читать курс истории материализма и истории социализма в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, пополняя знания в Институте Маркса и Энгельса под руководством Д. Б. Рязанова.

Вместе с С. Х. Месяцевым организовал Экономический факультет Тимирязевской сельскохозяйственной академии, был в 1923 и 1924 гг. его замдекана и деканом. В 1923 г. подписал известное Заявление 46-ти и участвовал в дискуссии на стороне оппозиции, был избран секретарём Хамовнического районного парткомитета, но ушёл оттуда после снятия членов бюро райкома Сапронова и Жакова. Разошёлся с оппозицией после 14-го съезда партии, с тех пор придерживаюсь общепартийной линии. В конце 1923 г. был назначен ответственным редактором журнала ВЦИК «Власть Советов», вёл журнал до июля 1928 года, руководил издательством того же имени. После смерти В. И. Ленина разрабатывал его взгляды в области советского строительства, в связи с этим напечатал в издании Коммунистической академии хрестоматию «Ленин о советском строительстве». Написал затем ещё несколько статей в «Энциклопедии государства и права» под ред. П. И. Стучки. В 1925 г. в связи с юбилеем революции 1905 г. работал в Историко-революционном архиве по истории коломенской организации и написал два очерка, из которых удалось напечатать малую часть. В течение 1923—1928 гг. читал курс исторического материализма в ТСХА, на рабфаке ТСХА,

в Институте журналистики, на Высших академических курсах при Военной академии, читал по теории марксизма на курсах учителей школ 1-й и 2-й ступеней Москвы и Московской губ., на курсах переподготовки обществоведов и др. Руководил семинарами по историческому материализму в Научно-исследовательском институте сельхозэкономики. С 1928 г. начал читать в 1-м Московском госуниверситете курс по истории социологических учений.

С 1922 г. в свободное от лекций время занимался научной работой в Институте Маркса и Энгельса, сначала — историей социализма и социологических учений, затем — историей политических учений, выясняя источники теории Маркса. С 1926 г. стал всё больше втягиваться в работу этого института и с 1927 г. состою там заведующим кабинетом права и политических учений. Написал для института две небольшие работы о старых итальянских писателях Макиавелли и Вико, которых изучал Маркс. Состою членом Общества старых большевиков с 1922 г.

С самого основания Общества историков-марксистов вошёл в его состав, был два раза избираем в совет общества, теперь состою членом ревизионной комиссии. В 1928 г. избран в члены Коммунистической академии. Кроме того, в последнее время работаю в коллегии Института философии по секции исторического материализма.

Женат с 1917 г., имею двух детей.

14.01.1929

В. Максимовский

В сентябре 1939 года меня вызвали в НКВД, отдали наши московские паспорта и сказали, что мы можем ехать в Москву. Я обалдела от счастья, не спала всю ночь, утром рассказала Наташе, она плясала от радости, быстро уволилась и уехала. Я сразу не могла уехать, потому что сидела одна в расчётном отделе и выписывала зарплату больше чем на 800 человек. Пока нашла замену, наступил конец октября. У меня с собой были тяжёлые вещи. На вокзал меня проводили две сотрудницы, еле влезла в поезд. А в Москве меня никто не встретил. От станции метро Кировская шла до Софьи целый час. Руки не несли и разжимались. Но какое счастье! Я снова в Москве! А Коле разрешили выехать из Саратова только в феврале 1941-го. Он перевёлся из Саратовского медицинского института во 2-й Московский медицинский институт.

С началом войны я и дети не уехали из Москвы, как многие, да и мои сёстры с семьями — тоже. Я работала в Октябрьской конторе связи бухгалтером, в 1941-м обитала в прежней нашей квартире в Гнездниковском переулке, где жила теперь сестра Владимира Ольга. Она часто дежурила на крыше дома во время налётов, сбрасывала зажигательные бомбы. Я тоже иногда дежурила там. Во время налёта взору с крыши открывалась необычайная, огромная, величественная и в каком-то смысле торжественная картина: по всей окружности города до самого горизонта на фоне тёмного неба были рассыпаны многочисленные огненные вспышки разрывов зенитных снарядов. Они то вспыхивали, то гасли; всё небо было пронизано лучами прожекторов, которые постоянно смещались, наклонялись и перекрещивались. Я видела несколько случаев, когда прожекторы ловили немецкие самолёты в свои лучи и вели их где-то у горизонта, а там их

сбивали зенитки. Поблизости от нас были видны аэростаты заграждения. Всё это — на фоне выстрелов зенитных пушек. В бомбоубежище мы не спускались со своего восьмого этажа.

Наташа устроилась в бухгалтерию домостроительного завода. А Коля учился и работал на скорой помощи при Институте Склифосовского и Боткинской больнице. Осенью 1943 года по окончании института его направили в Карело-Финскую АССР...

После войны у меня была совершенно обыкновенная жизнь. Я работала бухгалтером. Наташа с семьёй жила и работала сначала в Москве, а затем в посёлке Снегири Московской области в Научно-экспериментальном хозяйстве «Снегири» Государственного ботанического сада. А Колю в конце 1949 года призвали в армию, он в качестве врача-хирурга с семьёй служил в разных уголках страны, вплоть до Приморского края. После увольнения безуспешно пытался вернуться в Москву, но постепенно приближался к ней. В ближнем Подмоскovie, в Мытищинском районе, был главным врачом громадной Московской туберкулёзной больницы на 1 200 больных. И только в 1977 году Моссовет разрешил ему купить кооперативную квартиру в Москве. Так что мой сын вернулся в родной город только через сорок лет после высылки из него.

Но все свои послевоенные воспоминания по 1979 год, пусть и об обыкновенной жизни, я записала в другой тетради.

БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИК И ПОЭТ

В 2023 году в Коломне стараниями друзей, коллег и соратников известного коломенского литератора, поэта, прозаика, историка-краеведа Романа Славацкого (Романа Вадимовича Гацко, 1957–2021) вышла книга «В одном лице – историк и поэт» (составитель — доктор исторических наук А. В. Кулагин).

Роман Славацкий оставил яркий след в истории Коломны. Его имя знакомо всем коломенцам, равнодушным к литературе и истории родного края. Много сил и времени посвящал он «Коломенскому альманаху», где был заместителем главного редактора. В сборник, посвящённый памяти нашего друга, вошли воспоминания о нём, эссе о его творчестве, стихотворные посвящения близких ему по духу людей. Кроме того, в книге впервые публикуется поэтический цикл Романа Славацкого «Медали». Сборник дополнен факсимильным воспроизведением фрагментов его рабочей тетради и дневника. Надеемся, что книга о Ромane Славацком станет для читателей достойным продолжением нашего диалога с Мастером.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ ЛАЖЕЧНИКОВА

Редколлегией «Коломенского альманаха» учреждён литературный конкурс на соискание Премии им. И. И. Лажечникова.

Премия вручается раз в году лучшему автору альманаха независимо от того, в каком жанре создано произведение. Иван Иванович Лажечников был одарён многими талантами. Он известен и как исторический романист, и как поэт, и как историк-краевед. Поэтому право быть удостоенными нашей награды имеют представители всех направлений.

В жюри входят члены редколлегии альманаха: они не могут претендовать на звание победителя.

Премия вручается только единожды.

Желаем успеха всем авторам «Коломенского альманаха»!

В 2016 году премия присуждена Владиславу Леонову за повесть «О войне, о родне, обо мне».

В 2017 году премия присуждена Евгению Ломако за исторический очерк «Один год града Коломны».

В 2018 году премия присуждена Владимиру Викторовичу за книгу «Коломенский текст: Сюжеты и портреты».

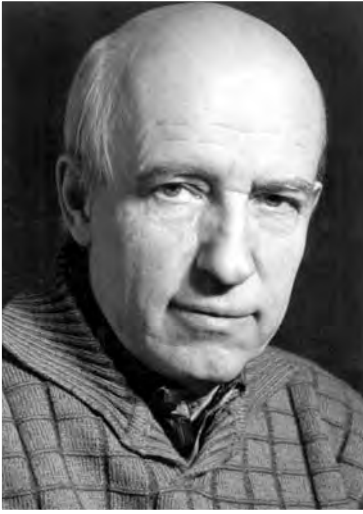
В 2019 году премия присуждена Валерию Ярхо за литературоведческий очерк «Поворот судьбы».

В 2020 году премия присуждена Ларисе Морозовой за цикл стихов «Песочные часы».

В 2021 году премия присуждена Нисону Ватнику за краеведческий материал «Многоликий герб Коломны. Образцы и применение во времена империи».

В 2022 году премия присуждена Татьяне Залате за краеведческий очерк «Дача Брюсова в Теремце».

В 2023 году премия присуждена Сергею Малицкому за цикл фантастических рассказов, опубликованных в «Коломенском альманахе».

Анатолий Иванович Кузовкин – краевед, заслуженный работник культуры РСФСР (1988 год), почётный гражданин города Коломны (2014 год), член Союза журналистов СССР (ныне РСФСР) с сентября 1969 года, член Союза писателей России с января 2000 года. Родился 18 августа 1939 года в Москве. Осенью того же года семья переехала в Коломну, и вся последующая жизнь А. И. Кузовкина связана с нашим городом. Более пятидесяти лет проработал в редакции газеты «Коломенская правда», в том числе выпускал историко-краеведческое приложение «Край родной». В 1986 году был одним из организаторов Коломенского клуба краеведов, бессменный первый заместитель председателя совета клуба.

За большую творческую жизнь издал около 100 книг, брошюр и буклетов о Коломенском крае и коломенцах.

А. И. Кузовкин является лауреатом Московской областной премии имени А. П. Чехова «Служение общему благу» (2012 год).

Постоянный автор «Коломенского альманаха».

Историко-краеведческий очерк

ПОИСКИ И НАХОДКИ КРАЕВЕДА

Тяга к краеведению проявилась у меня в первом классе.

1 сентября 1947 года я, восьмилетний, первый раз пришёл на урок в начальную школу № 8. Учительница Мария Ивановна Уварова познакомилась с классом, рассказала, что преподаёт более тридцати лет.

— Ребята, вы хорошо знаете, что два года назад закончилась Великая Отечественная война. Советский народ, наша Красная армия разгромили фашистскую Германию, и на нашу землю пришёл мир. В войне участвовали многие мои ученики, которые учились в школе села Большое Уварово Коломенского уезда. Очень приятно сказать вам, что мой бывший ученик Миша Катукоев отличился в боях с фашистами, получил воинское звание генерала танковых войск, награждён многими орденами и медалями, стал дважды Героем Советского Союза. В краеведческом музее имеются материалы, рассказывающие о земляках — кавалерах Золотой Звезды.

Очень захотелось побывать в музее, увидеть портреты земляков-героев. В воскресенье с родителями мы пошли. На одном из стендов увидели восемнадцать фотоснимков коломенцев — Героев Советского Союза. Среди них — два человека, награждённые двумя Золотыми Звёздами: лётчик-истребитель Василий Александрович Зайцев и генерал-танкист Михаил Ефимович Катукоев.

Семья выписывала местную газету «Коломенский рабочий». Не часто, но

публиковались на её страницах заметки о Героях Советского Союза — наших земляках, помещались фотоснимки. Я вырезал эти материалы и клеивал в небольшой блокнот.

Шли годы. Интерес к истории земляков — кавалеров Золотой Звезды не ослабевал. Наоборот, с годами возрастал. От учителей в старших классах узнавал интересные факты. Будучи на службе в армии, в один из майских дней 1960 года увидел в газете «Красная звезда» некролог, посвящённый дважды Герою Советского Союза гвардии полковнику авиации Василию Александровичу Зайцеву. Другьям сказал, что школьником не раз видел его, он жил на улице Арбатской в доме № 1, где до декабря 1942 года жила наша семья.

Демобилизовался, стал студентом Коломенского педагогического института. Запомнилась встреча с Героем Советского Союза гвардии полковником авиации Леонидом Александровичем Быковцом. Уроженец Коломны, он, лётчик-истребитель, в Великую Отечественную войну сбил 20 фашистских самолётов лично и 3 в группе. После увольнения в запас вернулся в родной город. Я сфотографировал Героя и поместил заметку со снимком в факультетской стенгазете, редактором которой был.

ОСОБЕННЫМ был год 1965-й. Исполнилось 20 лет со дня завершения Великой Отечественной войны. Этот юбилей впервые в нашей стране отметили широко и ярко-празднично.

В «Коломенской правде» на протяжении нескольких месяцев печатались материалы о земляках — участниках боёв с немецко-фашистскими захватчиками, о тружениках тыла. Публиковались небольшие портреты коломенцев — Героев Советского Союза, краткие биографические данные и сообщения, за какой подвиг тот или иной товарищ получил высшую степень отличия.

В то время было известно, что с Коломной и районом связаны судьбы 18 Героев Советского Союза. Одни здесь родились, другие приехали, жили на коломенской земле в детстве, отрочестве, учились, работали, отсюда коломенский военкомат призвал их на службу в армию. Тогда-то красным следопытам из средней школы № 26 во главе с учительницей истории Натальей Николаевной Гальпериной удалось выяснить, что к Коломне имеет отношение Герой Советского Союза лётчица 46-го гвардейского Таманского Краснознамённого ордена Суворова авиационного полка ночных бомбардировщиков капитан Ольга Александровна Санфинова (1917–1944 гг.). Оказывается, до войны она работала лаборанткой на Коломенском машиностроительном заводе, училась в местном аэроклубе. Материал об успешно проведённом ребятами поиске был напечатан в газете и вызвал интерес у читателей.

Для меня, студента пятого курса института, 1965 год был памятен ещё и тем, что редактор газеты «Коломенская правда» Борис Григорьевич Беловолов предложил работать в редакции, и меня зачислили на полставки фотокорреспондентом-ретушёром.

После публикаций материалов о героях газета получила письма, в которых читатели просили подробнее рассказать о коломенцах — кавалерах Золотой Звезды, высказывали сомнение, что написано обо всех, назвали несколько новых фамилий. Об этом же говорили и при личных встречах и по телефону некоторые старожилы города и района. Редактор

порекомендовал мне заняться разработкой этой темы, чтобы, как говорится, поставить все точки над «і».

Пожелание Б.Г. Беловолова и мои интересы как краеведа-исследователя совпали. С большим желанием принялся за работу. Проводил её, в основном, в свободное от основной редакционной нагрузки время. Поставил цель выяснить, сколько же кавалеров Золотой Звезды воспитано на нашей коломенской земле, и попытаться обстоятельно рассказать об их жизни и подвиге.

В ПЕРВУЮ очередь надо было выявить Героев Советского Союза, имеющих отношение к Коломенскому краю (под этим термином имел в виду не только Коломенский район, но и Коломенский уезд). Вторых, собрать о них материалы. В-третьих, перепроверить, уточнить приводимые в различных публикациях данные обо всех земляках-героях: о ранее известных и вновь открытых. И, в-четвёртых, нужно было придать итоги работы гласности: обнародовать, опубликовать материалы.

Конечно, приступая к работе, представлял её масштабность, был уверен, что она займёт не один год. Что и подтвердила жизнь.

Выявление героев-земляков оказалось делом довольно трудоёмким.

Первым источником, к которому я обратился, были подшивки «Коломенского рабочего» за военные и первые послевоенные годы. В конце 1940-х, к глубокому сожалению, тема Великой Отечественной войны практически исчезла со страниц газеты.

Подшивки частично сохранились в архиве редакции, в краеведческом музее: это облегчило работу. Но пришлось ездить (и не раз) в Москву, в газетный зал Государственной библиотеки имени В.И. Ленина и в Историческую библиотеку. В результате нашёл несколько фамилий в передовых статьях, заметках. Выписал в специально заведённую тетрадь, делая ссылки на источник.

Кое-какие сведения почерпнул из документов в военкомате. Просматривал и специальную военную литературу.

Беседовал с людьми, работавшими в годы войны в горкомах и райкомах партии и комсомола, городском и районном исполкомах Советов — по роду своей службы некоторые из них занимались вопросами, связанными с бытовым устройством семей Героев Советского Союза. Не специально, а при случае, разговаривая со старожилками по каким-нибудь необходимым в данный момент для редакции вопросам, интересовался: не слышали ли они, что, может быть, кто-то из однокашников, друзей-товарищей по улице, по работе заслужил на фронте звание Героя Советского Союза? И иногда, к глубокому моему удовлетворению, мне называли фамилию. Однако после тщательной проверки чаще всего оказывалось, что названный товарищ высшей награды страны не был удостоен.

ПЕРВАЯ удача ожидала в одном из самых удалённых уголков района.

В марте 1966 года меня назначили корреспондентом сельскохозяйственного отдела редакции. Как-то необходимо было побывать на Горковской животноводческой ферме, чтобы рассказать, как коровы пережили зимний стойловый период и как организовано пастбищное содержание стада.

Село Горки расположено на реке Цне у границы с Егорьевским районом.

Встретился с бригадиром. Узнал, что меня интересовало.

В конце бригадир спросил, как мне показалось, даже смущаясь:

— В прошлом году газета рассказывала о земляках — Героях Советского Союза. А вот об уроженце нашего села ни слова не прозвучало. Не знаете, почему?

— Как фамилия?

— Старостин Василий Михайлович. Это мой брат.

— Он что, погиб?

— Почему? Жив-здоров. Живёт в Ленинграде. Вы мне позвоните, у меня дома его адрес имеется.

Вечером из редакции я позвонил. И услышал в трубке:

— Записывайте. Ленинград, К-17, улица Гданьская, дом 3, квартира 14.

Сразу отправлять письмо Герою не стал. Решил вначале разузнать о нём что-нибудь. Поехал в Москву в главную библиотеку страны — Ленинку.

Выяснил, что Василий Михайлович Старостин воевал на Балтийском флоте, командовал подразделением торпедных катеров. Воевал смело, дерзко, но продуманно. Его отряд нанёс существенный урон противнику. 22 июля 1944 года В. М. Старостину было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Связался я и с Горковской семилетней школой. Директором там работал мой товарищ по пединституту Михаил Некрасов. Он сообщил:

— Толя, по-моему, в нашем музее по истории школы был какой-то материал о Старостине. Выясню и тебе сообщу.

А через несколько дней привёз школьную тетрадку в клеточку, десять плотно исписанных страничек. На первой сверху заголовок: «Василий Михайлович Старостин». В конце повествования Некрасов написал: «Толя! Не знаю, кто автор этих строк, но материал взят большей частью из газеты “Красный флот”».

Я написал небольшую зарисовку о В. М. Старостине. Назвал «Герой Балтики». Её напечатали 21 июня 1966 года под рубрикой «Рассказы о наших земляках».

В Ленинград В. М. Старостину отправил письмо, в котором задал много вопросов. И получил от Василия Михайловича ответ на одиннадцати (!) страницах. Это письмо Героя было опубликовано в «Коломенской правде» 9 января 1968 года под рубрикой «К 50-летию Вооружённых сил СССР». Воспоминания ветерана дал название «Жизнь связана с морем». В центре публикации поместил портрет капитана I ранга Василия Михайловича Старостина. Его мундир украшали награды: Золотая Звезда Героя Советского Союза, орден Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Ушакова II степени, Отечественной войны I степени, два ордена Красной Звезды, медали. Так коломенцы впервые на странице местной газеты увидели фотоснимок своего прославленного земляка.

Поиск материалов о В. М. Старостине я продолжал. И время от времени рассказывал об этом в «Коломенской правде», в книгах.

В КОНЦЕ 1967 года приехал в город Озёры (этот небольшой тек-
стильный городок входил в состав Коломенского района). Зашёл в краеведческий музей, созданный на общественных началах в одной из комнат Дворца культуры текстильщиков, провести своих друзей краеведов-энтузиастов Анну Павловну Доронину и Георгия Ефимовича

Кузнецова, возглавлявших совет музея. Поинтересовался новыми поступлениями. Они показали плакат о Героях Советского Союза Московской области. Внимательно знакомлюсь. На небольшом листе помещены пять фотопортретов дважды Героев Советского Союза — уроженцев Подмоскovie и с разбивкой по районам в алфавитном порядке напечатаны списки Героев, очень краткие: лишь фамилии и инициалы. Нахожу Коломенский район, отмечаю: восемнадцать человек. Это количество было известно в Коломенском краеведческом музее и в военкомате. Вчитываюсь в фамилии: три незнакомы. Это С.Г. Карасёв, Г.В. Павлов и П. В. Шутов. А фамилий трёх хорошо известных в районе земляков-героев нет.

С чего начать поиск? Куда писать, к кому обращаться? Уж очень скудные данные, даже полностью ни имени, ни отчества не указано, не говоря уже о том, что неизвестны ни воинские звания, ни рода войск.

Но вскоре мне повезло. Просматриваю свежий номер газеты «Известия» за 12 декабря 1967 года. В колонке кратких информации привлекла внимание состоящая буквально из двух предложений заметка. Вот её текст: «Уникальную картотеку собрал подполковник запаса, научный сотрудник Воронежского краеведческого музея А. Гринько. В картотеке содержатся сведения об 11 тысячах Героев Советского Союза».

Подивился: надо же! В картотеке энтузиаста имеются сведения почти обо всех Героях Советского Союза. Всего-то их чуть более 12 тысяч — об этом не раз сообщали в печати.

В тот же вечер отправил письмо в Воронеж, в краеведческий музей, не указывая точного адреса, так как его не знал. В письме, обращаясь к А. Гринько, написал о своих поисках, подробно изложил просьбу помочь выяснить, кто же эти неизвестные мне коломенцы — Герои Советского Союза.

Ответа ждать долго не пришлось. Краеведы — народ отзывчивый и обязательный. Александр Иванович (так звали подполковника Гринько) сообщил, что С.Г. Карасёва в его картотеке нет, но имеется Карасёв Сергей Тимофеевич, уроженец села Нижнее Хорошово. Написал, где он воевал, когда погиб. Сразу же отмечаю: значит, в плакате допущена опечатка в инициале. А Нижнее Хорошово — большое село в четырёх километрах от Коломны за Москвой-рекой.

Читаю письмо дальше. Узнаю, что в картотеке у А.И. Гринько значится Павлов Георгий Васильевич, майор, командир 46-го штурмового авиационного полка Северного флота. «Где он родился и как сложилась его дальнейшая судьба, не знаю... А что касается Шутова П. В., то он оказался для меня тоже крепким орешком, данных о нём у меня в картотеке нет», — сокрушался Александр Иванович.

Кое-что прояснилось. Теперь можно на двоих Героев посылать запросы в Подольск, в архив Министерства обороны, искать публикации в периодической печати, в книгах. Я стал жить только этим поиском, с нетерпением дожидаться субботы, чтобы съездить в Москву, в военный отдел Ленинской библиотеки.

Стал получать официальные ответы, в которых содержались очень краткие, но иногда новые данные о Героях. Отталкиваясь от полученных сведений, вновь писал запросы, уже в другие организации. И так постепенно день за днём собирались материалы.

Из бесед со старожилками Нижнего Хорошова удалось выяснить, что никого из родственников С. Т. Карасёва в селе нет, а уходил он в армию добровольцем в июне 1941 года из Москвы. По этой причине и не знали в Коломне, что С. Т. Карасёв стал кавалером Золотой Звезды осенью 1943 года, а через несколько месяцев погиб.

Три года пришлось выяснять судьбу Героя Советского Союза Георгия Васильевича Павлова, пока не прояснил некоторые моменты его жизни и военной службы. Послал десятки запросов по разным адресам. Обращался в Главное управление кадрами Министерства обороны, в подольский военный архив, в Музей Вооружённых сил в Москве, в редакции военных и флотских газет. Постепенно папка с надписью «Павлов Георгий Васильевич» пополнялась разными материалами, касающимися Героя. Но долго не мог познакомиться с наградным листом на присвоение ему высшей награды страны. На мои запросы приходили ответы, что организации, куда я обращался, на хранении наградного листа не имеют. И вот, наконец, получаю ценный материал из Мурманского краеведческого музея — копию наградного листа, в котором кратко описываются подвиги Г. В. Павлова, за которые он был представлен к званию Героя Советского Союза.

И вновь полетели запросы по разным адресам. Из одной организации сообщили, что Г. В. Павлов живёт в Москве. Связался с адресным столом столицы и получил домашний адрес. Отсылать письмо не стал. Москва-то рядом, два с небольшим часа езды на электричке. Дождался субботы и отправился в столицу. На метро доехал до станции «Баррикадная», вышел на поверхность на площади Восстания недалеко от высотки и быстро разыскал необходимую мне улицу. В многоэтажном кирпичном доме нашёл нужную квартиру. Перевёл дух перед тем, как нажать на кнопку звонка: ведь предстоит встреча с героем-земляком, разыскивал которого почти три года.

Дверь открыл среднего роста мужчина. Я сразу прикинул: по внешнему виду ему лет под шестьдесят, так что вполне мог участвовать в войне.

— Здравствуйте. Я — Кузовкин Анатолий Иванович, корреспондент газеты «Коломенская правда», из города Коломны Московской области. — Показываю удостоверение члена Союза журналистов СССР. — А вы Павлов?

— Да.

— Георгий Васильевич?

— Да.

— 1910 года рождения?

— Всё верно.

Хозяин квартиры пригласил войти.

— Чем это я заинтересовал коломенского журналиста?

— Вы же участник войны?

— Да, был на фронте.

— Герой Советского Союза?

— Нет, — мужчина улыбнулся. — Награды имею, а вот Золотой Звезды не заслужил.

И я задал последний уточняющий вопрос:

— Вы уроженец Коломны?

— Нет, ни разу не был в этом городе. Хотя дважды на поезде проезжал мимо.

По всей вероятности, вид у меня был такой растерянный, что Георгий Васильевич решил помочь.

— Вы не расстраивайтесь. В Москве Павловых много. Вот в этой телефонной книге их несколько сот, наверное. Сейчас разыщем вашего Павлова.

— Спасибо. Не буду вас отвлекать. Постараюсь по другим каналам разыскать своего земляка.

На этом расстался с полным тёзкой Героя Советского Союза.

И вновь пишу письма с просьбой сообщить, жив ли Г. В. Павлов, если жив, то какой его адрес? Один из письменных ответов обнадежил. Сообщался адрес Георгия Васильевича Павлова: 140003, Люберцы, п/о 3, д. 1, кв. 10. Наконец-то имею разыскиваемые координаты Героя! Правда, смутило, что адрес не полный: не сообщается название улицы. Но это не беда. Город Люберцы не так уж далёк от Коломны. В выходной электричка за два часа доставила меня в Люберцы. От станции дошёл до главной улицы с названием Октябрьская. Увидел вывеску «Почта». Зашёл. Спросил у заведующей, почему адрес не полный? Работница пояснила:

— Почтовое отделение номер три — адрес военного городка. Минут двадцать пройдёте по нашей улице, увидите памятник, возле которого горит Вечный огонь, свернёте налево, и небольшая улица выведет вас к металлическим воротам с красной звездой. Это проходная воинской части.

Часовой на КПП, проверив документы, подсказал, как разыскать нужный дом.

Жму на кнопку звонка у двери, на которой укреплена цифра 10. Дверь открывает красивая женщина, очень похожая на известную киноартистку Тамару Фёдоровну Макарову. Я даже остолбенел: неужели опять ошибся?

— Здравствуйте. Скажите, пожалуйста, здесь живёт Георгий Васильевич Павлов?

— Проходите. Сейчас его позову.

Из комнаты вышел невысокого роста пожилой мужчина в шароварах и майке.

— Извините, что в таком виде. Жена попросила посмотреть, почему-то электроуток не работает.

Поздоровались. Познакомились.

Георгий Васильевич Павлов, так хозяин квартиры назвал себя, провёл в небольшую комнату.

— Анатолий Иванович, вы извините, я мигом дочиню утюг. А вы располагайтесь за столом. Познакомьтесь вот с этими материалами, которые получил к своему юбилею.

На столе лежали адреса, грамоты, красочные почтовые открытки.

Открываю верхний адрес. Вчитываюсь в текст и глазам не верю. «Герою Советского Союза генерал-майору авиации Георгию Васильевичу Павлову».

Вот это да! Ехал я, рассчитывая, что бывший в войну майором вырос в звании до подполковника или полковника. А приехал к генералу! Неожиданное приятное известие.

Минут через десять Георгий Васильевич вернулся, одетый в костюм, на лацкане пиджака которого сияла Золотая Звезда.

Наша беседа длилась не один час. Я много интересного узнал о жизни и военной службе Г. В. Павлова.

Не терпелось мне уточнить, где находится село Боровники Коломенского района, в котором родился Павлов, если верить записи в наградном листе. Я внимательно изучил карту района, даже обследовал карту Коломенского уезда, но села с таким названием не обнаружил. Георгий Васильевич познакомился с текстом и так прокомментировал: «Эти писарЯ (специально, с умыслом, сделал ударение на окончании слова да и произнёс-то не нужный звук «и», а «я») вечно всё перепутают. Село Боброво, возле Коломзавода стояло. Там я родился и жил буквально возле проходных этого гиганта, выпускающего знаменитые паровозы».

Выяснилось и другое. Отец его погиб в Первую мировую войну. И Георгий Павлов вместе с мамой переехал к её родственникам в город Рязск Рязанской губернии. Там учился в школе. Из Рязска его призвали на службу в армию. И военную форму Г. В. Павлов не снимал много десятилетий. В Коломне ни разу больше не был.

По мере того как удавалось собрать достаточное количество материалов, я публиковал зарисовки, очерки в «Коломенской правде». Так, 26 декабря 1970 года целую страницу занял мой очерк «Человек большого мужества» о Герое Советского Союза лётчике-штурмовике генерал-майоре Георгии Васильевиче Павлове. В тот же день мне позвонил секретарь парткома завода тяжёлого станкостроения Юрий Иванович Трегубов. Он взволнованно поведал, что в войну служил механиком (техником) самолёта Ил-2 в 46-м штурмовом авиаполку, которым командовал Георгий Васильевич Павлов. «Но я не знал, что мой командир, как и я, родом из Коломны!»

По просьбе Юрия Ивановича я сообщил ему домашний адрес Г. В. Павлова, телефон. На следующий день Трегубов пришёл в редакцию, рассказал, что звонил своему бывшему командиру полка, договорился о встрече.

С того дня завязалась дружба с Юрием Ивановичем. Мы ездили к Г. В. Павлову, поздравили его с 90-летним юбилеем. Доводилось вместе выступать в молодёжных аудиториях с рассказами о нашем славном земляке Герое Советского Союза. Я узнал много любопытного о жизненном пути Ю. И. Трегубова.

Что касается упомянутого в плакате Шутова П. В., то о нём удалось собрать материалы с помощью старожилов и ветеранов бывшего 108-го гаубичного артиллерийского полка большой мощности, который дислоцировался в Коломне в 1930-е годы. К счастью, Герой оказался жив, генерал-майор артиллерии в отставке. Мне не раз довелось с Петром Васильевичем беседовать, когда он приезжал на встречу с ветеранами полка, в составе которого служил.

Собранными после многолетних поисков материалами я поделился с воронежским краеведом Александром Ивановичем Гринько, за что он душевно поблагодарил.

ОДНАЖДЫ, знакомясь с газетами «Коломенский рабочий» за 1951 год, обратил внимание на заметку «Так трудятся наши земляки», опубликованную в номере за 9 мая. Написал её работник мотороремонтного завода И. Сдобин. Привлёл внимание последний абзац. «Фронтвики-мотороремонтники с законной гордостью говорят о подвигах своих прославленных земляков. Учениками-токарями пришли

в своё время на мотороремонтный завод Сергей Шершавин, Пётр Кислов. В годы Великой Отечественной войны они героически защищали любимую Родину. Правительство удостоило их высокого звания Героев Советского Союза».

О подвиге сапёра старшего сержанта Сергея Ивановича Шершавина я был наслышан. В майскую ночь 1943 года он, чтобы выполнить полученный приказ, взорвал себя вместе с вражеской переправой. Но... чудом остался жив. Раненый, контуженый, ослепший, он трое суток полз по направлению к линии фронта. Не знал, что взрыв послужил сигналом к наступлению наших войск, и он уже пробирается по освобождённой советскими войсками территории. Полз до тех пор, пока, обессиленный, не упал в яму. Это была яма для огнемёта, которую за несколько дней до этого выкопали сапёры его взвода. Там его и нашли солдаты и отправили в госпиталь.

Лечился Шершавин несколько месяцев. 26 октября узнал, что за совершённый подвиг удостоен звания Героя Советского Союза. По инвалидности Сергея Ивановича комиссовали из армии, и он осенью 1943 года вернулся в Коломну.

С Сергеем Ивановичем Шершавиным я много раз встречался, писал о нём в «Коломенской правде», издал книгу «Приказ будет выполнен». А вот кто такой Пётр Кислов? На этот вопрос никто, с кем беседовал на заводе, не мог ответить.

С копией заметки «Так трудятся наши земляки» пошёл в краеведческий музей. Одна из сотрудниц вспомнила, что месяца два назад приводила в музей группу учащихся учительница биологии. После экскурсии она поинтересовалась, почему на стенде, посвящённом землякам — Героям Советского Союза нет фотоснимка её отца Кислова. К сожалению, в музее не придали значения этому сообщению, даже фамилию учительницы не записали, да и из какой школы были ребята, тоже не спросили.

Я ухватился за эту информацию. Стал обзванивать школы, которые находятся сравнительно недалеко от музея. 1-я, 26-я, 7-я, 6-я. Интересуюсь, не посещали ли дети в этом учебном году краеведческий музей под руководством учительницы биологии. В ответ звучало: «Нет».

Звоню в школу № 3. И слышу:

— Да, были наши дети в музее. А что вас интересует?

— Мне сообщили, что учительница сказала, будто её отец — Герой Советского Союза Кислов.

— Всё верно. Эта наша учительница Нина Петровна Мальшко. А её отец действительно Герой Советского Союза.

Через некоторое время я встретился с Ниной Петровной. Узнал, что Пётр Михайлович Кислов родился 29 декабря 1906 года в Коломне в семье рабочего машиностроительного завода. Кроме него, у родителей было ещё шестеро детей, и все — девочки. Здесь учился в школе. Трудился на арматурном заводе, который после войны стал называться мотороремонтным, по партийной мобилизации работал председателем колхоза в селе Акатёве, начальником политотдела МТС, председателем Путятинского райисполкома Рязанской области. В октябре 1941 года его мобилизовали в армию. Окончил курсы младших лейтенантов и с весны 1942 года принимал участие в боевых действиях. Был ранен, но возвратился в строй.

Заместитель командира 2-го батальона по политчасти 568-го стрелкового полка П. М. Кислов отличился при форсировании Днепра в Гомельской области. 15 января 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. После войны жил в Рязани, работал в облфинотделе. Там и умер 16 декабря 1968 года.

Встречался я и с другими родственниками Петра Михайловича, жившими в Коломне.

Ездил в Рязань, беседовал с вдовой Героя Марией Александровной. Побывал в городской библиотеке, где в областной газете «Сталинское знамя» смог отыскать две публикации, имеющие отношение к П. М. Кислову. 18 мая 1946 года был напечатан материал под заголовком «Из записной книжки Героя». А в статье «Самое дорогое имя» (газета от 8 января 1950 года) — воспоминания П. М. Кислова об одном из боёв.

8 мая 1970 года «Коломенская правда» две страницы посвятила 25-летию Великой Победы. В подборке была напечатана моя заметка о Герое Советского Союза П. М. Кислове «В боях за Днепр» и помещён его снимок. А 16 апреля 1974 года на странице, подготовленной к 40-летию установления звания Героя Советского Союза, — большой очерк «Не из робкого десятка», посвящённый П. М. Кислову.

Через несколько дней в редакцию пришло письмо. «Мы, родные, дети и внуки Героя Советского Союза Кислова П. М., выражаем искреннюю благодарность корреспонденту газеты «Коломенская правда» тов. Кузовкину А., который приложил много усилий в поиске материала о подвиге нашего отца, брата Кислова П. М., прославившегося в Великую Отечественную войну.

Семьи Кисловых, Малышко, Кружковых.

22.IV.74 г.».

ОЧЕРКИ о вновь обнаруженных земляках-героях я публиковал в газете «Коломенская правда», в других изданиях.

В 1976 году в издательстве «Московский рабочий» вышла книга «Золотое созвездие коломенцев» (я написал её в соавторстве с ветераном войны Александром Ивановичем Макаровым), вместившая 41 очерк. Не раз приходилось слышать, что эту книгу охотно используют учителя, лекторы в целях военно-патриотического воспитания. И что особенно приятно, прочитав очерки, ребята-искатели включались в поиск новых материалов о Героях, собрали много любопытного и ценного. Значит, не зря затрачен твой труд и труд учителей-воспитателей.

В книге «Золотое созвездие коломенцев» изначально предполагалось напечатать 42 очерка о кавалерах Золотой Звезды. Все были подготовлены и сданы в издательство. Но один, к нашему глубокому сожалению, издательство решило не включать. Дело в том, что мы, авторы, не смогли предоставить документы, удостоверяющие причастность Героя к земле коломенской.

Этим Героем был Иван Макарович Яснов. Впервые услышал я о нём от одного из работников Коломенского тепловозостроительного завода.

Ветераны называли и других коломенцев, отмеченных высшей наградой страны.

Я написал небольшую заметку «Кто знает их? Откликнитесь!». Она вышла 30 ноября 1968 года. Привожу фрагмент:

«Время неумолимо отсчитывает свой бег. Вот уже двадцать три года мы живём под мирным небом, которое стоило советскому народу миллионов жертв в страшной войне. Уходят в историю годы, но в памяти людской никогда не забудутся имена тех, кто вынес на своих плечах всю тяжесть минувшей войны, кто сверг кровавый фашизм.

Коломенцы по праву гордятся тем, что из их числа вышло более сорока Героев Советского Союза. Имена некоторых широко известны. О многих рассказывалось в очерках, публиковавшихся на страницах нашей газеты.

За последнее время в результате поисков, предпринятых редакцией, стал известен ещё ряд имён коломенцев, удостоенных высокого звания Героя Советского Союза. Вот они.

31 мая 1945 года звание Героя Советского Союза было присвоено младшему лейтенанту Ивану Макаровичу Яснову. Он закончил ФЗУ при Коломзаводе и остался работать на этом предприятии. Но помешала война. Семнадцатилетний И. Яснов уходит добровольцем на фронт...».

В той заметке были названы имена ещё нескольких Героев Советского Союза.

После публикации и телефонные разговоры с читателями были, и встречи состоялись, и письма получал.

Материалы об Иване Макаровиче Яснове я собирал несколько лет. Встречался с родителями, которые жили в соседнем Егорьевске, с другими родственниками, ездил в школу в деревню Раменки Егорьевского района.

Ваня Яснов родился 28 марта 1924 года в семье лесника, поэтому, когда подошло время поступать в школу, поселился у родственников в селе Пестрикове Коломенского района, а учился в Коробчевской школе. Шестой и седьмой классы оканчивал в Раменской школе Егорьевского района. После этого поступил в школу ФЗУ при Коломенском машиностроительном заводе. Окончив, работал слесарем-ремонтником в паросиловом хозяйстве Коломзавода. Некоторое время жил в посёлке Пески, а потом — в Коломне на Ленинском посёлке.

В июле 1941 года комсомолец Иван Яснов одним из первых на Коломенском машиностроительном заводе записался в отряд народного ополчения и в его составе принял участие в сражении под Смоленском. С трудом вышел из окружения, вернулся в Коломну. Устроился работать на Егорьевский завод «Комсомолец». В 1942 году был призван в армию. Окончил танковое училище. Участник Великой Отечественной войны с января 1945 года. Воевал на территории Польши и Германии. Особо отличился в уличных боях в Берлине. Звания Героя Советского Союза удостоен 31 мая 1945 года. Погиб 28 декабря 1946 года в Германии при передислокации воинской части. Похоронен в Берлине.

Связался я с берлинским отделением Общества германо-советской дружбы, обратился с просьбой найти могилу и по возможности прислать фотоснимок. Не прошло и месяца, как получаю ответ — на немецком языке. Пришлось напрячься, взять немецко-русский словарь, сделать перевод. «Мы получили Ваше письмо от 3 октября 1969 г. и сообщаем Вам, что мы уже предприняли шаги, чтобы Вашу просьбу выполнить. Прежде всего, мы нашли могилу вашего земляка И. М. Яснова на советском кладбище в Панково».

А через некоторое время получаю бандероль. В ней несколько фотоснимков. Общий вид кладбища, аллея, ведущая к могиле, надгробие и бронзовая плита, на которой чётко выделяется надпись: «Герой Советского Союза лейтенант Яснов И. М. 1924 г.».

Позже завязалась переписка с пионерами-тельмановцами одной из берлинских школ. Ребята сообщали, как они ухаживают за могилой, какие проводят мероприятия.

Первый большой материал об И. М. Яснове я опубликовал в «Коломенской правде» 12 сентября 1970 года, накануне Дня танкиста. Очерк проиллюстрировал портретом и фотоснимком могилы.

На публикацию откликнулся двоюродный племянник, работник тепловозостроительного завода Александр Григорьевич Захаров. От него я узнал интересные подробности жизни Ивана Яснова.

А поиск продолжался. Выяснил, что непосредственный начальник Ивана бывший командир 1-го танкового батальона 36-й танковой Краснознамённой орденов Суворова и Кутузова бригады полковник Николай Локтионович Лях живёт в Минске. Послал ему письмо и получил исчерпывающие ответы на свои вопросы. А спустя годы состоялась встреча с Героем Советского Союза полковником в отставке Н. Л. Ляхом в его минской квартире.

В декабре 1984 года в столице Белоруссии состоялся всесоюзный семинар по военно-патриотическому воспитанию молодёжи. От Московской области на семинар были командированы три человека, в том числе двое из Коломны: военрук средней школы № 9 Михаил Иванович Трушин и я.

Быть в Минске и не встретиться с Героем Советского Союза Н. Л. Ляхом? Конечно же, нельзя упустить такую возможность. Созвонился с Николаем Локтионовичем, и он пригласил в гости.

Беседовали несколько часов. В подарок получил несколько фотоснимков Ивана Макаровича Яснова, на которых он изображён с боевыми товарищами, и фото моего собеседника. На обороте снимка боевой командир сделал надпись: «На добрую и хорошую память Анатолию Ивановичу от Николая Локтионовича Ляха. 9 декабря 1984 г.».

Но всё это было, спустя годы после выхода книги «Золотое созвездие коломенцев». А тогда, в 1976 году, от авторов в издательстве требовали предоставить документы, подтверждающие, что герои очерков имеют отношение к Коломне или району. На тот момент у меня был лишь один официальный документ, имеющий отношение к И. М. Яснову, — копия наградного листа, полученного в подольском архиве Министерства обороны СССР, где в графе «каким РВК призван» было указано: «Егорьевским РВК Московской области». Лишь через некоторое время обнаружил в архиве Коломенского военкомата список (фамилии шли в алфавитном порядке) отряда народного ополчения Коломзавода, где последним был записан комсомолец Иван Макарович Яснов 1924 года рождения. Сказал об этом в издательстве, а там ответили: уже поздно, книга печатается.

27 июля 1978 года в Мемориальном парке Коломны была открыта Аллея памяти коломенцев — Героев Советского Союза. На ней установили 19 бюстов земляков — кавалеров Золотой Звезды. Последним по алфавиту стоит бюст Ивана Макаровича Яснова.

ПОИСКОВУЮ работу продолжаю до сего дня. И стараюсь зна-
комить коломенцев с обнаруженными материалами.

В начале 1985 года (а это был год 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне) предложил редактору газеты «Коломенская правда» Галине Николаевне Матвеевой ввести рубрику «На поверке — земляки-герои». Редактор поддержала инициативу. И газета на протяжении полугода публиковала очерки.

В 2010 году в издательстве «Лига» вышла моя книга «Герои-коломенцы». В ней помещены материалы о 55 Героях Советского Союза, имеющих отношение к земле коломенской.

А недавно удалось узнать, что в Великую Отечественную войну кавалером Золотой Звезды стал уроженец села Озёры Коломенского уезда Евгений Петрович Прохоров. Родился он 13 ноября 1919 года в семье рабочего. Окончил 7 классов и школу ФЗУ. Работал электромехаником на заводе сельскохозяйственных машин. В 1938 году был призван в армию. Окончил Таганрогскую военную авиационную школу пилотов. В Великую Отечественную войну в должности командира эскадрильи воевал в составе 210-го штурмового авиационного полка 136-й штурмовой авиадивизии 9-го смешанного авиационного корпуса 17-й воздушной армии на 3-м Украинском фронте. К сентябрю 1944 года совершил 117 боевых вылетов, нанёс противнику большой урон в живой силе и технике. Звание Героя Советского Союза Е. П. Прохорову было присвоено 23 февраля 1945 года. На следующий год после победоносного завершения Великой Отечественной войны майор Е. П. Прохоров вышел в запас. Окончил школу высшей лётной подготовки Гражданского воздушного флота, работал командиром корабля авиапредприятия в Киеве. Там и умер 14 апреля 1969 года. За боевые подвиги Евгений Петрович, кроме Золотой Звезды Героя Советского Союза, был награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Красной Звезды, медалями.

Эту информацию я почерпнул во втором томе краткого биографического словаря «Герои Советского Союза» (Москва, Воениздат, 1988 год, страница 326). Сведения скудные. К тому же, при внимательном чтении обнаружил две неточности. Сказано, что Е. П. Прохоров родился «в г. Озёры ныне Моск. обл.». На территории столичной области есть только один город с таким названием. Но в статусе города Озёры существуют с 17 августа 1925 года. А до этого было село Озёры, короткий период (с 1921 года) — фабрично-заводской (рабочий) посёлок. Так что правильно было бы написать, что Прохоров родился в селе Озёры Коломенского уезда Московской губернии. Ещё одно предложение процитирую: «В Сов. армии с 1938». Если придерживаться исторической достоверности, то надо бы написать «В Красной армии». Потому что термин «Советская армия» заменил название «Красная армия» лишь в феврале 1946 года. Обратил внимание на упоминание, что Прохоров «работал электромехаником на з-де с.-х. машин». Такого завода в Озёрах не было. Так называли военный завод, находившийся в Коломне. Официальное его название было ГАРОЗ — Государственный артиллерийский ремонтно-опытный завод, а в целях конспирации (предприятие-то военное) именовался он как Бочмановский завод сельскохозяйственных машин. Основан был в 1914 году на земле, выкупленной у крестьян деревни Бочманово недалеко от Коломны.

В настоящее время город Озёры входит в состав городского округа Коломна.

БЫТУЕТ такое поверье: кто ищет, тот находит. Увы, не всегда так получается. Об этом свидетельствует многолетняя практика моей поисковой, исследовательской работы. Были случаи, когда не подтверждались первые сообщения о том, что такой-то человек, наш земляк, является Героем Советского Союза. Приведу яркий пример.

Зимним днём 1971 года в редакции газеты зазвонил телефон. Попросили корреспондента Кузовкина.

— Слушаю.

— Здравствуйте. Вам звонит Баланцова Серафима Николаевна, — представилась женщина. — Живу в Коломне на улице Шилова. С удовольствием читаю ваши материалы. Только что был напечатан очерк на целую страницу о лётчике Георгии Васильевиче Павлове, о котором четверть века никто не знал, что он родом из нашего города. И вот хочу спросить: а почему вы не расскажете о земляке, который стал Героем Советского Союза за войну в Испании? А ведь он стал первым героем-коломенцем.

Я возразил: первым является известный лётчик, штурман Иван Тимофеевич Спирин, и получил он эту высокую награду за мужество и героизм, проявленные во время исторического полёта в 1937 году к Северному полюсу.

Баланцова настаивала:

— Нет, не он.

— А кто же?

— Семёнов Николай Васильевич. О тех, кто воевал в Испании, долгое время нельзя было говорить. А родом он из деревни Ерково Губастовского сельсовета. Там сейчас его две родные сестры живут. Знаю потому, что много лет работала председателем Губастовского сельского Совета.

Верить или не верить? А вдруг правда? Ведь как получилось с С. Т. Карасёвым, П. М. Кисловым, Г. В. Павловым, В. М. Старостиным? Они родились на коломенской земле, здесь в детстве жили, а о них много лет абсолютное большинство коломенцев не знало. А награждение Семёнова связано с секретной командировкой. Подумал: полученной информацией нельзя пренебрегать.

Поблагодарил Серафиму Николаевну, пообещал выяснить всё о Николае Васильевиче.

С чего начать поиск? Встретиться с сёстрами Семёнова в деревне Ерково? Но вряд ли у них имеются документы, подтверждающие награждение брата. И решил не спешить с поездкой в Ерково. В первую очередь нужно попытаться найти сообщения о награждении Н. В. Семёнова в центральных газетах.

По выходным стал ездить в Москву, в библиотеку имени В. И. Ленина. Просмотрел в газетах «Известия», «Правда», «Красная звезда» за 1938—1939 годы все публикации, касающиеся присвоения звания Героя Советского Союза. Увы, нужную фамилию не встретил.

Накануне праздника — Дня Красной армии и Военно-морского флота — в 1939 году в «Известиях» на первой странице опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза командирам Рабоче-крестьянской Красной армии.

В преамбуле говорилось: «За образцовое выполнение специальных заданий Правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и за проявленное геройство...». В алфавитном порядке названы шестнадцать человек. Семёнова нет.

Обращаю внимание на ещё один Указ — о награждении большой группы (29 человек) орденом Ленина. Фамилии называются тоже в алфавитном порядке. Под цифрой 22 читаю: «Старшего лейтенанта Семёнова Николая Васильевича». По всей вероятности, это о нём говорила С. Г. Баланцова. Вспоминаю, она особо подчеркнула: фотография тогда была напечатана. Полистал газеты, снимка не встретил.

Открываю подшивку «Правды» и в номере за 19 апреля 1939 года на четвёртой полосе нахожу снимок, сделанный Н. Кулешовым. Под фотографией подпись: «Группа командиров РККА, награждённых орденами СССР (слева направо): Герой Советского Союза майор С. И. Грицевец, майор П. И. Неделин, капитан И. С. Хотилёв и майор Н. В. Семёнов».

Вновь обращаюсь к «Известиям». В номере за 18 апреля на первой странице информация: «Вручение орденов и медалей Союза ССР». Читаю: «Вчера, 17 апреля, Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. М. И. Калинин вручил ордена и медали награждённым <...> награды вручаются группе командиров РККА, награждённых за образцовое выполнение специальных заданий правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза. Ордена и медали получают майоры тт. П. И. Неделин, Н. В. Семёнов, А. А. Калачиков, капитаны тт. Л. С. Арсеньев, М. М. Гурин, Д. А. Киселёв, М. И. Козырев и другие».

В Указе Н. В. Семёнов назван старшим лейтенантом, а при вручении награды — майором. По всей вероятности, Н. В. Семёнова представляли к награждению в то время, когда он был старшим лейтенантом, а затем последовало присвоение ему внеочередного воинского звания. Такое не часто, но случалось.

Лишь после знакомства с газетными публикациями отправился я в сентябре 1972 года в деревню Ерково. От станции Пески нужно было прошагать километров шесть, если не больше. Семь дворов в деревушке. Избы как бы выбежали из соснового леса и застыли на краю обширной поляны. Хозяйками двух крайних домов оказались сёстры Екатерина Васильевна Семёнова и Анастасия Васильевна Храпова. Они рассказали о детских годах брата, о семье.

Николай Васильевич Семёнов родился 3 февраля 1906 года в деревне Ерково в крестьянской семье. После окончания начальной школы в соседней деревне Берняково уехал в село Озёры, там работал на фабрике. 23 октября 1928 года Коломенский военкомат призвал его на службу в армию. Окончил военную школу пилотов. Военная специальность пришлась по душе. Семёнов настойчиво овладевал техникой, умело пилотировал самолёт в сложных метеорологических условиях, хорошо знал оружие, метко поражал цели на тренировках и учениях. Н. В. Семёнов вошёл в число лучших лётчиков части, что повлияло на его дальнейшую судьбу...

В апреле 1938 года 22 советских лётчика приехали в Испанию, чтобы вместе с пилотами республиканской авиации преградить путь фашистам. Среди них был и Николай Васильевич Семёнов. Участвовал во многих боях. На счету — несколько сбитых фашистских самолётов. Подвиг

лётчика в небе республиканской Испании был отмечен высшей наградой Родины — орденом Ленина.

Долгое время не удавалось найти каких-либо документов, свидетельствующих о подвигах Семёнова в небе Испании. Пришлось пойти по другому пути — постараться разыскать тех, кто был с ним в одной группе. Статистика оказалась печальной. В 1979 году из 22 лётчиков живы были лишь двое. Из Тамбова откликнулся полковник запаса Иван Семёнович Анащенко. Написал, что летал в другой группе, на самолёте И-15, но иногда приходилось действовать вместе. Семёнов остался в его памяти как смелый лётчик, замечательный наставник молодых, истинный интернационалист.

Лишь в октябре того года удалось разыскать адрес полковника запаса Григория Александровича Когрушева. И оказалось, что живёт он почти рядом — под Москвой, в Люберецком районе, в посёлке Малаховка.

Побывал у Г.А. Когрушева. Седой семидесятилетний человек, прошедший две войны, отдавший службе в авиации многие годы жизни, буквально преобразился, когда речь зашла об испанских событиях, кажется, даже помолодел, в глазах появился озорной блеск.

Григорий Александрович отрыл семейный альбом, указал на небольшую, шесть на девять сантиметров, фотографию:

— Вот он, Николай Семёнов. А это он же с другом Никитой Мартыщенко. А вот тут, в машине сидит, тоже ваш земляк. Все снимки сделаны летом 1938 года в Испании. Снимки любительские, фотографировали сами. К сожалению, многое затерялось, ведь столько пережито!

Мой собеседник оторвал взгляд от альбома, снял очки и затих в задумчивости.

За окном на застывшее озеро падал крупными хлопьями снег.

Минуты три мы сидели молча, устремив взор на улицу.

Григорий Александрович перевёл взгляд на альбом и негромко произнёс:

— Мне вдруг явственно увиделись цветущие сады Каталонии. Мы ведь там вместе с Семёновым воевали. Замечательным лётчиком был Николай. Смелым, отважным. И бойцом хорошим, товарищем настоящим.

Вспоминается один из первых боёв. Мы сопровождали бомбардировщики. Над целью нас встретил плотный огонь зенитной артиллерии франкистов. А тут ещё и истребители немецкие — «мессершмитты» — сверху свалились. Нужно сказать, что итальянцев — они на «фиатах» летали — мы не боялись. А вот с «мессерами» сражаться было нелегко — они и вооружены отлично, и скорость больше, чем у наших «мошек».

Всё закрутилось в какой-то необозримой карусели. Так продолжалось несколько минут, казавшихся вечностью. Вывалившись из облака, я с ужасом обнаружил, что лечу один. Патронов нет, пулемёты от непрерывной стрельбы побелели. Кругом горы. Куда направить машину? Не знаю. Спас Семёнов. Неожиданно вынырнул из облака, покачал крыльями, мол, пристраивайся, и, таким образом подхватив меня, вывел точно к нашему аэродрому, когда уже горячее было на исходе.

В том бою наша группа сбила несколько фашистских самолётов.

И ещё один бой запомнился. Наша группа получила задание патрулировать над одним из заводов, который, по данным разведки, попыталась

разбомбить фашистская авиация. Враг пошёл на уловку: к нам прямо в группу вдруг впоролся «хейнкель», чтобы отвлечь на себя внимание от других самолётов. Семёнов ринулся к нему и — очередями из пулемётов. Фашистские стрелки ведут огонь по самолёту Семёнова. Ну, думаю, собьют. А Николай будто присосался к «хейнкелю», и бьёт, и бьёт по нему. Так и завалил, вогнал в море недалеко от берега. Правда, самолёту Семёнова крепко досталось — весь издырявили, а одна пуля Николая по животу чиркнула. Ещё бы немного и... Семёнов тогда благодарность получил от командира группы...

Все 1 418 дней и ночей Великой Отечественной войны Н. В. Семёнов был на фронте: заместителем командира, а затем командиром 17-го истребительного авиаполка, командиром 165-го истребительного авиаполка 16-й Воздушной армии. Награждён тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова III степени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями.

Погиб гвардии подполковник Н. В. Семёнов в Венгрии 5 августа 1947 года при катастрофе самолёта и был похоронен на офицерском кладбище в городе Секешфехервар. Об этом мне сообщила вдова Н. В. Семёнова Любовь Мефодьевна Белецкая.

О том, как Н. В. Семёнов воевал в Великую Отечественную, я узнал из личного дела, которое хранится в Центральном архиве Министерства обороны, рассказов однополчан. Поиск ветеранов длился не один год, и я благодарен им за отзывчивость и добрую память о нашем земляке.

Да, Николай Васильевич Семёнов не был удостоен Золотой Звезды Героя Советского Союза, но за совершённые подвиги, проявленное мужество земляки справедливо считали его героем.

Поисково-краеведческая работа, связанная с Николаем Васильевичем Семёновым, принесла мне истинное удовлетворение, потому что я соприкоснулся с героической личностью. Приятно было сознавать, что спустя много лет после гибели славного земляка впервые познакомил коломенцев с его жизнью и боевой деятельностью.

НЕРЕДКО приходилось идти по ложному следу из-за ошибок, неточностей в публикациях о Героях Советского Союза.

Как-то в конце 1970 года позвонил инструктор горкома КПСС Владимир Борисович Орлов, который заинтересованно следил за моей исследовательской работой.

— Толь, ты знаешь, что Герой Советского Союза снайпер Василий Зайцев — наш земляк?

— Это который в Сталинграде прославился?

— Да.

— Впервые слышу. Ты где такую информацию получил?

— Знакомлюсь с только что вышедшим пятым томом «Истории Коммунистической партии Советского Союза». И вот что вычитал на страницах 337–338: «Советские воины дрались в Сталинграде за каждый квартал, улицу, дом. Их девизом стали слова прославленного снайпера, бывшего коломенского литейщика Василия Зайцева: «За Волгой для нас земли нет!»

Вот это новость! Неужели такой прославленный герой, о котором часто упоминают многие авторы в статьях, в книгах, — наш земляк? Но почему о нём в Коломне никто никогда не заводил разговора?

Пришлось порыться в книгах в библиотеках. Нигде не нашёл упоминания, что Зайцев имеет отношение к Коломне.

Время шло. Занимаясь другими поисками, конечно же, помнил о В. Г. Зайцеве.

В один из январских дней 1973 года заглянул в редакцию Герой Советского Союза генерал-майор в отставке Андрей Владимирович Новиков. Он возглавлял в газете внештатный военно-патриотический отдел. А эту тематику освещал я. Так что нам часто приходилось общаться.

Обговорили план выпуска очередной полосы, приуроченной к Дню Советской армии и Военно-морского флота. Андрей Владимирович сказал, что пригласили его в Волгоград на праздничные мероприятия, приуроченные к 30-летию Сталинградской победы.

Пожелал я Андрею Владимировичу успешной поездки. А он неожиданно спросил:

— Тебе ничего не надо выяснить в Музее Сталинградской битвы? Давай задание, постараюсь выполнить.

И я рассказал А. В. Новикову о том, что написано в «Истории КПСС» о снайпере Василии Зайцеве.

Прошло недели две. Вновь в редакции встреча с А. В. Новиковым.

Он рассказал, как волнующе и торжественно прошли праздничные мероприятия. Протягивает газеты:

— Это местные: «Волгоградская правда» и «Молодой ленинец». Очень широко освещали юбилейные события. Опубликовано много воспоминаний участников Сталинградской битвы. Не раз упоминается прославленный снайпер Зайцев. Не знаю, приезжал ли он на торжества, народу-то было много из разных уголков Советского Союза. Интересовался я в музее, имеет ли Зайцев отношение к Коломне? К сожалению, ничего ответить мне не смогли. Но я узнал его адрес. Записывай. Он живёт в Киеве.

— Спасибо, Андрей Владимирович.

Продиктовав, генерал взял со стола ручку (в ней был красный стержень) и над заголовком газеты «Волгоградская правда» от 2 февраля 1973 года размашисто написал: «Активному журналисту по военно-патриотическому воспитанию Кузовкину Анатолию от участника Сталинградской битвы, бывшего комиссара 56-й танковой бригады генерала в отставке Героя Советского Союза Новикова А. В.».

В тот же вечер я отправил письмо, задал интересующие меня вопросы.

Долго ответа не пришлось ждать. Василий Григорьевич написал, что с Коломной никак не связан и не может объяснить, почему в книге его назвали «коломенский литейщик». Пояснил, что родился в Челябинской области. Окончил строительный техникум в Магнитогорске. В 1936 году был призван на службу в Военно-Морской Флот. Служил на Тихоокеанском флоте. С сентября 1942 года участвовал в Великой Отечественной войне. Воевал в Сталинграде. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено 22 февраля 1943 года. После войны демобилизовался. Работал директором Киевского машиностроительного завода.

Увы, надежда увеличить список земляков-героев не сбылась.

Стал рассуждать, как могли допустить ошибку в такой солидной книге, подготовленной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и выпущенной авторитетным Московским издательством политической

литературы. Пришёл к выводу, что главную редакцию шеститомного издания, а в её составе — известные учёные-академики, мог подвести кто-то из рядовых литераторов, историков, по неопытности или нежеланию не уточнив, не перепроверив данные.

Под Сталинградом воевал ещё один Василий Зайцев — Герой Советского Союза (этой награды он удостоен 5 мая 1942 года). Наш земляк. Действительно, он когда-то был коломенским литейщиком — работал на Коломенском машиностроительном заводе формовщиком в чугунолитейном цехе. Но у него военная профессия другая — лётчик-истребитель. И отчество не Григорьевич, а Александрович. Уроженец деревни Семibrатское Коломенского уезда (ныне района) стал кавалером Золотой Звезды в боях под Москвой. А 24 августа 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР был награждён второй медалью «Золотая Звезда». В честь прославленного земляка в деревне Семibrатское и в Коломне названы улицы, в сквере имени В.А. Зайцева установлен бронзовый бюст, на здании цеха на заводе, где он когда-то работал, открыта мемориальная доска, посвящённая лётчику-асу, дважды Герою Советского Союза.

ТЕМЫ для краеведческих поисков порою возникали неожиданно. За долгую поисково-исследовательскую работу их накопилось немало. Показательна в этом плане вот такая.

Работа в редакции дала возможность вникнуть во многие вопросы жизни города, познакомиться с интересными людьми и узнать немало любопытного из истории родного края, о биографиях земляков. Нередко спрашивал себя: «Почему так несправедливо порою происходит? Об одних событиях и людях хорошо известно, вся пропагандистская работа строится, ведётся вокруг них, а другие жизненно важные моменты истории замалчиваются или преподносятся в искажённом виде».

Можно ли как-то исправить положение? Пришёл к мнению, что можно. Что было в моих силах? Имел право выступать в газете. Нередко убеждался, что газетное слово имело большой вес.

Жил я многие годы в старой части Коломны — на посаде, в кремле. Хорошо знал улицу Комсомольскую. Был убеждён, что название у неё такое чуть ли не с самого существования Советской власти. И был немало удивлён, когда узнал, что не одно десятилетие она именовалась Репинской. А в октябре 1921 года её переименовали в Красную. Но зачем? Вроде бы как нельзя более подходящее название к революции — Красная.

Как-то разговорился с одним старожилом и задал не дававший покоя вопрос. Услышал неожиданное:

— Эта улица одно время, правда, довольно короткое, называлась улицей Димитрова. В тридцатые годы.

Уточняю:

— А почему вы произнесли фамилию ДимитрОв с ударением на третьем слоге? Ведь фамилию известного борца против фашизма Георгия Димитрова принято произносить с ударением на второй слог — ДимИтров. — Я был уверен, что улицу называли в честь болгарского революционера.

— Не знаю, но, как мне помнится, улица эта была названа не в честь Георгия Димитрова.

А в честь кого же? Теперь стал мучить новый вопрос. Разгадку услышал от генерал-майора артиллерии Анатолия Ивановича Малофеева. Его

детство и юность прошли в Коломне, в 1930-е годы он служил командиром в 108-м артиллерийском полку, который дислоцировался в нашем городе. Выйдя в отставку, А. И. Малофеев жил в Москве, но часто приезжал в Коломну и стал инициатором создания совета ветеранов этой воинской части и других артиллерийских полков, которые были сформированы на базе 108-го. А. И. Малофеева избрали председателем совета ветеранов, и он развернул активную деятельность, в том числе стал проводить встречи бывших сослуживцев. Нередко заходил в редакцию газеты, где мы и познакомились.

Генерал увлечённо рассказывал об однополчанах. И я услышал много интересного о бывшем командире 108-го артиллерийского полка полковнике Василии Ивановиче Димитрове. Родился он 18 июля 1891 года в Бесарабии в крестьянской семье. По национальности — болгарин. Родным языком считал русский, хотя хорошо владел и болгарским. Участвовал в Первой мировой войне, в Гражданской в составе Красной Армии. Был награждён двумя орденами Красного Знамени. Семь лет командовал 108-м артиллерийским полком, который стал одним из лучших в Московском военном округе. Его заслуги были высоко оценены. 14 мая 1936 года В. И. Димитров был награждён орденом «Знак Почёта». Василия Ивановича избрали депутатом Коломенского городского Совета, членом бюро горкома ВКП(б). В 1936 году он добровольцем отправился в Испанию, где вспыхнул фашистский мятеж, и там погиб 30 декабря 1936 года. Постановлением ЦИК СССР был награждён орденом Красного Знамени. Четыре ордена в то время имели очень немногие.

Меня заинтриговала необычная судьба воина-интернационалиста. Встречался с людьми, которые помнили Василия Ивановича, разыскивал документы в архивах. И написал очерк о легендарном человеке. Показал генералу А. И. Малофееву. Тот внёс небольшие коррективы. Я предложил моему полному тёзке: «Анатолий Иванович, давайте под материалом поставим фамилии двух авторов — вашу и мою, ведь я использовал, в первую очередь, ваши воспоминания». На что Малофеев возразил: «Ты столько труда затратил по сбору материала! Это твоя заслуга». Но всё-таки удалось убедить Анатолия Ивановича, что очерк только выиграет, если авторов будет двое. Я написал небольшой врез, который назвал «Герой трёх народов». Вот как он звучал.

«Полковник Димитров... Василий Иванович Димитров, Дмитров, Дмитриев... Так по-разному звучала его болгарская фамилия среди тех, с кем ему пришлось отстаивать завоевания Октябрьской социалистической революции в огне Гражданской войны, тех, кто вместе с ним растил, воспитывал и обучал защитников нашей Родины, укреплял могущество нашей армии.

Один из нас знал Василия Ивановича несколько лет, служил под его началом в 108-м артиллерийском полку. Другой родился, когда полковника Димитрова уже не было в живых, и знает его по сохранившимся в архивах документам да по рассказам коломенцев, помнивших Василия Ивановича как депутата Коломенского городского Совета.

И нас, столь разных по возрасту и по профессии, объединило общее стремление — рассказать коломенцам о человеке, которого чтут в Болгарии, увековечивают память о нём в Советском Союзе и с большой

признательностью вспоминают ветераны народно-революционной войны в Испании, куда он уехал добровольно, предложив свои знания и опыт артиллериста бойцам-антифашистам. Он погиб на боевом посту.

А. МАЛОФЕЕВ,

генерал-майор артиллерии в отставке.

А. КУЗОВКИН,

литсотрудник «Коломенской правды»».

Очерк получился объёмным. Редактор посоветовал поделить на три части. И в трёх номерах газеты: от 28 февраля, 3 и 4 марта 1970 года — материал был опубликован.

Приятно было получить большое количество писем с благодарностью за рассказ о человеке, имя которого официальные лица постарались вычеркнуть из истории Коломны.

Уже после публикации я обнаружил в фондах Центрального государственного архива Московской области любопытные документы.

В протоколе № 2 заседания президиума Коломенского городского Совета РК и КД от 24 января 1937 года было записано:

«...п. 1. Об увековечивании памяти полковника В. И. Димитрова.

Учитывая долголетнюю службу тов. В. И. Димитрова в рядах доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии и то, что т. Димитров за героизм на фронтах Гражданской войны был награждён трижды орденами Красного Знамени и орденом «Знак Почёта» в мирное время, его службу в Н-ском полку в городе Коломне, от которого он, будучи избран депутатом городского Совета, показал образцы внимательного отношения к советской работе,

1) Увековечить память полковника В. И. Димитрова путём присвоения его имени улице Красной и средней школе № 22.

2) Удовлетворить ходатайство общественных организаций завода им. В. В. Куйбышева о присвоении имени В. И. Димитрова вновь строящемуся детскому саду.

3) Поручить провести в жизнь данное постановление в срок до 15 февраля 1937 г.: тт. Доценко — завод им. Куйбышева, Новикову — зав. горно, Смирнову — отдел благоустройства горкомхоза».

Обратил внимание: в документе имелась неточность. За мужество, проявленное в Гражданскую войну, В. И. Димитров был награждён двумя орденами Красного Знамени, а не тремя. Но в тот период участие советских граждан в войне в Испании на стороне республиканцев было засекречено, поэтому и не указали в протоколе об этом.

Ещё один документ, имеющий отношение к В. И. Димитрову, датирован 3 февраля 1937 года. Это протокол № 1 заседания пленума Коломенского городского совета РК и КД. На нём было принято решение об утверждении решения президиума горсовета от 24.01.1937 г. об увековечивании памяти полковника тов. В. И. Димитрова. Было указано: «Поручить президиуму данное решение провести в жизнь в срок до 15 февраля 1937 г.».

11 марта 1937 года состоялось очередное заседание пленума Коломенского городского совета РК и КД. В порядке дня третьим стоял вопрос об отводе из состава пленума Коломенского городского Совета членов,

выбывших по различным причинам из пределов города Коломны. В списке 55 человек. 54-м указан Димитров В. И.: «108-й полк. Считать выбывшим вследствие смерти».

В газете «Красная звезда» 18 января 1937 года был напечатан некролог «В. И. Димитров», подписанный Будённым, Беловым, Осепяном, Левичевым и другими видными военачальниками.

Урну с прахом В. И. Димитрова доставили в Москву. Похороны состоялись на Новодевичьем кладбище. На похороны от Коломны ездил делегация.

Прошло несколько месяцев. Развернувшиеся в стране репрессии коснулись и армию. В 108-м арtpолку были осуждены некоторые командиры. Многие из подписавших некролог В. И. Димитрову военачальников расстреляны. Нашлись люди, которые попытались очернить и Василия Ивановича, «пришить» ему связь с «врагами народа». Местные власти поспешили отменить решение президиума Коломенского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 24 января 1937 года. Фактов, порочащих В. И. Димитрова, в горсовете не было, но повод нашли. Вот что удалось прочитать в протоколе № 23 заседания президиума горсовета от 23 августа 1938 года (ЦГАМО. Ф. 2484. Оп. 1. Д. 262. Л. 352).

«Об упорядочении наименования улиц и нумерации домов в связи с подготовкой к Всесоюзной переписи населения.

...Улицу Димитрова переименовать в ул. Комсомольскую».

И никаких объяснений. Вскоре и школу № 22 переименовали, стала она называться школой имени Н. К. Крупской. С детским садом дело обстояло проще — его к этому времени ещё не построили.

Хотелось до конца разобраться в посмертной истории, имеющей отношение к В. И. Димитрову. Дважды посылал запросы в Прокуратуру СССР. 11 декабря 1968 года пришёл ответ за подписью прокурора отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности старшего советника юстиции Шарутина:

«Сообщаю, что никаких компрометирующих Димитрова В. И. материалов, а также и материалов о его реабилитации в органах Прокуратуры и Комитета госбезопасности не имеется».

Вот такой чёткий и однозначный ответ.

После первой публикации о Василии Ивановиче поиск материалов о нём продолжал. И в «Коломенской правде», и в других газетах, в книгах печатал очерки. И испытывал удовлетворение от того, что мой труд помог вернуть Коломне имя человека, всю жизнь бескорыстно служившего народу, мужественного воина-интернационалиста.

В ПЛЕНУ безвестности, но уже совершенно по другим причинам, много лет находились некоторые коломенцы, которыми можно было и нужно было гордиться, восторгаться их делами и заслугами. Но их имена держались в тайне.

И всё же иногда информация, хотя и скудная, просачивалась. Когда что-то узнавал, так и подмывало рассказать землякам. Но над этими людьми довлел гриф «секретности», и ни о какой публикации не могло идти и речи.

Приходилось слышать о станковом пулемёте СГ-43. Но что сконструировал его наш земляк, мне не было известно.

В конце 1960-х годов разговорился как-то с инструктором горкома партии Л. Н. Савтенко, который несколько лет работал секретарём парткома в совхозе «Проводник». Поинтересовался, нет ли среди выходцев из деревень Федосьинского куста кавалеров Золотой Звезды?

— О таких людях ничего не знаю, — однозначно ответил Леонид Николаевич, — а вот о том, что известный конструктор Пётр Горюнов родом из наших мест, слышал.

— Конструктор? А в какой области работал?

— Оружейник. Создал станковый пулемёт. О нём, по-моему, ребята из Федосьинской школы собирали материалы.

Позвонил в школу, но выяснил мало утешительного. Действительно, услышав, что уроженец этих мест — известный конструктор, школьники загорелись, но так же быстро и охладели. Никаких материалов о П. М. Горюнове нет. Однако подсказали, что в Коломне живут родственники Петра Максимовича, а один из них работает вроде бы лесником.

Навожу справку в мехлесхозе.

— Горюнов работает в Яшкинском лесничестве. Звать его Иваном Михайловичем. А вот родственник ли он конструктору? Да вы созвонитесь с ним, с утра он всегда в конторке бывает.

На следующее утро звоню. «Горюнов слушает», — доносится из трубки. Стараюсь покороче объяснить причину, побудившую побеспокоить.

— Да, Пётр Максимович Горюнов — мой дядя родной. А помощником у него был Михаил Михайлович Горюнов, это мой брат родной. И дядя, и брат родились в деревне Каменке, за создание пулемёта стали лауреатами Государственной премии, тогда она ещё Сталинской называлась.

Потом была встреча с И. М. Горюновым у него дома в Городищах. Разговорились о семье, о Петре Максимовиче.

Запросил Всесоюзную книжную палату. Главный библиограф Е. Зенцова назвала книги, где есть сведения о конструкторе, статьи в периодической печати.

В Москве в военном отделе библиотеки имени В. И. Ленина познакомился с опубликованными материалами. Насторожила некая разноречивость сведений.

В первую очередь прочитал и переписал в тетрадь текст некролога «П. И. Горюнов», который был опубликован в главной газете страны, «Правде», 25 декабря 1943 года. Напечатан он был сверху в последней колонке четвёртой полосы:

«23 декабря скоропостижно скончался конструктор-изобретатель завода Наркомата вооружения тов. Горюнов Пётр Максимович.

Тов. Горюнов родился в семье крестьянина в 1901 году. С детских лет стал работать на производстве сначала в качестве ученика, затем слесаря и техника.

Конструктор-самородок, тов. Горюнов, наделённый от природы пытливым творческим умом и большими способностями, упорный в труде, в последние годы целиком отдаётся изобретательской работе.

Горячий патриот Родины, тов. Горюнов в дни Отечественной войны упорно работает над созданием нового образца вооружения и успешно

завершает эту работу, обогатив нашу боевую технику новым совершенным оружием.

Смерть преждевременно оборвала в полном расцвете сил кипучую жизнь Петра Максимовича Горюнова. Наша Родина потеряла в его лице верного сына и талантливого изобретателя. Светлая память о Петре Максимовиче Горюнове сохранится в сердцах всех знавших его и работавших с ним товарищей».

Под некрологом подписались 18 человек, имеющих прямое отношение к созданию оружия для Красной армии.

Обратил внимание, что место рождения П. М. Горюнова, как и место его работы не названы. Как не названо конкретно и то оружие, которое создал П. М. Горюнов. Это вполне объяснимо. Шла война, многое было засекречено.

Подумалось, в послевоенных публикациях наверняка найду какие-то более конкретные сведения. И не ошибся. Но то, что вычитывал, порою друг другу противоречило.

В книге Д. Н. Болотина «Советское стрелковое оружие за 50 лет» (Ленинград, 1967 г.) место рождения П. М. Горюнова не указано, а датой рождения назван 1902 год.

Знакомлюсь со статьёй «Советский станковый пулемёт П. М. Горюнова», опубликованной в журнале «Военный вестник» № 16 за 1950 год. Её автор, инженер-майор В. Зайцев, сообщает: «П. М. Горюнов (1902—1943 гг.) родился в семье малоземельного крестьянина Владимирской области. Тяжёлая жизнь бедняка в царской России, постоянная нужда и забота о куске хлеба заставили его с детских лет покинуть родную деревню и уйти в город на завод». Сразу возникло несколько вопросов. Почему названа Владимирская область? А какое название деревни? На какой завод он поступил работать?

Кое-что прояснила статья А. Казакова «Воплощённая мечта», напечатанная в журнале «Техника и вооружение» № 10 за 1965 год. Читаю: «Ведь Петру Горюнову не пришлось получить образования. Он кончил лишь 3 класса сельской школы, а когда в 1912 году умер отец, пошёл работать на Коломенский завод, где выучился слесарить». Под снимком, напечатанном в журнале, приведены даты жизни: 1902—1943 гг.

Шли годы. В различных издательствах выходили книги, в которых рассказывалось о замечательном конструкторе-самородке. В 1976 году увидел свет второй том «Советской военной энциклопедии». На 617-й странице приведена биографическая справка. В скобках указано: «1902, д. Каменка, ныне Коломенского р-на Московской обл., – 23.12.1943, Ковров». И далее говорится: «Трудовой путь начал слесарем на заводе в г. Коломне».

Вопросов о месте рождения конструктора нет. А вот полная дата рождения не указана, по всей вероятности, по той причине, что авторы не располагали точными сведениями.

Пришлось заняться выяснением. К сожалению, в районном архиве не полностью сохранились церковные книги, где велись записи о родившихся. Нет таких книг за 1901 и 1902 годы по Каменке и соседним с нею деревням. На тепловозостроительном заводе в архиве удалось обнаружить трудовую карточку, в которой записано, что П. М. Горюнов родился в 1901 году в с. Каменке Коломенского уезда Федосьинской

волости. И вновь лишь только год назван. Точно такой же, какой и в некрологе.

С большой надеждой ждал ответа на письмо-запрос, отосланное в город Ковров Владимирской области на завод имени В.А. Дегтярёва. Сотрудники музея истории предприятия сообщили: «Нам удалось разыскать дату рождения Петра Максимовича Горюнова. В архивах нашего завода хранится его личное дело. Горюнов П.М. родился 2 февраля 1901 года в деревне Каменке Жуковского с/с Коломенского района Московской области».

Теперь с полным основанием можно сказать, что в «Советской военной энциклопедии», в «Советском энциклопедическом словаре», в энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945», в «Большой советской энциклопедии», в других солидных изданиях неверно и неполно названа дата рождения П.М. Горюнова.

Окончив Павлеевскую сельскую начальную школу, Горюнов поступил учеником слесаря на Коломенский машиностроительный завод. Пять лет служил в Красной армии, участвовал в Гражданской войне, был пулемётчиком. В 1923 году вернулся на завод. Работал слесарем в судостроительном цехе и в вагонно-слесарно-сборочном цехе. В 1930 г. переехал в г. Ковров Владимирской области, где работал слесарем, потом отладчиком на оружейном заводе под руководством известного конструктора В.А. Дегтярёва. Занимался и разработкой собственной конструкции — ручного пулемёта. Была сделана опытная серия.

Узнав о том, что объявлен конкурс на создание станкового пулемёта, П.М. Горюнов решил изготовить свой образец. 14 мая 1943 года после всесторонних испытаний пулемёт был принят на вооружение под наименованием «7,62-мм станковый пулемёт системы Горюнова обр. 1943 года (СГ-43)». На завершающем этапе Великой Отечественной войны пулемёт П.М. Горюнова поступил в войска и получил высокую оценку солдат.

Заслуги П.М. Горюнова были высоко оценены. Он был награждён орденами Ленина, «Знак Почёта», удостоен Сталинской премии.

Мои очерки «Самородок», «Талант, помноженный на труд» и другие донесли до коломенцев сведения о талантливом земляке, оставившем заметный след в истории страны.

Когда в 1968 году встал вопрос о переименовании ряда улиц в городе, носящих одинаковые названия, редакция газеты высказала предложение переименовать улицу Павлова в Коломне на улицу имени Горюнова. Такое решение было принято 1 ноября 1968 года исполкомом Коломенского городского Совета депутатов трудящихся. Находится улица Горюнова недалеко от Малинского шоссе, ведущего в сторону деревни Каменки — родины Петра Максимовича Горюнова.

А летом 2015 года приятная весть пришла из города Коврова. Там на улице Лепсе на доме, где жил П.М. Горюнов, открыта в память о нём мемориальная доска.

Работая в газете, продолжал узнавать о земляках, чьи имена не были широко известны коломенцам, но которые оставили заметный след в жизни и развитии Коломны и даже более того — всей страны. Собирал материалы с большим трудом, буквально по крупицам. Но, в конце концов, удавалось вырывать имена из плена безвестности.

Характерна в этом отношении следующая история.

В Москве в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР не раз встречал фамилию коломенца Владимира Николаевича Максимовского. А потом в Ленинской библиотеке увидел эту фамилию как автора одной из книг. Заказал, прочитал...

С 1933 года по инициативе Максима Горького в нашей стране стали выходить книги в серии «Жизнь замечательных людей», которая по сей день пользуется вниманием читателей.

В 1936 году в серии увидела свет документальная историческая повесть «Кола ди Риенцо» — об итальянском политическом деятеле и гуманисте XIV века. Вождь антифеодального восстания пополанов (торгово-ремесленных слоёв, объединённых в цехи) в 1347 году, он стал главой Римской республики. Политическим идеалом Кола ди Риенцо было объединение Италии под главенством Рима.

Написал повесть Владимир Николаевич Максимовский. Готовясь к работе, тщательно изучил источники на итальянском, французском и немецком языках.

Однако недолго имелась эта книга в библиотеках. По указанию соответствующих организаций её изъяли, так как автора арестовали и осудили, объявив врагом народа. И лишь только после 1955 года, когда В. Н. Максимовский был посмертно реабилитирован, в крупные библиотеки страны из спецхрана возвратили экземпляры повести.

С конца 1950-х годов фамилия Максимовского постепенно стала возвращаться в труды по истории КПСС, истории Советского Союза.

Упоминали о нём и коломенцы — участники революционных событий начала XX столетия в нашем городе.

Как-то мне в руки попал издававшийся в Коломне журнал «Наковальня». В одиннадцатом номере за 1924 год были напечатаны воспоминания Г. Юмашева «Коломенская коммуна 1905 года». И вновь встретил фамилию Максимовского. В Москве в публичной исторической библиотеке познакомился с книгой «Большевики Москвы. 1905», которая была издана в 1925 году. На страницах 111—112 там напечатана биография Владимира Николаевича Максимовского. В ней говорилось: «Родился в 1887 г. Вошёл в соц.-дем. организацию большевиков в Коломне с 1903 года, будучи гимназистом и ведя работу среди учащихся. В начале 1905 г. был помощником секретаря Коломенской организации и заведовал складом нелегальной литературы. С ноября 1905 г. руководил соц.-дем. организацией учащихся в Коломне и проводил декабрьскую забастовку. После подавления восстания в конце декабря 1905 г. вошёл в состав Коломенского к-та РСДРП(б), работая в качестве организатора подрайона. В 1906 г. был за границей и работал в Женевской группе, в 1907–8–9 гг. с перерывами был членом Московского Окружного Комитета РСДРП большевиков, работая ответственным организатором Коломенской организации». И дальше говорилось о той большой работе, которую вёл В. Н. Максимовский до событий 1917 года и после установления советской власти. Его избирали членом Московского областного исполкома и Московского областного бюро партии, членом ВЦИК с V по XI съезд, секретарём ЦК РКП(б).

В 1929 году вышел из печати четвёртый том Малой советской энциклопедии. На стр. 822—823 помещена статья, посвящённая В. Н. Максимовскому. В основном, повторяются сведения, приводимые в книге «Большевики Москвы. 1905». В последнем абзаце сообщается: «В 1921 — зам. пред. Главполитпросвета, в 1922 — член коллегии Наркомпроса, с 1925 — декан экономич. факультета Тимирязевской с.-х. академии и член президиума Ком. академии».

Нужно разыскать людей, помнивших В. Н. Максимовского. Такую задачу я поставил перед собой. И удалось найти знавших Владимира Николаевича и его родственников. Много полезного узнал от Нины Николаевны Балтиной, которая работала в Коломенском пединституте преподавателем физической культуры. Помогла ветеран педагогического труда Надежда Ивановна Хлебникова. Некоторые сведения получил от других неравнодушных земляков. И вот в блокноте появился номер телефона сына Владимира Николаевича, который жил в Москве. Созваниваюсь. Договариваюсь о встрече. Николай Владимирович подробно объясняет, как добраться до дома, в котором живёт.

Встреча была долгой. Я уехал в Коломну обогащённый не только увлекательными рассказами хозяев — Анны Степановны и Николая Владимировича Максимовских, но и документами, фотоснимками.

Прошло несколько месяцев. И вот, наконец-то, смог отправить в Москву Максимовским заказную бандероль. В письме сообщал:

«Здравствуйте, уважаемые Анна Степановна и Николай Владимирович!

Три месяца я работал над очерком о Владимире Николаевиче Максимовском, а вернее — только по выходным, так как в будние дни основная работа ответственного секретаря редакции не оставляет свободного времени для творчества. Посидел я в Ленинской и Исторической библиотеках, порылся в книгах, выискивая всё, что касается В. Н. Максимовского. По крохам удалось набрать материала. А главное, конечно, беседа с вами. Ещё раз большое Вам спасибо за рассказ, за отзывчивость, за помощь.

Высылаю Вам на память газету «Коломенская правда» за 25, 27, 28 января и 1, 3 февраля с. г. (в пяти экземплярах — вам и сыновьям). Буду рад узнать Вашу оценку моего труда.

Сердечно поздравляю Вас с приближающимся праздником — Днём Советской армии и Военно-Морского Флота.

С уважением А. Кузовкин.

11 февраля 1989 года.

г. Коломна».

Вскоре получил ответное письмо со словами благодарности за рассказ о земляке — талантливом человеке, безвинно пострадавшем и погибшем в ноябре 1941 года в ссылке в Казахстане.

18 лет его имя сознательно и старательно вычёркивалось из истории города и страны. Лишь в августе 1955 года дочь В. Н. Максимовского получила официальный документ из Прокуратуры СССР. Прокурор отдела по п/п спецотделам, советник юстиции Курилин уведомил: «Сообщаю, что по протесту Прокуратуры СССР определением Верховного суда СССР от 24.VIII с. г. дело, по которому в 1937 году обвинялся Ваш отец — МАКСИМОВСКИЙ В. Н., прекращено за недоказанностью обвинения.

МАКСИМОВСКИЙ реабилитирован».

Содержание этого документа долгое время знали только в семье Владимира Николаевича. После моего обстоятельного рассказа «Неизгладимый след», опубликованного в пяти номерах «Коломенской правды», о судьбе земляка стало известно тысячам коломенцев. Ведь тираж газеты в то время составлял 43 400 экземпляров.

Я выполнил свой долг — не допустить забвения.

ПРИХОДИЛОСЬ (и нередко) заниматься работой по установлению правильности датировки того или иного события.

С ранних детских лет, с послевоенного времени помню стихотворение Янки Купалы «Белорусским партизанам» — учили в начальной школе:

*Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте врагов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору чёрных псов войны!*

В военные годы его напечатали многие центральные и белорусские газеты, издавались отдельные листовки, оно звало народ к борьбе, к победе над фашистами.

Спустя много лет, работая в редакции газеты «Коломенская правда», я неожиданно вновь перечитал стихотворение и задался целью уточнить, когда и где оно было написано.

374

Толчком послужил разговор с бывшими работниками газеты журналистами Дмитрием Дмитриевичем Кузнецовым и Петром Порфирьевичем Шугаевым. Они вспомнили, что в первую военную осень в Коломне жил Янка Купала (настоящие имя и фамилия — Иван Доминикович Луцевич), что он приходил в редакцию и якобы в те дни написал ставшее широко известным стихотворение.

Так ли это? Сохранились ли какие материалы, подтверждающие воспоминания ветеранов-журналистов?

Начал с просмотра подшивки газеты «Коломенский рабочий». Листаю страницу за страницей: июнь, июль, август, сентябрь. Номер за девятнадцатое число. На четвёртой полосе в центре напечатана небольшая заметка. Бросается в глаза заголовок: «Янка Купала в редакции “Коломенского рабочего”». Читаю:

«18 сентября редакцию газеты «Коломенский рабочий» посетил народный белорусский поэт, орденосец Янка Купала.

В тёплой дружеской беседе с работниками редакции поэт поделился своими переживаниями.

Поэт видел разрушения, причинённые немцами столице советской Белоруссии — Минску. Несмотря на то, что в Минске у него погибли рукописи, ценный литературный архив, накапливаемый в течение 35 лет, поэт полон творческих сил и замыслов».

Вот такое краткое первое и последнее упоминание о пребывании в нашем городе Янки Купалы. В областной газете «Московский большевик» вообще ничего не нашёл...

Накануне 800-летнего юбилея Коломны (в 1977 году) разговорился с приехавшим из Москвы Михаилом Кирилловичем Плужниковым,

бывшим в войну первым секретарём Коломенского горкома партии, о событиях осени 1941 года, поинтересовался и Янкой Купалой. В ответ услышал: «Да, жил он тогда в Коломне у своего друга, который работал лесничим, встречался с коломенцами. Я с ним вместе был на Коломзаводе на митинге, в цехе паровозной сборки». А в следующий приезд М. К. Плужников показал фотоснимок, сделанный на митинге. За столом сидят справа Плужников, в центре — Янка Купала. Дату Михаил Кириллович не помнил.

Пришлось обратиться за помощью-консультацией к известному коломенскому историку-краеведу К. В. Ростовскому. Через день Константин Васильевич сообщил: «Встреча в цехе паровозной сборки состоялась в субботу 20 сентября».

А где провёл поэт 19 сентября? Чем занимался? Ответы на эти вопросы удалось найти спустя годы.

Продолжал просматривать газеты, журналы, книги. И интересная картина открылась. Разные авторы, ведя разговор о стихотворении «Белорусским партизанам», называли время его создания в границах осенних месяцев 1941 года. Журналист А. Гришин в статье «Встречи на Чёрной речке» («Коломенская правда» от 16 сентября 1967 года) рассказывает, что Янка Купала гостил у лесничего Николая Игнатьевича Шиманского. Приводит слова Шиманского: «Последний приезд Янки Купалы на Чёрную речку был неожиданным в конце октября 1941 года... В мурое ноябрьское утро проводили Янку Купалу в дорогу, туда, где было его правительство, где ждало его дело. Именно в те дни он написал своё знаменитое стихотворение “Белорусским партизанам”».

Значит, октябрь — ноябрь.

В статье «Певец народной мечты» (журнал «Агитатор», № 16, 1982 г.) на 44-й странице Олег Лойко из Минска пишет: «В Чернорецком лесничестве под Москвой 17 августа 1941 года Янка Купала написал огненные, пронзительные стихи “Белорусским партизанам”, ставшие и листовками на временно оккупированной белорусской земле, и боевой песней партизан». И тот же автор в своей книге «Янка Купала», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия», по стечению обстоятельств — тоже в 1982 году, приводя основные даты жизни и творчества, сообщает: «Сентябрь, 19. Пишет стихотворения “Белорусским партизанам” и “Грабитель”».

Так в какой же день родились призывные строки?

Ответ получил 14 декабря 1984 года в Минске, в Литературном музее Янки Купалы. Удалось побеседовать с главным хранителем фондов племянницей поэта Ядвигой Юлиановной Романовской и заместителем директора внучкой поэта Жанной Казимировной Дапкюнас. Романовская принесла небольшую папку, склеенную из твёрдого ватмана, открыла и достала два листка, исписанных карандашом.

На жёлто-серой обёрточной бумаге рукою автора чётко выведено:

*Партизаны, партизаны,
Белорускія сыны!..*

Внимательно прочитываю стихотворение. Под последней строкой размашистая подпись: «Янка Купала». А чуть ниже указано место и число:

«Чарнарецкае лясніцтва. 19/IX 1941 г.». Железнодорожная платформа Чёрная (получившая наименование от протекающей неподалёку небольшой речки с таким названием) находится километрах в пятнадцати от Коломны, на полпути к соседнему городу Луховицы.

Так была поставлена последняя точка.

Настоящим кладезем краеведческих сведений был генерал-майор артиллерии Анатолий Иванович Малофеев. Как-то поведал любопытную историю.

Было ему двенадцать лет. Однажды так разболелся зуб, что еле дождался конца занятий в гимназии. Отец, который служил помощником командира полка, расквартированного в Коломне, возвратившись со службы, среагировал мгновенно:

— Нужно проконсультироваться у доктора. Собирайся, пойдём в полк. К нам только что прибыл из Москвы новый врач, он посмотрит.

Идти было недалеко. Минут через пятнадцать мальчик предстал перед пожилым мужчиной, облачённым в белый халат, из-под которого выглядывал китель защитного цвета.

— Проходи сюда, не бойся.

Толя подошёл к доктору, доброе лицо которого успокаивало. Сел на стул.

— Так, так, так, — внимательно вглядываясь в открытый рот, твердил врач, — понятненько. — И, взяв со стола металлическую ложечку с длинной ручкой, постучал ею по одному из зубов.

— О-ой!

— Значит, этот болит?

— Да-а.

— Хорошо, хорошо, хорошо, — как заклинание, твердил врач. — Вот что, молодой человек, посмотри-ка во-он туда, на то дерево за окном, и определи, где сорока свила гнездо.

Толя перевёл взгляд на окно, всматриваясь в желтеющую крону большой липы, и неожиданно почувствовал, как у него во рту что-то хрустнуло.

— Ну, вот и всё. Потерпи ещё немного, вскоре боль стихнет. А это тебе на память, — и врач подал мальчику маленький, поблескивающий эмалью зубик. — Не беспокойся, это молочный, а у тебя вырастет настоящий, крепкий основной...

На следующий день Толя проснулся как ни в чём не бывало. Умывшись и не дожидаясь завтрака, потянулся к яблокам, горкой лежавшим в вазе на столе, однако мама предостерегла:

— Не грызи. Пускай ранка как следует затянется. А антоновку лучше отнеси доктору, поблагодари его.

Вечером отец принёс книжку, на обложке которой мальчик прочитал фамилию автора: В. В. Вересаев. Открыл и увидел портрет человека, который показался знакомым.

— Кто это?

— Писатель, автор книги.

— Я его где-то видел... На писателя очень похож ваш полковой врач.

— Вот он и есть писатель Викентий Викентьевич Вересаев. Это у него псевдоним такой, а настоящая фамилия — Смидович. По образованию и по специальности он врач.

Служить в армии Викентию Викентьевичу Смидовичу пришлось дважды. В июне 1904 года как врача запаса призвали на войну с Японией. Участвовал в боях под Мукденом. В Москву возвратился в начале 1906 года. Второй раз в военную форму облачился с началом военных действий с Германией. Но в боях Первой мировой не участвовал — возраст был уже немалый. Определили Смидовича полковым врачом в запасной пехотный полк, который стоял в Коломне.

Прошло много лет, как услышал рассказ генерала А. И. Малофеева. Вспомнил о нём, когда стал собирать материалы о литераторах, имеющих отношение к Коломне. Решил: по всей вероятности, какие-то документы найду в Москве, в Архиве литературы и искусства СССР. И не ошибся. Там имелся фонд писателя В. В. Вересаева, находились его записные книжки. В них и обнаружил некоторые сведения о пребывании в Коломне.

Каждый вечер Викентий Викентьевич выходил на прогулку в город. А возвратившись, делал краткие записи в тетради — своём дневнике.

«Коломна. Сентябрь. Улицы широкие, плохие. Мостовые с чудовищными выбоинами. Очень много церквей — чудесных, старинного вида; великолепный колокольный звон — удары упругие, чёткие. «Большая улица» идёт прямо, как стрела, в поля, переходя в шоссе. «Застава» — два белых пирамидальных столба с чёрными орлами наверху (как в Туле Киевская «застава»). Мост (за ним часть города наз. «Запрудье» — лесные склады и т. п.), на нём с обеих сторон надписи: «Ввиду ветхости моста гор. Коломны езда шагом. Орудия пропускать по одной» (в гор. стоял артиллерийский дивизион)».

Большая улица (местные жители её ещё называли «Большуха») — это центральная улица Коломны, Астраханская, ныне улица Октябрьской революции. «Запрудье» — это слобода, или, по-нынешнему, микрорайон, к западу от реки Коломенки. В последнее время это место чаще называют Запруды.

Город в то время был купеческим. В его центральной части имелось большое количество различных магазинов, лавок, палаток, и все они пестрели вывесками, которые должны были завлечь покупателей. Писатель отметил в дневнике: *«Вывески всюду беззаботно-безграмотные»* — и в качестве примеров привёл тексты: «Мучная торговля собственного размола», «Лутшии калачи».

Одно обстоятельство поразило Вересаева, и он записал в дневнике: *«Очень много садов (фруктовых), носится запах антоновских яблок. (Всхожу по лестнице во второй этаж, в обществ. библиотеку — чёрное отверстие небольшого окна с резной решёткой над нижней площадкой, из него тянет запахом антоновок)».*

Казалось, весь воздух над Коломной был пропитан духом созревших яблок. Дома утопали в яблоневых садах. Куда ни погляди — всюду висят яблоки: красные, малиновые, жёлтые, зеленоватые, — и от них исходит лёгкий, пьянящий запах.

Вересаев сделал пометки и о памятниках старины: *«Кирпичные башни, четырёхугольные, и стены кремля. Женский монастырь, обнесённый высокою белою стеною с башенками в углах. Много старинных барских домов с колоннами. На площади — каменные «ряды» — теперь зелёные железные двери б. ч. (большей частью — А.К.) на тяжёлых замках. Всюду каменные*

здания с чёрными дырами от окон с проржавевшими крышами, большие тихие дворы, заросшие травой, с низкими надворными каменными постройками. ...На самой возвыш. части города, на большой площади, рядом с церковью Ивана Богослова — белый чан — бак на металлич. подставках — на высоте колокольни, паря над городом».

Писатель сделал эти краткие дневниковые записи о своём впечатлении о Коломне с целью «а вдруг пригодится», и тогда они дадут толчок памяти.

Склонность к чеканным, коротким записям, которые В. В. Вересаев делал в дневниках, со временем отразилась и на его творческой манере — усилилось его пристрастие к лаконичности. Он и сам в этом признавался: *«под старость всё больше... развивается склонность писать афоризмами и очень короткими главками»*.

Викентий Викентьевич в Коломне пробыл недолго. Отсюда его перевели в Москву, где он заведовал военно-санитарным дезинфекционным отрядом московского железнодорожного узла.

Не знаю, использовал ли писатель свои коломенские впечатления или нет, думаю, это специальная тема для исследования.

СЧИТАЮ, краеведы обязаны придерживаться правила: доверяй, но проверяй. Иначе встречавшиеся иногда ошибки, неточности могут быть приняты за норму, а если какие-то непроверенные сведения будут опубликованы, то на эти сообщения последуют ссылки в дальнейшем. Так и пойдут «круги по воде», всё больше расширяясь.

Осенью 1961 года, будучи студентом первого курса историко-филологического факультета, я записался в исторический кружок. Его организовал кандидат исторических наук доцент Григорий Петрович Ефремцев. На первом же занятии услышал от него фамилию «Шервинский». Педагог подчеркнул: «Василий Дмитриевич Шервинский в своё время был хорошо известным врачом. Он владел имением в Черкизове. Это большое село расположено километрах в девяти от Коломны на правом берегу Москвы-реки. Доктор бескорыстно лечил крестьян окрестных сёл, а в Москве — видных людей: писателей, артистов, государственных деятелей и даже первого председателя Совнаркома Российской Федерации Владимира Ильича Ленина».

Года через полтора после окончания вуза мы с женой случайно встретили Г. П. Ефремцева. Он поинтересовался нашей работой: «Анатолий, по публикациям в газете чувствую, вы всерьёз занялись освещением проблем сельского хозяйства (я в то время работал корреспондентом сельскохозяйственного отдела). А что же историю, по боку? Забыли, что вы историк по образованию?» — «Нет, не забыл, Григорий Петрович, готовлю подборки материалов «Край родной». — «Читаю. Интересно. Но нужно бы поглубже освещать некоторые вопросы. И село не забывать, уж коль вы в сельхозотделе трудитесь. История коломенских сёл очень интересная». — И, переведя взгляд на жену, спросил: «А вы где работаете?» — «Учителем в Черкизовской восьмилетней школе».

Григорий Петрович оживился: «Великолепное место. Богатейшая история у села! А какие замечательные люди связаны с Черкизовым! Я слышал, что там на кладбище похоронен профессор медицины Шервинский, рассказывали, что он лечил самого Ленина. Займитесь, выясните».

Так я вновь услышал от Г. П. Ефремцева эту фамилию.

Жена Алевтина Александровна Кузовкина дала задание ученикам своего класса спросить у родителей, что они знают о враче Шервинском. Сведения, которые сообщили ребята, оказались скудными: была усадьба недалеко от погоста Старки, от того места, где находится действующая Никольская церковь, а профессор умер осенью 1941 года и вроде бы похоронен на черкизовском кладбище.

Я приехал в Черкизово, занялся обследованием погоста. Обошёл всё кладбище, но могилу с памятником, на котором была бы написана разыскиваемая фамилия, не встретил.

Предпринимал попытки найти что-то. Рассуждал так: если профессор действительно лечил вождя, то какие-то сведения должны иметься в Москве: в Центральном музее В. И. Ленина, Музее революции, Институте марксизма-ленинизма. Посетил, но безрезультатно: в картотеках фамилия Шервинского не значилась.

Горящие газетные дела и другие темы отодвинули исследование о профессоре Шервинском как бы на второй план.

В конце 1960-х годов редакция газеты подключилась к объёмной работе, связанной с подготовкой к 800-летию юбилею Коломны. У меня созрела мысль создать биографический словарь «Ими гордится Коломна». И в 1977 году работа шла уже полным ходом. Начиная с лета, в каждом номере газеты печатались подборки словаря.

Потребовалось уточнить некоторые данные об уроженке села Щурова лауреате Государственной премии драматурге Валентине Александровне Любимовой. В районной библиотеке взял библиографический словарь «Советские детские писатели», сделал выписку о Любимовой и случайно на 403-й странице обнаружил информацию: «Шервинский Сергей Васильевич (28 октября 1892 г.) родился в Москве в семье профессора медицины». Кольнула догадка: «А может, этот детский писатель — сын Василия Дмитриевича Шервинского, о котором несколько лет назад я пытался кое-что выяснить?»

Книга вышла в Детгизе в 1961 году. Прошло 16 лет. Жив ли писатель? Если жив, то необходимо его разыскать.

Вспомнил, что как-то в разговоре наш коломенский поэт Александр Фёдорович Кирсанов, который часто заходил в редакцию, сказал, что у него имеется адресный справочник членов Союза писателей СССР. Звоню ему, объясняю причину. И буквально через минуту получаю московский домашний телефон Сергея Васильевича Шервинского.

Не мешкая, позвонил в Москву. Трубку взял Сергей Васильевич. Я рассказал, в чём дело, и услышал подтверждение, что, действительно, его отец Василий Дмитриевич Шервинский имеет отношение к селу Черкизову.

Договорились, что встретимся через день — в воскресенье, 8 мая 1977 года.

Приехал в Москву пораньше: всякое может случиться в пути, а опаздывать нельзя, такое уж я выработал для себя правило.

Большой дом № 38 по Фрунзенскому валу нашёл быстро, следуя объяснению Сергея Васильевича: «Встаньте спиной к главному входу на Новодевичье кладбище, налево будет магазин «Берёзка», а справа от него — торец дома, в котором я живу».

Ровно в час дня, как и договаривались, подошёл к двери квартиры. Нажал на кнопку звонка. Звук резкий, громкий. Слышу за дверью шаги. Дверь приоткрылась сантиметров на двадцать, больше не пускала цепочка, и я увидел пожилого сухопарого мужчину чуть выше среднего роста.

— Кузовкин Анатолий Иванович? — негромко спросил он.

— Да. Здравствуйте, Сергей Васильевич.

— Здравствуйте! — он распахнул дверь. — Проходите, проходите, — и показал рукой на открытую из коридора дверь в комнату налево.

Я прошёл и невольно остановился. Не жилая комната, а музей. Шкафы, полки с книгами. На стенах в золочёных рамах — картины старых мастеров.

— Садитесь, пожалуйста, — Сергей Васильевич указал на кресло. Себе пододвинул другое.

Я сел возле стола, заваленного книгами. Между ними стояла пишущая машинка в футляре.

— Ну-с, с чего начнём? — И сам же предложил: — Знаете давайте как сделаем. Вы задавайте вопросы, что вас интересует, а я постараюсь ответить. А то как-то трудно сразу сосредоточиться, собраться с мыслями...

— Хорошо. Но вначале, пожалуй, я вам расскажу о том, как удалось вас найти...

Беседа увлекла обоих. Услышал много любопытного о семье русских интеллигентов Шервинских, о том, как они оказались в Черкизове, в той части села, которая называется Старки, о коломенских докторях, о замечательных людях, гостивших в имении. В том числе там бывала Анна Андреевна Ахматова, а однажды она в сопровождении С. В. Шервинского и Л. В. Горнунга совершила поездку в Коломну.

Прошу разрешения сфотографировать Сергея Васильевича. И на фоне одной из картин делаю два кадра.

Когда Сергей Васильевич услышал, что в Коломне бытует версия, что Василий Дмитриевич Шервинский якобы лечил Ленина, уточнил:

— Знаете, Ленина он не лечил, не приходилось. А вот многих известных людей довелось наблюдать, и они были очень благодарны отцу. Например, Алексей Максимович Горький. Да, да, Горький, — в ответ на мой вопросительный взгляд повторил собеседник. — Анатолий Васильевич Луначарский. Председатель ОГПУ Менжинский. Но это уже в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Менжинский был его постоянным пациентом. Когда Вячеслав Рудольфович тяжело заболел, у него спросили: «Может быть, вы хотите проконсультроваться с кем-то из западных светил?» — «Нет, мне кроме Василия Дмитриевича никого не нужно».

Я много слышал от отца о связях его с крупными представителями литературы и искусства. Он лечил Владимира Владимировича Маяковского — это не очень удивительно. Но отец лечил и Ивана Сергеевича Тургенева в Париже, куда был командирован от Московского университета для совершенствования образования. Когда Тургенев узнал, что в Париж приехал русский доктор, пожелал встретиться и получить от него помощь.

Отец лечил многих артистов, таких корифеев Малого театра, как Ленский, Федотов, Южин, Ермолова, а потом — Станиславского, Москвина — это уже представители Художественного театра.

Сергей Васильевич некоторое время посидел в задумчивости:

— Я очень обязан отцу. За то, что дал мне прекрасное образование, создал хорошие культурные условия. Он не был назойлив, не подсказывал, какую специальность избрать — наставлял действовать по собственному разумению.

У него была замечательная черта — с уважением относился к любому человеку, из какого бы сословия тот ни происходил. И давал советы не только узко медицинские, но и жизненные. Доверие, доброта, участие в судьбе пациента... Кстати, никогда не брал денег за консультации... Эти качества отца люди ценили.

Я поинтересовался, сколько лет Василий Дмитриевич Шервинский был связан с черкизовским именем?

— Имение отец приобрёл в 1892 году. Как правило, семья жила там с весны до осени. Случалось, и зимой наезжали. И умер он там в ноябре 1941 года. Обстановка-то какая сложная была тогда! Бои рядом шли, под Каширой, хорошо слышна была канонада. И из Москвы на похороны смог приехать лишь один профессор Бурмин. Даже мой старший брат Евгений не смог добраться.

— А похоронили Василия Дмитриевича на черкизовском кладбище?

— Да, был там погребён. Наш старый сторож сделал простой крест, его и установили на могиле. А в 1962 году мы перенесли прах на Новодевичье кладбище в Москву. Здесь и Евгений похоронен, он умер в 1942 году...

Два сына было у Василия Дмитриевича и Анны Михайловны Шервинских. Старший, Евгений, выучился на архитектора, стал членом-корреспондентом Академии архитектуры (по его проекту построена школа в Черкизове). Младший, Сергей, известный писатель, блестящий переводчик с древнегреческого и латинского, с армянского, бурятского и многих других языков.

В летописи Коломенского района отмечено 28 октября 1988 года. В тот день в торжественной обстановке, в присутствии юных жителей Черкизова и ближайших сёл, старожилов этих мест, почётных гостей из Москвы, Коломны, Песков была открыта мемориальная доска на здании бывшей Черкизовской школы. На серо-розовом карельском граните выгравированы блистательные имена людей, которые известны не только в нашей стране.

На торжество не смог приехать из Москвы 96-летний Сергей Васильевич Шервинский. Но были здесь две его дочери и внучка. Старшая дочь, Екатерина Сергеевна Дружинина, поделилась воспоминаниями о том периоде, когда жила здесь, о встречах с интересными людьми и выразила сердечную благодарность за увековечивание памяти дорогих ей людей.

Я рассказал далеко не обо всех проведённых мною краеведческих исследованиях. За шесть десятилетий занятий этим многотрудным делом убедился, что оно требует немалых усилий. Увлечение — вот что необходимо краеведу. Меня заинтересовывает процесс поиска. Если что-то нахожу, то так и хочется вскочить и заявить: нашёл! И радуюсь, если имею возможность рассказать об этом коломенцам.

В истории Коломны немало так называемых «белых пятен». Кое-какие из них мне удалось ликвидировать. Восстановил из небытия имена многих земляков, достойных памяти.

Но, к сожалению, столько ещё непознанного. Есть где приложить усилия краоведам-исследователям. Однако накопленный опыт подсказывает: тем людям, кто в краеведении видит развлечение, не следует заниматься этим нелёгким трудом. Необходимо помнить, что увлечение и развлечение — это не одно и то же, хотя понятия вроде бы близкие.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ПОБЕДИТЕЛЬ ГЛАВНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ

В декабре 2023 года Губернатор Московской области Андрей Воробьёв подписал распоряжение о присуждении главной региональной литературной премии имени М. М. Пришвина.

Победителем в номинации **«Краеведческо-публицистические произведения»** стал Почётный гражданин г. о. Коломна, постоянный автор и член редколлегии «Коломенского альманаха» **Анатолий Кузовкин** за книги **«Родиной награждены»**, **«Фотоприкосновения к судьбам людским»** и **«Фотомиги»**.

Отлично изданная книга «Родиной награждены» — это, по сути, энциклопедия советских орденов и медалей, учреждённых в период с 1918 по 1945 год, и имён награждённых ими коломенцев. Она стала событием в культурной жизни городского округа Коломна. В книге «Фотомиги» А. И. Кузовкин рассказывает об истории снимков, сделанных им за 70 лет в разных местах в разное время. За эти годы автор стал свидетелем и участником многих важных событий не только в истории своей малой родины Коломны, но и Подмосковья, и страны под названием Советский Союз, Российская Федерация. Не меньший интерес представляет книга «Фотоприкосновения к судьбам людским». Опубликованные в ней 345 фотографий запечатлели жизнь 126 человек. Снимки сделаны в разных местах и в разное по хронологии время, пойманы такие моменты, которые никогда не повторяются.

Сердечно поздравляем нашего знаменитого исследователя-краеведа с заслуженной наградой, желаем ему здоровья, новых книг и новых открытий!

Коллектив редакции

Татьяна Константиновна Залата родилась в Москве. Юрист, окончила Финансовый университет при Правительстве РФ. С 2008 года увлекается краеведением Ступина и Коломны. Также с 2009 года занимается популяризацией краеведения в сети Интернет, запустив проект «История Ступина и Коломны». В 2012 году награждена юбилейным Кульмским крестом «В ознаменование 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года и заграничных походов Русской Императорской армии в 1813—1814 гг.» В 2015 году занималась подготовкой списка воинов — участников Великой Отечественной войны, использованного в оформлении памятника, установленного силами меценатов в деревне Хомутово Ступинского городского округа в память 70-летней годовщины Победы. Живёт в Москве, но часто бывает в Коломне.

Исторический очерк

ВЛАДИМИР ВОСТОКОВ В КОЛОМНЕ

Владимир Игнатьевич Востоков (1868—1957) — известный священник, митроморфный протоиерей, общественный деятель, писатель, публицист — родился в селе Голочёлowo Коломенского уезда в семье священника. Коломна и Коломенский уезд для Владимира Игнатьевича были родными не только по месту рождения и проведённым здесь годам детства и юности, но также и по тому, что он окончил Коломенское духовное училище (выпуск 1882 года). Затем последовало обучение в Московской духовной семинарии (выпуск 1888 года). В автобиографической книге «Розы и шипы», изданной уже на склоне лет, в эмиграции, священник вспоминает в том числе и детство в Голочёлowe, и поездки во время учёбы в Москве к отцу в сельский приход. Так, Владимир Игнатьевич зафиксировал впечатления от бури, разразившейся в тот момент, когда он остановился в Бронницах, спеша в Голочёлowo к 19 декабря поздравить своего отца с днём памяти св. Игнатия Богоносца. Сопровождал его в поездке церковный староста села Голочёлowa Дмитрий Иванович Гришин¹, выходец из деревни Лаптево Бронницкого уезда².

¹ Востоков, В.И. Розы и шипы: В 3 ч. / В.И. Востоков. — Сан-Франциско, 1953—1954. — Ч. 1: Перст Божий. — 1953. — С. 64.

² Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА г. Москвы). Ф. 203. Оп. 780. Д. 2 526. Л. 92.

Протоиерей Владимир Игнатьевич Востоков

О пути из Бронниц в Голочëлово Владимир Игнатьевич оставил также воспоминания в очерке «Из недавнего прошлого» — до сих пор все эти пейзажи узнаваемы:

«В голубой выси безоблачного неба наперебой заливались жаворонки, на горизонте то показывались сельские церкви, то утопали в зелени усадеб, заслонялись рощами, пригорками, рожь плавно волновалась от чуть заметного ветерка, попадались небольшие деревеньки с толпою детишек у околиц, с тишиною и безлюдьем на улицах. Кое-где уже начинался сенокос. Чем-то родным, привязывающим

веяло от этих давно знакомых, но вечно милых картин»¹.

С таким же теплом в очерке вспоминал Востоков о родном Голочëлове в связи с возвращением в отчий дом после окончания курса семинарии:

«Вот высокий храм, опоясанный зеленью садов, а около него родительский домик. Вечер уже дышал прохладой, когда я вступал на его порог. Радостная встреча с отцом, долгие, долгие разговоры... Петухи уже пропели несколько раз, восток окрасился яркими полосами зари, тогда только мы смолкли и разошлись. Наконец, под тихое наигрывание пастушьего рожка я забылся крепким сном».

Начиная говорить о Владимире Востокове, нельзя не рассказать о его происхождении и семье. Для этого нужно заглянуть вглубь Богородского уезда Московской губернии — именно там и служил пономарём дед Востокова Матвей.

Владимир Игнатьевич происходил из семьи, принадлежащей к духовенству. Согласно газетному некрологу Игнатий Матвеевич Востоков «был сын бедного пономаря с погоста Рудни Богородского уезда; 9 месяцев от рождения он остался сиротой на руках бедной вдовы, матери многочисленного, но малолетнего семейства»².

И действительно, данные из некролога подтверждаются метрическими книгами: дед священника Матвей Иванович (ок. 1804 — ок. 1835), начиная с 1820 года³, служил пономарём храма Рождества Христова на погосте у речки Рудня (сейчас это село Рудня-Никитское в городском округе

¹ За четверть века. 1884—1909: К истории церк.-приход. шк. Моск. епархии / Моск. Кирилло-Мефодиевск. братство. — Москва: Моск. епарх. училищный совет, 1910. — С. 300.

² Московские церковные ведомости, 1897. № 8. С. 110.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 51. Оп. 8. Д. 181. Л. 60 об.

Орехово-Зуево). У храма было два причта («двухкомплектная церковь»), и Матвей Иванович служил в причте священника Трофима Осипова.

Прадедушка Владимира Игнатьевича Востокова — дьякон Иван Павлов.

Бабушкой Востокова была Стефанида Григорьевна (ок. 1800 — ?) — дочь другого пономаря с погоста Рудни, Григория Абрамова¹. Матвей Иванович в пономарскую службу поступил из учеников и заменил своего тестя Григория Абрамова, исключённого в том же 1820 году в гражданское ведомство «за пороки»².

У Востоковых была большая семья: старшая дочь Александра Матвеевна (21.04 (03.05).1822 — ?), далее — Ефим Матвеевич (на 1882 год — заштатный причетник на погосте Рудня; упоминается с фамилией не Востоков, а Руднёв³ — по имени погоста), Василий, Иоанн⁴, затем, примерно в 1835 году, родился отец героя нашего повествования — Игнатий... И дети в этой большой семье Востоковых также продолжали деятельность в качестве духовенства.

Так, известно, что на 1859 год дядя будущего публициста, Василий Матвеевич Востоков, был священником Воскресенской церкви села Брашево (Боршево) Бронницкого уезда⁵, а на момент своей смерти (1899 год) он являлся заштатным священником церкви села Гребнёво, опять же Богородского уезда.

На погосте же при речке Рудня не позднее середины 1850-х гг. начал служить ещё один из сыновей пономаря Матвея Востокова — Иоанн Матвеевич Востоков (р. около 1832).

Другой дядя будущего публициста и проповедника, Александр Матвеевич Востоков, обучался в Коломенском училище⁶, служил в церкви на погосте при озере Даниловском Богородского уезда, а скончался в Москве в 1883 году вследствие медицинской операции⁷. Известно также, что один из его сыновей — Яков Александрович Востоков — был пономарём при церкви села Ильинское Звенигородского уезда.

Как указано в некрологе, службе в церкви села Голочёлово Коломенского уезда отец Владимира Востокова Игнатий Матвеевич посвятил без малого сорок лет, по старости и слабости уже собираясь на покой к одному из своих старших сыновей. Однако этому случиться было не суждено — священник скончался в своём приходе. Хотя Игнатий Матвеевич и умер 19 января (2 февраля) 1897 года от инфлюенции⁸, судя по метрической книге, некоторые записи заверял ещё его сын Владимир⁹, а обязанности священника за него исправлял сначала священник соседнего села Аксиньина, а потом — новый голочёлковский священник Иоанн Музов.

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 960. Л. 851.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 51. Оп. 8. Д. 181. Л. 61 об.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 2 127. Оп. 1. Д. 739. Л. 215.

⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1 217. Л. 1537.

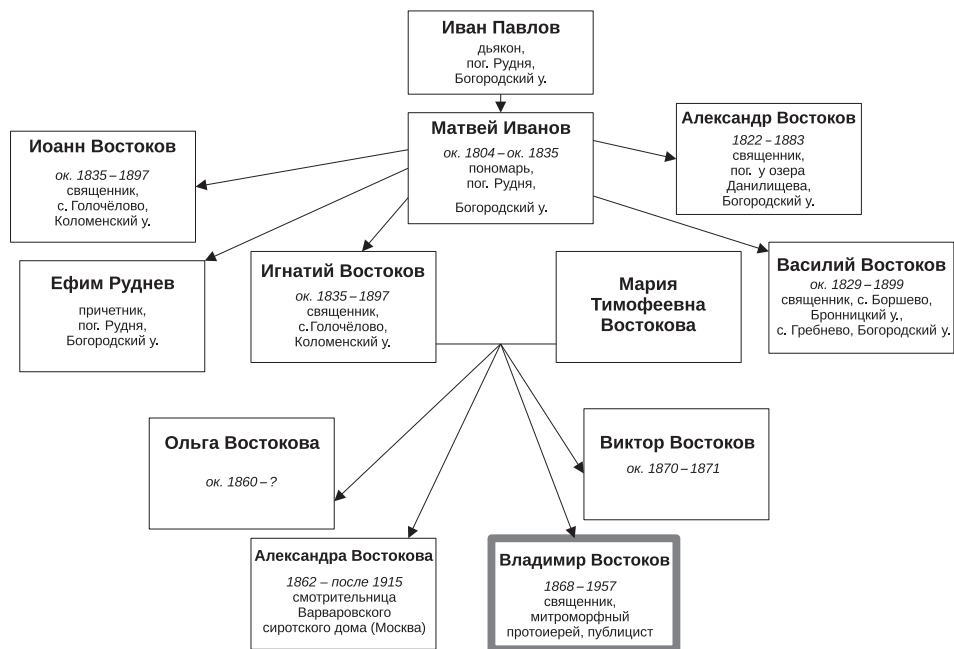
⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 2 053. Л. 347 об.

⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1 283. Д. 953. Ф. 51. Оп. 8. Д. 181. Л. 61 об.

⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 771. Д. 100. Л. 259 об. — 260.

⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 780. Д. 2 526. Л. 119 об.

⁹ См., например, ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 780. Д. 2 526. Л. 92.

Родословная схема В. Востокова на 01.06.2023

Мать Владимира Игнатьевича — Мария Тимофеевна Востокова.

Известно, что у Владимира Игнатьевича Востокова была старшая сестра Александра Игнатьевна (родилась 9 (22) апреля 1862 года в Голочёлове¹), которая служила смотрительницей Варваровского сиротского дома на Шаболовке². Здание этого дома и сейчас стоит на своём историческом месте, визуально контрастируя с конструктивистской башней Шухова. Была и ещё одна сестра — Ольга (5 (18) июня 1860 года — ?)³, а также младший брат Виктор, скончавшийся во младенчестве (около 1870 — 09 (22).07.1871).

Владимир Востоков был не только священником, но и писателем, что отражено в том числе в Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых С. А. Венгерова.

Интересно, что Владимир Востоков публиковал в том числе и рассказы для детей среднего возраста: «Светлое и тёмное. Рассказы из народного быта», «Из сельской жизни (очерки и рассказы)», — которые входили в рекомендуемую школьную программу наряду с произведениями таких авторов, как, например, Д. Н. Мамин-Сибиряк⁴.

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Л. 768.

² Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы и ее пригородов // Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1915 год: 22-й год издания (44-й год издания). — М., 1915. — С. 97.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 780. Д. 2093. Л. 617 об.

⁴ Анастасиев, А.И. Народная школа: Руководство для учителей и учительниц начальных народных училищ настольная справочная книга: В 2 т. Москва: А.Д. Ступин, 1910. С. 377.

К тому же он был активным корреспондентом и автором «Московских епархиальных ведомостей» и «Московских церковных ведомостей». Практически нет сомнений в том, что некролог голочеловскому священнику Игнатию Матвеевичу Востокову в «Московских епархиальных ведомостях»¹ был написан его сыном Владимиром, обладавшим не только талантом проповедника, но также и литературным талантом. Свои статьи Владимир Игнатьевич подписывал кратко — «В-ъ» («Востоковъ»). Среди статей и материалов, опубликованных в «Московских церковных ведомостях», есть цикл «Отрывки из школьного дневника» (1896).

За время своего священнического пути Владимиру Игнатьевичу выпала судьба служить во многих храмах. Первым местом служения для него был храм в селе Иславском Звенигородского уезда Московской губернии — сюда 31 марта (12 апреля) 1891 года назначили выпускника Московской духовной семинарии Владимира Востокова².

Служил он и в селе Старый Ям Подольского уезда (по данным на 1897 и 1898 годы; церковь Флора и Лавра до сих пор встречает всех проезжающих через это село по Старокаширскому шоссе, также по инициативе В. И. Востокова в этом селе была открыта церковно-приходская школа), и в Москве (Никитская церковь в Татарской — по данным на 1904, 1906, 1912 годы, и в Петропавловской церкви на Калужской улице — на 1910 год).

Показательно то, что даже в период службы отца Владимира в Москве к нему обращались с требами люди, которые если и не были его бывшими прихожанами, то могли быть весьма наслышаны о нём в тех краях, откуда они родом: так, в апреле 1912 года, друг за другом, в Никитской церкви в Татарской состоялись два бракосочетания — крестьянина деревни Малое Брянцево Подольского уезда (приход церкви села Старый Ям) Ивана Владимировича Павлова и крестьянки Солнечногорского уезда Марии Васильевны Бабаевой и крестьянина деревни Щербинино Мещеринской волости Коломенского уезда Василия Николаевича Шихирева и мещанки города Вязьмы Александры Николаевны Сусленковой³. При этом один из поручителей по жениху на свадьбе у крестьянина деревни Малое Брянцево был, опять же, крестьянин деревни Марьинка Малинской волости Коломенского уезда Александр Васильевич Моргунов.

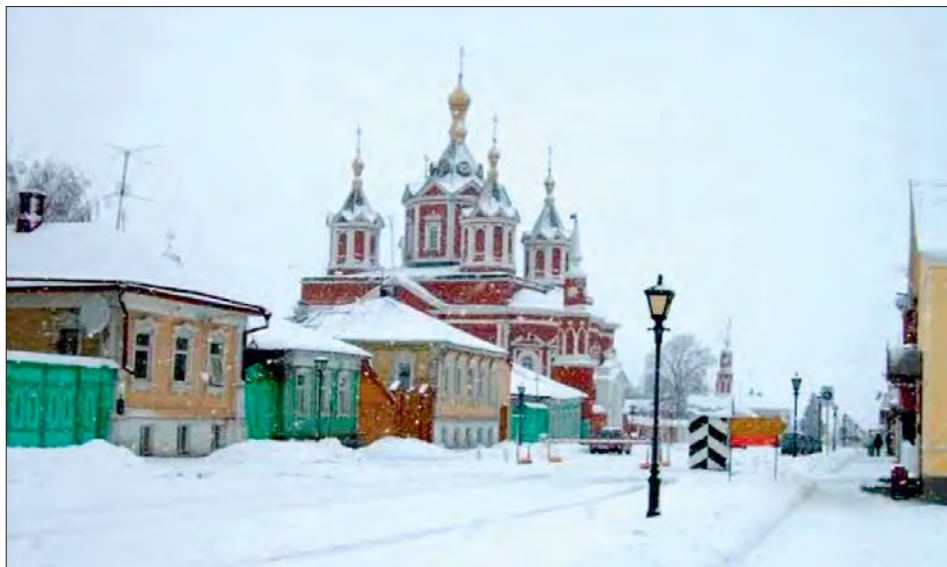
Возможно, это случайные совпадения, но все совпадения неслучайны, когда встречаются подлинные свидетельства уважения паствы к священнику. Один из таких ярких примеров — отношение прихожан Христорождественской церкви города Коломны к Владимиру Востокову. В период недолгой службы в этом приходском храме отец Владимир оставил такой след в сердцах и умах коломенцев, что они дошли до митрополита, чтобы отстоять своего священника. А в этом храме Владимир Игнатьевич Востоков оказался, благодаря... Григорию Распутину.

Владимир Востоков не чужд был политической и общественной жизни России. Имея, помимо литературного, ещё и проповеднический талант, он открыто выступал против революционных идей, идей безбожия,

¹ Московские церковные ведомости, 1897. № 8. С. 110–111.

² Московские церковные ведомости. 1891. № 7. Официальный отдел. С. 1.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 2121. Оп. 2. Д. 128. Л. 75 об.

Вид на Брусенский монастырь в Коломне

хлыстовства, открыто осуждал и влияние Григория Распутина на царскую семью и государственную политику.

388

Будучи на тот момент священником в Успенском женском Брусенском монастыре в Коломне (сменил священника Иоанна Парусникова), Владимир Игнатьевич выступил перед паломниками в Коломне 29 августа 1915 года (28 августа — Успенъев день — престольный праздник как для кафедрального Успенского собора, так и для Успенской церкви Брусенского монастыря).

ТАТЬЯНА ЗАЛТА

Выступал он с речью против Распутина, высказывая мнение о вреде и безнравственности его деятельности в военное и крайне нестабильное время для России. Он создал петицию министру внутренних дел, которую подписали 500 человек. Распутин в ответ на это обратился с жалобой к министру же внутренних дел на Востокова, обвиняя его в клевете, но министр оставил обе жалобы без внимания¹. Кстати, священником в Брусенском монастыре Востоков стал ещё в 1913 году, благодаря, по оценке историка М. М. Богословского (1867—1929), «совершенно лояльной статье» в «Откликах на жизнь»². Учитывая, пожалуй, всеобщую ненависть широкой общественности к Распутину, неудивительно, что позиция Владимира Игнатьевича нашла прямую поддержку не только у коломенской паствы, но и в России в целом, получив в том числе освещение и в прессе, о чём ещё скажем далее.

Но для начала, чтобы понимать, какие поистине политические события предшествовали высылке Востокова в Коломну, достаточно обратиться

¹ Smith, Douglas. *Rasputin: Faith, Power, and the Twilight of the Romanovs*. Соединенные Штаты Америки: Farrar, Straus and Giroux, 2016. P. 420.

² Богословский, М. М. *Дневники, 1913–1919: из собрания Государственного исторического музея / М. М. Богословский; [Е. В. Неберекутина, Т. В. Сафронова, сост., коммент., археогр. примеч., биогр. справка, указ.; С. О. Шмидт, вступ. ст.]*. – Москва: Время, 2011. – С. 273.

к воспоминаниям С. П. Белецкого, который упомянул, что священник Востоков, публично выступавший против Распутина, состоял воспитателем по Закону Божию детей А. Д. Самарина¹ (московского губернского предводителя дворянства, члена Московского епархиального училищного совета; с 5 июля 1915 года — обер-прокурора Святейшего Синода). Самарин также открыто критиковал Распутина, в том числе в личном общении с Николаем II.

Антираспутинские высказывания не прошли даром для Востокова. И без того к священнику было приковано пристальное внимание полиции, но эту петицию, озвученную в Коломне, обсуждали на самом высоком уровне, и императрица Александра Фёдоровна пожелала «отделиться от священника» с помощью митрополита Макария (о нём речь тоже будет идти ниже).

Вот что на этот счёт пишет Александра Фёдоровна супругу, императору Николаю II, 3 (16) октября 1915 года:

«В Москве хотят поднести адрес Самарину, когда он вернётся из деревни! Кажется, этот *мерзкий Востоков* послал ему от имени двух паств, Московской и Коломенской, телеграмму, поэтому милый *маленький Макарий* приказал духовной консистории получить копию этой телеграммы и расследовать, какое имел право Востоков послать подобную телеграмму. Хорошо бы, если бы этот маленький митрополит отделался от Востокова! Давно пора. Он причиняет бесконечные неприятности, и это он руководит Самариным. Москва вообще гиблое место. Бог даст, из этого ничего не выйдет, но всё-таки они должны почувствовать твоё неудовольствие»².

В 1915 году, по распоряжению К. В. Саблера, Владимир Востоков был фактически сослан в церковь Рождества Христова в Коломне, тогда же и лишился благословения на издание общественно-политического журнала «Отклики на жизнь» (выходил в 1911—1917 годы). В июне 1915 года Главным управлением по делам печати Министерства внутренних дел был наложен арест на брошюру «Востоков, Владимир, священник. Наше время. Очерки действительной жизни среди природы. Москва. 1915. Типография товарищества А. А. Левенсон»³.

Силу проповеднического дара Владимира Востокова, способную воздействовать на общественное сознание, Отдел пропаганды Особого совещания характеризовал следующим образом:

«Считаясь либеральным в среде священников, он умеет привлекать к себе народные массы, но открыто протестуя против церковных беспорядков, никогда не порвёт с церковью добровольно, так как истинный церковник. Высланный из Москвы в Коломну, он сумел настолько завладеть рабочими

¹ Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / ред. П. Е. Щеголева. — 2-е изд, испр. — М.; Л.: Гос. Изд-во, 1925. — Т. 4: Записки А. Д. Протопопова и С. П. Белецкого. — С. 154.

² Переписка Николая и Александры Романовых / С предисл. М. Н. Покровского Центраархив. Москва; Петроград: Гос. Изд-во, 1925. — Т. 3. — С. 386.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776 Оп. 17 1915 г. Д. 385.

Вид на село Голочѐлово

коломенского завода, что во время революции подносил им с амвона очень горькие истины, и это ему не только сходило, но даже и больше: в <19>18 году, когда он случайно оказался в Коломне, к нему рабочие прислали депутацию с просьбой отслужить обедню, и затем, оставшись беседовать с ним, заявили, что твёрдо помнят всё, что им было сказано раньше, сознают свои ошибки, но сейчас бессильны их исправить»¹.

С. П. Белецкий вспоминал, что «выступление отца Востокова в проповедях в приходской подмосковной церкви с преобладающим фабричным составом прихожан² и затем помещённая им на страницах издаваемо-

го им религиозного духовного журнала петиция, направленная против влияний Распутина, за подписью его и прихожан, в связи с близостью Востокова к семье Самарина <...> послужили основанием к тому, что его деятельности было придано значение отражающихся влияний Самарина. Поэтому, несмотря на просьбы прихожан, печатные выступления отца Востокова по поводу его пастырской деятельности и отношения к нему специальной назначенной для расследования её комиссии, епархиальное начальство настояло на исполнении отцом Востоковым требования об уходе его из означенного выше прихода. Только перевод его в уфимскую епархию положил конец возгоревшейся по этому поводу газетной полемике, оставив после себя глубокий след в среде взволнованного отношением к отцу Востокову московского духовенства»³.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 15–15 об. Цит. по Бирюкова, Ю. А. Священник Владимир Востоков — участник Белого движения и основатель Братства Животворящего Креста / Ю. А. Бирюкова // Вестник СФИ. 2020. Выпуск 34. С. 199.

² Имеется в виду, скорее всего, Коломна. — Прим. автора.

³ Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / ред. П. Е. Щеголева. — 2-е изд, испр. — М.; Л.: Гос. Изд-во, 1925. — Т. 4: Записки А. Д. Протопопова и С. П. Белецкого. — С. 288.

Кстати, о газетной полемике: газета «Новое время» активно освещала историю с В. И. Востоковым, что вылилось в несколько статей. Также и «Московские ведомости» не оставили без внимания эту ситуацию.

По сообщению «Московских ведомостей», в январе 1916 года московское епархиальное начальство (по рекомендации «высших представителей Юстиции и Министерства внутренних дел») перевело отца Владимира из Коломны в приход храма села Ильинское-Стребухово¹. Сразу после этого, по сообщению того же источника, Востоков взял двухмесячный отпуск по болезни, но сам продолжать посещать Коломну с проповедями, при этом коломенцы в этот период направляли ходатайства об оставлении Востокова в Коломне, причём, если верить «Московским ведомостям», едва ли не о назначении священника настоятелем кафедрального Успенского собора. Епархиальное начальство даже имело намерение Владимира Игнатъевича в Коломну действительно вернуть после временной ссылки в Клин (учитывая также то, что в ходатайстве за Востокова участвовали далеко не только его прихожане, но и рабочие Коломзавода и горожане из других приходов). В период двухмесячного отпуска священника, в феврале 1916 года², вышла заметка о том, что прихожане священника Востокова из Коломны обратились в Святейший Синод с прошением, собравшим 2000 подписей, в котором просят Синод явиться их заступником перед митрополитом Макарием в их ходатайстве об оставлении в Коломне В. И. Востокова. При этом прихожане решили даже просить священника, назначенного на место отца Владимира, не приезжать в Коломну, пока не будет выяснен вопрос с Владимиром Игнатъевичем. Было сообщено, что «московский депутат Новиков³ собирает материалы по поводу всех кар, постигших о. Востокова, и предполагает выступить с запросом в Г<осударственной> Думе».

Речь идёт, по всей видимости, о гласном Московской городской думы и депутате Государственной думы от Московской губернии Михаиле Михайловиче Новикове (1876—1965), который, ко всему прочему, был зоологом и состоял в том числе профессором Московского коммерческого института, затем — ректором Московского университета.

Примечательно, что 7 (20) февраля 1916 года великому князю и генерал-адъютанту Николаю Николаевичу была отправлена телеграмма из Коломны паствой отца Востокова:

«Ваше Императорское Высочество!

Сегодня мы, жители Коломны и рабочие Коломенского завода, в Христорождественском храме с пастырем нашим о. Владимиром благодарили Бога за Эрзурумскую победу. Господь помог Вам нанести удар всему противоестественному союзу против православной России: из жестокой Германии, предательской Болгарии и злой Турции.

Молим Господа: да будет Эрзурумская победа зарёю победоносного дня, в который русский меч, защищавший права и свободу народов, прострётся над Царьградом, а внутри России правда да восторжествует над

¹ Московские ведомости. 1916. № 118. С. 1.

² Новое время. 1916. № 143 147. С. 5.

³ М. М. Новиков. — Прим. автора.

Вид на реку Северку от села Троице-Лобаново — по пути из Бронниц в Голощёлово

гнездом тёмных изменнических сил, всё ещё терзающих наше дорогое Отечество»¹.

А 13 (26) февраля 1916 года из Тифлиса пришла телеграмма от великого князя Николая Николаевича. Текст телеграммы был опубликован в «Московских ведомостях»:

«Сердечно благодарю вас, жителей Коломны и рабочих Коломенского завода, за молитвы и поздравления, весьма меня тронувшие. Глубоко верю, что Господь и впредь благословит ратные подвиги Христолюбивого воинства».

Уже 6 (19) апреля, по сообщению газеты «Новое время»², московский митрополит Макарий принял депутацию рабочих Коломенского машиностроительного завода. Рабочие несли митрополиту уже принятое Святейшим Синодом решение об отце Востокове. Далее приводится

¹ Московские ведомости. 1916. № 36. С. 3.

² Новое время. 1916. № 14 397. С. 4.

повествование статьи из вышеозначенной газеты — «Ходатайство коломенцам за от. Востокова».

Митрополит спросил депутатов: есть ли при заводе церковь? Получив утвердительный ответ (речь, очевидно, шла о Всехсвятском храме села Боброва, для завода являвшегося приходским), митрополит Макарий спросил: «Как же к вам попал о. Востоков?» (ведь настоятель храма — местный благочинный Никифор Платонов). На что рабочие ответили, что «не он к нам попал, а мы сами ходим в Христорождественскую церковь слушать его слово и участвовать в организованном им общем пении».

Тогда митрополит усомнился: может быть, и прошение в Синод подписано 20 людьми? На что был ответ, что подписей под прошением вернуть отца Владимира в Христорождественский приход Коломны действительно было 1 500.

Митрополит был не согласен с этим, ведь в храм Рождества Христова уже был назначен настоятель, а с предложением перевести отца Владимира

Александр Дмитриевич Самарин

в Спасский храм города Коломны была не согласна уже депутация, поскольку «Спасская церковь мала и не отвечает запросам коломенцев. Она не может вместить и одной трети посещавших служение от. Востокова в храме Рождества. Одно население завода составляет около 15 000 человек, ходят же слушать от. Востокова почти все рабочие. Он нам дорог». Также рабочие добавили, что в том числе проповедническая деятельность Владимира Востокова важна сейчас в Коломне, поскольку из прибалтийского края сюда стало много прибывать рабочих, являющихся баптистами, евангелистами и сектантами — и они уже начали свои проповеди.

Митрополит возражал, что Владимир Востоков «дорог и нам» (то есть православной церкви), и есть места, где слово Божие хотят услышать 20 000 человек.

Как ни просили коломенцы — митрополит Макарий был неумолим. Он обещал всё устроить в соответствии с решением Синода (то есть не возвращать В. И. Востокова в церковь Рождества Христова) в течение отпуска священника, даже несмотря на то, что рабочие Коломенского завода обратили внимание на то, что митрополит сам уезжает скоро в отпуск и может не успеть всё сделать. Напоследок же митрополит Макарий сказал, что успеет сделать всё, что должно, и что «напрасно ваш пастырь от. Востоков не удержал вас и вы пришли ко мне».

При этом 12 (25) апреля 1916 года Коломну всё же посетили миссионеры, посланные митрополитом, для проверки по жалобе коломенских рабочих о том, что в Коломне не ведётся проповедническая и пастырская борьба с сектантством. В Коломне миссионеров встретили горожане и священник Востоков, который «произнёс в церкви возбуждающую проповедь и, прося защиты от миссионеров, вызвав буйство со стороны в храме, врывался в пастырское собрание и т. п.»¹.

В конечном итоге, несмотря на все усилия коломенских прихожан, Владимира Востокова не только перевели в приход церкви погоста Ильинское-Стребухово Московского уезда, но и установили над ним церковный суд, о чём В. И. Востоков просил сам. В храме села Ильинское-Стребухово 30 мая (13 июня) 1916 года Владимир Игнатьевич праздновал двадцатипятилетие своего служения.

И это событие освещала тоже газета «Новое время». Среди многочисленных чествователей были и бывшие коломенские прихожане, которые держали слово первыми. Отцу Владимиру они преподнесли святое Евангелие в золотом переплёте с неслучайной надписью: *«Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы, злые же люди и обманщики*

¹ Московские ведомости. 1916. № 36. С. 3.

будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь»¹. Бывшим же московским прихожанам митрополитом Макарием и вовсе было не разрешено приветствовать юбиляра в храме, поэтому они приветствовали его в церковной ограде.

Среди поздравивших священника были артистка оперы Т. С. Гинкулова-Каренина, передавшая также поздравления и от В. А. Морозовой, Т. А. Беляев-Посадский (журнал «Отклики на жизнь») и даже старообрядец. Накануне праздника юбиляра чествовал И. Д. Сытин, также пришли телеграммы и письменные поздравления от депутата М. М. Новикова, княгини Козловской, А. А. Измайлова и других. Также, будто в подарок, Владимир Игнатьевич получил приказ о переводе на место настоятеля при тюрьме в Клину.

Затем — служба в Уфимской губернии, революция, бегство из Москвы, радикальные взгляды Востокова, белый Крым, эмиграция, Сан-Франциско, кончина... Он по-своему защищал Россию — ту, свою, родную, близкую и понятную ему. Но революционные бури улеглись, поколение очевидцев давно ушло, однако не зря газетные заметки тех лет хранят то, чем дышали те годы и о чём думали наши соотечественники за год до штурма Зимнего...

Митрополит Московский и Коломенский Макарий

¹ Новое время. 1916. № 14 452. С. 2.

КНИГА О ХРАМЕ ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ

В Издательском доме «Лига» увидела свет книга «Храм Вознесения Господня в Коломне: страницы истории». Издание было осуществлено по благословию митрополита Крутицкого и Коломенского, Патриаршего наместника Московской митрополии Павла и рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви. Рецензентом выступила монахиня Милетия (Панкова), заслуженный работник культуры Российской Федерации, доцент, член Союза журналистов России.

Редактором издания стал настоятель храма Вознесения Господня священник Иван Парфёнов, авторами исследования — кандидат исторических наук, лауреат Макариевской премии,

член Союза писателей России, учёный секретарь музея-заповедника «Коломенский кремль» Евгений Львович Ломако и главный специалист межархивного отдела информационных и коммуникационных проектов Российского государственного архива научно-технической документации (отдел МИКП РГАНТД), член Союза возрождения родословных традиций (СВРТ) Вадим Юрьевич Кириченко. Важным вкладом является и многолетняя работа исследователя истории монастырей и храмов Московской митрополии Михаила Борисовича Морозова, предоставившего значительную часть архивных материалов по истории церкви Вознесения.

Книга о храме Вознесения Господня в Коломне впервые охватывает обширный круг архивных и опубликованных источников, что позволяет нарисовать детальную жизнь прихода от его первого упоминания в шестнадцатом столетии и до настоящего времени. Описание первоначального периода истории Вознесенской церкви рассматривается через призму формирования не только застройки Коломны, но и становления Московского царства как православного государства.

Труд об истории храма будет интересен широкому кругу читателей: от интересующихся историей России и родного края до специалистов, занимающихся изучением вопросов церковной проблематики.

Издание выходит при поддержке
Управления по культуре и туризму администрации
городского округа Коломна Московской области

БЛАГОДАРИМ

Александра Владимировича ГРЕЧИЩЕВА —
главу городского округа Коломна;

Николая Тимофеевича ВОРОНИНА —
генерального директора ООО ПКФ «ДОММ»;

Сергея Семёновича ТУБОЛЕВА —
генерального директора ООО «Колнаг»;

Валерия Семёновича КОССОВА —
генерального директора ОАО «ВНИКТИ»

Любовь Афанасьевну ЧЕРНОВУ —
доктора филологических наук, профессора
кафедры русского языка ГСГУ;

Игоря Викторовича ЧИРКОВА —
индивидуального предпринимателя;

Сергея Сергеевича СЕРГЕЕВА —
председателя правления
группы компаний «ТЕХНО-АС»;

Юрия Михайловича УГОЛЕВА —
генерального директора ООО «Экологическая
научно-производственная фирма «Новатор»;

Юлию Владимировну ДРАНЕЕВУ —
директора НОУ ДПО «Научно-учебный центр
“Знание-Коломна”»;

Георгия Савельевича ШУВАЛОВА —
гражданина города Коломны.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
«КОЛОМЕНСКИЙ АЛЬМАНАХ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В.С. МЕЛЬНИКОВ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
В.В. УШАКОВА
Н.К. ЛИСОГОРСКАЯ
А.А. САХАРОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Н.В. Бредихин, Л.Л. Бойцова, И.Ю. Зимнухова, Т.И. Кондратова (шеф-редактор гуманитарных проектов), **О.В. Кочетков** (референт главного редактора), **В.В. Королёва** (главный художник), **О.Ю. Коломиец, А.И. Кузовкин, Т.С. Лаптева, Е.Л. Ломако, М.В. Прохоров, И.Е. Ракша** (шеф-редактор аналитических проектов), **М.А. Сериков, Т.А. Форисенкова**

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ РЕДАКЦИИ

В.В. Артёмов — главный редактор журнала «Москва»
Н.Ф. Иванов — председатель правления Союза писателей России
Ю.В. Козлов — главный редактор журнала «Роман-газета»
В.Н. Крупин — писатель
С.Ю. Куняев — главный редактор журнала «Наш современник»
А.В. Гречищев — глава Городского округа Коломна
В.В. Личутин — писатель
А.Б. Мазуров — доктор исторических наук, профессор ГСГУ
Е.Ю. Юшин — секретарь Союза писателей России

Информационная поддержка —
газеты «Московский литератор» и «День литературы»

В оформлении обложки использован фотоэтиюд Юрия Колесникова.
На стр. 2 помещены награды альманаха — медаль имени И.А. Ильина,
медаль И.И. Лажечникова и медаль И.А. Бунина

Художник: В.В. Королёва.
Компьютерная вёрстка: Е.В. Пескова.
Корректоры: В.В. Ушакова, В.В. Гудинова.

*Рукописи, поступившие в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.
Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.*

Адрес редакции: 140402, Московская область, г. Коломна,
ул. Красногвардейская, д. 2 (подъезд № 2). Тел. 8 (916) 919-35-04;
e-mail: melnikov-vs@yandex.ru
Электронная версия альманаха: <http://mkuorpc.ru/>

Подписано в печать 21.06.2024. Формат 70x100/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 24,875. Тираж 250 экз. Заказ 6.
Отпечатано в АО «Коломенская типография»
140400, Московская обл., г. Коломна, ул. III Интернационала, д. 2а

Татьяна Сорогина
Осень в Михайловском

«Осень в Михайловском» — картина Татьяны Сорогиной, дочери Геннадия Павловича Сорогина. Как и отец, Татьяна Геннадьевна вдохновляется поэзией Пушкина, его «прощальная краса» становится лейтмотивом многих полотен художницы.

Золотым пожаром осени объят лес, среди зелёной травы охрой тлеют угольки опавшей листвы, звонкая синева неба контрастирует с жёлто-рыжими красками. Спешившись с лошади и прислонившись к стволу дерева, стоит Александр Пушкин, его маленькая фигура едва не теряется посреди огромного леса, гений поэта и величие природы соединяются в одно целое.

Евгения Гаврилова,
искусствовед

Заслуженный художник РФ **Геннадий Сорогин**
Пушкин на прогулке

Гений Александра Сергеевича Пушкина бессмертен, сквозь века он светочем горит в нашей жизни, вдохновляет не только поэтов и прозаиков, но и художников. По мотивам произведений Александра Сергеевича создано немало рисунков и картин, а воплощение образа и личности великого поэта в изобразительном искусстве стало ключевой задачей для многих художников.

Геннадий Павлович Сорогин (1930—2004) — заслуженный художник России, его картины хранятся в фондах Государственной Третьяковской галереи, Русского музея и других коллекциях. Пушкинской теме художник посвятил несколько произведений. Эскиз будущей картины «Пушкин на прогулке» был написан после посещения Михайловского и Тригорского. Геннадий Павлович гулял по охваченному огнём осени парку, сидел на скамье поэта. Очарование природы переносило его в те времена, когда по пёстрому ковру шуршащих листьев бродил Пушкин. Это романтично-меланхолическое настроение передалось рисунку. На фоне зеркальной глади реки, под сенью старого дуба, на легендарной скамье отдыхает поэт, погружённый в свои мысли, он смотрит вдаль, его изящный строгий силуэт выделяется среди осенних красок природы.

Евгения Гаврилова,
искусствовед